

Ордена дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Российская ассоциация исследователей женской истории

Российский национальный комитет
Международной Федерации исследователей женской истории

Министерство образования и науки Российской Федерации

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Нижний Новгород

ГОРОЖАНКИ И ГОРОЖАНЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ XIV–XXI ВЕКОВ

*Материалы Одиннадцатой международной научной конференции Российской
ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

4–7 октября 2018 года, Нижний Новгород

Том 2

Москва
2018

ББК 60+63
УДК 396
Г 70

Российская ассоциация
исследователей женской
истории

Ордена дружбы народов Институт
этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Национальный
исследовательский университет
Нижегородский

Г 70 **Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков.** Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. редакторы: Н.А. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. — М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 2. — 324 с.

ISBN 978-5-8396-0527-1

Издание дает представление об XI-ой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, состоявшейся в Нижнем Новгороде 4–7 октября 2018 года.

Гендерный аспект городской истории, как столиц, так и провинции, еще не был темой дискуссий на международной научной встрече. Поэтому очередную конференцию РАИЖИ решено было посвятить исследованию жизни больших и малых городов РФ и иных стран, рассмотреть особенности этих пространств для жизни каждого пола. Свои материалы и тезисы выступлений на конференцию «Новгород Нижний — сосед Москве ближний»: горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах XIV–XXI веков» представили известные ученые и общественные деятели, историки и социологи, политологи и этнологи, антропологи и журналисты, педагоги и психологи, молодые политики и администраторы, этологи, специалисты в области IT-технологий — все, кто готов был обсудить вопрос о том, как городская среда помогала раньше и способствует сейчас преодолению женского неполноправия и уравниванию жизненных шансов женщин и мужчин, кому близки или интересны гендерные аспекты урбанистики.

УДК 396
ББК 60+63

© Коллектив авторов, 2018
© ИЭА РАН, 2018
© НИУ ВШЭ-НН, 2018

ISBN 978-5-8396-0526-3

Содержание

РАЗДЕЛ 9. ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Беляева Г. Ф., Ермолаева Е. О. Цифровая экономика и женское профессиональное образование	11
Илизарова В. В., Самарина Т. Н. «Вяжет не только хурма»: репрезентация женского рукоделия в интернет-пространства (бизнес, блогинг, досуг)	13
Колобова С. А. Проблемы развития гражданского общества в рамках городской среды г. Нижнего Новгорода и варианты их решения с учетом гендерного фактора и значимости межкультурных коммуникаций	16
Коробова О. О. Женское предпринимательство: цифровые бизнес-модели	18
Морозова О. М. Цифровая урбанизация досуга: подростки из сельских районных центров и Интернет	21
Птицына Н. А., Маркова Е. К. Женщина на городской социальной службе: особенности статуса и профессионального развития в условиях цифровой экономики	23
Солодникова Н. В. Влияние потребительской социализации в семье на гендерные различия в уровне финансовой грамотности	26
Хусяинов Т. М. «Мамалансер» как проявление идентичности на рынке самостоятельной Интернет-занятости	27
Ракачева А. В. Метисные группы и особенности презентации их членов в виртуальном пространстве: гендерный анализ	29
Нефедова Л. А., Миронова Д. А. Горожане и горожанки: специфика перевода в современном русскоязычном медиапространстве	31

РАЗДЕЛ 10. ГОРОДСКАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ГОРОЖАНЕ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

10.1. ГОРОДСКАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ: ПРОСТИТУЦИЯ, СУИЦИДЫ, ИНФАНТИЦИД

Бурлуцкая Е. В. Здесь «горничные все склонны и жаждут любви...». Горожанки в сфере интимных услуг в Оренбургской губернии пореформенной эпохи	36
Куренкова Ю. О. Медицина и власть: влияние на поведение женщин в домах терпимости Оренбурга в конце XIX в.	39
Симонова Е. В. Городская «Яма»: социальный состав, быт и нравы тульских «жриц любви» (во второй половине XIX — начале XX в.)	42
Волошун П. В., Мицюк Н. А. Половые преступления против несовершеннолетних лиц мужского пола в России в XIX — начале XX в.	51
Нижник Н. С. Горожанки в первом поколении: отечественная полицистика о правовом положении женщин в конце XIX — начале XX века	54
Дашкевич Л. А. Повседневная жизнь девочек-сирот в вятском губернском приюте ...	57

<i>Савчук А. А.</i> Дома терпимости в городском ландшафте г. Владивостока в начале XX в.	59
<i>Графова М. А.</i> Сифилис или аборт: официальная пропаганда и мнение «простого человека» в 20-е годы XX в. в СССР	61

10.2 ГОРОД В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: «ЖЕНСКОЕ» И «МУЖСКОЕ ЛИЦО» ВОЙНЫ И ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

<i>Свирская А. Н.</i> Повседневная жизнь женщины в годы Первой мировой войны на примере сестры милосердия Анны Ждановой	63
<i>Громова А. И.</i> Сестра милосердия, солдат, труженица: репрезентация новых видов женской деятельности периода Первой мировой войны в отечественной женской прессе	65
<i>Шаповалова В. О.</i> Горожанки в ГУЛАГе	67
<i>Грибова С. В.</i> Гендерный аспект войны: женщины-татарки в составе минского подполья в годы Великой Отечественной войны	70
<i>Эфендиева Д. А.</i> Повседневная жизнь населения городов Дагестана в годы Великой Отечественной войны	72
<i>Волкова Е. Ю.</i> Бытовые проблемы горожанок в годы Великой Отечественной войны	77
<i>Кабирова А. Ш.</i> Труд женщин в системе школьного образования в годы Великой Отечественной войны (на примере ТАССР)	79
<i>Тарасов С. В.</i> Особенности иерархии в закрытых мужских коллективах городских гарнизонов Квантунской армии в период советско-японской войны 1945 г.	82
<i>Икута М.</i> Хабаровск после Советско-японской войны глазами японской интернированной женщины	84
<i>Мясникова Н. В.</i> «Война» и «мир» в общественно-политической жизни Приднестровских женщин	88

РАЗДЕЛ 11. ОБРАЗЫ ГОРОЖАНОК В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ФОТОГРАФИИ, РЕКЛАМЕ

<i>Тернополь Т. В.</i> Брачные стратегии и материнские практики английских горожанок XVII века в «женских» романах Д. Дефо («Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», «Роксана, или Счастливая куртизанка»)	92
<i>Кубышева П. Д.</i> Столица и провинциальный город в романе Т. Шевалье «Прелестные создания»	94
<i>Скиба К. В.</i> <i>Спасёнова М. В.</i> Черкесские женские образы в путевых заметках и рисунках художника Вильяма Симпсона	96
<i>Трофимова В. С.</i> <i>Трофимова Т. Н.</i> Российские женщины-литераторы второй половины XIX в. и женский вопрос в контексте европейского культурного обмена: М. К. Цебрикова и С. А. Никитенко	99
<i>Котюкова Т. В.</i> «Господа ташкентцы»: Ташкент и его обитатели в женской мемуаристике конца XIX — XX в.	101

<i>Люсый А. П.</i> Пространственный и гендерный аспекты волжского текста русской культуры	103
<i>Симонова О. А.</i> Екатеринослав в 1918–1919 гг.: жизнь горожанки (по воспоминаниям А. А. Саксаганской)	105
<i>Трапезникова М. А.</i> Туберкулез в больших городах на страницах литературной классики: трагическое обаяние героинь	108
<i>Милова О. А.</i> Советский агитационный фарфор 1920–1930-х годов: образы современниц и современников в творчестве Н. Я. Данько	110
<i>Сухарева Н. Ф.</i> Репрезентации образов сельской жительницы и горожанки в изобразительном искусстве Мордовии	112
<i>Попова М. П.</i> «У женщины больше запретов, чем свободы» (особенности звуковой организации стиха В. Петровой-Венеры)	114
<i>Талерко В. А.</i> Городские жители в шутках балтийских немцев	116
<i>Якушева А. А.</i> Женщины-горожанки и современный арт-лубок Елены Мухиной и Елены Колядиной	116
<i>Хинтце К.</i> Изменение образа женщины в немецкой рекламе	118
<i>Агабабян А. Г.</i> Городская покровительница, мифическая богиня или символ возрождения? (к истории и современности убыхского святилища Бытха)	119
<i>Огорокова В. Б.</i> Проблемы современной якутской женщины в условиях мегаполиса в рассказах С. Мигалкиной-Дааны Сард	121
<i>Ташлыкובה Н. Ю.</i> Театр как форма досуга горожанки	123
<i>Суборкина Е. Н.</i> Эрзац-составляющая экранной культуры субкультуры детства: внегендерные аспекты	125

**РАЗДЕЛ 12. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЕ
МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ**

<i>Семёнова О. А.</i> Досуг детей в Кронштадте в XIX в.	128
<i>Курашов В. И.</i> Эпохальные изменения в детском досуге горожанок и горожан ...	130
<i>Иоффе Е. В.</i> Сексуальные отношения в контексте четырех революций: семейной, сексуальной, гендерной и цифровой	132
<i>Анайбан З. В.</i> Профессиональные ориентации городской молодежи Тувы: гендерный аспект (по материалам этносоциологического исследования)	135
<i>Андреева Ю. О.</i> Обучаясь женственности: конструирование гендерной идентичности в современной городской среде	137
<i>Гриднева А. Г., Сазонова А. Л.</i> Представления молодежи о семейных гендерных ролях	139
<i>Ермолова А. И.</i> Детская площадка: к вопросу о формировании гендерно-сегрегированных групп	141
<i>Ерофеева М. А.</i> Социальные сети и их влияние на формирование гендерных представлений у современной молодежи	143
<i>Завертяева Е. С.</i> Профилактика подростковой агрессии: гендерный аспект	145

<i>Ключко О. И.</i> Тенденции гендерных трансформаций в ментальности российской молодежи	147
<i>Ключко О. И.</i> Гендерные представления современных школьников (На материале кадетского корпуса «Пансион воспитанниц МО РФ», г. Москва)	150
<i>Петрушихина Е. Б.</i> Связь гендерной идентичности и уровня развития морального сознания у студентов различных профессиональных групп	152
<i>Солодникова И. В., Солодников В. В.</i> Гендер и статусы личностной идентичности	154
<i>Чеснокова А. М.</i> Доступ социальных пользователей к объектам женского благополучия в условиях мегаполиса	157
<i>Сазонов А. А.</i> Структура досуга юношей и девушек в различных регионах России как показатель уровня и качества жизни	160
<i>Самосадова Е. В.</i> Образ гендерных отношений учащейся молодежи провинции	162
<i>Серова И. А.</i> О феминных и маскулинных фобиях (по материалам опросов учащихся Пермских вузов)	164
<i>Храмов С. М.</i> Преодоление стереотипов в условиях гендерной ассиметрии в Республике Беларусь	166
<i>Чекалина А. А.</i> К вопросу о влиянии урбанистической среды на формирование гендерной ментальности	169
<i>Дулина Н. В., Е. В. Ануфриева.</i> Образ горожанки в оценках и мнениях современных студентов (по итогам социологического исследования)	171
<i>Самарина Т. Н.</i> Гендерные телесные взаимодействия, их язык и интерпретации (горожанки и горожане в сообществах и группах, танцующих парные танцы)	173
<i>Гришюкина Н. А.</i> Репродуктивное поведение приднестровской студенческой молодежи	176

РАЗДЕЛ 13. ВЕРУЮЩИЕ ЖЕНЩИНЫ В ГОРОДАХ РОССИИ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, ПОВСЕДНЕВНЫЙ ОБЛИК, ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИОЗНЫМ ИНСТИТУТАМ

13.1. МУСУЛЬМАНКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.: СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЖИЗНИ ГОРОЖАНОК

<i>Брежнева С. Н.</i> Женщины городов Кокандского ханства начала XIX в. в восприятии русских	179
<i>Адыгамов Р. К.</i> Документы Оренбургского МДС 1860–1917 гг. о семье, браке и правах женщин	181
<i>Шадманова С. Б.</i> Европейские медицинские учреждения и оказание помощи мусульманкам городов Туркестана (конец XIX — начало XX вв.)	182
<i>Марданова Д. З.</i> «Женский вопрос» и реформаторские настроения мусульман Поволжья в городах поздней Российской империи»	185
<i>Давлетишина А. Ш.</i> Проблемы трудовой занятости татарки-мусульманки в публицистических произведениях начала XX в.	185
<i>Имашева М. М.</i> Эмансипационные процессы у женщин-мусульманок Астрахани в начале XX в.	186

<i>Гараева А. М.</i> Экономика мусульманской повседневности: одежда современных «этнических» и практикующих мусульман Республики Татарстан в городской и сельской местности	187
<i>Е. А. Нальчикова, Л. Э. Ибазова.</i> Смерть в северокавказском городе XIX — нач. XXI в: гендерный анализ традиционной обрядности	189

13.2. ВЕРУЮЩАЯ ЖЕНЩИНА В СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ XX СТОЛЕТИЯ

<i>Черкасова М. С.</i> Женский монастырь и монашество в Вологде в XVI — начале XVIII в.	191
<i>Будюкин Д. А.</i> Вотивные подвески как религиозная и коммеморативная практика русских горожанок XVIII—XX вв.	194
<i>Мищенко В. В.</i> Бытовые и гендерные особенности скопческих общин XIX в.: по материалам Орловской губернии	195
<i>Попова А. Д.</i> Сыновья и дочери духовенства в городской культуре: гендерные и сословные особенности процесса маргинализации	198
<i>Фот А. Г.</i> Бытовые условия жизни женщины духовного сословия во второй половине XIX века (на материалах городов Оренбургской губернии)	201
<i>Валеева-Сулейманова Г. Ф.</i> Трансформация костюма городской татарки в конце XIX — начале XX в.	203
<i>Виноградова М. В.</i> Новые формы женской активности в религиозных сообществах Москвы 1917–1927 гг.	204
<i>Белякова Н. А.</i> Модницы и домработницы. Реконструкция жизненного уклада женщин из Московской центральной церкви ЕХБ в 1940–60-е годы	205
<i>Миронова Е. И.</i> Женское лидерство в городских общинах евангельских христиан-баптистов Тамбовского региона (1940–1960-е годы)	205
<i>Чумакова Т. В.</i> Женщина и религия в антирелигиозной периодической печати СССР	206
<i>Кравецкий А. Г.</i> Воцерковленная женщина в российском городе XX в.: особенности социального поведения и визуального образа	207
<i>Котовская М. Г.</i> Религиозные представления мужчин и женщин	208

РАЗДЕЛ 14. ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ — ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА ГОРОДОВ

<i>Мариничева Ю. Ю.</i> Земская медицина: лечение и/или контроль (по воспоминаниям первых женщин-врачей)	213
<i>Яковлева И. И.</i> Научная деятельность первых в России женщин-историков на рубеже XIX — XX вв.	215
<i>Титова Т. А., Гуцина Е. Г.</i> Женщины-этнографы дореволюционной Казани	217
<i>Валькова О. А.</i> Астроном-наблюдатель Сормовского Пролеткульта, или революционные годы Нины Михайловны Субботиной	219
<i>Еремеева А. Н.</i> Студентки — «медички» в пространстве Ростова-на-Дону периода Первой мировой и гражданской войн	221

<i>Помелова М. А. , Россиянов К. О. «Освоение» сельской территории учеными в начале XX в. и проблема гендерного равенства в науке: женщины—генетики на опытных станциях в Подмосковье</i>	224
<i>Костригин А. А. Евгения Моисеевна Ганфман (1905—1973): русская женщина в истории мировой психологии</i>	226
<i>Филимончик С. Н. Университетская корпорация глазами профессора Ирины Петровны Лупановой (по книге воспоминаний «Минувшее проходит предо мною...»)</i>	228
<i>Краснодембская Н. Г. , Соболева Е. С. Супруги Маретины как сотрудники Музея антропологии и этнографии</i>	230
<i>Аллахвердян А. Г. Динамика численности исследователей в российской науке: гендерное исследование</i>	232
<i>Соловей А. П. Гендерные стереотипы как фактор, детерминирующий научную деятельность женщин-исследователей</i>	233
<i>Покровская С. Е. Проблема феминизации современной белорусской науки</i>	235
<i>Попова И. П. Профессиональная карьера в сфере науки и технологий: что в ней женского?</i>	237
<i>Барчунова Т. В., Близняк А. Г. Гендерные аспекты повседневной жизни наукограда (на примере Новосибирского Академгородка)</i>	240
<i>Шухно Е. В. Организационная культура научного учреждения: гендерный аспект</i>	242

РАЗДЕЛ 15. КОСТЮМ, ОДЕЖДА, УКРАШЕНИЯ, ТЕЛЕСНОСТЬ: ГОРОДСКАЯ МОДА КАК ЛОКУС САМОВЫРАЖЕНИЯ И ВЛИЯНИЯ НА ВКУСЫ И ПРИВЫЧКИ

<i>Корнев Д. М. «Рукава с полустану, проймы на мышках». (Особенности кроя женской верхней одежды XVII в. и его эволюция. Опыт реконструкции.)</i>	245
<i>Мицюк Н. А. Младенческая одежда как предмет историко-антропологического изучения</i>	248
<i>Мухина З. З., Канныкин С. В. Мода как фактор влияния городской жизни на деревенский быт и психологию жительниц сельской России в пореформенную эпоху (вторая половина XIX — начало XX века)</i>	251
<i>Илюха О. П. Городская мода и деревенский вкус: статусные маркеры во внешнем облике сельских учителей и учительниц России конца XIX — начала XX вв.</i>	253
<i>Трошина Т. И. «Девка в платочке», «Барышня в шляпке»...: Региональная специфика женской географической мобильности (на примере северных территорий Европейской России)</i>	256
<i>Хисамутдинова Р. Р. Мода в повседневной жизни российской горожанки в послевоенные годы</i>	258
<i>Кузнецова Р. Ш. Тенденции развития модной городской одежды у абхазок</i>	260
<i>Голубева Л. В. Тканевые коллекции в женских устных нарративах и практиках: городская версия</i>	262
<i>Петренко В. В. Женская версия дендизма: повседневность и новая антиконсьюмеристская установка</i>	263

**РАЗДЕЛ 16. ПРАВА И СТАТУС ГОРОЖАНОК В ГОРОДАХ МИРА: ИСТОРИЧЕСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

<i>Заболотная А. П.</i> Мужчины и женщины в городской среде Молдовы глазами иностранцев (XVII–XVIII вв.)	266
<i>Московчук А. С.</i> Русские туристки в городах Европы в конце XVIII — начале XX вв.	269
<i>Грилли А.</i> Феминизм как теория, теоретически обслуживающая женское движение. История женского движения в XIX–XXI вв.	271
<i>Ваишкау Н. Э.</i> «Там девы простотой счастливы...». Женский мир Сарепты	272
<i>Гайнанова М. Р.</i> Проблема женского равноправия в трудах Садри Максуди и ее реализация в законодательстве эпохи Ататюрка	275
<i>Фалалеева А. А.</i> Повседневность немецкой женщины-крестьянки в период урбанизации 1920–1930-х годов (на материалах Поволжья)	275
<i>Фернандес А. П.</i> Советская городская повседневность глазами испанской коммунистки Леонор Эстевес	278
<i>Крылова Н. А.</i> Российская горожанка в африканском городе	281
<i>Курто О. И.</i> Политика однодетной семьи и её последствия (на примере КНР) ...	283
<i>Курто О. И.</i> Невеста и жених в городской свадебной китайской церемонии в XX–XXI вв.	285
<i>Бийбосунова С. К.</i> Балансовая модель анализа женской занятости в Кыргызской Республике	288
<i>Моцук А. В.</i> Женщины в социально-экономической жизни Брестского региона	290
<i>Зайцева Т. И.</i> Женщина и город в современной медиэвистике (по материалам заголовков научных публикаций)	293

**РАЗДЕЛ 17. МИГРАНТЫ И МИГРАНКИ. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ АККУЛЬТУРАЦИИ
И АДАПТАЦИИ «ПРИШЛЫХ» В ГОРОДЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО**

<i>Колесов В. И.</i> Метрические книги как источник изучения истории женщин полиэтничного позднеймперского города (на примере Екатеринодара)	298
<i>Ерохина О. В.</i> Вклад «пришлого населения» в формирование городской культуры станицы Урюпинской Донской области во второй половине XIX — начале XX в.	300
<i>Демидова О. Р.</i> Русские женщины об эмигрантской повседневности	302
<i>Шендерюк М. Г.</i> «О, эта Ницца!..» (мужской взгляд на повседневную жизнь русских эмигрантов на юге Франции)	304
<i>Титова Т. А., Фролова Е. В.</i> Гендерные роли и репродуктивные практики мигрантов глазами принимающего населения (на примере г. Казань РТ)	306
<i>Урсан О. И.</i> Гендерное исследование досуга и свободного времени у женщин-мигранток в Португалии	308
<i>Шалыгина Н. В.</i> Жены русскоязычных программистов в городах современной Калифорнии (об адаптивности женщин и особенностях их повседневности в среде мигрантов)	310

<i>Эшиев А. К.</i> Повседневная жизнь и трансформации семьи в условиях современных реалий кыргызского общества	312
<i>Остапенко Л. В., Субботина И. А.</i> Русская городская молодежь Киргизии: удовлетворенность различными сторонами жизни (гендерный аспект)	312
<i>Якушкина Е. И.</i> Демографические и гендерные аспекты иммиграции в российские провинциальные города (на примере Воронежа)	314
<i>Бабич И. Л.</i> Адаптация северокавказских эмигранток к современной парижской городской жизни во Франции	317
<i>Сорокина Е. А.</i> Молодые «новые шведы», горожане — некоторые вопросы интеграции	318
<i>Галиндабаева В. В.</i> Стратегии выстраивания этнической идентичности в городе: феномен метисов Улан-Удэ	321

РАЗДЕЛ 9. ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Г. Ф. Беляева, Е. О. Ермолаева

*г. Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Совет женщин МГУ*

Цифровая экономика и женское профессиональное образование

В целях развития информационного общества правительством нашей страны в 2017 г. была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [4], направленная на повышение качества жизни граждан, конкурентоспособности страны, обеспечение ее экономического роста и национального суверенитета. Реализация настоящей Программы требует тесного взаимодействия государства, бизнеса, науки и образования. В прогнозе социально-экономического развития предусматривается широкое применение информационных технологий (ИТ), и на сегодня указаны основные сдерживающие факторы: недостаточное количество исследований мирового уровня, дефицит кадров и задача подготовки компетентных специалистов.

Широкое применение ИТ коренным образом меняет как структуру экономики и образования, так и повседневную жизнь человека, одновременно выдвигая новые требования к вычислительным мощностям и информационным системам. Начиная с 2002 г. Всемирный Экономический Форум (ВЭФ) совместно с Европейским институтом управления бизнесом, а позднее и Корнельским Университетом (США) публикуют данные о состоянии и перспективах развития глобальных информационных технологий в разных странах. Для оценки уровня развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) государства используется так называемый индекс сетевой готовности, который постоянно дорабатывается и расширяется. В настоящее время он насчитывает более 50 специальных индикаторов, анализ которых даёт возможность выявить наиболее важные проблемы для каждой страны. Согласно изданию 2016 г. Россия занимает 41 место в рейтинге среди 139 стран. Заметен определённый рост, от 77-го места в 2010 г. и 54-го в 2013 г. Все эти годы пять верхних позиций рейтинга постоянно занимают Сингапур, США и страны Северной Европы. Отметим некоторые положительные факторы, характеризующие Россию в настоящее время: сетевая доступность (низкие тарифы, число подписчиков на сетевые услуги), уровень развития государственных ИТ-услуг населению, профессионализм ИТ-персонала. В то же время, Россия находится на 100-м месте по качеству школ управления, на 82-м — по качеству системы образования и 58-м — по качеству естественнонаучного образования [2, с. 163].

С 2006 г. ВЭФ также ежегодно публикует доклад, в котором анализируется реальное равенство прав и возможностей мужчин и женщин в различных странах мира. Главная задача доклада — выявить различие между мужчинами и женщинами в доступе к ресурсам и возможностям в своих странах. В 2017 г. в рейтинге по индексу гендерного неравенства Россия занимала 71 место из 144 стран. Невысокое положение России

определили показатели [1, с. 282], характеризующие значения трех подиндексов: вовлеченность во все типы образования (50 место), участие женщин в экономике (41 место) и в процессе принятия политических и управленческих решений (121 место). На все три показателя напрямую или опосредованно влияет существующая в нашей стране гендерная диспропорция при получении профессионального образования. Статистика свидетельствует, что женщины в России в основном выбирают образование по следующим направлениям: гуманитарные и социальные науки, педагогика, здравоохранение, экономика и управление, культура и искусство, сфера обслуживания. Доля девушек, получивших образование в этих областях, от всех девушек-выпускниц вузов РФ была 80%, хотя среди всех выпускников (бакалавров, специалистов, магистров) они составляли 57% [3, с. 72]. Это ставит женщин в неравное социальное положение с мужчинами — они оказываются слабо вовлеченными в важнейшие стратегические сферы деятельности и отрасли производства, включая государственное управление. Так, среди руководителей органов власти и управления всех уровней, в том числе руководителей организаций, мужчины составляли 61%.

В нашей стране заметны гендерные диспропорции занятости в экономике — существуют как женские, так и мужские виды деятельности. В сфере образования работают 82% женщин, в здравоохранении и сфере предоставления социальных услуг — 78%. Сферу ИКТ в настоящее время можно отнести к мужским видам деятельности — среди специалистов как высшего, так и среднего уровня квалификации в этой области женщины составляют лишь 19% [5, с. 95]. На протяжении последних десяти лет среди всех студентов вузов, обучавшихся по специальности «информатика и вычислительная техника», девушки составляли четверть, а «информационная безопасность» и «электронная техника, радиотехника и связь» — только пятую часть.

По данным конференции «Цифровой город Москва — итоги 2017 года», в столице сосредоточено примерно 70% всей российской ИКТ-отрасли (связь и телекоммуникации, информационные технологии, интернет как бизнес). Важно то, что ИКТ-отрасль не только активно развивается сама, но и, являясь базисом цифровой экономики, играет ключевую роль в развитии других сфер: образование, здравоохранение, транспорт, ЖКХ, финансы, безопасность. Согласно статистике Департамента информационных технологий г. Москвы на каждую женщину специалиста ИКТ-отрасли приходится как минимум 3 специалиста-мужчины. Среди системных администраторов женщины составляют только 3%, среди программистов — 20%, фрилансеров — 25%, руководителей проектов — 30%, преподавателей ИКТ в вузах — 35%, веб-дизайнеров — 55%. ИКТ специалисты заняты и востребованы не только в своей сфере. Например, в московских компаниях различных отраслей (финансовый сектор, добывающая отрасль, нефть и газ, медиа и маркетинг) доля требуемых ИКТ специалистов составляет около 20% от всех вакансий. Знания таких специалистов закладываются еще в школе, а у школьников в Москве существует много возможностей для углубленного изучения основ информатики. Молодые девушки наравне с юношами успешно пользуются компьютерами и интернетом, но они гораздо реже выбирают ИКТ в качестве будущей специальности.

Во всех отраслях экономики будет происходить возрастание потребности в специалистах из постоянно расширяющегося диапазона ИКТ профессий. Вовлечение женщин в современные информационные и междисциплинарные специальности поможет не только решать проблему дефицита кадров в цифровой экономике, но и предоставит для них новые сферы деятельности и новые возможности в реа-

лизации своего креативного потенциала. В заключение приведем слова Президента ВЭФ Клауса Мартина Шваба [3, preface]: «Страны и компании могут быть конкурентоспособными, только если они развивают, привлекают и удерживают самых талантливых мужчин и женщин. В то время как правительства играют важную роль в создании стратегической структуры, обеспечивающей женщинам равный доступ к ресурсам и раскрытию своих возможностей, задачей компаний является создание рабочих мест, где может полностью реализоваться их талант. В поддержке женщин и вовлечении в этот процесс мужчин так же важна роль гражданского общества, системы образования и СМИ».

Литература

1. *The Global Gender Gap Report. 2013, 2017.*
2. *The Global Information Technology Report 2016.*
3. *Женщины и мужчины России. Стат. сб. М., 2016.*
4. *Распоряжение ПР от 28 июля 2017 г. № 1632-р, Москва*
5. *Россия в цифрах. 2017: Крат.стат.сб. Росстат, М. 2017*

В.В. Илизарова, Т.Н. Самарина

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

#вязетнетолькохурма [1]: Репрезентация женского рукоделия в интернет-пространстве (бизнес, блогинг, досуг)

Авторы доклада, обращаясь к теме женского рукоделия, стремятся показать многоаспектность этого явления, а также поднять несколько исследовательских вопросов, касающихся занятости и досуга российских горожанок. Анализ и мониторинг коллективных и индивидуальных блогов, представленных в российском сегменте социальных сетей Instagram, Facebook, VK, портале Youtube и на других площадках показывает, что женское рукоделие (и вязание в частности) — широко распространенная практика, являющаяся несколько большим, чем просто вид досуга. В связи с этим на обсуждение выносятся следующие вопросы: что представляет собой сообщество любительниц вязания? Какую трансформацию пережила эта практика с распространением блогинга? Каким образом вязанию удастся занимать специфическое, промежуточное место между досугом и микробизнесом? Как вязание становится способом самопрезентации в сетевом пространстве?

Мы полагаем, что социологически точный анализ состава участниц вязального сообщества — крайне затруднительная задача, так как вряд ли можно провести корректный подсчет количества участников, географические и социальные границы сообщества размыты. Однако, в виртуальном пространстве это сообщество является достаточно устойчивым, о чем говорит ряд прямых и косвенных признаков. Например, инфобизнес отреагировал на появление «вязального» [2] блогинга и смог предложить свои услуги участникам рукодельного сообщества, создавая тренинги и вебинары по способам заработка на вязании, способам продвижения своего аккаунта в социальных сетях и на портале Youtube. Или, косвенным, но интересным свидетельством признания явления можно считать “хейтерство”, о котором речь пойдет ниже.

Так, объектом исследования мы выбрали женщин, которые занимаются вязальным бизнесом в условиях декретного отпуска [3]; а также женщин — «домохозяйек», то есть в данном случае женщин, для которых рукоделие является единственным/основным источником их личного дохода. Мы можем уверенно утверждать, что именно они ведут наиболее популярные блоги, ориентированные на вязание. Стоит отметить, что эти категории мало представлены в российской гуманитарной историографии, хотя антропологами, социологами, историками и экономистами прекрасно изучены смежные темы, такие как проблемы адаптации женщины на рынке труда после декретного отпуска, социально-экономическое положение работающей матери в советской и постсоветской России, родительские (и материнские) жизненные стратегии (например, совмещение работы и семьи, работы и ухода за ребенком), различные аспекты трудового законодательства, регулирующего права работающих и находящихся в отпуске по уходу за ребенком матерей, и пр. Проблемы же повседневных практик, микроэкономики, домашней логистики «домохозяйек» и женщин «в декрете» требуют своего изучения.

С развитием малого бизнеса, технологий связи и изменением бизнес-процессов во многих секторах экономики стала возможной, а затем и широко распространенной удаленная и (или) частичная занятость. Причины, заставляющие женщину «в декрете» или «домохозяйку» работать, как правило, сводятся к двум основным очевидным мотивам: экономическая необходимость и желание самореализации. Принимаем решение работать, женщина может придерживаться одной из двух стратегий: зарабатывать благодаря своей «додекретной» специальности, позволяющей работать удаленно и в формате частичной занятости (программист, переводчик, бухгалтер и пр.), либо переориентироваться на новую профессию из-за того, что прежняя по каким-либо причинам не удовлетворяет, либо за время, проведенное «в декрете» женщина утратила свою квалификацию. Помимо получения новой специальности, женщина может и монетизировать свое хобби.

Основным инструментом монетизации хобби стал блогинг, выполняющий в среде вязальщиц сразу несколько функций. Первая — это, безусловно, презентация своего творчества, а также стиля жизни (lifestyle). Вязальщицы выкладывают в социальные сети не только готовые изделия, но и «процессы», те вещи, которые они вяжут в данный момент. В большинстве случаев эти фотографии иллюстрируют, в какой обстановке, в каком месте и как женщина занимается своим хобби. На ютубе пользователи создают свои каналы, снимают видео, которые представляют собой своего рода вязальный дневник: процессы, покупка пряжи, тест инструментов и т.д. Вторая функция ведения рукодельного блога — это заработок, как от продажи изделий (выставление готовых вязанных вещей в соцсеть на продажу), так и получение денег от просмотров и «лайков» постов и видео в блоге. Это принципиально новый вид заработка, когда сайт платит популярным пользователям деньги от рекламы, демонстрируемой на их каналах. Очень распространен вариант, когда в блог выкладывается бесплатный для подписчиков рукодельный мастер-класс, от количества просмотров данного видео зависит сумма выплат блогеру от сайта. Еще один способ заработка в рукодельном интернет-пространстве (и не только в рукодельном) — это система донатов, подразумевающая добровольное пожертвование блогеру от подписчиков канала.

Особый интерес представляет отношение общества к подобному способу заработка женщинами. С одной стороны, от современной женщины ожидается, что

даже в декрете она способна быть социально активной, заботится о семье и домашнем хозяйстве и зарабатывать деньги. Поэтому попытки монетизировать свое хобби в целом воспринимаются позитивно и являются показателем успешности женщины. Однако с другой стороны, создание вещей handmade оценивается не как полноценная работа, а скорее как минимальный приработок, при этом женщина остается финансово зависимой от семьи/мужа. Этот стереотип имел место как в западных странах (Великобритания, 80-е гг.), так и в советский период, в 90-е гг. и встречается в наше время. «Женщины, работающие дома, воспринимались не как профессионалы, а как любительницы. С одной стороны, им, никогда не работавшим вне дома, предлагали превратить хобби в бизнес и зарабатывать деньги, используя имеющиеся навыки. С другой, вязание по-прежнему изображалось как присущее рачительной хозяйке умение экономить и выкручиваться» [4]. На сегодняшний день российские вязальщицы также сталкиваются с этой проблемой. Те женщины, которые решили превратить свое хобби в источник доходов, все равно воспринимаются в лучшем случае как домохозяйки, увлеченные вязанием. В худшем, профессиональные вязальщицы сталкиваются с оскорблениями в интернет-сети и обвинениями в лени и иждивенчестве.

Примечания

[1] — #вязетнетолькохурма — хэштег, популярный в российском сетевом вязальном сообществе

[2] — «вязальный», «вязальное», — термины, распространенные в рукодельном сообществе

[3]— Здесь и далее авторы доклада будут придерживаться понятия «декрет», «декретный отпуск» и пр., понимая, что оно прочно вошло в обиход, охватывает различные типы отпуска, гарантированного женщине ТК РФ (отпуск по беременности и родам, отпуск по уходу за ребенком до полутора лет и пр.), и не требует специальной расшифровки.

[4] — Терни, Д. Культура вязания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 26–27

Литература

1. Айвазова С. Г., Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России)//Женщина в российском обществе, № 3. Иваново, изд-во Ивановского государственного университета, 2011

2. Григорян Е. Н. Особенности самоотношения работающих и неработающих матерей//Актуальные проблемы развития личности. Сборник научных трудов. Под научной редакцией Е. Н. Васягиной, Е. А. Казаевой. Екатеринбург, изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2016

3. Дутчак И. В., Орлова Н. А., Родительские практики в различных типах семей с детьми-дошкольниками//Актуальные проблемы родительства в России. Сб. статей. М., изд-во Института социологии РАН, 2013

4. Работа и семья в жизни женщин с детьми-дошкольниками. Опыт города Москвы. Под ред. О. Б. Савинской. М., изд-во Вариант, 2008

5. Стрельник Е. А. Практики сочетания матерями оплачиваемой работы и заботы о детях (опыт социологического анализа)//Социологические исследования, № 8 (388). М., изд-во ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука» 2016

6. Терни, Д. Культура вязания. М.: Новое литературное обозрение, 2017

Проблемы развития гражданского общества в рамках городской среды г. Нижнего Новгорода и варианты их решения с учетом гендерного фактора и значимости межкультурных коммуникаций

Изучение проблемы проекции власти на уровне государства необходимо увязать с проблемами крупных городов (в нашем случае – с Нижним Новгородом) с непременным учетом всевозможных обстоятельств межкультурной коммуникации. Она имеет научную перспективу в рамках гештальт-подхода, так как предусматривает условное деление государства по направлению развития на проективные и интроективные. Проективные государства получают ресурсы для своего развития за счет распространения (проецирования) своего влияния в сфере экономики, культуры, социальной политики на другие государства. Интроективные государства, напротив, развиваются за счет «инвестиций» со стороны других государств.

В настоящее время новый статус России на мировой арене находится в стадии формирования. Вместе с тем эмпирические исследования показывают, что более половины опрошенных продолжают считать Россию сверхдержавой и ощущают потребность в «идеологии», а политическая элита демонстрирует образцы проективности, типичные для прошлого.

Рассматривая внутреннюю и внешнюю политику как функции поиска идентичности, мы можем анализировать формирование многих внутри- и внешнеполитических инициатив России в контексте решения фундаментальной проблемы самоопределения личности: какое сообщество индивид принимает как свой социум, где границы этого социума, как он связан с другими, какова собственная позиция индивида в этих взаимосвязях. Изучение процессов формирования идентичности позволяет судить о восприятии России как нового независимого государства ее гражданами, дать оценку статус-кво, относительно которого складывается рамочное видение при принятии многих внешнеполитических решений.

Необходимость изучения данных явлений определяется потребностями государственного строительства и создания демократического общества. Государственное строительство предполагает концептуальное осмысление таких понятий, как «нация», «государственность», а также формирование идентичности, соответствующей новому типу государства. Задача состоит в том, чтобы под концепцию идентичности, построенную на этнических принципах типа «русский», подвести основательную «государственную» основу — «россиянин».

Идентичность является устойчивым продуктом социализации. Структура идентичности рассматривается как относительно устойчивое соотношение непроизвольно или произвольно выбираемых ролей в определенных коммуникативных контекстах. Эта структура воспроизводится в ситуации взаимодействия как акцентуруемая «принадлежность» к какому-либо «групповому основанию» в терминах, в которых «Я» склонно определять данную ситуацию, придавая ей смысл.

Основные задачи общественно-политического исследования формирования идентичности в нашем регионе состояли в том, чтобы определить «место» этнической и национальной идентичности в идентификационной матрице россиян и за-

фиксировать воздействие изменяющегося политического контекста на эти идентичности, а также проанализировать возможность возвращения к советским моделям идентичности.

В нашем исследовании использовались: тест личностных конструктов Келли (этот тест, как известно, позволяет «диагностировать» те личностные конструкты, с помощью которых человек интерпретирует существующую действительность), тест Куна и Макпартленда.

Предварительные результаты исследования показали, что понятие «гражданин», например, определяется через такие понятия реальности, как «моя территория», «останусь таким навсегда», «я теперь», «развитие во времени». Еще один вариант в описании себя как гражданина: «я себя так не ощущаю». Из таких дефиниций возникла необходимость использовать вопросы на оценку реального опыта испытуемых как граждан и как русских.

Полученные результаты позволили описать два понимания роли гражданина у разных возрастных групп россиян. Как молодое поколение россиян (взгляды и ценности которого формировались в годы перестройки), так и «зрелое» (взгляды которого формировались в советский период) одинаково редко ассоциируют себя с ролью «гражданин России». В тех случаях, когда категория «гражданин» присутствовала в идентификационных списках испытуемых, она часто связывалась с понятием «обиженный гражданин», с чувствами унижения, оскорбления. Это означает, видимо, что российское гражданство связано со «знаком» несчастья, низкими стандартами и недостойным уровнем жизни. В некоторых случаях понятие «гражданин» было связано с понятием «реальность». Например, ряд испытуемых полностью противопоставляет комбинацию идентификаций, связанных с понятием «гордость», другой комбинации, которая содержит понятие «гражданин» и связана с понятием «реальность». Последние два примера иллюстрируют понимание термина «гражданин» как номинала, как факта действительности, понимание, близкое к идентификации «житель России».

Известно, что понятия «государство» и «национальность» абстрактны до некоторой степени. На основании ответов респондентов можно прийти к выводу, что для современных россиян понятие «гражданин» действительно является очень абстрактным.

Эти примеры можно рассмотреть как иллюстрации двух путей понимания национальности. В одном случае понятие «гражданин» можно рассматривать как номинальное, в другом — оно связано с той или иной активностью. В последнем случае идентификация «я — гражданин России» связана с некоторой деятельностью, соотносимой с национальными интересами. Это второе понимание более важно в постоянно изменяющихся политических условиях. Во-первых, оно способствует более естественному, ненавязанному формулированию идеи идентичности. Принимая участие в общественной и политической жизни государства, мы обучаемся быть гражданами. Такое участие помогает понять и реализовать себя как гражданина Российской Федерации.

Но понимание гражданства как активного участия в жизни государства в настоящее время слабо представлено в идентификационной матрице россиян, что объяснимо особенностями формирования этнического самосознания. В ситуации кризиса людям свойственно ориентироваться на этносы. В хаосе, который часто представляет собой общество, где делаются попытки сформировать новую государственность, этносы, имеющие иллюзию «дообщественности», воспринимаются как «островки стабильности». Возрождение этнической принадлежности — пози-

тивный процесс, пока возрожденные обычаи и образ жизни не вступают в противоречие с гражданскими правами, пока не начинается «парад суверенитетов», не развивается «нарциссизм малых различий», вызывающий межэтническую напряженность.

В целом, по результатам эмпирических исследований можно сказать, что в этническом сознании молодого поколения в настоящий момент твердое гражданское «основание» представлено слабо. Для молодого поколения более важно идентифицировать себя как русских, чем как граждан России. Старшее же поколение утратило свою гражданскую идентичность в виде советской идеологии, но не приобрело этнической идентичности, которая так важна для молодого. При этом гендерные обстоятельства начинают играть особую роль и более того, они настоятельно требуют максимального учета и государства, и общества.

Литература

1. *Практическое руководство по внедрению гендерного подхода (разработано по заказу ПРООН РБЕС. Консультант Астрида Ниеманис, 2000/2001).*
2. *Ретина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.*
3. *Токтарова Т. Ж. Проблема гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации//Успехи современного естествознания, 2015. № 1–6.*

О. О. Коробова

г. Иваново, Ивановский государственный университет

Женское предпринимательство: цифровые бизнес-модели

Бизнес в современной России должен гибко реагировать на постоянную изменчивость среды и оперативно адаптироваться к новым условиям: непрерывно искать новые конкурентные стратегии, новые технологии управления и использовать перспективные цифровые модели. Происходит трансформация уже существующих инновационных бизнес-моделей, которая возникает в результате развития передовых технологий: искусственного интеллекта, нейронных сетей, робототехники, блокчейна. И в этот момент реформирования женщина-предприниматель имеет возможность создания крупного высокотехнологичного бизнеса.

В статье рассмотрены перспективы реализации цифрового потенциала женщин, через новые модели предпринимательства, как значимого ресурса социально — экономического развития страны. Женщины-предприниматели сегодня работают не только в торговле, сфере услуг, но и в агропромышленном комплексе, строительстве, высокотехнологичных отраслях, банковском деле. Как отмечает В. Матвиенко «в высокотехнологичных отраслях процент женского бизнеса менее 15%», это свидетельствует о существующей проблеме гендерного неравенства в крупном бизнесе, т. к. он в большинстве своем сопряжен в настоящее время с наукоемкой сферой.

К решению обозначенной проблемы, возможно, подойти с позиции комплексного подхода (симплекс-метода), который позволяет установить факты, найти идею, спланировать действия и в итоге выбрать оптимальное решение. Необходимо взаимодействие двух основных сторон-участников этого процесса: государственных органов и женской бизнес-среды.

Сейчас технологическое мышление является частью трансформирующейся мировой экономики, поэтому необходимо запустить процесс «самоцифровизации женщины», т.е. осуществить интеграцию физического и виртуального мира, что даст возможность открыть новый мир деловых возможностей. Потенциал женщин велик, необходимо лишь создать равные для всех условия в обучении по наукоемким и технологическим специальностям, но для этого еще нет полноценной образовательной структуры для цифровой экономики, в России ее только предстоит выстраивать и это первое чем должно заняться государство в период активного развития мирового технологического рынка. При возможности дополнительного обучения и правильного курса саморазвития в сторону технологических инноваций женщины имеют прекрасную перспективу создания «цифрового предприятия». [1, с. 67]

В научных кругах тема женского предпринимательства уже давно обсуждается, ее изучением занимаются такие авторы как, Гильманова Г.Х., Уткина Н.Ю., Титова О.И., Орлова А.В., Журавлева А.Л., Журженко Т. и др.

Такие ученые как Босчаева З.Н., Бычков В.П., Кондраков Н.П., Круглова Н.Ю., Макаров С.И., Рубин Ю.Б. и другие, изучают организацию предпринимательства в России, как для женщин, так и для мужчин. Остается малоизученной область перехода женского предпринимательства в цифровой формат на основе применения новых технологичных моделей. На практике же в России уже идет становление «цифрового женского предпринимательства».

Уже есть прекрасные примеры женщин, которые стали законодателями современных технологий, например, Наталья Касперская (IT- предприниматель), Земфира Морозова (владелица сети клиник HD), Ольга Видишева (специалист в индустрии электронной торговли), Полина Райгородская (создатель сайта Wanderu), Алиса Мазанюк (профессионал в маркетинге, продвижении и рекламе в сфере онлайн-игр).

Цифровые платформы стирают границы между отраслями, меняют структуру рынка и возможности производителя, а самое главное гарантируют развитие «цифрового предпринимательства». От применения новых технологий и новых методов управления зависят в первую очередь финансовые показатели компании. Предприятия, активно использующие технологии и новые методы управления, в среднем на 26% прибыльнее своих конкурентов. Поэтому в настоящее время группа «женщины бизнеса» должна быть ориентирована на цифровые модели, как актуальный и эффективный инструмент управления в тренде магистрального современного рынка.

Многие зарубежные компании уже адаптировали существующие бизнес-модели для цифровой эпохи и благополучно применяют их в основе своей деятельности. Примером тому могут служить «Google» и «Facebook», использующие так называемую цифровую платформу «Бесплатно». Товар и услуга предлагаются на безвозмездной основе в «обмен» на внимание клиента, что в свою очередь используется для продажи рекламы. Компании «eBay» и «Booking» сводят продавцов с покупателями и получают комиссионные за сделку и размещение информации, применяя модель «Брокерство» (Marketplace).

Тренд «цифровая модель» нарастает и в России, он становится передовым форматом экономики и наиболее перспективной бизнес-моделью, открытой для самого широкого круга участников, в том числе и для женщин XXI в.

Женщина-предприниматель, используя данную модель, превращается в управленца с «цифровым мышлением», проходя путь цифровой трансформации (Digital Transformation).

Как отмечает Председатель Комитета по развитию женского предпринимательства «Опоры России» Надия Черкасова, «развитие цифровых технологий, новые бизнес — платформы, форматы обмена и потребления информации стремительно меняют наш мир и менталитет российских женщин, позволяя строить свой бизнес дистанционно, совмещая с материнством». [2]

Сущность цифровой модели — это онлайн-технологии ведения бизнеса, аналитика реального времени, использование всех возможных источников данных, персонализация и социальные технологии. В основу перспективных цифровых бизнес-моделей женского предпринимательства можно положить пять видов моделей А. Остервальдера и И. Пенье [3]:

«Разделение бизнес-моделей». Сущность данной бизнес-модели это разделение бизнеса на три сектора: управление инфраструктурой, управление инновациями и взаимодействие с клиентами. Цифровые технологии и современные подходы менеджмента позволяют разделять и координировать бизнес при более низких затратах, при этом устраняя деструктивное взаимное влияние этих элементов.

«Длинный хвост». Данная модель включает в себя сочетание IT-технологий, новых подходов в маркетинге и инновационных методов управления, что позволяет делать «длиннохвостые» ценностные предложения большому количеству потребителей с небольшими затратами.

«Многосторонние платформы». Данный вид бизнес-модели решает проблемы привлечения новых покупателей, которые заинтересованы получить доступ к ресурсам компании. В этом случае основным решением является добавление ценностного предложения «дающего доступ» к имеющемуся потребительскому сегменту.

«Free -модель». Бизнес-модель данного вида разным потребительским сегментам адресует различные ценностные предложения с разными потоками доходов, причем один из сегментов обслуживается полностью или частично бесплатно.

«Открытые бизнес-модели». В условиях постоянного усиления конкурентной борьбы компании стараются повысить эффективность использования собственных ресурсов: оптимизировать затраты на НИОКР и создать дополнительный денежный поток благодаря грамотному управлению своими интеллектуальными активами, т.е. интеллектуальной собственностью. В таких компаниях внутренние ресурсы, разработки и деятельность перераспределяются с участием сторонних партнеров. Для компаний становится более выгодно грамотно управлять потоками знаний внутри и вне компании, поскольку приобретение чужих разработок дешевле и при этом уменьшается время вывода товара на рынок. А собственные неиспользуемые инновации могут быть проданы сторонним партнерам.

Развитие цифровой экономики создает благоприятный климат для модификации существующих бизнес-моделей и применения их в реальном секторе женского предпринимательства. Цифровые платформы — это основа организации крупного высокотехнологичного бизнеса для женщин российского общества.

В «Программе развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года» отмечено: ключевым фактором успеха в цифровой экономике, высококонкурентной и трансграничной, становятся не технологии, а новые модели управления технологиями и данными, позволяющие осуществлять оперативное реагирование и моделирование будущих вызовов и проблем для государств, бизнеса и гражданского общества. [4, с. 21]

Эффективные бизнес-модели, отвечающие реалиям современного рынка и впитавшие в себя новые технологические тенденции и модные направления, являются сегодня основой развития «цифрового женского предпринимательства».

Литература

1. Коробова О. О. *Цифровая экономика: перспективы создания новых моделей женского предпринимательства. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы Всерос. конф. С междунар. участием, 20–21 апреля 2018 г., ИвГУ, г. Иваново. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 6–68.*
2. О Комитете по развитию женского предпринимательства «ОПОРА РОССИИ»//Комитет по развитию женского предпринимательства «ОПОРА РОССИИ». URL: <http://womanopora.ru/> (дата обращения: 27.09.2017).
3. Остервальдер А. Построение бизнес-моделей: Настольная книга стратега и новатора/Александр Остервальдер, Ив Пинье; Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011.
4. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года (1 этап). 24.04.2017 г.

О. М. Морозова

г. Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет

Цифровая урбанизация досуга: подростки из сельских районных центров и Интернет

Люди старшего поколения еще помнят одну из декларируемых целей социалистического общества на пути построения коммунизма — сближение города и деревни, причем основой этой унификации должен был стать научно-технический прогресс. После того как развеивается туман социальных и идеологических разочарований оказывается, что взвесь истины прогнозах была, ведь именно прогресс в области цифровых технологий сделал во многом схожим свободное времяпровождение молодежи городских и сельских населенных пунктов. Возможно, это лишь начало предсказанного сближения, хотя и не с теми социальными последствиями, о которых думалось.

Формы досуга не только детей, молодежи, но и взрослых сильно изменились за последние десятилетия. Причинами стали экономические, политические и ментальные подвижки. Общий досуг предполагает материальное равенство, единомыслие и ощущение единства и близости. Рост уличной преступности начал подтачивать традицию уличной игры детей. Города и села постепенно сдают позиции в этом вопросе. Чем меньше населенный пункт, тем дольше в нем сохраняется детская уличная вольница. Судя по опросам родителей, причина того, что они опасаются оставлять детей без присмотра, является появление чужих — не только взрослых, но и детей, которые нередко ведут активнее и агрессивнее местных, что вполне вписывается в постулаты теории миграции. Родители боятся не столько разбитых носов своих отпрысков, сколько возможных инцидентов с «чужими» родителями, то есть перевода конфликтов на взрослый уровень. Принципиальная позиция родителей прежних поколений, что детские ссоры должны оставаться между детьми, практически отмерла, что связано с ощущением возросшей враждебности мира, в котором ребенок без помощи взрослых не устоит. Этим объясняется изменение диспозиции ролей в треугольнике родитель — ученик — учитель. Если для предыдущих поколений было характерно блокирование взрослых (учителей и родителей) в педагогическом воздействии на ребенка, то теперь более типично противостояние родителей учителям в защите прав и интересов своего чада. По утверждениям современных педагогов, ситуация в этой сфере из-

менилась не в 1990-е годы, а лет на десять раньше — в 1980-е. Причины этого явления еще нуждаются в изучении. В качестве версии можно предположить, что они кроются в кризисе идеологии, ослаблении механизма социальной солидарности, крушении уверенности в имманентной справедливости советского общества, наглядно проявившихся неудачах в решении главной задачи социалистических преобразований — создании нового человека.

Опрос людей разных поколений показал, что момент, когда число играющих на улице детей стало стремительно сокращаться, относится к середине 2000-х годов. В объяснении причин этого они солидарны — распространение цифрового досуга. Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий ставит перед исследователями вопрос о роли этих технологий в социальной жизни. М.В. Осорина в книге «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» (2016) среди многих иных явлений современного детства осуществила анализ ранней привязанности детей к электронным гаджетам, которую она связывает со свойствами современной городской среды, опасной для несовершеннолетних, долго им не доступной без сопровождения взрослых, что обрекает их на затворничество. Но дело в том, что эта тенденция охватила уже и небольшие провинциальные города, поселения городского типа, крупные сельские поселения с населением, например, в 10 тыс. чел.

После осознания этой проблемы было проведено пилотажное исследование с целью выяснения, существуют ли специфические практики пользования ИКТ среди молодежи небольших населенных пунктов, обусловленные как самой ситуацией юношеской социализации, так и практиками, принятыми в данном типе населенных пунктов. Его методами стали интервью и наблюдения, охватывающие одновременно онлайн- и офлайн-среду. В качестве объектов исследования выступили уроженцы сельских районов, ставшие студентами одного из ростовских вузов, а также школьники г. Пролетарска Ростовской области. Было проведено 23 интервью. Любопытно, что и студенты 17–20 лет, и школьники 12–16 лет, входящие в целевую группу, дали примерно одну структуру распределения свободного времени, форм проведения досуга, Интернет-предпочтений. Результаты обобщения сводятся к нескольким тезисам.

1. После 10–12-летнего возраста дети резко сокращают количество времени, проводимого на улице, включая двор частного домовладения. Традиционный для советского времени ребенок с ключом от квартиры на шнурке на шее превратился в анахронизм. Этому способствует ситуация на рынке труда, когда из-за сокращения рабочих мест в небольших населенных пунктах неработающая мать стала распространенным явлением. Сопровождение ребенка в школу и из школы стало практиковаться не только в городах, но и в районных центрах сельских районов. Как правило, дети ходят в гости друг к другу, где они играют под присмотром кого-то из родителей. Эта опека способствует тому, что ребенок не усваивает навык самостоятельной организации своего времяпровождения на улице, он не приобретает уличных друзей, не узнает соответствующих игр и занятий.

2. Для предыдущих поколений подростков реальной проблемой стала игромания. Нередко невольными виновниками ее становились родители, рано приобретавшие для своих детей такой престижный прибор как компьютер, полагая, что таким образом их ребенок лучше усвоит правила работы на нем. Но вопреки их благим намерениям у детей прочно утвердился взгляд на компьютер как на игрушку. Официальной статистики игромании да еще в динамике нет, однако, по собственным наблюдениям

автор может судить, что в поколении “Z” она несколько снизилась. В современных студенческих группах игроманами можно считать 2–3 чел. из 20–30 чел.

3. Нынешнее поколение сельских тинейджеров после овладения ИКТ становятся убежденными домоседами. Их общение с одноклассниками протекает через Интернет — через ВК, WhatsApp. Они признаются, что именно переписка, а не разговор по телефону дает наиболее эмоциональный фон в общении. Переписка также привлекает возможностью группового чата. В этом уроженцы сельской местности практически не уступают горожанам и даже их превосходят по времени, проведенному в мессенджерах. Причиной этого они называют отсутствие «приличных» мест для проведения времени с одноклассниками и друзьями «в режиме офлайн». Традиционное прежде участие детей в работе на приусадебном участке стало встречаться достаточно редко даже в тех случаях, когда оно является средством получения дохода для семьи.

4. В Интернет-предпочтениях сельских подростков и юношества были выявлены отличия в сравнении с их городскими ровесниками. У первых из них как жизненная цель присутствует переезд в город. В связи с этим они рассматривают Интернет как источник информации о знаниях и навыках, необходимых для этого. В связи с этим у них свои пристрастия в выборе блогеров, видеоканалов, текстов для чтения. Девочки смотрят «бьюти», иные видео в жанре тьюториал, особенно увлекаясь различными психологическими тренингами. Примечательно, что в отличие от городских сверстниц они в меньшей степени смотрят видео о путешествиях и жизни за границей типа канала Сони Есьман, по-видимому, для них это слишком резкий прыжок из знакомого мира. Юноши не менее прагматичны. Среди них отмечено большее, чем среди горожан, количество лиц, имеющих страстные увлечения, лежащие за рамками виртуального мира, такие как автомобили, музыка, иные виды искусства. Интернет становится для них инструментом накопления знаний, в том числе и попутных, таких как разговорный английский язык. Примечательно, что топовые русскоязычные блогеры им известны, но не являются их кумирами.

Исследование проведено в рамках реализации проекта № 32.8553.2017/БЧ «Видеоблогосфера как пространство формирования идентичности молодежи: конструктивные и деструктивные коммуникативные практики»

Н. А. Птицына, Е. К. Маркова

г. Иваново, Ивановский государственный университет

Женщина на городской социальной службе: особенности статуса и профессионального развития в условиях цифровой экономики

Цифровизация оказывает существенное влияние на различные стороны жизнедеятельности современного российского общества. Переход от постиндустриального к информационному обществу сопровождается как позитивными (например, непрерывное образование становится неотъемлемым элементом цифровой экономики), так и негативными изменениями (увеличение гендерного разрыва). Трансформируется рынок труда и структура занятости населения (например, растет прекариат), происходят изменения в содержании деятельности различных профессиональных групп.

Разные аспекты гендерного измерения цифровой экономики находятся в центре внимания современных исследователей [5, 3, 1]. Актуальность изучения обозначенной

темы обусловлена тем, что смещение в трудовом процессе экономических и гендерных отношений, наличие гендерных стереотипов затрудняет профессиональное развитие женщин-сотрудников городских социальных служб в условиях цифровой экономики. Чем дальше регион находится от федерального центра, тем больше возникает ограничений у женщин в реализации своих возможностей (вытеснение из тех отраслей экономики, которые могли бы обеспечить им хороший материальный доход и статус, отсутствие выбора места работы и др.).

Социальная работа (одним из видов которой является социальное обслуживание) считается гендерно чувствительной сферой профессиональной деятельности, которая призвана своевременно реагировать на перемены, происходящие в обществе. Изменяются потребности мужчин и женщин, нуждающихся в получении социальных услуг, соответственно, трансформируется сама идеология оказания социальной помощи. Наряду с необходимостью получения социально-бытовых услуг возрастает доля граждан, нуждающихся в получении информационных услуг. В связи с этим повышаются требования к сотрудникам социальных служб, одним из которых является развитие профессиональной компетентности социальных работников в области цифровых технологий.

Среди сотрудников городских социальных служб, как и в региональной системе социального обслуживания в целом, преобладает женская занятость. Данные ряда эмпирических исследований позволяют сделать вывод о том, что выбор места работы у значительной доли женщин во многом был продиктован сложившимися социально-экономическими условиями, нежели их собственными желаниями. Наиболее представительные группы в кадровом составе учреждений социального обслуживания составляют женщины старше 45 лет, значительная доля которых не владеет информационно-коммуникационными технологиями. В то время как освоение новых технологий становится неотъемлемым элементом преобразования социальных отношений и выступает в качестве инструмента профилактики и преодоления трудных жизненных ситуаций индивида или группы [4].

Посредством освоения социальными работниками инновационных технологий трансформируется содержание профессиональной деятельности (происходит преобразования в структуре взаимодействия в контексте «социальный работник — клиент», коллегиального общения, диады «руководитель — сотрудник»), повышается их профессиональная компетентность, развиваются практические умения и навыки быстро и эффективно решать проблемы клиента. Например, становится возможным внедрение новых подходов к организации рабочего времени (посредством электронных онлайн-услуг совершать покупки в интернет-магазинах, оплачивать услуги ЖКХ, производить запись подопечных в учреждения здравоохранения, общаться с клиентами и др.), новых технологий обслуживания (применение телематических систем, индивидуальное информационное сопровождение подопечных, онлайн-общение с родственниками клиентов и др.). Интернет-технологии оказывают существенное влияние на женщин как на сотрудников, так и на потребителей товаров и услуг. Расширяются личные ресурсы социальных работников (повышаются социальная и профессиональная мобильность, развивается коммуникативная компетентность, появляется возможность включения в сферу «электронной занятости» с целью получения дополнительного заработка, а также уменьшается риск профессионального «выгорания» и др.).

Как свидетельствует практика, социальные работники, освоившие компьютерную грамотность, становятся активными пользователями информационных ресурсов в профессиональной деятельности и в повседневной жизни, у них формируется положитель-

ная мотивация на саморазвитие, они успешнее мобилизуют внутренние ресурсы (как на физическом, так и на психоэмоциональном уровне). Наличие информационной компетентности позволяет сотрудникам социальных служб занимать активную позицию в реализации задач информатизации (например, посредством вовлечения клиентов в процесс освоения компьютерной грамотности путем получения дистанционного неформального образования). Однако политика государства в отношении данного профессионального сообщества, подавляющее большинство которого составляют женщины (уровень оплаты труда, слабая социальная защищенность, отсутствие комплексной системы подготовки и переподготовки кадров), выступает демотивирующим фактором профессионального развития сотрудников социальных служб. Низкий уровень оплаты труда (при наличии больших физических и психологических нагрузок) в сочетании со слабым материально-техническим оснащением (например, отсутствие компьютерной техники) снижает мотивацию женщин к повышению уровня профессиональной подготовки. В сложившихся условиях женщины вынуждены в досуговое время искать дополнительные источники пополнения семейного бюджета (например, заниматься обработкой садово-огородных участков, выращивая сельскохозяйственную продукцию). Интенсивная нагрузка в рабочее и свободное время истощает физические и психоэмоциональные ресурсы женщин, ослабляя мотивацию профессионального развития.

В целях повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников социальных служб необходимо особое внимание уделить вопросам подготовки кадрового состава. В этой сфере предстоит выполнить большую работу, включающую комплекс мероприятий: начиная от оснащения рабочих мест современным оборудованием до внедрения новых технологий интернет-образования по социальной работе. Несмотря на то, что в последние годы появились отдельные разработки в этой области [2], в перспективе необходимо уделить внимание созданию комплексного научно-методического оснащения профессиональной деятельности сотрудников социальных служб.

Информатизация общества диктует необходимость трансформации подходов к организации и содержанию социального обслуживания, повышаются требования к персоналу социальных служб. Анализ гендерных аспектов положения данной профессиональной группы, их учет в ходе реализации региональной социальной политики будет способствовать формированию у женщин-сотрудников городских социальных служб позитивной мотивации профессионального развития. Наличие информационной активности позволит социальным работникам расширить свои возможности как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни.

Литература

1. *Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы Всерос. конф. с междунар. участием, 20–21 апреля 2018 г., ИвГУ, г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018.*
2. Дудкин А. С. *Новые технологии интернет-образования по социальной работе*// *Отечественный журнал социальной работы*. 2012. № 3. С. 182–185.
3. *Женщины и STEM в цифровую эпоху: политика занятости в мегаполисе*// Е. К. Захарова, Т. А. Мхитарян, О. Б. Савинская [Под ред. О. Б. Савинской]// АНО «Совет по вопросам управления и развития». М.: ООО «Вариант», 2017.
4. Попов П. В. *Информационные технологии как элемент модернизации социального обслуживания населения*// *Отечественный журнал социальной работы*. 2012. № 1. С. 137–141.
5. *STEM: новые перспективы профессиональной занятости женщин*// АНО «Совет по вопросам управления и развития»; [под ред. Е. А. Савостиной, сост. Е. В. Кочкина]. М.: Акварель, 2016.

Влияние потребительской социализации в семье на гендерные различия в уровне финансовой грамотности

Изучение уровня финансовой грамотности имеет большое значение для современного общества: с каждым годом все усложняется процесс расчета будущих пенсионных накоплений, растет популярность микрокредитов, появляются новые возможности вложений, становятся более доступными образовательные кредиты.

При усложнении финансового рынка важно, чтобы отдельные группы в обществе не оказались в заведомо невыгодном положении из-за низкого уровня финансовой грамотности. Ранее исследователи называли женщин как группу, демонстрировавшую низкий уровень финансовой грамотности [3]. Некоторые исследования указывают, что различия между уровнем финансовых знаний между мужчинами и женщинами наиболее четко видны на старшекласниках и студентах [4].

По данным исследований уровень финансово грамотности россиян находится на низком уровне [1], но и в странах Запада этот показатель сильно различается в зависимости от региона. Правительства многих стран уделяют большое внимание этому вопросу и внедряют программы развития финансовой грамотности среди населения.

Исследование финансовой грамотности школьников и студентов проводилось, например, в Новой Зеландии [2]. Исследователями были получены данные о существовании гендерных различий в восприятии детьми и студентами значимости родителей разного пола в их потребительской социализации.

Таким образом, гендерный аспект уровня финансовой грамотности представляет научный интерес: влияет ли потребительская социализация в семье на уровень финансовой грамотности? Недавние исследования показывают, что такая связь может существовать: в Новой Зеландии, для изучения финансовых привычек детей, было опрошено 540 клиентов банка «Westpac» с детьми 4–18 лет и выявлено, что мальчики получают на 3 доллара в неделю больше, чем девочки [5].

Для выявления связи между уровнем финансовой грамотности, гендером и финансовой социализацией в семье С. Агню и Т. Кэрولين-Агню провели собственное исследование [2]. В нем участвовали 1271 ученик 10 классов (14–15 лет) в г. Крайстчерч (Новая Зеландия). Они заполняли опросник с вопросами об управлении финансами и отвечали на ряд социально-демографических вопросов. Вторая часть выборки состояла из 317 первокурсников по специальности микроэкономиста университета Кентерберри (Новая Зеландия). Они заполняли тот же опросник по финансовой грамотности и отвечали на дополнительные вопросы, о которых ниже.

В результате регрессионного анализа выборки школьников было установлено, что высокие результаты по тестированию финансовой грамотности показали статистически значимую связь с европеоидной расой, более ранним возрастом включения респондентов в обсуждение финансовых вопросов в семье, а также наличием высшего образования у отцов. Эти связи были выявлены как в подвыборках мальчиков, так и девочек. Пол не оказал значимого влияния на результаты тестирования, но мальчиков начинали привлекать к обсуждению финансовых вопросов чуть раньше, примерно на полгода.

Анализ показал, что среди студентов с мальчиками финансовые вопросы также начинали обсуждать раньше, чем с девочками. Для уточнения этих связей студентам задавали три дополнительных вопроса:

- Как Вы считаете, в большинстве семей кто из родителей больше знает о деньгах?
- Ваши родители разговаривали с Вами о деньгах, когда Вы росли?
- Кто из родителей больше влиял на то, как Вы тратили деньги, пока росли?

Анализа данных на студенческой выборке показал, что если отец респондента учился в университете, то его называют более компетентным в финансовых вопросах родителем, сильнее влияющим на траты ребенка в школе. Связи между тремя дополнительными вопросами и уровнем образования матери не выявлено. Эти данные подтверждают традиционные гендерные стереотипы: отец знает больше, чем мать; он играет большую роль в принятии финансовых решений и больше влияет на поведение детей, чем мать.

Кроме того, можно предположить, что матери с более высоким уровнем образования не играют значительную роль в финансовых делах домохозяйства, в то время как чем выше образование у отца, тем больше вероятность, что он будет играть ведущую роль в финансовой грамотности детей. Что также подтверждает стереотипы: образование матери не имеет значения, если отец занимается финансами.

В результате исследования была выявлена связь между возрастом включения детей в обсуждение финансовых вопросов и результатами тестирования в области финансовой грамотности и большим влиянием на респондентов фигуры отца. В дальнейшем было бы интересно посмотреть, как расширенная семья влияет на финансовую грамотность, а также изучить результаты подобных исследований в других странах.

Литература

1. «Россияне уступили в финансовой грамотности Монголии и Зимбабве». Ссылка: <https://www.rbc.ru/economics/18/11/2015/564cb0b49a794735ec96b7d2> Обращение: 22.04.2018.
2. Agnew S., Cameron-Agnew T. (2015). *The influence of consumer socialization at home on gender differences in financial literacy. International journal of Consumer Studies.* #39. — pp. — 630–638.
3. Lusardi A., Mitchell O., Curto V. (2010). *Financial literacy among young. The Journal of Consumer Affairs.* #44. — pp. 358–380.
4. Mandell L., Xiao J. (2008). *Financial literacy of high school students, handbook of consumer finance research.* Springer, NY. P. 163–183.
5. Wade A. (2013) *Boys get paid more pocket money.* URL: http://www.nzherald.co.nz/lifestyle/news/article.cfm?c_id=6&objectid=11140064 Accessed April 22, 2018

Т. М. Хусяинов

г. Нижний Новгород, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

«Мамалансер» как проявление идентичности на рынке самостоятельной Интернет-занятости

Современное общество, часто характеризуемое как «Информационное» или «Постиндустриальное», значительно отличается от прошлых стадий. Высокий уровень проникновения техники и Интернет-технологий во все сферы жизни меняет жизнь общества и отдельного человека.

Информационная революция 1970-х годов, а затем бурное распространение доступа к Глобальной сети стали толчком для развития новой формы трудовых отноше-

ний — Интернет-занятости, которая может характеризоваться как способ выполнения трудовой деятельности посредством сети Интернет, за пределами помещений работодателя (дома, в общественных местах, специализированных коворкинг-центрах и т.д.). При этом график может быть гибким и выстраиваться работником самостоятельно, так и оговоренным, например, для случаев онлайн-консультирования.

Такая важная особенность как возможность работать из дома, стала причиной распространения среди женщин, находящихся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком [1]. На основе этих характеристик возникают виртуальные сообщества, такие как «Мамалансер» (Mamalancer) и «Фрии-мама» (Free-mama) [4–6].

Исследователи выделяют различные категории Интернет-работников — студенты-фрилансеры, совместители, мамалансеры и т.д. Однако лишь у мамалансеров формируется собственное сообщество на основании определенной идентичности. Данная социальная группа представляет собой женщин, занятых посредством сети Интернет, работающих дома и ухаживающих за детьми. При этом не имеет значения, находятся ли они в официальном отпуске по уходу за ребенком или нет. Часто переход к Интернет-занятости становится вынужденным, в связи с рождением ребенка — невозможностью совмещать стандартную занятость и материнство [3]. Данное сообщество активно развивается в социальных сетях и блогоплатформе «Живой журнал» (например, mamalancer.livejournal.com).

Формируется «виртуальная субкультура» на базе сообществ мам-фрилансеров, которые выделяется среди других (студентов-фрилансеров, совместителей, цифровых кочевников) из-за специфических ценностей, норм и практик, к ним относятся уход за детьми, ценность материнства и т.д. [1]

Сообщество называется «Биржа труда для мам-фрилансеров», однако, стоит отметить, что его основное значение заключается, прежде всего, в коммуникации между участниками. Данная площадка становится местом взаимодействия и поддержки опытных Интернет-работниками тех, кто только присоединился.

При этом, достаточно часто у них отсутствует какой-либо опыт работы в данной сфере, что приводит к возникновению проблем организации рабочего процесса. Поэтому, в рамках сообществ мамалансеров уделяется большое значение началу виртуальной карьеры, представляется модель организации рабочего времени и процесса в целом, предлагаются первые вакансии, а также списки недобросовестных заказчиков [2].

На основании нашего исследования мы можем сделать вывод о том, что мамалансеры (мамы-фрилансеры) представляют собой определенную социальную группу, обладающую и чувствующую общую биографическую ситуацию, имеющую общие проблемы и осуществляющие взаимопомощь внутри своей группы. При этом, данная группа существует в виртуальном пространстве и функционирует на различных Интернет-платформах. Еще одна особенность данной группы заключается в меньшей анонимизации в сети, в то время, как часть Интернет-работников намеренно скрывают личную информацию, мамалансеры демонстрируют свой семейный статус, в том числе и возможным заказчикам: «... Мне 42 года. И все свое время уделяю сынуле 7 лет.», «Мне 27 лет, есть дочка 1.9, сижу в декрете с ребенком».

Мамалансеры или мамы-фрилансеры — это отдельная категория Интернет-работников, которые могут быть как самозанятыми, так и штатными, но удаленными сотрудниками. Представляют собой группу женщин, работающих в период декретного отпуска, отпуска по уходу за ребенком или решившие работать из дома, чтобы заниматься воспитанием детей.

Переход к Интернет-занятости становится достойной альтернативой стандартной занятости, более того, в рамках процесса прекаризации, доля стандартных рабочих мест активно сокращается. Вместе с данным процессом меняется и требования к работнику. Работодателю/нанимателю уже не нужно беспокоиться о том, что женщина-работница уйдет в декретный отпуск — она может продолжать вести трудовую деятельность в самые кратчайшие сроки после рождения ребенка

Литература

1. Харченко В. С. Социологический анализ становления культуры фриланса//Материалы XVI Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» Екатеринбург. УрФУ, 2013. С. 821–830.
2. Харченко В. С., Бурулцкая М. Г. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития//Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. №1. С. 111–123
3. Хусяинов Т. М. Причины добровольного перехода сотрудников на занятость в сети Интернет (на примере Нижегородской области)//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1 (2). С. 468–473.
4. FreelanceMom: The source for professional moms. URL: <http://www.freelancemom.com/>
5. FREE-MAMA: Работа со свободным графиком для женщин с детьми. URL: <http://free-mama.ru/>
6. MAMALANCER.RU: Работа в декрете и в Интернете. URL: <http://mamalancer.ru/>

Данная работа подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 17-03-00074-ОГН «Самостоятельная интернет-занятость: между прекаризацией и нормальностью» 2017–2018 гг.

А. В. Ракачева

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Метисные группы и особенности презентации их членов в виртуальном пространстве: гендерный анализ

В условиях современного мира все активнее и глубже становятся контакты между странами и народами, размываются культурные границы, активизируется культурный диалог. Эти процессы помимо положительных последствий создают различного рода проблемы. Одной из таких проблем можно считать положение потомков от смешанных браков, число которых в нынешнем обществе постепенно растет. В этой связи изучение проблемы маргинальной этничности, пограничного состояния этнического самосознания метисных групп и попыток их самоопределения и презентации приобретает все большую актуальность.

Метисы — потомки от смешанных браков — люди, оказавшиеся на границе двух социальных сил, двух (а иногда и более) культур. Сложность ситуации проявляется в том, что они неизбежно поставлены перед выбором этничности. В сознании таких людей тесно переплетаются элементы двух и более культур — элементы, нередко несовместимые, противоречащие друг другу и вызывающие в сознании личности болезненное чувство раздвоенности, неоднозначности своей социальной и этнической принадлежности. Как следствие они начинают осознавать себя как особую группу,

обладающую амбивалентностью этнического самосознания. Возникает потребность интеграции и взаимодействия. Возможности такого взаимодействия существенно расширились с повсеместным распространением социальных сетей. Специфика современного общества, повсеместная интернет-глобализация позволяет единомышленникам из различных территорий, стран объединяться и взаимодействовать.

В русскоязычном интернет-пространстве доминирующее место среди прочих коммуникационных площадок на данный момент занимает социальная сеть «ВКонтакте». Представители метисных групп также иницируют взаимодействие между собой через эту социальную сеть, создавая различного рода паблики.

Целью нашего исследования стало изучение способов презентации представителей метисных групп в социальной сети ВКонтакте, выявление мотивов и целей, которые стоят за подобными презентациями. В качестве объекта исследования нами были выделены представители метисных групп — потомки от смешанных в расовом и этническом плане браков. В качестве предмета — способы самопрезентации представителей метисных групп в социальной сети ВКонтакте.

На запрос в поисковике «ВКонтакте» сообществ, содержащих в названии слово «метис», сайт выдает 63 группы. Проанализировав количество их участников, постов (записей) на стене сообщества, обсуждений и времени последних комментариев, мы пришли к выводу, что более половины из них являются действующими. Контент, который они наполнены, отвечает целям нашего исследования.

В нашем исследовании были использованы материалы 5 групп, в названии которых использовалось слово «метисы», причем чаще в названиях групп фигурируют гендерные сочетания: «метисы и метисочки», «метисы и метиски» и др.

С какой целью создаются подобные группы? В правилах самой крупной из них — «Метисы и метисочки» — указано: «Хотелось бы вам напомнить о том, что данная группа была создана как раз таки для того что бы ОБЪЕДИНИТЬ людей со всего мира кто является носителем смешанных кровей и наоборот наполнять группу интересными историями о том, как это отражается на вашей жизни, как это влияет». Помимо интегративной функции группы выполняют функцию коммуникации, а также выступают площадкой для презентации ее участников.

Контент постов наполнен спорами о содержании термина и уместности употреблении термина «метис». Несмотря на некорректность терминологии, заметна потребность в самоназвании у потомков от смешанных браков, с условием, что этот термин будет охватывать как межрасовые, так и межэтнические смешанные браки. Потребность в самоназвании реализуется путем расширения границ термина «метис». Так, довольно широко распространен и активно поддерживается в пабликах термин «национальный метис», который воспринимается как более абстрактная характеристика индивида смешанной этничности.

При анализе групп «ВКонтакте» можно заметить, что на данный момент они используются преимущественно не для дискуссий, но для презентации участниками самих себя. Презентация может осуществляться исходя из различных целей. Во-первых, это желание получить у других участников группы и посетителей оценку своей внешности. Во-вторых, желание выяснить к представителям какой этнической группы они могут быть причислены на основе своих внешних признаков. Здесь происходит апелляция к участникам группы, которая имеет несколько вариантов. В одном случае презентующий помещает в паблике свое фото, в комментариях к которому сообщает этническую принадлежность своих родителей и просит

указать, к какой из этнических групп его можно отнести на основе его внешности. Вторая вариация представляет собой своего рода загадку: презентующий помещает фото без комментариев и обращается к участникам с вопросом, к какой этнической группе он принадлежит.

Причем, если в первом случае мотивом выступает самоутверждение, то во втором можно увидеть попытку самоопределения. Причем презентующий может пытаться с помощью общественного мнения и признания утвердиться в уже совершенном выборе этнической принадлежности, так и находясь в ситуации неопределенности в плане этнического самосознания пытаться обрести его с помощью постороннего объективного мнения.

Авторами постов преимущественно являются женщины, при этом интересно, что для «оценки» или для этнического определения они размещают не только свои собственные фотографии, но и фото мужчин — своих знакомых или друзей. Мужских фотографий заметно меньше, к тому же мужчины всегда презентуют только себя. Комментаторами, в свою очередь, являются преимущественно мужчины.

Говоря о формах презентаций, их условно можно разделить на вербальные и невербальные. И здесь также заметно проявляется гендерный аспект. Женщины предпочитают аудиовизуальную форму, тогда как мужчины, напротив, преимущественно пользуются вербальной.

В среднем, более 2/3 записей без аудиовизуального контента, можно отнести к приветственным. При этом одна треть приветственных записей, лишенных аудиовизуального контента, начинаются с традиционного приветствия, характерного для исповедующих ислам: «Ассаламу аллейкум». Их можно рассматривать как весьма характерную форму мужских презентаций, неоднозначно указывающих на этно-конфессиональную принадлежность участника. Интересно, что авторы постов зачастую используют религию как этнодифференцирующий признак.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Создание пабликов в социальной сети ВКонтакте представителями метисных групп отвечает целому ряду потребностей и выполняет функции интеграции и коммуникации, группы предоставляют возможность путем презентации утвердиться участникам и получить помощь и поддержку в плане этнического самоопределения. Кроме того, члены группы заинтересованы в поиске не только индивидуальной и групповой идентичности путем поиска адекватной терминологии и определения ее содержания.

Л. А. Нефедова, Д. А. Миронова
г. Челябинск, Челябинский государственный университет

Горожане и горожанки: специфика перевода в современном русскоязычном медиапространстве

Публицистический перевод был предметом внимания исследователей-переводоведов с момента становления теории перевода в качестве самостоятельной дисциплины (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рещкер, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер). Однако XXI в. поставил новые задачи в международном информационном пространстве, обозначилась новая парадигма в изучении языка СМИ, вместе с этим обновилась и терминологическая база. Начиная с 2005 г. благодаря работам Т.Г. Добросклонской [1], Я.Н. Засурского [2],

ключевым стало понятие медиатекста. Несмотря на то, что исследователи-переводоведы оперируют термином «медиатекст», мало внимания уделяется тому, как поменялся продукт в условиях конвергентной журналистики, и как эта трансформация влияет на переводческую стратегию. Доминирует исследование медиатекста как текста газетно-публицистического стиля без учета его функционирования в онлайн-пространстве. Между тем, на фоне усиления информационных потоков и всевозрастающей глобализации информационных технологий, когда ведущая роль в социуме переходит к средствам коммуникативно-компьютерного воздействия, медиапространство претерпевает значительные изменения. Специфика интернет-СМИ в настоящее время бросает вызов традиционному пониманию публицистического перевода, заставляя расширить традиционный подход к пониманию сущности перевода *per se* (см. [7, p. 537–548]). Вслед за сменой целевой аудитории происходит смена и социокультурного контекста, требующего реконтекстуализации (*recontextualization*) [9, p. 219] (ср. с *reframing* [6]) информации в процессе перевода вплоть до значительного изменения смысла (6) наполнения исходного материала. В зарубежном переводоведении данный вопрос изучается более активно в рамках исследования понятия «новостной перевод» (*news translation*), интерес к которому возник в 2004–2006 гг. (G. Baumann & M. Gillespie & A. Sreberny [3], K. Conway [5], L. Davier [7], A. Orengo [10], R. A. Valdeon [11]).

Отмечается, что в новостном дискурсе переводческая деятельность имеет тенденцию вступать в тесную взаимосвязь с журналистскими приемами, что особенно ярко находит свое отражение в переводе-редактировании (*transediting*). Он характеризуется как комбинация перевода и редактирования с ориентацией в первую очередь на реципиентов. Приемы перевода-редактирования влекут за собой преобразование содержания и структуры исходного текста, допуская устранение, добавление, изменение структуры и замещение фрагментов оригинала. Термин *transediting* был впервые введен в 1989 г. K. Stetting.

Одна из знаковых черт перевода-редактирования — это тяготение к доместикации («одомашниванию»/аккультурации) исходных текстов для реципиента текста перевода с учетом их информационных ожиданий. Если для L. Venuti более предпочтительна стратегия форенизации как инструмент борьбы с этноцентричностью [12], то в новостном переводе аккультурация (*acculturation*) — основополагающая норма [4] (ср. с понятием «культурный перевод» (*cultural translation*) применительно к новостному дискурсу [5, p. 188]). При этом сам процесс перевода зачастую осуществляется журналистом (*transeditor*, по K. Stetting, или *journalator*, по L. van Doorlaer [8]).

Далее обратимся к приемам перевода-редактирования, которые были обнаружены в анализируемых источниках. Материалом исследования приемов перевода-редактирования послужили новостных медиатексты, размещенных в российских интернет-СМИ (таких как *Inpressa.ru*, *Газета.ru*, *Meduza*) и исходные текст, размещенные на сайтах американских (*The New York Times*, *The Washington Post*, *The Washington Times* и др.) и британских (*The Daily Mail*, *The Guardian* и др.) интернет-СМИ.

Опущение. Данный прием можно наблюдать на примере перевода статьи *Prince Harry to marry Meghan Markle at Windsor Castle in May* (*The Guardian*; R. Booth; 28 November 2017), представленном на ресурсе «Газета.ру»:

В Букингемском дворце рассказали, когда состоится свадьба принца Гарри и Меган Маркл.

Британский принц Гарри и американская актриса Меган Маркл поженятся в мае 2018 года, сообщает *The Guardian* со ссылкой на сообщение Букингемского дворца.

Бракосочетание пройдет в резиденции британских монархов Виндзорском замке в часовне Святого Георгия.

«Это будет веселое и радостное событие, которое отразит характеры жениха и невесты», — отметил представитель дворца.

Королевская семья возьмет на себя расходы по оплате торжества, включая расходы на декор, музыкальное сопровождение и прием гостей. В Букингемском дворце не стали отвечать на вопрос, будут ли родители невесты вносить свой финансовый вклад в организацию.

Ранее принц Гарри и Меган Маркл откровенно рассказали о своих отношениях.

Значительная часть исходного текста посвящена деталям предстоящей свадьбы принца Гарри и Меган Маркл, в частности: информации о часовне и ее исторической значимости, интервью с Терезой Мей по поводу предстоящего события, привилегии, которое получит невеста после свадьбы, подробностях ее переезда из Канады, ее биографических данных. Однако переводчик-редактор сменил фокус повествования, оставив в стороне информацию, значимую в основном для британской аудитории, и сосредоточился исключительно на информационном поводе — объявление о дате торжества. Текст в «Газета.ру» завершается отсылкой к другому новостному материалу по смежной теме: Ранее принц Гарри и Меган Маркл откровенно рассказали о своих отношениях. Такой прием нередко используется для привлечения реципиента к продолжению чтения статей медиаресурса, а также для ознакомления его с предыдущими материалами, которые дополняют информационную картину ситуации, описанной в статье.

Дополнение. В примере ниже иллюстрируется ситуация, когда переводчик становится «видим»: с целью внести пояснения, заметив явную историческую неточность в именовании города в исходном тексте, он размещает в тексте примечание, указывая на верный исторический факт. Кроме того, автор текста на русском языке дополняет тело статьи небольшой справочной информацией об авторе, которая оригинале вынесена за ее пределы и стоит в сноске к тексту.

On April 16, 1917, Vladimir Ulyanov, the Russian exile better known by his revolutionary alias, Lenin, arrived at St. Petersburg's Finland Station following a roundabout journey from Switzerland, after spending nearly two decades abroad. (The New York Times; "Was Lenin a German Agent?" S. Mcmeekin; June 19, 2017)

«16 апреля 1917 года Владимир Ульянов, российский ссыльный, более известный под своим революционным псевдонимом Ленин, прибыл на Финляндский вокзал Санкт-Петербурга (так в оригинале, на самом деле столица была переименована в Петроград уже с августа 1914 года. — Прим. ред.) из Швейцарии окольным путем, проведя до этого почти двадцать лет за границей», — пишет в американском издании The New York Times Шон МакМикин, профессор истории в Бард-колледже (штат Нью-Йорк) и автор книги «Российская революция: новая история». (Inopressa.ru; "Был ли Ленин агентом Германии?").

Дистанцирование. В некоторых случаях автор новостного медиатекста отстраняется от исходного материала путем ухода от изложения текста от первого лица и использованию формата пересказа содержимого текста, о чем свидетельствуют подчеркнутые сегменты в отрывке из статьи ниже.

Polyglots and insults: how our European leaders use language

Native tongue: Renowned for his salty vocabulary, rather clipped delivery and uncompromising asides. Unafraid to employ earthy Russian street argot, he once

threatened to wipe out Chechen rebels “in the shithouse”, and on another occasion — to press conference gasps and giggles — invited a journalist questioning Russia’s tactics in Chechnya to come to Moscow “to be circumcised” and join the rebels.

Language of diplomacy: Putin, a former KGB agent who spent five years in Dresden, is proud of his fluent German, said to have improved even further in recent years thanks to his friendship with former German chancellor Gerhard Schröder. Though comfortable conducting political discussions one-to-one in German, diplomatic protocol requires the Russian leader to revert to his native language when aides are in attendance to ensure they understand. Putin has also been studying English while president, but it is said that the judo black belt is still wrestling with our vowel sounds: he rarely speaks English in public, and never in a diplomatic setting. He did, however, woo the International Olympic Committee in heavily accented but convincing English when bidding for the winter Olympics in Sochi, and famously crooned the Fats Domino hit Blueberry Hill in English at a charity event.

Mark out of 10: 8 (The Guardian).

Полиглоты и оскорбления: речь наших европейских лидеров

По случаю Европейского дня языков The Guardian решила проанализировать, как говорят в своих странах и за границей лидеры России, Германии и Франции, а также ведущие британские политики. Журналистка Люси Уорд оценила их по двум категориям — «родной язык» и «язык дипломатии».

О Владимире Путине газета пишет: «Знаменит своей соленой лексикой, довольно резкой манерой говорить и бескомпромиссными ремарками в сторону».

Путин «гордится своим свободным немецким, который, как говорят, в последние годы стал даже лучше благодаря дружбе с экс-канцлером Шредером». Если верить газете, Путин без труда ведет на немецком политические беседы с глазу на глаз, но в присутствии помощников переходит на родной язык, так как этого требует дипломатический протокол. «На президентском посту Путин также изучает английский, но говорят, что этот дзюдоист с черным поясом все еще не одолел наши гласные: он редко говорит по-английски публично, а на дипломатических мероприятиях — вообще никогда», — говорится в статье. Правда, он очаровал МОК, когда презентовал заявку на Олимпиаду в Сочи. Он также спел на благотворительном мероприятии песню Blueberry Hill.

Газета выставляет Путину 8 баллов по 10-балльной шкале (Inopressa.ru)

Таким образом, современное медиaprостранство в глобальной сети значительно трансформировалось и приобрело уникальные свойства, оказывающие влияние на подход к созданию медиатекстов онлайн-формата. Формируется тесное переплетение журналистики и переводческой деятельности в новостном медиадискурсе, что обуславливает использование такого вида перевода, как перевод-редактирование (transediting). Основная задача такого перевода заключается в том, чтобы сохранить вовлеченность коммуникантов, характерную для реципиентов исходного текста, но при этом подходящим образом скорректировать новости для реципиентов переводного текста. Ключевую роль при этом играет личность переводчика-редактора, не являющегося посредником или промежуточным звеном в межязыковой коммуникации, а его центральной фигурой.

Дальнейшее комплексное изучение вопроса видится крайне необходимым и актуальным в современных информационных условиях.

Литература

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). — Издательство «Флинта», Москва, 2008. — С. 263.
2. Засурский Я. Н. Колонка редактора: Медиатекст в контексте конвергенции//Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2005. — № 2. — С. 3–7.
3. Bauman G., Gillespie M., Sreberny A. Transcultural journalism: Translations, transmissions and transformations//Journalism. — 2011. — Vol. 12, iss. 2. P. 235– 238. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884910388588>
4. Bielsa E., Bassnett S. Translation in global news. Routledge: London, New York, 2009. 162 p. DOI: 10.7202/1015355ar.
5. Conway K. What is the role of culture in news translation? A materialist approach//Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. — 2015. — Vol. 23, is. 4. — P. 521–535. DOI: <https://doi.org/10.1080/17513057.2010.487219>
6. Darwish, A. Translating the News: Reframing//Translation Watch quarterly (Translation Standards Institute). — 2006. — Vol. 2, n. 1. — P. 52–77.
7. Davier L. 'Cultural translation' in news agencies? A plea to broaden the definition of translation//Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. — 2015. — Vol. 23, is. 4. — P. 536–551. DOI: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2015.1026833>
8. Doorslaer, L. V. Translating, Narrating and Constructing Images in Journalism with a Test Case on Representation in Flemish TV News//Meta: Translators' Journal. — 2012. — Vol. 57, n. 4. — P. 1046–1059. DOI: <https://doi.org/10.7202/1021232ar>
9. Kang J. H. Recontextualization of news discourse. A Case Study of Translation of News Discourse on North Korea//The Translator. — 2007. —13 (2). — P. 219–242. DOI: <https://doi.org/10.1080/13556509.2007.10799239>
10. Orengo A. Localising News: Translation and the 'Global-national Dichotomy'//Language and Intercultural Communication. 2005. Vol. 5, n. 2. P. 168–187. <https://doi.org/10.1080/14708470508668892>
11. Valdeón R. A. (Un)stable sources, translation and news production//Target. — 2015 (a). — 27:3. — P. 440–453. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.27.3.07val>
12. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. — 2nd Edition. — Routledge, 2008.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МОиН РФ по проекту № 34.6111.2017/БЧ (тема «Медиаперевод в современных информационных условиях»).

РАЗДЕЛ 10. ГОРОДСКАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ГОРОЖАНЕ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

10.1. ГОРОДСКАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ: ПРОСТИТУЦИЯ, СУИЦИДЫ, ИНФАНТИЦИД

Е. В. Бурлуцкая

г. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Здесь «горничные все склонны и жаждут любви...». Горожанки в сфере интимных услуг в Оренбургской губернии пореформенной эпохи

В последнее время проблема проституции в Российской империи в конце XIX в. неоднократно становилась предметом научного исследования. Однако, преимущественно, это асоциальное явление рассматривалось либо с позиций государственного контроля, регламентации и противодействия его распространению [5; 8; 9; 13], либо как проявление социальных девиаций [4; 7]. В. Б. Безгин в своих исследованиях касался этой проблемы применительно к сельскому населению [1]. В отношении горожанок Оренбургской губернии пореформенной эпохи аналогичных исследований до последнего времени не предпринималось.

В середине XIX века в России занятие проституцией было легализовано как в форме деятельности различных «домов терпимости» и «домов свиданий», так и в форме индивидуальной деятельности. В 1889 году Центральный статистический комитет МВД организовал перепись легальных проституток в рамках всей России. Собранные информация вскоре была издана [12]. Согласно данным, собранным Центральным статистическим комитетом, в Оренбургской губернии в 1889 году имелось 16 домов «терпимости и свиданий» при которых состояло 62 жрицы любви. Из них 33 (53,2%) женщины были местными, а 29 (46,8%) происходили из других губерний. Число проституток-одиночек достигало 120, среди которых соотношение местных жительниц и женщин иногубернского происхождения было равным — 60 на 60 [12, с. 2].

В среднем по империи в домах терпимости преобладали приезжие из других регионов России (56,9%). За исключением иностранок (4,6%) местные жительницы составляли в них 38,5%. А вот среди одиночек большинство составляли именно местные уроженки (60,2%) [12, с. XVIII]. Таким образом, в Оренбургской губернии наблюдалась довольно выраженная специфика контингента интим-услуг. В центре именно проститутки из других губерний или иностранки предпочитали работать в домах терпимости, обеспечивающих им приют и защиту. Оренбургский же регион, расположенный далеко от центральных российских регионов и имеющий высокий процент пришлого населения, создавал ситуацию, когда в масштабах города, где в основном и сосредотачивались дома терпимости, жители не слишком хорошо знали друг друга, и работать

в публичном доме местным дамам было не так позорно и достаточно спокойно.

С другой стороны, в давно освоенных центральных регионах с устойчивым городским сообществом торговать собой «в индивидуальном порядке» удобнее было именно местным жительницам, имевшим здесь свой угол, знакомых покровителей, нужные связи с полицией, врачебной частью и т. д. Но чем дальше губерния располагалась, тем больше среди публичных женщин оказывалось женщин из других губерний. Они прибывали в отдаленные окраинные районы с родителями или мужьями, но, в силу тяжелых жизненных обстоятельств, оказывались без средств к существованию и в итоге вынуждены были торговать собой.

Женщины, работающие в домах терпимости, преимущественно принадлежали к православной конфессии (54 из 62), были русскими по этнической принадлежности. Еще восемь были мусульманками (из 39 в целом по России), татарками [12, с. 20, 24]. Среди «одиночек» также преобладали женщины русские православного вероисповедания (102 из 120). Было также 17 татарок и даже одна киргизка [12, с. 28–29]. Особенность Оренбургской губернии заключалась в том, что здесь среди проституток практически не встречались представительницы этносов, населяющих Европу — немки, как, например, в Самарской губернии, или полячки и еврейки, как в Смоленской губернии.

В Оренбургской губернии замужние женщины в домах терпимости, составлявшие 14,5% контингента [12, с. 40–41], встречались намного чаще, чем в среднем по империи (4,5% [12, с. XXIV]). Только 11,3% женщин в публичных домах городов губернии не имели никого из родных [12, с. 40–41]. Замужние женщины, занимающиеся проституцией в индивидуальном порядке, составляя в Оренбургской губернии 25% всего контингента такого класса [12, с. 40–41], встречались намного чаще, чем в среднем по империи (11,9% [12, с. XXIV]). Круглыми сиротами из «индивидуалок» были всего 7,5% женщин [12, с. 44–45]. Наличие мужей и родственников у значительной части проституток в Оренбургской губернии дает основание предполагать, что на путь торговли телом женщин часто толкали их супруги или ближайшие родственники. Особенно это касалось переселенцев, приехавших в Оренбургский край в поисках лучшей доли. Наличие в семье детей лишь усугубляло ситуацию. Если мужчина не мог найти себе работу, или длительно отсутствовал, оставляя семью на произвол судьбы, женщинам (матери, дочерям) не оставалось иного пути, как заняться коммерческими сексуальными услугами.

В домах терпимости Оренбургской губернии было сравнительно больше возрастных барышень. Женщин, начавших продавать себя в возрасте старше 22 лет, там было 19,4%, в то время, как в Самарской губернии — 6,9%, а в Смоленской — 7,5% [12, с. 54–55]. Похоже, что в Оренбургской губернии торговля телом для большинства женщин была вполне осознанным выбором. Кроме того, в домах терпимости Оренбургской губернии не встречалось женщин, лишившихся невинности в результате насилия [10, с. 70]. В отличие от женщин при домах терпимости, среди одиночек 12 из 120 женщин (10%) были лишены невинности насильно [12, с. 71]. Вероятно, сказывалось неместное происхождение почти половины из них.

Таблица, посвященная роду занятий женщин до их обращения к проституции, к сожалению, не содержит в себе сведений по отдельным губерниям. Но в Европейской России большинство из них (46%) работали домашней прислугой, жили при родителях и родных (20,1%), работали швеями или портнихами (10%) [12, с. 74]. Как писал об Оренбурге Ф. И. Лобысевич, здесь «горничные все склонны и жаждут люб-

ви, а потому, что ни делайте, но уж это их судьба» [6, с. 20]. В городах Оренбургской губернии жрицы любви часто работали в дорожных ресторанах, располагавшихся при гостиницах. Слухи об этом ходили в отношении «Американской гостиницы» купцов Хусаиновых, гостиницы «Европейская» купца Лодыгина в Оренбурге, «пивных залов» в Орске [3, с. 30]. Городские парки и скверы также становились местами для интимных свиданий, о чем, например, довольно часто упоминается в произведении С. И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» [2].

Наибольшее число публичных домов (13) и работающих в них падших женщин (47) сосредотачивалось в губернском центре — городе с максимальным числом населения, сосредотачивающем в себе большое число людей, приехавших на заработки, по торговым делам, переселенцев и других бессемейных. В Орске и Челябинске публичных домов не было совсем. В Орске, видимо, в силу отсутствия значительного спроса на интим-услуги, а в Челябинске к концу 1880-х гг. в рамках недавно начавшегося бурного переселенческого движения, этот спрос еще не успел оформиться в какие-либо предпринимательские формы. Два дома терпимости было в Троицке — крупном торговом центре, где посетителями этих домов могли быть состоятельные торговцы, приезжавшие в город по делам коммерции. Один публичный дом имелся в Верхнеуральске, где его посетителями могли быть военные. Индивидуально проституцией женщины занимались во всех городах губернии. Больше всего их было в Оренбурге (37) и Троицке (27), меньше всего — в Орске (11) [10, Приложение, с. 12–13].

В 1897 г. Перепись населения Российской империи зафиксировала некоторые изменения в сфере интимных услуг Оренбургской губернии [9, с. 108–111]. Через девять лет число женщин, занимающихся проституцией сократилось в Оренбурге на 10 человек, в Верхнеуральске — на 5, в Троицке выросло на 10 человек, в Челябинске — на 8 человек, в Орске почти не изменилось. Рост числа продажных женщин в Троицке и Челябинске был связан с мощным переселенческим движением, охватившем восточные регионы Оренбургской губернии после прокладки Самаро-Оренбургской железной дороги. По данным на 1897 г., проституцией занимались 1,31% горожанок Оренбургской губернии и всего 0,49% губернии Смоленской [10]. Это, на наш взгляд, было связано с тем, что в ситуации мощного переселенческого движения, охватившего регион к концу века, спрос на интим-услуги здесь оставался стабильно высоким, степень материальной обеспеченности переселенцев была крайне низкой, а торговая телом для большинства женщин, представляла единственно доступный способ заработка.

Исходя из вышеизложенного следует констатировать наличие специфических черт сферы интимных услуг в городах Оренбургской губернии пореформенной эпохи, вызванных особенностями женской части городского населения региона. Основная их часть была связана с глубокой провинциальностью губернии, этнической, конфессиональной и социальной пестротой ее населения, мощными колонизационными процессами, происходящими на ее территории.

Литература

1. Безгин В. Б. *Русская деревня конца XIX — начала XX века: грани крестьянской девиантности (Часть 2)*//Genesis: Исторические исследования. 2012. № 2. С. 149–190.
2. Гусев-Оренбургский С. И. *Страна отцов*//Сборник № 4 товарищества «Знание» за 1904 год. С.-Пб, 1905 [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/guseworenburgskij_s_i/text_0020oldorfo.shtm.
3. Дедлов (Кизн) В. Л. *От Оренбурга до Орска*//Дедлов (Кизн) В. Л. *Переселенцы и новые места. Путевые заметки*. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1894. С. 16–32.

4. Зоткина, Н. А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX — XX вв.: преступность, пьянство, проституция: На материалах Пензенской губернии. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 20 с.

5. Зюбан М. Н. Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия — 1917 г. //Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 2. С. 74–77.

6. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878.

7. Мартыненко Н. К. К вопросу истории морфологии одного из девиантных социальных институтов//Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 231–241.

8. Мартыненко Н. К. Российское государство и общество в борьбе с проституцией (1843–1917 гг.). Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2012.

9. Нижник Н. С. Государственный надзор за проституцией Российской империи второй половины XIX — начала XX века//Вестник № 2. Челябинский институт экономики и права. Челябинск, 2002. С. 125–144.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н. А. Тройницкого. Том XL: Смоленская губерния. СПб.: типография Санкт-Петербургской Тюрьмы, 1904.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н. А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.; Типография «Товарищества Художественной печати», 1905.

12. Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1890. XXXVI, 85.

13. Тарасова И. А. Эволюция форм государственного контроля за проституцией в Российской империи (XVIII — начала XX в.)//Евразийское Научное Объединение. 2016. Т. 1. № 4 (16). С. 58–62.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 17-31-00010-ОГН - Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)

Ю. О. Курenkova

г. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Медицина и власть: влияние на поведение женщин в домах терпимости Оренбурга в конце XIX в.

Тема девиантного поведения вообще и женского в частности давно актуальна в исторической науке. Существует немалое количество работ, посвященных разным его аспектам. В то же время наблюдается неравномерное региональное изучение различных форм женской девиации, а также их места в повседневной жизни. Так, в Оренбуржье гендерные вопросы изучались мало, системных работ нет, связано это и с отсутствием устойчивого интереса, и с особенностями источниковой базы, и с методологическими проблемами.

В рамках работы по теме «Повседневная жизнь горожанки Оренбурга второй половины XIX в.» источники дают определенную информацию по достаточно актуальной проблеме изучаемого периода, а именно, женской проституции.

Общеизвестно, что в Российской империи этот вопрос во второй половине XIX в. был официально оформлен, что по многочисленным и разнообразным показателям позволило контролировать проблему распространения венерических заболеваний и некоторые аспекты сексуального поведения. В то же время, с ростом городов, миграцией, индустриализацией и модернизацией вообще, а также на воле просветительства и развития профилактической медицины тема контроля над женской проституцией неоднократно всплывает в исторических источниках второй половины XIX в.

Не обошла она стороной и Оренбург. В журналах заседаний Городской Думы 1890-х годов нами обнаружена постановка проблемы отслеживания состояния по заболеваемости венерическими заболеваниями в городе и губернии и медиками, и властями различного уровня, и общественностью. Работа домов терпимости была официальной и именно через организацию для их работниц регулярных профилактических осмотров и лечения городские власти и медицинская общественность старались контролировать заболеваемость и в то же время влиять на нравственность населения. Эти две проблемы шли рука об руку. И если ранее в документах можно встретить информацию о попытках церкви в основном запретительными и ограничительными мерами повлиять на уменьшение количества домов терпимости [1, л. 61], то в конце 1890-х годов власти больше опирались на медицину и просвещение.

Созданная в городе санитарная комиссия по надзору за проституцией два года работала в «тестовом режиме», а в 1897 г. основательно подготовившись и, изучив проблему, разработала большой план, а также правила и инструкции. Для всех включенных лиц были разработаны рекомендации по темам медицинского просвещения в вопросе распространения венерических заболеваний, более качественного медицинского контроля и обслуживания домов терпимости, правила поведения их персонала, владельцев и управляющих. Свои соображения комиссия представила в Управу и Губернское правление [2, л. 343].

В журнале заседаний городской думы за 1897 г. представлен большой отчет по проблеме работы санитарной комиссии и все ее разработки. В нем выделено четыре раздела: устройство наиболее доступной помощи населению; надзор за проституцией как главным источником сифилиса и венерических заболеваний среди горожан; предупредительные меры и помощь частной благотворительности [2, л. 347].

Второй и третий разделы особенно связаны с обозначенной нами проблемой. Из текста отчета видно, что проституция хоть и оценивается социально негативно, тем более в свете распространения «нехороших болезней», тем не менее, она является обычным социальным явлением, тем более легализованным. Через весь текст прослеживается мысль о нейтрально-доброжелательном отношении к падшим женщинам в плане медицинской работы с ними. Неоднократно встречаются реплики, что нравственная дискриминация работниц домов терпимости не допустима, что они имеют право получать социальную, медицинскую, просветительскую и иную помощь в рамках общей борьбы с венерическими заболеваниями и медицинским невежеством как в городе и губернии, так и в стране.

Переплетение социально-медицинской проблемы с нравственной и предлагаемые меры ее решения интересным образом отражают общественные нравы и идеальные образы и стандарты поведения, пропагандируемые наиболее образованной частью населения того периода. Члены Комитета, опирались на западный опыт и опыт других регионов империи, пропагандировали профилактику заболеваний и способствовали распространению медицинской грамотности. Предлагаемые меры должны были при-

вести к терпимости к падшим женщинам и даже некоторому признанию их социальных прав наравне со всеми прочими приличными женщинами. Но все это делалось с целью контроля над домами терпимости и их обитателями для решения насущного вопроса снижения заболеваемости венерическими болезнями. Например, предлагалось оформлять для «жриц любви» особые помещения для лечения или в общие помещения делать особый вход, но не для того, чтобы их изолировать или отделить от прочих заболевших, а для «снижения их нравственных страданий от итак незавидного социального положения» [2, л. 50]. Подробно описывались обязательные технические и санитарные условия для подобных лечебных учреждений. Однако в реальности это в полной мере не соблюдалось.

Подчеркивалось, что для «работниц публичных домов» медицинская помощь должна быть бесплатной, а их владелицы должны были обеспечивать своих подопечных необходимыми профилактическими средствами и приспособлениями [2, л. 357 об.]. Невыполнение установленных правил влекло наложение штрафа на содержательниц домов терпимости в размере 100 руб. [2, л. 357 об.].

В отчете комиссии обращают на себя внимание разработанные подробные правила организации надзора за проведением медицинских мероприятий и в публичных домах, и с женщинами, самостоятельно занимающимися этим сомнительным ремеслом. Утверждалась необходимость оформления медицинского билета и регулярных освидетельствований два раза в неделю [2, л. 357 об.]. Медицинский билет в домах терпимости обязательно должен был предъявляться посетителям и всем прочим по требованию. Вообще для работниц домов терпимости были разработаны достаточно подробные правила поведения, как в рабочее, так и в нерабочее время. В них указывалось и как одеваться, и как разговаривать с посетителями, и как вести себя на улице, все сводилось к тому, чтобы падшая женщина не привлекала к себе внимания.

Комиссия всячески следила за падшими женщинами, как позиционировалось, в первую очередь, с медицинскими целями, в то же время, она могла решить вопрос о сокращении проституции. Предполагалось показывать этим женщинам пути нравственного очищения и перспективы дальнейшей социализации при оставлении сомнительной профессии. Во-первых, комиссия принимала решение о недопущении до занятия проституцией женщин моложе 16 лет, при обнаружении которых доносили родителям и принимали меры нравственного воздействия. Во-вторых, были описаны ситуации освобождения падших женщин от надзора комиссии и вливания их в число обычных приличных людей. Условием подобного решения могли быть: выход проститутки замуж, или если она поступала в качестве прислуги или работницы на какое-либо торгово-промышленное предприятие. Так же решение о снятии надзора принималось в случае поступление женщины на содержание, представлении за себя поручительства или заявления, что по внутренним убеждениям она оставляет свою профессию [2, л. 356 об.]. Тем не менее, при этих условиях комиссия должна была секретно наблюдать за всеми обозначенными женщинами на протяжении трех месяцев и, лишь удостоверившись, что они не вернулись к прежнему ремеслу, снять надзор. Это делалось и в целях обнаружения и сокращения тайной проституции, которая отдельно обсуждалась. Ее развитие снижало эффективность медицинских мероприятий.

Не обошла стороной комиссия и содержательниц домов терпимости. Для них так же были расписаны правила поведения, ответственность за несоблюдение санитарного режима, отчетность о профилактических медицинских мероприятиях. Обращает на себя внимание факт, что хозяйки заведений должны были так же соответствовать

определенным социально-нравственным требованиям, иначе они лишились бы своего бизнеса. В частности, были установлены ограничения по возрасту для содержательниц публичных домов — от 30 до 55 лет, от них требовались доказательства «трезвого поведения и отсутствия наклонности к буйству» [2, л. 358].

Таким образом, при рассмотрении вопроса о функционировании домов терпимости в городе в конце 19 века, видно, что и сами женщины и общество принимали эту деятельность как вполне обычное явление, легальное средство существования. Государство, пожалуй, больше интересовало правовые, медицинские и экономические аспекты организации удовлетворения этой естественной потребности. В то же время само общество и региональные органы власти заботились и о нравственности, пропагандируя необходимость оставления женщинами этого вида деятельности и гарантируя даже благожелательное отношение к ним, демонстрируя возможности восстановления репутации.

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 31.
2. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43.

При поддержке РФФИ проект № 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

Е. В. Симонова

г. Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Городская «Яма»: социальный состав, быт и нравы тульских «жриц любви» (во второй половине XIX — начале XX в.)

Процессы урбанизации в XIX в., и особенно в его второй половине, вызывают интерес географов, экономистов, историков, культурологов, этнографов, искусствоведов. В своих исследованиях, касающихся проблем развития русского города, ученые заявляют о необходимости комплексного исследования этого самоорганизующегося, саморазвивающегося и многофункционального организма. Однако на деле зачастую выходит, что в рамках указанных наук, исследуются только некоторые аспекты развития города (экономический, демографический, культурный и т.д.).

В 90-е годы XX в. в научный обиход прочно вошло понятие социокультурной среды города, для характеристики которой исследовались количественные показатели школ, учащихся и учителей, газет и их тираж, учитывалась наличие театров и библиотек, описывалась деятельность различных обществ, указывалось сколько и какие писатели были связаны с краем в целом и конкретным городом в частности и т.д. В определенной степени эти данные значительно расширяли поле восприятия городской среды, позволяли охарактеризовать динамику его развития. Однако существует и обратная сторона урбанизации, на которую пока мало обращают внимание — расширение «дна» и увеличение «ям» города (термины, ставшие нарицательными после выхода в свет произведений М. Горького «На дне» о ночлежке и А. И. Куприна «Яма» о домах терпимости).

Вырастание города в «большой», где усложняется его функциональная структура, расширяется сфера потребностей и услуг, в условиях формирования и развития капитализма сопровождается расширением и углублением отрицательных (с точки зрения норм морали и нравственности) черт: увеличивается уровень преступности (усложняется деятельность правоохранительных органов, переполняются тюрьмы), растут размеры нищенства (и как следствие растет количество ночлежных домов), новое звучание приобретает «древняя профессия» — проституция. По мнению А.Г. Быковой, дома терпимости в городах были особыми учреждениями, где связывались между собой два мира — образованности и неграмотности, добропорядочности и распутства. Поэтому можно сказать, что эти заведения представляют особый институализированный вид городской культуры [6, с. 19]. Попробуем охарактеризовать «яму» губернского центра Тулы на рубеже веков и дополнить тем самым социокультурную характеристику «капитализирующегося» города.

В 60-е годы в Туле в «Книге Тульского врачебного полицейского комитета по записи публичных женщин» за 1866 г. числилось 163 женщины. Анализ данных показывает, что в городе действовали 7 домов терпимости, расположенных на улицах Пятницкой, Петровской, Томилинской, а также Кашинском и Спасском переулках. Содержательницами домов были мещанки Гобунова, Каширова, Цветкова, Говорова, Комарова, Шепелева и Сакович. Самыми крупными по численности были дома Цветковой (22 человека), Сакович (14) и Шепелевой (13) [2]. В 80–90-х гг. XIX в. ежегодно действовало 5–6 домов терпимости [2], в 1905 г. — 7, в 1909–5, в 1910 г. — 9, в 1912 г. — 8.

По правилам, дома терпимости должны были быть отдалены от церкви и учебных заведений не менее как на 150 сажень (приблизительно 300 метров). По данным конца XIX в. все тульские дома находились на одной улице — Кашинском переулке (ныне Центральный переулок). К сожалению, данных об открытии первого дома терпимости в Туле обнаружить пока не удалось. Вероятно, такое размещение удовлетворяло требованиям, и облегчало контроль за ними со стороны полиции. После 1909 г. публичные дома были размещены на Рубцовской улице, между улицами Грязевской и Солдатской (ныне район ул. Сойфера) [21, с. 20].

Содержательницы домов были выходцами из низших слоев общества, а именно: крестьянками (Марья Филиппова, Юзефа Осиповна Зинькова, Неонила Игнатьева) и мещанками (Александра Герасимовна Куликова, Юлия Николаевна Колесникова, Марья Игнатьевна Вознесенская (фамилия указана неразборчиво). В основном они были неграмотные, за исключением Куликовой, которая в документах расписывалась за себя всегда сама [1, л. 32]. Некоторые снимали квартиры, в которых им позволялось жить по двое. По имеющимся данным конца XIX в. они снимали 12 комнат. По наблюдениям врача Ф.С. Архангельского в Туле в некоторой степени выработался определенный тип дома терпимости, в котором «одна его половина, выходящая на улицу, содержит, кроме наружного подъезда, общее помещение — прихожую, зал, гостиную, комнату для содержательницы; другая же половина, выходящая во двор и коридором связанная с первой, содержит один продольный коридор и по бокам его номера для проституток; между обеими половинами помещаются кухня и столовая» [1, л. 11].

В Государственном архиве Тульской области сохранилось дело об открытии и закрытии дома терпимости тульской мещанки Александры Герасимовны Куликовой. Документы, содержащиеся в нем, дают представление о процедуре открытия и закрытия публичного дома. Так, в 1892 г. она подала прошение на имя Полицмейстера, в ко-

тором писала о своем желании открыть в городе Туле, в первой части, в Кашинском переулке в доме Митиной дом терпимости на 9 женщин. К прошению прилагался паспорт и гербовый сбор. Сотрудник полицейского управления предоставил Полицеймейстеру донесение о благонадежности Куликовой, в котором указывал на то, что она «ведет себя хорошо и к содержанию дома терпимости правоспособна и благочинна» [3, л. 2–3]. После чего Полицеймейстер выдал разрешение на открытие дома. Правилами предписывалось, чтобы содержательницы домов были дамами не замужними и вели «пристойную» жизнь, однако на практике дело зачастую обстояло иначе: некоторые из них имели сожителей.

Полицейское Управление периодически собирало подписки с содержательниц домов о соблюдении санитарных норм, регулярности медицинского освидетельствования проживающих у них девиц, о недопущении в дома несовершеннолетних, то есть моложе 21 года. Все эти подписки дала и Куликова. Однако в 1901 г. она заявила, что «содержать дом терпимости я не желаю и сдаю свой дом в арендное содержание» и в деле появилась бумага за подписью Полицеймейстера — «считать дом закрытым» [3, л.15–16].

Регистрация и надзор за проституцией был возложен на городскую полицию и осуществлялась в соответствии с «Правилами для содержательниц борделей и для публичных женщин», утвержденных МВД в 1844 г. и 1864 г., а также циркулярами Медицинского Департамента от 1851 г., 1860 г., 1877 г., 1882 г. [Подробнее об этом: 5; 6; 8; 11; 12; 23; 26]. Тульская полиция составляла именные списки на всех проституток, отбирала у них паспорта и выдавала взамен особые билеты и отпечатанные «правила поведения», на которых городские врачи делали отметки о состоянии их здоровья. Врач производил осмотр 1 раз в неделю по субботам в самих домах, а одиночки приходили на освидетельствование в помещение, находившееся при Полицейском Управлении. Медицинские услуги оказывались одиночкам бесплатно, а за домовых платили содержательницы по 7,5 руб. в месяц, то есть по 1,75 руб. в неделю.

Если проститутка желала выехать в другой город, ей не чинили препятствий. Для этого требовалось пройти медицинское освидетельствование, после чего полиция забирала билет, выдавала так называемое «проходное свидетельство» на проезд до «такого-то города» и высылала почтой в Полицейское Управление того города ее паспорт. За несоблюдение правил и тайную проституцию «жрицы любви» подвергались штрафам.

Списки явных и тайных проституток, содержателей публичных домов, содержащиеся в полиции; списки проституток, осмотренных и не явившихся к врачу, составленные медицинскими работниками, наличие бланков установленного образца, т.е. удостоверения личности проститутки, где указывалось имя, отчество, фамилия, место выдачи паспорта или рождения, жительство в городе, звание, состояние здоровья, а также правила для публичных женщин; «проходные свидетельства», выдаваемые при переезде в другой город; статистические данные медицинских учреждений и обществ о распространении венерических заболеваний — все эти документы свидетельствуют о системе контроля за проституцией в рамках страны, формирующейся в течение всего XIX столетия.

Четкость учета и контроля зависела от рачивости чиновника. Хотя основной контингент, вероятно, некоторые чиновники знали в лицо. Так, например, калужский исследователь Е. Фридрихс отмечает, что калужский полицмейстер Трояновский лично следил за судьбой девушки Маши Колтыковой, бывшей крестьянки, которая

«завязала» с постыдным промыслом и вышла замуж, полиция даже помогла ей быстро получить у «мамдам» расчет. Мать одной из девушек прорвалась на прием даже к казачьему губернатору с требованием вернуть дочь, которую насильно удерживали в публичном заведении [27, с.50–51]. Многие ситуации, описанные Фридрихом, имели место и в Туле. Н.В. Давыдов, служивший в Туле в должности председателя Окружного суда, вспоминал как ему было подана жалоба на одного полицейского чиновника, в которой было написано: «Обратите свое начальническое внимание на пристава N. Он обольстил девицу, дочь священника, и принял к себе без вида, который должен был предъявить в первую часть по жительству его. N. Растрлил ее девство, и родившихся от нея младенцев отправлял в Москву, в воспитательный дом. Здесь есть такие женщины, которые берут за отнесение детей 10 р. с родительниц вдов и застарелых девиц, ибо закон природы невозможно одолеть, чтобы вдовец и вдова не имели у себя любовниц и любовника. Но это не есть преступление, а я только обнаружил, что N. несправедливый чиновник в обольщении и растлении девиц» [7, с. 148].

Для медицинской контроля за проституцией и венерическими заболеваниями был создан в Туле врачебно-полицейский комитет, который действовал при Полицейском Управлении, а в 1898 г. по решению Тульской городской думы был открыт «отдельный прилично и научно обставленный смотровой пункт для проституток» [13, с. 9]. В 1878 г. комитет даже предложил освидетельствовать всех рабочих на фабриках, заводах и всех промышленных заведениях на предмет получения данных о венерических заболеваниях, как это было сделано в столицах и крупных российских городах. Однако сил и средств на проведение этой акции не хватило и, как сообщает Ф.С. Архангельский, комитет был вынужден отказаться от этого намерения. Владелицы домов терпимости периодически подвергались штрафам за неявку на осмотр их девиц, за другие нарушения.

Врачи следили за санитарными условиями «труда» в домах терпимости. Правилами для содержательниц предусматривалось, чтобы каждый «номер или комната для одной проститутки имел свободный воздух не менее одной кубической сажени (применялось в этом случае обязательное постановление Тульской городской думы 1888 г.), чтобы в номере было достаточно светло, сухо, имелась форточка в окне. Чтобы стены между номерами были достаточно изолированы; чтобы имелась достаточно просторные прихожая, зал и столовая, а также отдельная комната для содержательницы; чтобы имелась закрытые при домах ретирады...» [1, л. 11].

Несмотря на предпринимаемые меры заболеваемость среди проституток «профессиональными» болезнями была высока. В 1899 г.— на 215 осмотренных женщин пришлось 122 случая заболевания, в 1909 г. соответственно на 127–141 случай, в 1912 г. на 131–66, в 1913 г. на 117–86, в 1914 г. на 123–135, в 1915 г.— на 115–70 [Подсчитано по: 1, л.24; 17, с. 108; 18, с. 100–101; 19, с. 64; 20 с. 58–59, с. 176]. Многие женщины лечились по 3–4 раза в год. Однако закрытие домов в 1909 г. на несколько месяцев, резко повысило заболеваемость среди нижних военных чинов и в результате жалоб военного начальства на данную ситуацию публичные дома в городе вновь были открыты [14, с. 108].

Сама сфера жизни и деятельности проституток граничила с криминальным миром. В исследовании А.Г. Быковой, использованы материалы уголовного и гражданского судопроизводства — следственные дела о поджогах публичных домов, убийствах проституток и т.д. В Туле о серьезных уголовных преступлениях, в которых бы оказались замешанными проститутки, данных пока нет, однако социальное «дно» сближало

эти два мира. Известен факт о «нанесении оскорбления действием 19 сентября 1904 г. в Кашинском переулке в доме терпимости Ольги Травинской крестьянину Афанасию Анфимову и его брату Ивану Анфимову», в рассмотрении которого приняли участие лично Губернатор и Полицмейстер. Суть дела была такова: крестьяне Владимирской губернии Анфимовы с товарищами зашли в заведение и потребовали себе пива. К ним подбежали девицы, схватили стаканы и выпили его «без их на то согласия». Посетителям это не понравилось, они стали придираться к содержательнице дома, которая предложила им взамен выпитого девицами пива еще 2 бутылки бесплатно, но это не успокоило недовольных. Завязалась драка, в которой участвовал и сожитель содержательницы дома. Далее, как пишет Полицмейстер, «кем были выпущены собаки дознанием выяснять не удалось». По результатам расследования штраф был наложен на Травинскую и ее сожителя за беспатентную торговлю пивом [4; л.10–12.]. Неслучайно Л. Н. Толстой в романе «Воскресение» показал путь домовой проститутки Катюши Масловой на скамью подсудимых по обвинению в убийстве.

В конце XIX — начале XX в. в Туле по данным полиции в Туле работало в сфере подобных услуг ежедневно около сотни женщин. (См. таблицу).

Данные ежедневного учета работающих не учитывали фактического числа проституток, их было больше, но не намного (в силу разных причин — например, не явки на осмотры, отъезд в другой город и т.д.). Так в 1891 г., по данным врача Архангельского, среднее ежедневное число проституток было 46, а в списке полицейского управления значилось 137 человек [1, л. 8]. В 1899 г. было зарегистрировано 215 проституток в 6 домах терпимости и 55 одиночных, задержано было за тайную проституцию 18 человек [1, л. 54].

Точных данных на начало XX века обнаружить пока не удалось, но по количеству осмотренных проституток в тульской городской женской амбулатории можно судить о численности «жриц любви» в губернском центре: в 1905 г.— 112 человек, 1907 г.— 171, 1910 г.— 127, 1911 г.— 154, 1913 г.—131, 1915 г.— 115. В 1909 г.— было осмотрено только 89 человек. Снижение цифры было связано с тем, что полиция в том году закрыла публичные дома с мая по ноябрь.

Таким образом, соотношение «дамочек» и туляков мужского пола составляло примерно в 1891 г. 1: 263, а в 1899 г.— 1:292. Естественно, что в уездных городах Тульской губернии, где мужское население составляло по переписи 1897 г. от 1,5 до 3,5 тыс. [22, с. 4], публичный дом открыться просто не мог.

По сословной принадлежности «жертвы общественного темперамента», как их иногда называли современники, распределялись следующим образом: подавляющее большинство из них были выходцами из крестьян (в среднем 80%), далее шли мещанки (19%). Каждый год по данным врачей проходили 1–2 дворянки, в 1907 г. была отмечена 1 чиновница. То есть, проституцией занимались представительницы низших городских слоев. В основном, все «дамы» были русскоязычными и православными, иностранки встречались редко.

По данным врачей, «состоящих на службе Тульского городского Общественного Управления», основной возраст «жриц любви» составляла 20–30 лет. (См. диаграмму) [1, л.24; 13, с. 10; 14, с. 5; 15, с. 108; 16, с. 110; 17, с. 100; 18, с. 98; 19, с. 62; 20, с. 56, 174]. Хотя среди домовых и одиночек наблюдались некоторые различия — домовые были и помоложе, и посимпатичнее.

Одна из черт капиталистического города состоит в том, что среди населения увеличивается количество незамужних женщин и не женатых мужчин. Причины этого

явления различны. Приток мужчин и женщин из села на заработки увеличивал количество людей, не связанных фактически узами брака, вторая половина при этом оставалась дома. Со временем, подобные семьи вообще распались. Города, разрастаясь, все более нуждались в прислуге и рабочих, и зачастую условием удовлетворения потребностей в сфере услуг и производственной условие семьи было не только не обязательным, но и лишним. Так и в сфере городской проституции работали в основном девицы (в среднем 86% от общего числа публичных женщин), замужние составляли 14%.

В Тулу «на заработки» ехали из Владимирской, Виленской, Вятской, Варшавской, Воронежской, Витебской, Курской, Могилевской, Орловской, Пермской, Смоленской, Тверской, Черниговской, Харьковской, Новгородской, Вологодской губерний. Однако чаще всего в Тулу приезжали представительницы Калужской, Рязанской и Московской было больше. Так, например, на учете в амбулатории находились из Калужской губернии в 1910 г. — 16 человек, в 1911—20, 1912—17, 1913—11, 1914—8, из Рязанской соответственно 3, 6, 7, 5, 6, из Московской в среднем 5—6 человек. И это в то время как из других губерний в Тулу работало 1—2 женщины. Такой приток калужанок связан во многом как близостью к Тульской губернии, так и своеобразным рынком «труда», который сложился в Калуге. Там действовало всего 2 публичных дома, а затем вовсе один [27, с. 52—54].

Данные свидетельствуют, что соотношение местных (уроженцев Тульской губернии) и иногородних (из других губерний) проституток было иногда равным, а в иные годы превышало в 2 раза: в 1905 г. это соотношение равнялось 59:50, в 1907 г. 74:74, в 1909 г. — 54:35, 1910 г. — 81:46, 1911 г. — 91:63, 1912 г. — 68: 63, 1913 г. — 69:48, 1914 г. — 78:45, 1915 г. — 58:57 [1, л.24; 13, с. 10; 14, с. 5; 15, с. 108; 16, с. 110; 17, с. 100; 18, с. 98; 19, с. 62; 20, с. 56, 174]/

Данные по Тульской губернии представлены в диаграмме, из которой следует, что отряд публичных женщин пополнился в основном из горожанок самой Тулы, а также жителей близлежащих уездов — Тульского и Крапивинского. Примечателен тот факт, что в отчетах тульских врачей только в 1905 г. встретилась 1 представительница Новосильского уезда. Либо нравы там были строже, либо те ездили на заработки в южные губернии.

Число публичных женщин в домах и вообще в городе было непостоянным. Содержательницы домов терпимости увеличивали количество девиц ко времени больших праздников (Рождства, Святой недели, Масленицы), что было вызвано увеличением спроса на подобные услуги — для определенной части населения провести время в обществе публичной женщины было частью праздника. В остальное время, многих отпускали на заработки в другие города (Москву, Калугу, Елец и др.), туда, где в это время наблюдалось скопление войск. Некоторые из разряда «домовых» переходили в разряд «одинок».

Обыкновенно каждая проститутка имела кроме случайных посетителей и контингент постоянных «гостей», которые главным образом и оплачивали ее месячный бюджет, который составлял 35 рублей. Эти деньги она выплачивала хозяйке за свое содержание в доме. «Увядание» («постаревшие и подурневшие они изгоняются из заведения»), а также уход войск, закрытие фабрики, долгое лечение от венерической болезни самой проститутки — лишали заработка и вынуждали отправиться в другой город «искать счастья» [1, л. 60].

Современники отмечали, что на численность проституток оказывает влияние и степень благосостояния в крае. Голодный, неурожайный год увеличивал численность

обитательниц публичного дома. Кроме того, наиболее красивых и молодых девушек переманивали содержательницы публичных домов из других городов при помощи своих агентов. Очень редкими были случаи выхода на «содержание» и замуж.

Среди занимающихся проституцией была заметна «текучесть кадров». Занимающиеся подобным промыслом вне домов могли подрабатывать летом на полевых и огородных работах, весной и осенью — черными работами на постройках домов, мелочным торгом (яблоками, спичками и т.д.). Некоторым могло повезти, если появлялась возможность поступить на работу к «старым одиноким холостякам», у которых главным образом вели домашнее хозяйство. Очень редкими случаями было замужество. Для большинства же женщин жизнь была отягощена элементарными житейскими проблемами — добыть себе пропитание в городе. Если положение становилось безвыходным, они возвращались к семье (уезжали на родину). Постаревшие и подурневшие, не могущие самостоятельно прокормиться за счет своего промысла, начинали просить милостыню, спиваться и заканчивали свою жизнь под забором. Таким образом, девицы переходили из разряда явных в тайные, или в одиночки, могли оставить занятие и снова его начать.

Врач Ф.С. Архангельский отмечает особый тип характера проституток — самолюбивый: «при малейшей обиде от хозяйки или товарки, проститутка выходит из дома или в одиночки, или в другой город, ... причем часто бывает, что чрез недолгое время она вновь поступает в тот же дом» [1, л. 6]. Л.Н. Толстой в романе «Воскресенье», рассказывая о том, как попала Катюша Маслова в публичный дом, пишет, что она была склонна к «взрыву»: «сама не знала, как это случилось, — вдруг ее прорвало и она наговорила барышням грубостей», когда жена лесничего застала ее с мужем, то бросилась бить ее, Катюша «не далась, и произошла драка». Кроме того, Катюше было свойственно чувство мести: она думала «отплатить и своему соблазнителю, и приказчику, и всем людям, которые ей сделали зло». О подобных чертах характера говорит и А.И. Куприн в «Яме», ставшей для современников своего рода открытием.

Заняться другим ремеслом Катюша идти не захотела: «глядя на ту тяжелую жизнь, которую вели женщины-прачки... медлила и отыскивала в конторах место прислуги». После того как она пожила в содержанках, «уже не было вопроса о том, поступить или не поступить в прачки. Она с соболезнованием смотрела теперь на ту каторжную жизнь, которую вели в первых комнатах бледные, с худыми руками прачки, из которых некоторые уже были чахоточные, стирая и глядя в тридцатиградусном мыльном пару с открытыми летом и зимой окнами, и ужасалась мысли о том, что и она могла поступить в эту каторгу». Тут ее и сыскала сыщица, поставляющая девушек в дома терпимости. Героиня произведения Толстого соблазнулась на наряды, которые ей пообещали в неограниченном количестве: «когда Маслова представила себе себя в ярко-желтом шелковом платье с черной бархатной отделкой — декольте, она не могла устоять и отдала паспорт» [25, с. 8–10]. Таким образом, у нее был выбор, как пишет Толстой, «или унижительное положение прислуги, в котором, наверное, будут преследования со стороны мужчин и тайные и временные прелюбодеяния, или обеспеченное, спокойное, узаконенное положение и явное, допущенное законом и хорошо оплачиваемое постоянное прелюбодеяние, и она избрала последнее» [25, с. 10].

Современники, столкнувшиеся с проблемой социальной проституции, пытались проанализировать это явление, описывая ее корни, условия процветания и методы борьбы с ней. Так, например, итальянский психиатр Ломброзо создал теорию «прирожденного преступника», к которым относил и проституток [10], другие же считали,

что дело не только в личности преступника, но и в социальной среде, где он живет. По сути можно сказать, что Л.Н. Толстой в художественной форме выразил все существующие представления (писатель закончил роман в 1899 г.) об этом социальном явлении.

Рассуждая о причинах распространения такого явления, как проституция, с точки зрения урбанистики, можно прийти к следующим выводам. Расширение социального «дна» шло одновременно с процессом превращения города в крупный промышленный центр с расширяющимся спектром услуг, включая и услуги такого рода. Неслучайно, данных о публичных домах в уездных городах нет, можно предположить, что в них сохранялся традиционный патриархальный уклад, вследствие чего прелюбодейния, конечно, имели место быть (в богатых домах среди матерей незаконнорожденных детей большинство были прислугой), но это было иное. Зачастую, горожане вступали с женщинами, прислуживающими по дому в интимную связь, но были для последних единственными сексуальными партнерами. И отношения мужчин к «домашним» связям были домашними, то есть таких женщин рассматривали как членов большой семьи, и измена этой связи со стороны женщины квалифицировалась мужчинами, как и измена жены. Конечно, в уездных городах были проститутки-одиночки, которые могли удовлетворить небольшой спрос уездного городка, однако до организации домов терпимости дело не доходило.

Профессиональная проституция завоевывает свои позиции в городе, который, во-первых, достигает определенной численности населения — более нескольких десятков тысяч мужского населения. Во-вторых, в крупном городе появляется определенное количество мужчин, которые не имеют семью или оторваны от нее. Не случайно городские врачи обращали внимание на рабочие кварталы, именно туда был большой приток крестьян на заработки, там скапливались мужчины, достигшие возраста половой зрелости, но не имеющие возможность в силу материальных причин создать семью и удовлетворить свои потребности. К тому же в крупном городе рушатся традиционные ценности: нравственные устои, основанные на религии и крепких социальных и родственных связях, отходят на второй план, а на первый выдвигается рыночная основа отношений — проститутка «работает» в городе. Споры вокруг вопроса, что первично в этом деле спрос или предложение, над которым размышляли пиущие представители интеллигенции XIX в., не меняет его сути.

Таким образом, поступательное развитие проституции является оборотной стороной урбанизации. Городские «нравы» оказывали влияние на деревню. О пагубном влиянии отходничества на нравственность крестьян писали практически все уездные исправники. Как писал Семенов-Тянь-Шанский, «прежняя патриархальная семья с властью старшего теперь отходит в область предания. Хотя и не совсем еще пала власть «старшаго», как хозяина и распорядителя судьбами младших, — своих детей или братьев, но это далеко не то, что прежде. Прежние нравственные устои пошатнулись. Внебрачные связи все более и более распространяются. Прежде такая связь клала «худую славу» на девушку, теперь же на это смотрят гораздо легче и почти не осуждают девушку, имеющую своего «мил-дружка», с которым она встречается и гуляет в хороводах, на посиделках, ярмарках и т. п., а если уж она «покроет законным браком» свою девичью связь, то никто решительно ее не осуждает. Характерно, что теперь в некоторых селах стали мазать дегтем ворота тех девушек, которые изменяют своему любовнику ради другого. Женская нравственность понизилась еще более девичьей. Крестьянские брачные пары все чаще расходятся. Жены берут

отдельные виды на жительство и отправляются в Москву на заработки (в качестве прислуги или на фабрики). Это в крестьянском мире называется разводом. Такие брачные пары кончают плачевно: муж, как правило, спивается где-нибудь на шахте или фабрике, а жена, пройдя все «ступени» в Москве, совершенно разрушает свое здоровье» [24, с. 181].

Несомненно, процесс развития города расширяет его внутреннее и внешнее социокультурное поле и дает возможность реализовать возрастающие материальные (возможности заработать, открыть свое дело, выгодно продать товар и т. д.) и духовные (доступ к книгам через библиотеки, театру и актерскому творчеству, живописи посредством картинных галерей и т. д.) потребности, формирует отличное от сельского и уездно-городского (в XIX в. мало друг от друга отличающегося) пространственное видение окружающей городской среды. Но в то же время это социокультурное поле дополняется увеличением численности людей, находящихся за чертой бедности и просто нищих, которые профессионально занимаются преступным промыслом и проституцией.

Усложнение жизни большого города понимали и сами горожане — не случайно именно во второй половине XIX в. наблюдается большой всплеск благотворительной деятельности. Многие зажиточные горожане выделяли деньги на устройство ночлежных домов, больниц для бедных, убогих и сирот. Побудительными мотивами были не только христианские чувства, приходило понимание того, что «язвы» городского общества и его пороки являются неотъемлемой частью их жизненного пространства. Благотворительность в этом случае становилась средством, снижающим остроту социального конфликта положений и своего рода профилактикой попадания в социальную «яму».

Государственные учреждения пытались регламентировать и удерживать в определенных рамках эту сферу жизни города, но попытка существовать вне ее закончилась неудачей. Она была реальностью, порождением самого города, и заставляла считаться с собой: публичные дома были не только вновь открыты, но и увеличилось их количество.

Литература:

1. ГУГАТО. Ф. 145. Оп. 5. Д. 70.
2. ГУГАТО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 19.
3. ГУГАТО. Ф. 445. Оп. 5. Д. 49.
4. ГУГАТО. Ф. 90. Оп. 44. Д. 38788.
5. Болтаевский А. А. «Милые, но погибшие создания»: социальные девиации в Москве в конце XIX — начале XX вв. // Социодинамика. 2015. № 12.
6. Быкова А. Г. Проституция в истории больших городов Западной Сибири 1880-е-1914 гг. (по материалам Омска и Томска). Автореф. дисс... к. и. н., Омск, 1999.
7. Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913.
8. Зюбан М. Н. Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия — 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-reglamentatsiya-zanyatiy-prostitutitsiy-v-rossiyskoy-imperii-seredina-xix-stoletiya-1917-g> (Дата обращения: 10.05.2018).
9. Ильихов А. А. Проституция в России с XVII века до 1917 года Москва: «Новый хронограф», 2008.
10. Ломброзо Ц., Ферреро Э. Женщина преступница и проститутка. Киев, Харьков, 1902.

11. Малышева С. Ю. Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX — начала XX вв. // *Диалог со временем*. 2010. № 31. с. 89–112.
12. Мартыненко Н. К. Проституция в императорской России: от запрета к легализации // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/prostitutsiya-v-imperatorskoj-rossii-ot-zapreta-k-legalizatsii> (Дата обращения: 12.05.2018).
13. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1905 г. Тула, 1905.
14. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1907 г. Тула, 1909.
15. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1909 г. Тула, 1911.
16. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1910 год. Тула, 1912.
17. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1911 год. Тула, 1913.
18. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1912 год. Тула, 1914.
19. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1913 год. Тула, 1915.
20. Медико-санитарные отчеты врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1914 и 1915 годы. Тула, 1916.
21. Парамонова И. Тула. Хроника XX столетия. 2003.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLIV Тульская губерния, 1904 г.
23. Пушкарева Н. Л., Мухина З. З. Женищина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-i-zhenskoe-v-traditsionnoy-russkoj-seksualnoy-kulture-do-i-posle-velikih-reform-xix-veka> (Дата обращения: 10.05.2018).
24. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 2. СПб., 1902.
25. Толстой Л. Н. Воскресение. М.: Художественная литература, 1984.
26. Тонин В. И., Радошинова Н. В. Проституция в дореволюционной России и её регламентация // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. № 1 (65). С. 60–66.
27. Фридегельм Е. Калуга и калужане. Быт и нравы жителей губернского города конца XIX — начала XX вв. Калуга, 1996 г.

П. В. Волошун

г. Москва, Российский научно-исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова

Н. А. Мицюк

г. Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Половые преступления против несовершеннолетних лиц мужского пола в России в XIX — начале XX в.

При изучении половых преступлений против несовершеннолетних лиц в России в XIX в., взгляд исследователей чаще всего обращается к изнасилованию девочек и женщин. Сексуальные посягательства на мальчиков и мужчин не поднимаются ввиду предпо-

лагаемого отсутствия прецедентов или сложности диагностирования следов насилия у потерпевших. Однако дела Врачебной Управы, находящиеся на хранении в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ), а также в фондах Российской государственной библиотеки (РГБ), позволяют говорить об обратном. Насилие над мужчинами совершалось, и судебными медицинскими экспертами рассматривались методы диагностирования признаков оказанного насилия на теле мальчика или мужчины.

Современные исследователи проблемы, а именно Пестерева Ю.С., Шагланова А.Н., Чекмезова Е.И., Ходыч А.М., изучая эволюцию уголовного права в России, и в частности рассматривая законодательство в сфере половых насилия или ненасильственных половых преступлений в историческом контексте, не останавливаются на вопросе насильственных сексуальных преступлений против лиц мужского пола непосредственно. Исследование Д. Хили, посвященное изучению гомосексуализма в революционной России, не рассматривает половые преступления в отношении несовершеннолетних, и не останавливается на медико-социальном аспекте.

Актуальным представляется вопрос о причинах отсутствия судебных разбирательств в России в XIX в. в сфере половых преступлений, совершенных над несовершеннолетними лицами мужского пола. Малоизучены приемы и условия медицинско-освидетельствования мальчиков и мужчин.

Данный вопрос игнорируется современниками рассматриваемого периода, так Набоков Н.Д., описывая состояние законодательства о плотских преступлениях, не разделяет понятия преступления «против чести» от «целомудрия женщины», но не мужчины. Представление о «честь» в некотором смысле связано с понятием целостности гимена (девственной плевы). Зацикленность на девственной плеве, как на символе целомудрия, привела к «жесточкой скупости закона».

Ранее, в воинских (1716 г.) и морских (1720 г.) законах императора Петра I, в статье 166 Воинского устава за насильственное мужеложство предписывалась смертная казнь или вечная ссылка на галеры.

В Своде законов издания 1842 года половое насилие над лицами мужского пола каралось каторжными работами. Текст статьи Уложения о наказаниях № 993 не предполагает гендерного отличия у потерпевших, а лишь учитывает возраст. Статья № 995 непосредственно касается вопросов «противоестественного порока», и предполагает наказание в виде лишения всех особенных прав и преимуществ, а также заключение в исправительных учреждениях сроком от 4 до 5 лет. Если преступник христианин, то помимо вышесказанного, он также подвергается церковному наказанию. Статья № 996 о сопровождении неестественного полового акта насилием, или же совершением над малолетними или сумасшедшими, увеличивает срок каторжных работ до 12 лет. Интересно, что Правительственный Сенат признал возможным применять статью № 996 в случаях совокупления с женщиной «противоестественным» образом. При этом рекомендации по освидетельствованию соответствующих мест тела женщины отсутствуют.

Уголовное Уложение от 1903 г. предусматривает за мужеложство с малолетним (до 14 лет) срок каторги — от 3 до 8 лет (но не более). Очевидно смягчение наказания по сравнению с более ранним законодательством.

Подробное описание вида заднего прохода пострадавшего дают профессора М.М. Тарновский, Н.А. Оболонский. Сложности в вынесении корректного заключения медицинским экспертом заключается в скором заживлении поврежденных отверстий тела.

Труды по судебной медицине растления содержат описания о проводимом врачами освидетельствовании женского полового аппарата, в присутствии акушерок, родственников и понятых. Аналогичные методы не касаются осмотра тел детей мужского пола, отсутствуют какие-либо методики и рекомендации. Жалобы врача на оказание сопротивления со стороны девочки, так что он уже готов был прибегнуть к хлороформированию с целью окончания осмотра, позволяют предположить аналогичные сложности при взаимодействии с детьми другого пола.

Интерес представляет экспертиза, проведенная в 1890 г. По делу проходил владелец булочной, московский мещанин, 55-летний М.А. Челноков. Он обвинялся в развращении состоявших под его надзором и служивших в его булочной мальчиков, заставляя их заниматься онанизмом и раздражать свой половой орган трением между их ногами. Врач, проводивший освидетельствование, подтвердил, что мальчики имеют вид занимающихся онанизмом. Мужчина был осужден по ст. 993 Уложения о наказаниях, и был лишен права иметь надзор за несовершеннолетними.

В целом, за мужеложство (педерастию) за период с 1874 по 1904 гг. было привлечено к следствию 1066 мужчин, из которых 440 человек были осуждены (41,28%). При этом отмечается «нередкие случаи насильственного удовлетворения» с малолетними. Отсутствие конкретики может указывать на недостаточность данных по данному вопросу, или на несовершенство судебной системы, вызванной неконкретностью статей, или на представление медиков о преступной составляющей «содомии» как об анахронизме, что не позволяет отследить гендерный аспект проблемы. При этом неточность формулировок, по мнению Набокова В.Д., связана с проблемой законодательства, не пожелавшего помещать в статьи «грязные и отвратительные подробности».

В отличие от «скотоложства», отмеченного в редакции от 1902 г. как редкое, насильственное мужеложство вызывает различного рода дискуссии и требование коррекции формулировок. По мнению Д. Хили судебная медицина, находящаяся в развитии, также мало чем могла помочь в изучении половых преступлений в целом, и в отношении лиц мужского пола в частности.

Случаи полового насилия над лицами мужского пола становятся объектами обсуждения и междисциплинарных исследований, если было совершено увечье или убийство.

Из возможных причин недостатка дел по статьям 995 и 996 необходимо учитывать не только становление судебно-медицинской экспертизы, но и происходившие социальные изменения в России. Так, российский исследователь И.С. Кон предполагал связь между темой секса и политическими взглядами, установившейся к концу XIX — началу XX в.

Таким образом, судебное и медицинское сопровождение половых преступлений против несовершеннолетних лиц мужского пола в России в XIX — начале XX в. оставалось неразвитым ввиду непривлекательности подробностей, неоднозначного отношения к теме «содомии», нечеткости анатомических критериев девственности у мальчиков при врачебном освидетельствовании, иных социальных факторов.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-31-01020. «Взаимодействие государства и провинциального общества в формировании национальной модели медико-социальной работы России в XIX — начале XX века».

Горожанки в первом поколении: отечественная полицейистика о правовом положении женщин в конце XIX — начале XX века

Правовой статус отдельных социальных групп российского общества в середине XIX — начале XX в. стал предметом науки полицейского права. Российские полицейисты И. Е. Андреевский, В. Н. Лешков, М. М. Шпилевский, И. Т. Тарасов, В. В. Ивановский, П. Н. Шеймин, Э. Н. Берендтс, В. Ф. Дерюжинский, Н. Н. Белявский, А. И. Елистратов — ученые, государственные и общественные деятели, неоднократно обращали свое внимание на правовое положение и социальный статус женщин в Российской империи.

В числе актуальных проблем был вопрос о женщинах с девиантным поведением (прежде всего занимавшихся проституцией). Эта проблема касалась, в первую очередь, горожанок в первом поколении — девушек из крестьянских семей, переселившихся в поисках счастливой жизни в город. В городе такая девушка в то время могла получить низкоквалифицированную и малооплачиваемую, работу. Безработица и бедность женщин и девушек из рабочих и разорившихся крестьянских семей, как правило, становились причиной поиска ими заработка другого характера — посредством проституции [3, с. 9]. Девушки, переезжающие в город, не зная риска, которому они могут подвергнуться, легко становились добычей обманщиков и сутенеров, которые действовали в условиях, когда занятие проституцией в законодательстве не квалифицировалось как преступление [9, с. 14].

В качестве института надзора за проституцией в Российской империи была создана система врачебно-полицейских комитетов, действовавших при Министерстве внутренних дел с 40-х годов XIX в. 8 октября 1843 г. было утверждено положение Комитета Министров «Об учреждении в Санкт-Петербурге особой женской больницы и врачебно-полицейского комитета» [1, т. XVIII, отд. I, № 17213] и штат врачебно-полицейского комитета и больницы [1, т. XVIII, отд. II, прил. к № 17213].

29 мая 1844 г. министром внутренних дел А. А. Перовским были утверждены Правила публичным женщинам [11] и Правила содержательницам борделей [12], которые поставили проституцию, при условии подчинения проститутки полицейскому регламенту, в рамки закона.

С учетом того, что изменений в действующее законодательство Российской империи внесено не было, режим терпимости проституции вошел в состояние юридического противоречия с запретительными нормами уголовного законодательства.

Вопросы ограничения личной свободы женщин, занимавшихся проституцией, со стороны органов врачебно-полицейского надзора; проблемы, касающиеся формы выражения отношения государства к проституции, при которой терпимость последней приобретает «цену ослабления для падших женщин общеправовых гарантий и их подчинения исключительному режиму мер врачебно-полицейского принуждения» стали предметом пристального внимания доктора полицейского права А. И. Елистратова [4, с. 32]. А. И. Елистратов подчеркивал, что врачебно-полицейский надзор состоял не только в принудительном освидетельствовании поднадзорных женщин и их принудительной изоляции в случае болезни, но и в целом ряде мероприятий, которые «носили закрепощающий характер, существенно умаляли гражданскую полноправность и ухудшали экономическое положение подчиненных надзору жен-

щин» [6, с. 1]. К таким мероприятиям относились и регистрация проституток, и изъятие у них документов, удостоверяющих личность, и замена их «желтым билетом», и ограничение свободы передвижения поднадзорной проститутки и сосредоточение проституток в домах терпимости [2, с. 17].

Наличие у проститутки «желтого билета» способствовало тому, что женщине закрывался доступ в честную семью и, как правило, к иной трудовой деятельности. Существовала многочисленная группа «временных проституток», которые занимались честным трудом, но, терпя нужду, отправлялись увеличивать свой заработок на панель [10, с. 22–23; 16, с. 48]. А.И. Елистратов и В.Ф. Дерюжинский обращали внимание на то, что с наложением на женщину клейма «проститутки» и вручением ей вместо обычного удостоверения личности «желтого билета» институт полиции нравов превращал временное обращение к торговле своим телом в главное, исключительное и постоянное ремесло [4, с. 32; 8, с. 173].

Врачебно-полицейский надзор, подчеркивал А.И. Елистратов, существенно ограничивал свободу передвижения поднадзорной женщины: она не могла выехать за пределы того города, где она состояла под надзором, без согласия комитета; при отъезде в другой город ей выдавалось проходное свидетельство — пропуск для следования [6, с. 13], на новом месте жительства поднадзорной женщине нужно было предъявлять домовладельцу свой «желтый билет» [6, с. 13]. Изменить место жительства публичная женщина могла только с ведома полиции [11, п. 10].

Анализируя сложившуюся ситуацию, А.И. Елистратов констатировал, что созданные в России врачебно-полицейские комитеты, поставили женщину в положение не субъекта права, а объекта для правительственных мероприятий, сделали ее вещью и предметом торговли [2, с. 19–20]; что полиция нравственности поработала женщину как личность и ставила последнюю в полную зависимость от власти агентуры надзора [6, с. 56].

Признав систему регламентации проституции неудовлетворительной, А.И. Елистратов подчеркивал: «... исключительный режим врачебно-полицейского надзора должен быть упразднен. С разоблачением несостоятельности и лжи санитарной идеологии регламентаристов он должен пасть как опасная преграда к рациональной постановке насущного дела борьбы с венерическими болезнями» [6, с. 371].

По инициативе петербургского Клуба женской прогрессивной партии в 1913 г. А.И. Елистратов разработал законопроект об отмене врачебно-полицейского надзора за проституцией и закрытии притонов. 25 октября 1913 г. депутатом А.И. Шингаревым этот проект был внесен для рассмотрения в Государственную думу [5, с. 5–12]. И хотя работа над законопроектом в Государственной думе не получила логического завершения, в России впервые была сделана попытка подробного изучения института врачебно-полицейского надзора за проституцией и обоснования нецелесообразности его дальнейшего существования.

И.Т. Тарасов, В.В. Ивановский, П.Н. Шеймин, Э.Н. Берендтс, В.Ф. Дерюжинский, Н.Н. Белявский, А.И. Елистратов обращали внимание на то, что отмена врачебно-полицейского надзора не искоренит самой проституции. Противодействие проституции должно состоять в мероприятиях по улучшению материального благосостояния и культурного уровня трудящихся женщин, развитию у них духа самостоятельности и солидарности. Борьба с проституцией требовала такой государственной политики, которая обеспечила бы женщине одинаковые с мужчиной права. О недопущении ущемления прав женщин на труд, активно выступал И.Т. Тарасов, который подчерки-

вал, что только при взаимном уважении мужчин и женщин возможна их совместная деятельность на общее благо государства, подчеркивал Тарасов [13; 14; 15].

При этом не следовало пренебрегать и специальными мерами борьбы с проституцией [7, с. 134]. В.Ф. Дерюжинский, став участником Первого Международного конгресса по вопросу о торговле женщинами для целей разврата (1889 г., Лондон), выступал за внесение корректив в организацию надзора за проституцией с целью устранения возможности женского рабства [9, с. 15].

В начале XX в. в противодействии проституции и борьбе за права женщин начался новый этап. Государственная власть вынуждена была обратить внимание на необходимость законодательного закрепления норм, касающихся правового статуса женщин, и создание механизма их реализации.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17–03–00719 «Модели правового обеспечения функционирования общественных организаций в политико-правовой системе России (последняя треть XVIII — первая треть XX в.)».

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: В 55 т. СПб., 1830–1884.
2. Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России: Проституция в России до 1917 года. Борьба с проституцией в РСФСР. М., 1927.
3. Гальперин С. Е. Проституция в прошлом и настоящем. М., 1928.
4. Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С. Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торговом женщинами в конце XIX — начале XX века в научной и общественной деятельности А. И. Елистратова и В. Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 31–37.
5. Елистратов А. И. Законопроект об отмене врачебно-полицейского надзора за проституцией и закрытии притонов: По инициативе Санкт-Петербургского клуба Женской прогрессивной партии сост. проф. А. И. Елистратовым и внесенного в Гос. думу депутатом А. И. Шингаревым: (Внесено за подписью 39 чл. Гос. думы 25 окт. 1913 г.). СПб., 1913.
6. Елистратов А. И. О прикреплении женщины к проституции (Врачебно-полицейский надзор). Казань, 1903.
7. Елистратов А. И. Публичные лекции: Задачи государства и общества в борьбе с проституцией. М., 1911.
8. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2017.
9. Обозненко П. Е. Вопрос об упорядочении проституции и о борьбе с нею на двух международных совещаниях 1899 года. СПб., 1900.
10. Обозненко П. Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным Врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. СПб., 1896.
11. Правила публичным женщинам. Владимир, 1844.
12. Правила содержательницам борделей. Б. м., 1844.
13. Тарасов И. Т. Об образовании женщин. Публичная лекция, чит. в зале Ярославской думы, 24 февраля 1885 г. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1885.
14. Тарасов И. Т. Об уважении к женщине. 3-е изд. Ярославль, 1887.
15. Тарасов И. Т. Образование женщин и женский труд. М.: Университетск. тип., 1903.
16. Штюрмер К. Л. Проституция в городах // Труды высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер против сифилиса в России, бывшего при Медицинском Департаменте с 15 по 22 января 1897 г. Т. I. СПб., 1897. С. 45–55.

Повседневная жизнь девочек-сирот в вятском губернском приюте

Важным механизмом социальной помощи бедным и обездоленным детям в российской провинции были приюты — особые учреждения, которые, исходя из современных понятий, соединяли в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для детей необеспеченных родителей и детского дома для сирот. Возникли приюты в России в 1830-е гг. по частной инициативе, но вскоре были взяты под правительственный контроль. В 1838 г. император Николай I особым рескриптом на имя императрицы Александры Федоровны учредил Комитет главного попечительства детских приютов и поручил ему руководство приютским делом во всей стране. В основу деятельности приютов были положены общие требования сословной воспитательной практики России того времени. Детские учреждения должны были давать своим воспитанникам такое образование, которое «не выводило бы их из того состояния, к коему они предназначены по своему званию», развивать в них «понятия веры и потребности труда, с силами их сообразного».

Вятский губернский приют возник в 1857 г., в 1868 г. при нем было открыто ночное отделение для 10 девочек. С 1870 г. Вятский приют, первоначально принимавший и девочек, и мальчиков, стал исключительно женским. К 1900 г. на полном пансионе в приюте жили 40 девочек. Были среди них не только выходцы из среды бедного мещанства и крестьянства, но и дочери чиновников. Внутренняя жизнь в приюте была рассчитана на подготовку девочек к трудовой жизни. Официальный отчет по этому поводу специально замечал: «Губернское попечительство не забывает о том, что питомцам приюта по выходе из приютившего их учреждения придется в жизни встретиться с гораздо более суровыми условиями существования. Попечительство стремится подготовить детей к борьбе с невзгодами, приучая их к различным работам, внушая сознание необходимости трудовой жизни, оказывая влияние на религиозно-нравственные стороны их внутренней жизни. Сообразно с этими принципами в основу всего воспитания призваемых и трудовой день детей распределялся таким образом, чтобы пробуждать в сознании их мысль о необходимости до вступления в сознательную жизнь вооружиться известными знаниями для трудной борьбы за существование, предстоящей им впереди».

Приютские девочки вставали в 6 часов утра, в течение двух часов занимались приборкой комнат, затем пили чай и приступали к исполнению своих обязанностей. Старшие воспитанницы с девяти часов утра рукодельничали (самостоятельно стирали и гладили белье, учились готовить различные кушанья, печь ржаной и белый хлеб, летом ухаживали за садом и огородом), а средние и младшие посещали школьные занятия. Уроки длились до полудня. В 12 часов все дети шли обедать, после чего могли сходить на прогулку в приютский двор. Отдых для девочек длился не более полутора часов, затем старшие возвращались к своему рукоделию и работали до четырех часов, в четыре часа шли пить чай и снова возвращались к работе. Школьницы отправлялись в мастерские освобождались от работы в 6 часов вечера. После этого они отправлялись выполнять домашние задания, в восемь часов вечера ужинали и через час ложились спать.

Приютская школа работала по программе одноклассных начальных народных училищ ведения министерства народного просвещения. Необходимым элементом

нравственной подготовки детей было их обучение их закону Божьему и славянскому языку. Эти предметы преподавал в школе священник приютской церкви, псаломщик же обучал детей хоровому пению. Посещение приютской церкви для детей было обязательным. Многие из них пели во время богослужений по нотам. Для способных к музыке в приюте имелось фортепьяно. Обучение детей церковному пению, по мнению руководителей приюта, не только оказывало хорошее влияние на детей, но и было весьма полезно для будущей жизни, где «как опытных певчих, их с удовольствием принимают в число певчих приходских церквей, где употребляя на пение часа два-три в свободные от занятий праздничные дни, они получают некоторое вознаграждение, служащее большим подспорьем в их трудовой жизни».

Наставительные беседы с детьми в целях воспитания проводили все преподаватели Вятского приюта и, судя по официальным отчетам, эта работа была достаточно успешной. Отчет Главного попечительства детских приютов за 1901 год особо отмечает роль смотрительницы Вятского женского приюта Екатерины Андреевны Годяевой, которая смогла установить в Вятском приюте «особенно сердечные отношения» с воспитанницами, благодаря этому наказания для девочек здесь совершенно отсутствовали. Патриотические чувства воспитывались у девочек в период военных событий. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. «приютки» принимали участие в изготовлении больничного белья для лазаретов Красного Креста.

Практическая работа воспитанниц включала, помимо ведения приютского хозяйства, обучение их различным женским ремеслам. В 1879 г., например, воспитанницы приюта ткали ковры, одеяла, салфетки, вышивали туфли и другие предметы женского туалета, которые продавались и приносили попечительству небольшую прибыль. Летом особым спросом пользовались изготовленные девочками соломенные шляпы, которые стоили 20–50 копеек за штуку и «расходились в большом количестве». В 1892 г. попечительство приобрело для женского приюта три ткацких станка. На одном из них девочки стали изготавливать скатерти, на другом бумажный кашемир для платья воспитанниц, на третьем сарпинку для фартуков.

В 1898–1899 гг. двухэтажное здание женского приюта перестроили, возведя третий этаж и расширив ткацкую мастерскую. В 1903 г., для расширения практической подготовки воспитанниц, по инициативе попечительницы приюта Екатерины Федоровны Хомутовой, при детском заведении была открыта мастерская дамских нарядов. Первоначально ставилась цель лишь дать начальное обучение девочкам, но приглашенная швея оказалась искусной преподавательницей, и мастерская приюта быстро приобрела в городе хорошую репутацию. Торговля нарядами шла весьма бойко и обороты мастерской росли. Сразу после основания, в 1903 г., приют получил от проданных нарядов около 104 рублей чистой прибыли. В 1905 г. доходы выросли до 218, в 1909 г. — до 739, а в 1913 г. — до 1200 рублей. Часть доходов от продажи изготовленных руками девочек вещей попечительство решило откладывать в специальный «рукодельный капитал», который использовался на покупку материалов для мастерской и в пособие воспитанницам при выходе из приюта.

По окончании приюта воспитанницы отправлялись к родственникам, выходили замуж или пристраивались в прислуги. В 1903 г., например, из четырех выпускниц приюта одна вышла замуж, одна вернулась к родным, две поступили в услужение к частным лицам. Выпускницам приюта попечительство старалось оказать материальную помощь, но специальных средств для этого оно не имело, поэтому пособия выдавались крайне редко и лишь самым бедным воспитанницам.

Дома терпимости в городском ландшафте г. Владивостока в начале XX в.

Официально профессиональная проституция в России была признана при Павле I, повелевшем проституткам носить желтые платья как отличительную примету их «ремесла», хотя возникновение её относят к эпохе Петра I, так как именно в это время сформировался слой её «потребителей» — солдатство и большое количество иностранцев. В 1843 г. Николай I официально разрешил дома терпимости. С этого времени, вплоть до Февральской революции 1917 г., проституция в Российской империи была регламентирована. Проститутки делились на две категории: зарегистрированные в домах терпимости (борделях) и безнадзорные одиночки («бланковые»). Те, кто был зарегистрирован в борделях, не имели при себе паспорта — он хранился в отделении врачебно-полицейского комитета, вместо него выдавался так называемый «желтый билет» — медицинская книжка, где делались отметки о врачебном осмотре, который проститутки были обязаны проходить два раза в неделю.

В мировой истории контроля и борьбы с проституцией можно выделить три основные модели: прогибиционизм (основан на запрете проституции и уголовном или административном преследовании лиц, ею занимающихся), регламентацию (правовое регулирование деятельности проститутток) и аболиционизм (отмена правового регулирования как в форме запрета, так и регламентационного надзора за проституцией). До 1917 г. в России действовала вторая модель — регламентация. Власти считали, что проще проследить за проститутками и потратить казенные деньги на их лечение, чем лечить заразившихся мужчин и их жен.

Владивосток с самого своего основания был портовым и военным городом с ярко выраженной половой диспропорцией. Количество мужчин превышало число женщин в разы. Так, в 1902 г. в городе у моря проживало 20860 мужчин и всего лишь 4113 женщин, а к 1 января 1904 г. (накануне русско-японской войны) из 48778 жителей Владивостока женщины составляли всего 6711 человек. Население города росло достаточно активно, но происходило это в основном за счет притока азиатских мигрантов, солдат и матросов, представлявших собой временное сезонное население — основных потребителей проституции. Проститутками во Владивостоке становились каторжанки, солдатки либо незамужние девицы, однако традиционно в городе была высока роль японских домов терпимости и китайских проститутток-одиночек. Проституцией подрабатывали и шансонеточные певицы, так, например, в 1903 г. в ресторане «Тихий Океан» от шансонетки «Витьки» заразились сифилисом два гарнизонных офицера, и женщины, работавшие в тавернах и пивных погребах.

Согласно «Правилам содержательницам борделей» 1844 г. существовал ряд ограничений на устройство домов терпимости в городах. Во Владивостоке ситуация осложнялась двумя факторами: его малым размером и сложным рельефом, накладывавшим ограничения на строительство новых жилых домов, и отсутствием в городе Врачебного полицейского комитета, дававшего в других городах разрешение на открытие домов терпимости. В итоге разрешение на открытие данных учреждений давали Комитет общественного здоровья и полиция. Изначально все бордели планировали сосредоточить в Матросской слободке и на Пологой улице. В 1903 г. Областной Комитет общественного здоровья Приморской Области разрешил открывать публичные заведения в восточной части города,

в Матросской слободке, на 5, 6 и 7 Матросских улицах и в западной части города — по улицам Пологой, Комаровской, Последней и Фонтанной до их пересечения с центральными, «благополучными» улицами — Алеутской и Корейской. Это было мотивировано необходимостью соблюдать решения съезда по обсуждению мер против сифилиса 1897 г., постановившего, что собрание притонов разврата в одном месте плохо влияет на вынужденных соседей этих учреждений и вызывает к жизни тайные бордели в других районах.

В 1902 г. число домов терпимости во Владивостоке было невелико — 21 бордель и 2 дома свиданий с 204 женщинами и 17 проституткок-одиночек. Главную нишу бордельной проституции заняли японские дома терпимости, ставшие своеобразной «визитной карточкой» Владивостока и других дальневосточных городов. В 1901 г. не менее 600 японок занимались проституцией. У каждой японской девушки в борделе была комната с определенным номером, по которому девушек и называли заразившиеся от них клиенты — «проститутка № 5», «проститутка № 4» и т.д. Японские публичные дома были пронумерованы, в 1900 г. во Владивостоке их было не менее 17. Кроме того, японские публичные дома обслуживала небольшая японская лечебница на 10 коек для проститутток, содержавшаяся на средства содержателей японских борделей. Русских проститутток еженедельно осматривали городской или военный врачи.

В отличие от японской, китайская проституция была нелегальной, большинство китайянок занималось проституцией тайно и не подвергалось врачебному осмотру, что беспокоило владивостокских врачей. В основном китайские бордели концентрировались во владивостокском квартале «Миллионка» квартале компактного проживания китайцев и корейцев. Они сопутствовали традиционному китайскому криминальному бизнесу во Владивостоке — притонам наркомании («морфиниловкам» и «опиекурильням») и игорного бизнеса («банковкам»).

Таким образом, можно сделать вывод, что дома терпимости во Владивостоке, как и в остальной части Российской империи, определяли специфику района, где они находились. Японские и китайские заведения же придавали определенный шарм и экзотику города, равно как и «ночные бабочки» при гостиницах, особенно таких феноменальных как «Версаль». Однако простой люд — солдаты, рабочие и матросы — предпочитали пользоваться более дешевой подпольной проституцией, к которой как к подсобному заработку прибегали солдатки и женщины, работавшие при тавернах и пивных погребах. Подобная ситуация не могла не беспокоить официальные власти, воспринимавшие одиночных и нелегальных проститутток как главных распространительниц венерических заболеваний.

Литература

1. Бабиков К. И. Проституция в России//«А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. М.: «Ладомир», 2004. С. 524–525.

2. Белоус Б. С. Коммерческая деятельность граждан Японии на юге Дальнего Востока России (конец XIX — начало XX вв.). Режим доступа: http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/novii-istoricheskii-vestnik/rossiya-v-xx-v/kommercheskaya-deyatelnost-grajdan-yaponii-na-yuge-dalnego-vostoka-rossii-konec-xix-%E2%80%93-nachalo-xx-vv.html#_ednref10 (дата обращения 30.04.2018 г.).

3. Панин С. Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах//Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113–118.

4. Правила содержательницам борделей [29 мая 1844 г.]//«А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. М.: «Ладомир», 2004. С. 606–608.

Сифилис или аборт: официальная пропаганда и мнение «простого человека» в 20-е годы XX в. в СССР

Двадцатые годы в СССР — время, остро интересное для исследователя нестандартными формами поведения и мышления, сломом норм в представлении об отношениях полов. Общеизвестны теоретические дискуссии о «стакане воды» и борьбе с мещанством, причем преобладали сторонники умеренного подхода, вплоть до проповеди воздержания и сублимации соответствующей энергии в сферы общественной активности и спорта.

И ничего удивительного тут нет. Теории теориями, а в повседневной жизни людей ожидали вполне практические опасности. В условиях почти полного отсутствия эффективных контрацептивов главных опасностей, угрожающих репродуктивной сфере, два, это страх перед нежелательной беременностью и опасность заразиться инфекцией, передающейся половым путём (строго говоря, таких «теней половой жизни», то есть главных страхов, было три, не только аборт и сифилис, но и онанизм, который с точки зрения эпохи представлял собой угрозу едва ли не меньшую, но эту тему мы не рассматриваем, поскольку онанизм воспринимался в большей степени как мужская проблема, к тому же речь идет скорее о психологическом феномене невротизации этого явления, а не о действительном вреде здоровью). Тяжесть отрицательных последствий в репродуктивной сфере традиционно ложится преимущественно на женские плечи.

Источниками, позволяющими услышать с одной стороны — голос пропаганды, а с другой — голос «маленького человека», служат издания 20-х гг., посвященные охране здоровья и половому просвещению. Использована и агитационная литература, в беллетризованной форме пропагандирующая позицию властей по вопросам в сфере пола, применительно к новой роли женщины в обществе, внедряющая новые модели поведения и т.д., а также в частности материалы настоящего «дамского» издания, выходившего в СССР до 1927 г., «Журнала для хозяек», на страницах которого нашлось место живым анонимным дискуссиям на уникальные для советской прессы темы, как то отношение к абортам. Участницы дискуссий и опросов, авторы писем — именно горожанки, у крестьянок просто не было нужного уровня образования, да и методика просвещения и пропаганды для деревни в основном имела свою специфику. Насколько нам известно, данные источники комплексно до нынешнего момента не использовались.

Ситуация было сложной и, главное, новой. Во-первых, из-за резкого перелома в семейном праве, курса на разрушение традиционной семьи вкупе с легализацией аборта, во-вторых, из-за крайне напряженного положения с венерическими заболеваниями, особенно самым опасным из них, сифилисом (причем именно в городе проблема сифилиса была связана с половыми связями, а не бытовым заражением, как по преимуществу в деревне). Понятно, почему врачи — а многие из авторов научно-популярных книжек о здоровье и гигиене были вполне ожидаемо именно врачами — во главе с самим Н.А. Семашко находятся в первых рядах борцов за целомудрие и воздержание; чем меньше аборт (даже легальные оцениваются медиками эпохи обычно отрицательно, как крайняя мера и меньшее зло) и сифилиса, тем здоровее население.

Что же думают об этой ситуации на бытовом уровне те люди, которым адресовано половое просвещение и пропаганда? Что их пугает, а что представляется неприятной, но неизбежной частью повседневности? Во-первых, сам настойчивый пафос агиток и брошюр наводит на мысль о том, что люди в массе своей не хотят отозваться на призывы и не могут отказаться от половой жизни и заняться построением коммунизма или спортом, чтобы избежать соответствующих рисков, а также не верят, что сифилис легко излечим, и, наоборот, скрывают заболевание, опасаясь разрушить свою жизнь и подвергнуться социальной стигматизации. Во-вторых, анализ источников показывает, что женщины к абортам относятся как раз либо положительно, либо терпимо, либо принимают их как неизбежность. Поскольку деваться им, в сущности, некуда — нет ни традиционного уклада, поощрявшего многодетность, ни контрацептивов (и даже особого желания заняться этой проблемой со стороны властей). Отсюда неизбежность острых противоречий, интересных для исследователя.

Литература

1. Goldman Wendy Z. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936.* Cambridge University Press, 1993.
2. Аккерман А. И. Суд над проституткой и сводницей. Дело гражд. Евдокимовой, по обвинению в сознательном заражении сифилисом и гражд. Свиридовой в сводничестве и сообщничестве. Наркомздрав, Москва, 1925
3. Альтгаузен Н. Ф. Отец и ребенок. М., Охрана материнства и младенчества: 1928.
4. Божинская Н. Преступление Ивана Кузнецова. Пьеса в 3-х действиях и одной картине. М., Молодая Гвардия: 1927
5. Вилковский Л. Г. Сифилис — не позор. Тамбов, Тамбовское губернское управление социального страхования: 1923
6. Вольян Л. Г. Сифилис и брак. Когда сифилитики могут вступать в брак? М., 1926
7. Гальперин С. Е. и Зегаль И. Л. Тени половой жизни. М., Охрана материнства и младенчества: 1928
8. Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. М.-Л., ГИЗ: 1923, 925 (два издания)
9. Голосовкер С. Я. К вопросу о половом быте современной женщины. Казань, Казанский медицинский журнал: 1925
10. Гофмеклер А. Аборт. М., Охрана материнства и младенчества: 1927.
11. Громов А. М. Виновен ли? Сценическое оформление суда над мужем, заразившим сифилисом свою жену. Космос, Харьков, 1925.
12. Ивановский Б. А. Половая жизнь и физкультура. М.-Л., ГИЗ: 1928.
13. Кутьина В. М. Коммунистка Вера. Пьеса для деревенского театра. М., Красная Новь: 1924.
14. Лебина Н. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы»//Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность». Москва «Вариант» ЦСПГИ: 2007. С. 228–242.
15. Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. Санкт-Петербург, Летний сад: 1999.
16. Москаленко Г. К. Сборник задач по жилищному и семейному праву. ГИЗ, 1929.
17. Немилос А. В. Биологическая трагедия женщины. Очерк физиологии женского организма. Л., Сеятель: 1925.
18. Пушкарев А., Пушкарева Н. «Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности)»//Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность». Москва «Вариант» ЦСПГИ: 2007. С. 199–227.

19. Семашко Н. А. *Новый быт и половой вопрос*. М.-Л., ГИЗ: 1926.

20. Тимофеев А. *Куда должна направляться половая энергия молодежи. Общедоступное изложение. Космос, Харьков, 1927 (часть научно-популярной серии «Что нужно знать о половой жизни», изданной в Харькове в 1926–27 гг.)*

10.2 ГОРОД В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: «ЖЕНСКОЕ» И «МУЖСКОЕ ЛИЦО» ВОЙНЫ И ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

А. Н. Свирская

г. Тверь, Тверской государственный университет

Повседневная жизнь женщины в годы Первой мировой войны на примере сестры милосердия Анны Ждановой

Статья посвящена редко используемым дневниковым записям тверской сестры милосердия Анны Александровны Ждановой. Жданова описала в своем дневнике повседневную жизнь одного из тверских лазаретов. Дневник охватывает период с 11 декабря 1914 г. по 20 июля 1915 г.

Анна Александровна Жданова, старшая сестра Андрея Жданова родилась 28 сентября 1892 г. в Сергиевом Посаде Московской губернии. Ее отец, Александр Алексеевич Жданов, был доцентом московской духовной академии. С 1902 г. был инспектором народных училищ Корчевского, Калязинского и Кашинского уездов. С 1910 г. Анна обучалась в Тверской Мариинской женской гимназии, планировала продолжать обучение на курсах в столице. Война вмешивается в жизнь молодой девушки, она становится сестрой милосердия.

С августа 1914 г. в Тверь с театра военных действий стали поступать раненые. Тверской губернский комитет Всероссийского Земского Союза помощи раненым воинам объявил об организации при губернской земской больнице курсов сестер милосердия.

К концу 1914 г. в Твери работало около 20 госпиталей, открытых на средства города, Всероссийского Земского Союза, Красного Креста, частных лиц. Госпитали располагались не только в лечебных учреждениях города, но и в здании Дворянского собрания, Государственного банка, коммерческого училища, училища слепых, в Архирейском доме, при духовной семинарии, в здании казарм, при Морозовской фабрике и фабрике Берга.

Персонал госпиталей состоял из медицинских сестер: «настоящих» и «земских». Земские сестры — это добровольцы, окончившие шестинедельные курсы при Губернской земской больнице, организованные тверским земством. Их называли сестрами милосердия военного времени. Именно такой медицинской сестрой и стала Анна Жданова.

Несмотря на предельную загруженность, поденные записи велись практически ежедневно, что позволяло Ждановой фиксировать события практически до мелочей. В дневнике прослеживается несколько продолжающихся сюжетов.

Прежде всего, Анна описывает ситуацию на фронте по слухам и новостям от раненых. Рассказы раненых, а также беженцев, которых в Твери тоже было немало обернулись шпиономанией (это, впрочем, общероссийское явление, но все-таки для Твери особо значимое, поскольку губернатор — немец).

Очень подробно описаны в дневнике взаимоотношения персонала и раненых. Анна описывает состав раненых по палатам, указывает фамилии тех, кого комиссия выписывает из лазарета. У нее складываются дружеские отношения с пациентами госпиталя и напряженные с персоналом. «Нас заставляют ненавидеть этих простых, родных нам людей, в наши дружеские прекрасные отношения вплетают целую массу грязи».

В госпитале медицинские сестры делают перевязку старой ватой и бинтами. «Экономия» материала заканчивается только после жалобы одного из солдат доктору. И эта история ещё сильнее ухудшает взаимоотношения Анны и персонала госпиталя. Из ремарок Анны следует, что раненым уделяется достаточно много внимания. Состояние госпиталя проверяет сам губернатор. Но так ли эффективна была подобная организация благотворительности для поднятия боевого духа. Ведь раненые начинают симулировать, не хотят возвращаться на фронт, их поведение аморально.

Анна, с сестрой Еленой, стремится попасть в действующую армию. Они то хотят уехать с воинским поездом, то с подвижным госпиталем, то подают прошение командиру 196 запасного батальона. Молодая девушка, со свойственной юности жадной жизни, влюбляется, участвует в шумных гаданиях с ранеными, отмечает новый год с другими сестрами, но чувствует свою сопричастность к большому делу. Для нее недостаточно работы в госпитале. Ее помыслы на фронте, с рядами наших войск. Анна не понимает, как можно в такое тяжёлое время устраивать гуляния в городском саду, думать о флирте, нарядах. Анна из-за своей цели рвет с подпольной работой.

Рукопись обрывается фразой: «А мы, кажется едем, и уже окончательно. Так трудно верить в осуществившуюся мечту». Дальнейшая судьба автора дневника известна по обрывочным датам. В 1915–1916 годах обучалась на математическом факультете Высших женских курсов в Москве. А в 1916–1918 годах вместе с сестрой Еленой служила шофером в первой санитарно-автомобильной колонне на Юго-Западном фронте.

Дневник Анны Ждановой — это уникальный источник, рассказывающий об организации медицинской помощи в тылу, положении беженцев и военнопленных, взаимодействии персонала лазаретов, городских властей и раненых. Главное, что мы видим в этих записках, как патриотические настроения тверичан, совпадавшие с общероссийскими сменяются, как и во всей стране, унынием и озлобленностью.

Литература

1. *Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Составители: Глафирова В.В, Селунская Е.А., Манилов Р.А. Тверь, 2014.*
2. *Леонтьева Т.Г., Тверская губерния в 1914–1917 гг.: очерк событий военного времени//Труды региональных конкурсов научных проектов в сфере гуманитарных исследований Тверской области. 2013. Вып. 5. С. 100–105 [в соавт. с А.В. Ситейкиным, Ю.В. Степановой].*
3. *Леонтьева Т.Г., Тверская губерния в годы Первой мировой войны//Вестник Российского гуманитарного фонда. 2014. № 1 (74). С. 29–34.*

Сестра милосердия, солдат, труженица: репрезентация новых видов женской деятельности периода Первой мировой войны в отечественной женской прессе

Первая мировая война перекроила не только политическую карту мира, но и систему социальных отношений внутри государств, в нее вовлеченных. Смешивались гендерные роли, стирались границы, разрушались прежние стереотипы поведения. Под влиянием общественных трансформаций менялся и облик городов. Новым символом эпохи, порожденным реалиями военного времени, стал «белый профиль в белой косынке». Сестра милосердия в белоснежном переднике с крестом на груди была неотъемлемой частью городского пространства. И на фронте, и в тылу ее считали олицетворением мужества, чистоты, самопожертвования и аскетизма. «Девушка в белой косынке» — одновременно и возродившийся романтический идеал довоенной эпохи, и монахиня; в книгах, газетах, журналах ее принято было изображать хрупкой, мягкой, страдающей — примером христианского служения ближнему. Современная женская пресса ликовала: на смену «тангистке», огненной, в сладострастных изгибах, трепещущей вызовом и истомой, вновь пришла, вновь пришла тургеневская девушка [5, с. 19]. Однако вместо красных роз, приколотых к корсажу, — прежнего символа красоты и женственности — сестра милосердия носила на груди крест — «красный символ крови и любви», порождавший мысли не о розовом букете в томной тени аллей, а об окровавленном хирургическом скальпеле в военном госпитале

Однако если «армия» сестер милосердия, овеянных неким «ореолом пленительного обаяния», вызывала у окружающих исключительный почет и уважение к их героической деятельности, то к появлению на городских улицах женщин в солдатских шинелях относились неоднозначно и даже порой негативно. Женщина-солдат, женщина-авиатор, женщина-военный шофер была абсолютно новым явлением для городского обывателя, — явлением, которое в корне не соответствовало прежним понятиям и представлениям.

Газеты и журналы военного времени пестрели рассказами о женщинах-добровольцах всех сословий: крестьянках, казачках, княгинях — которые «неудержимо стремились на войну», бросали свой дом, родных и тайно уезжали на фронт, где совершали различные героические подвиги (храбро сражались на передовых позициях, попадали в плен, были приставлены к высшим наградам за доблесть). Редкий выпуск журнала того периода обходился без заметок о женщинах-добровольцах: о М. Р. Ковцовой, совершавшей лихие набег в составе драгунского полка, о М. Н. Исаковой, воевавшей в казачьей разведочной команде, о киевской гимназистке А. П. Тычиной, о княгине Шаховской, военном летчике, о женщине-авиаторе и военным шофере А. П. Самсоновой, о спортсменке Кудашевой, «явившейся на театр военных действий в качестве разведчика», и др. Столичная и провинциальная пресса не скупилась на яркие краски при описании подвигов новых амазонок: вчерашние курсистки, провинциальные барышни, выпускницы школ рукоделия мчались в атаку в первых рядах, стойко переносили голод и холод наравне с простыми солдатами, получали тяжелые ранения, но сразу после госпиталя, едва оправившись, устремлялись туда, где льется кровь, на новые подвиги. Появился даже журнал «Женщина и война», специализиро-

вавшийся на соответствующей тематике. Истории о женщинах-солдатах напоминали канонические христианские сюжеты: современные орлеанские девы, совсем юные девушки, распродавали имущество, остригали волосы, переодевались в мужскую одежду и устремлялись на фронт [2, 3].

Несмотря на то, что пресса военного времени всячески превозносила подвиги женщин-добровольцев, доказывая, что «женщины также могут воевать, как мужчины», вид девушки с остриженными по-солдатски волосами, в сапогах, шинели и с винтовкой в руках зачастую не вызывал социального одобрения, — в особенности у мужчин. Считалось, что это противоречит всем понятиям о женском поле: девушка, которая берет в руки оружие, потеряла женский облик и не заслуживает уважения, искажает в женах, сестрах и матерях подобие Божие [5, с. 19].

Война открыла женщинам доступ к таким должностям и видам деятельности, которые ранее они не могли занимать из-за целого ряда препятствий в виде различных циркуляров и ограничений. Однако далеко не все женщины шли работать из чувства гражданского долга или потому, что видели в этом свое призвание или органическую потребность. Основная причина была в потере кормильца и недостатке казенного пайка. В этой ситуации на женские плечи ложилась забота о пропитании семьи [1, с. 3]. Женщина должна была занять место мужа, брата, отца, которые не вернулись с фронта или же вернулись инвалидами, изувеченным, беспомощными и уже не могли выполнять прежнюю работу. «Перед вами, женщины, тернистый путь, на котором огрубеют ваши нежные руки, покроются трудовыми мозолями ваши ладони, обветрятся ваши лица, но и закалится ваша воля и окрепнет ваша телесная мощь» [9, с. 5] — такое будущее рисовал журнал «Женщина и война». Женщины осваивали все новые и новые мужские профессии: на улицах города появились женщины на автомобилях и мотоциклах, женщины-кондуктора, женщины-дворники, женщины-швейцары, женщины-стрелочницы и сигналистки, женщины-курьеры и даже женщины-ломовые извозчики. Телеграфные и почтовые ведомства, банки, конторы и управления повышали долю женского труда в своих учреждениях. Благодаря специальному циркуляру московского градоначальника они получили возможность заниматься извозным промыслом, не подавая особого прошения и без выполнения процедур, которые ранее препятствовали этому [6]. Нехватка мужских рук побуждала также прибегнуть к помощи женщин в областях, ранее считавшихся чисто мужскими. Еще до войны Всероссийский Земский Союз в Москве организовал автомобильные курсы, куда сначала принимали студентов-техников; после объявления мобилизации учредители курсов решили заменить их женщинами [8, с. 10]. Кроме этого, в Москве, Петрограде и ряде других городов им открылся доступ на железнодорожные курсы без существовавших ранее ограничений, ранее препятствовавших женщинам заниматься этим видом деятельности. Окончившим курсы обещали предоставить работу во всех областях железнодорожного дела [4]. Также «архаичные» циркуляры были отменены и министерством путей сообщения: на телеграфную службу железных дорог теперь могли поступить все женщины, вне зависимости от того, «состоят ли они в замужестве с железнодорожными служащими или лицами других ведомств» [7]. При этом пресса всячески подчеркивала: чтобы преуспеть на новом поприще, женщина должна иметь «крепкие руки и стальную душу». Однако «новые завоевания в области женского труда» имели весьма временный и неустойчивый характер. Женские штаты по-прежнему были введены далеко не везде. Деятельность некоторых ведомств по приему женщин на должности, ранее для них недоступные, носила исключительно благотворительный

характер. Например, на службу городского трамвая принимались только жены тех, кто ушел на войну — женщины даже давали подписку в том, что они занимают эти должности временно и готовы оставить их по первому требованию [6].

Литература

1. Готвальд В. Перед сдачей позиций?//Журнал для хозяйек. 1915. № 22. С. 3.
2. Е. П. Самсонова. Женищина-авиатор и военный шофер//Женищина и война. 1915. № 1. С. 5.
3. Женищины-герои на войне//Война. 1915. № 24. С. 3–14.
4. Женищины на железнодорожных курсах. Дамский мир. 1916. № 12. С. 33.
5. Каллаш-Гаррис М. Два пути//Женская жизнь. 1915. № 10. С. 19–20.
6. М. Женский труд и война//Женищина и война. 1915. № 1. С. 12–15.
7. Телеграфная служба и женищина. Дамский мир. 1916. № 12. С. 33.
8. Чайковский Вс. Женищина на пути к самостоятельности. Женищины-шоферы. Журнал для женщин. 1917. № 2. С. 10–11.
9. Яковлева А. К. Война и женищины//Женищина и война. 1915. № 1. С. 4–5.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00136

В. О. Шаповалова

г. Сан-Диего (США), Университет штата Калифорния в Сан-Диего

Горожанки в ГУЛАГе

*Горожанки это каста женщин,
Что давно уже не от сохи.
Нрав у них капризен, переменчив
И вздыхают часто от тоски.
Автор неизвестен*

История ГУЛАГа охватывает период с 1919 по конец 1980-х годов. С течением времени культурно-историческое понятие ГУЛАГ все больше окружается мифами и вызывает жаркие споры. Спорят историки и даже журналисты, при этом основными аргументами являются цифры и апелляции к сохранившимся (или несохранившимся) архивным материалам. Цифры и факты безусловно важны, но они ничего не говорят о реалиях жизни самых маргинальных слоев общества. Даже сохранившиеся в архивах дела рассматривают заключенных как объекты истории. Только эгодокументы — мемуары, дневники, автобиографии и письма (рассказы от первого лица) бывших заключенных Гулага дают возможность услышать их версию и понять их восприятие событий.

В этой работе я обращаюсь к эгодокументам, созданным жительницами городов.

Все авторы мемуаров, автобиографий и писем — женщины, которые к моменту ареста получили среднее или высшее образование. Какую роль играл город в жизни заключенных женщин? Как и чем запомнились им города на карте Гулага? Как горожанки воспринимали тяжелую, подчас невыполнимую, работу в лагере? Лагерь с его упрощенной моралью, тяжелейшими условиями жизни, голодом, каторжными работами, казалось бы, должен был в первую очередь сломить жительниц городов, непривычных к тяжелому физическому труду. Обратимся к эгодокументам.

С городом связаны широкие понятия культуры и цивилизации. Все социальные, национальные, профессиональные, религиозные группы так или иначе становятся частью городской культуры. Сфера общения в городе намного шире, чем в сельской местности.

Горожанки переживали одиночное заключение очень остро — отсутствие уличной толпы, движения, постоянной смены впечатлений заставляло их ловить и вслушиваться в звуки городской жизни и ждать момента их появления. Не только в тюремных камерах или на прогулке, но и в «воронке» заключенные с радостью слушали город вокруг себя. Во внутренней тюрьме ленинградского КГБ вечерами Ирина Цуркова слушала звон проезжающих по Литейному трамваев, характерный звук подходящего к остановке троллейбуса. Иногда в камеру проникал даже запах неводской воды. Она совершала виртуальные прогулки по городу, которые переходили в сны. Золотой купол Исаакиевского собора становится для нее центром виртуального города, где сходятся и личные воспоминания и литературные тексты. Ирина Вербловская пишет о прогулках в каменных дворах-ящиках на крыше Лубянки: она не видела даже соседей, но хорошо слышала шум площадей и улиц в центре Москвы. Вербловская не видела сами улицы, но ей казалось, что она находится там, среди людей, просто она в шапке-невидимке и никто в кипящем жизнью городе не видит ее.

Города на карте Гулага обозначены не только тюрьмами, такими как знаменитый Ярославский централ, где женщины годами находились в одиночных камерах, но и хорошо известными пересыльными тюрьмами. В 1930-е годы Свердловская пересылка была известна тараканами в супе, а в Новосибирске даже в конце 1960х обнаженные женщины проходили в баню «сквозь строй» мужского конвоя, который комментировал особенности физического сложения женщин.

Прибытие в лагерь было шоком для горожанок. Не только условия жизни в бараках или землянках были далеки от их представления о человеческом жилье, но и физическая работа была невыносимо тяжелой. Если в бригаде одна из заключенных не выполняла норму, уменьшалась «пайка» всей группы. Озлобленные и голодные женщины вымещали все обиды той виновнице. Ксения Медведская пишет: «Это была пытка, когда стараешься так безрезультатно ... получаешь самое низкое питание и еще так стыдно перед своими товарищами!». Для женщин, которые привыкли к физическому сельскохозяйственному труду, работа была тяжелой, но все же выполнимой. Для горожанок даже полевые сельскохозяйственные работы были тяжелыми, а нормы невыполнимыми.

Неприспособленность городских женщин и полное непонимание системы работы в лагерях иногда заставляло молодых женщин браться за самую тяжелую работу в надежде на досрочное освобождение. Ядвига Верженская, уроженка Петрограда, студентка Московской консерватории, вспоминает, как она с подругой пошла на тяжелые полевые работы, чтобы их скорее освободили. Елена Михайлова, воспитанная в Абрикосовской католической общине в Москве, по наивности решила, что работа чертежницы-копировщицы очень скучна и вместе с подругой просила отправить ее на строительство железной дороги, где, по мнению девушек, было больше романтики. Они везде получали отказ — всем, даже местным начальникам лагпункта, была очевидна абсурдность желаний романтики в лагере. Удовлетворил просьбу девушек Н.А. Френкель, в то время начальник Управления Байкало-Амурского ИТА ОГПУ-НКВД. Он же приказал разослать их по разным лагерям. О работе на том участке строительства железной дороги, куда ее направил Френкель, Михайлова пишет скупо:

«... получила романтики по самое горло! Там были разные люди.» Даже для студентки Ленинградского университета Людмилы Грановской — спортсменки-рекордсменки — работа на постройке оросительного канала в Карелии была непомерно тяжелой, и она была счастлива, когда ее перевели в группу топографов, хотя там она оказалась единственной женщиной.

Горожанки быстро учились лагерной жизни. Опыт работы и жизни в городе часто помогал им выбрать правильную линию поведения и с заключенными, и с лагерным начальством. Верженская убедила начальника лагеря организовать вышивальный цех. Женщины смогли работать на сравнительно легкой и в какой-то степени творческой работе. Изделия, вышитые заключенными, продавались за границу и даже были представлены на ВСХВ в Москве (без указания места производства).

Горожанки часто становились хорошими организаторами. В этом им помогали приобретенные еще на воле навыки — умение работать с коллективом, уважение к людям, умение слушать собеседника. В женских лагерях в заключении были и профессиональные актрисы и музыкант и любители. К работе в лагерном театре привлекали и бытовичек и даже уголовниц. Организаторы шли на определенный риск, но лагерная администрация понимала, что и театр, и концерты она может использовать в своих целях — заключенные были заняты не только работой и выполнением нормы, но и свободное время тоже было организовано и находилось под контролем. При этом затраты на самодеятельность были минимальными. Театральная работа в лагере привела в профессиональный театр на воле Тамару Петкевич. Тамара Цулукидзе, актриса тбилисского Театра им.Руставели поставила несколько спектаклей в лагере, а в 1943 г. организовала кукольный театр в Севжелдорлагге и театр совершал гастрольные поездки в Великий Устюг, Котлас, Сольвычегодск.

Социологи давно отметили, что общение имеет для женщин большую значимость, чем для мужчин. В лагерях женщины почти всегда объединялись в группы — по интересам, по возрасту и в том числе по родным городам. Грановская пишет как уже на поселении в Долинке собирались отдельной группой киевлянки, отдельной — ленинградки, читали стихи, вспоминали о городе. Горожанки насколько могли следили за ходом войны. Они отмечали очередные победы Красной Армии доступными им лакомствами, например, тортом из черных сухарей с патокой. Встреча ленинградок всегда носила характер встречи близких людей — так описывает прибытие в лагерь заключенных женщин из блокадного Ленинграда Ядвига Верженская. В лагере ленинградок жадно расспрашивали о блокаде и о жизни в городе. Вернуть к жизни истощенных, больных пеллагрой соотечественниц — стало основной задачей Верженской.

Эгодокументы — это свидетельские показания. Разумеется, они оценочны, часто расходятся в датах и цифрах, в них часто видна самоцензура. Ценность эгодокументов именно в личной интерпретации исторических событий, в тех деталях быта, которые становились решающими моментами в жизни (и смерти) заключенных женщин. Во всех женских мемуарах и письмах прослеживаются и авторская позиция, и авторское самовосприятие, и авторское восприятие «аудитории». Эти материалы интересны не только историкам и литературоведам, но и тем социологам и педагогам, которые сегодня работают заключенными женщинами.

Литература

1. Богораз, Лариса Иосифовна, *Из воспоминаний.//Минувшее, Исторический альманах, вып. 2. Прогресс Феникс, М., 1990. С. 81–140.*

2. Вербловская, Ирина Савельевна, *Мой прекрасный страшный век: Санкт-Петербург, Журнал Звезда*, 2011.
3. Верженская, Ядвига-Ирэна Иосифовна, *Эпизоды моей жизни. // Вестник Мемориала*, 2 (8), НИЦ Мемориал. 1993. С. 39–58.
4. Грановская, Людмила Ивановна, *Записки Аэлиты. Рукопись. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург*.
5. Михайлова, Елена Николаевна, *Воспоминания. Рукопись. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург*.
6. Петкевич, Тамара Владимировна, *Жизнь — сапожок непарный. Воспоминания: Санкт-Петербург, Астра-Люкс, Атоксо*, 1993.
7. Цулукидзе, Тамара Григорьевна, *Кукольная трагикомедия // Театр ГУЛАГа: Воспоминания, очерки/М., «Мемориал», 1995. С. 34–44.*
8. Цуркова, Ирина Залмановна, *Перспектива. Рукопись. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург*.

С. В. Грибова

г. Брест, Брестский государственный технический университет

Гендерный аспект войны: женщины-татарки в составе минского подполья в годы Великой Отечественной войны

Много благородных и самоотверженных поступков было совершено татарами Беларуси в составе минского подполья, где среди борцов против врага были и женщины — белорусские татарки.

Необходимо подчеркнуть активность борьбы с врагом подпольной группы в составе целой татарской семьи Адамовичей (признанной постановлением бюро Минского ГК КПБ от 26 октября 1983 г.), которая действовала в Минске с сентября 1941 г. по 25 марта 1942 г. В состав группы входили: Ибрагим Александрович Адамович (руководитель), его сестра Елена, отец Александр Ибрагимович и мать Мария Ивановна. Женщины вместе с мужчинами вели подпольную деятельность, боролись против немецко-фашистских захватчиков. С первых дней оккупации члены семьи оказывали помощь воинам Красной Армии, бежавшим из лагерей военнопленных или не вышедшим из вражеского окружения, прятали их в своей квартире, обеспечивали одеждой, документами, временно устраивали на работу [1, л. 8].

Жена известного деятеля минского подполья Хасана Мустафовича Александровича Галина Адамовна Александрович помогала своему мужу в подпольной работе. Хасан Мустафович с июня 1942 г. был наборщиком листовок и газеты «Звезда» в оккупированном Минске, ее второго, третьего, четвертого и пятого номеров. Однако последний номер не вышел из-за массовых арестов подпольщиков. Галина Адамовна Александрович вместе с мужем распространяла листовки, помогала прятать шрифты, а также выполняла другие поручения [2, л. 333].

Постановлением бюро Минского горкома КПБ от 30 января 1985 г. (протокол № 18, § 12) «О признании деятельности подпольной патриотической группы на кожевенном заводе “Большевик” во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» была признана деятельность подпольщиков на данном кожевенном заводе в Минске. Группа действовала с августа 1941 г. по июль 1944 г. [3, с. 208]. В составе группы значится 15 человек, в том числе и татарка Роза Матвеевна Конопацкая (по мужу Малакович)

(1911 г.р.) — член группы с декабря 1942 г. по март 1944 г. Основная деятельность подпольщиков сводилась к похищению с завода произведенных кож, химикатов, медикаментов, соли и передачи их через связных партизанам. Кроме того, подпольщики распространяли на заводе листовки, газету «Звезда», поддерживали тесную связь с партизанами. В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся материалы, в которых содержится информация о деятельности по борьбе с врагом Розы Матвеевны Конопачкой в качестве связной партизанского отряда имени Г.И. Котовского бригады «Народные мстители» имени В.Т. Воронянского с 15 декабря 1942 г. по 13 марта 1944 г. В ее боевой характеристике значится, что она всегда выполняла поручения командования, касающиеся сбора и доставки медикаментов и кожаных заготовок в партизанский отряд, добычи сведений разведывательного характера о вражеском гарнизоне в Минске. Она размещала в своей квартире партизан, которые приезжали на задания в Минск [4, л. 415–416].

Несмотря на террор оккупантов в отношении минских подпольщиков в течение 1943–1944 г., в городе возникают новые подпольные группы. Татарка Мария Константиновна Байрашевская с 8 июня 1943 г. по 1 июля 1944 г. выполняла функции связной подпольной разведывательно-диверсионной группы «Первые» (руководитель В.И. Жуков), которая действовала с 27 марта 1943 г. по 1 июля 1944 г. в г. Минске, а также в Смолевичском, Борисовском, Пуховичском и Червенском районах Минской области. Она проводила работу по выявлению предателей Родины, руководителей прогерманской Белорусской народной самопомощи [5, л. 1–2]. За свою деятельность по борьбе с врагом М.К. Байрашевская была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени [6, л. 21 а].

Тасия Яковлевна Якубовская (Николайчик) (1927 г.р.), которая до войны жила в Минске по ул. Сухозной, 11 (недалеко от ул. Татарской, где располагалась мечеть), также участвовала в борьбе с врагом. В 1940 г. умерли ее родители, опекуном стал брат матери — Асан Александрович, который 24 июня 1941 г. ушел на фронт и погиб в первые дни войны. Она осталась одна. Как вспоминает сама Т.Я. Якубовская, с ноября 1942 г. она входила в состав подпольной группы, которой руководила Р.П. Духовникова, она жила по соседству и способствовала приобщению Т.Я. Якубовской к подпольной работе. В мае 1943 г. члены группы организовали побег 20 военнопленных и переправили их в партизанский отряд «За Родину». Из отряда получали листовки и сводки информбюро, которые потом распространяли [7, с. 63]. Т.Я. Якубовская добывала и переправляла партизанам оружие, медикаменты, боеприпасы, соль и другие необходимые вещи. Ее квартира была явочной для подпольщиков и партизан, которые направлялись в Минск на задания. Т.Я. Якубовская была официально признана в послевоенные годы связной отряда «За Родину» бригады имени М.В. Фрунзе Вилейской области (с 15 ноября 1942 г. по 3 июля 1944 г.) [8, л. 10, 14].

Как и абсолютное большинство белорусов, их соотечественники-татары также отрицательно относились к карательным акциям фашистов в отношении еврейского населения и не раз в трудную минуту приходили ему на помощь, рискуя собственной жизнью. До сегодняшнего времени история сохранила эпизоды, свидетельствующие об их высокой нравственности. Так, в квартире Т.Я. Якубовской с зимы 1941–1942 г. по осень 1942 г. находились женщина с девушкой еврейской национальности, которых попросил спрятать известный минский подпольщик Н.П. Дрозд. «Праведниками народов мира» в декабре 2003 г. Израильским Мемориальным музеем памяти жертв и героев катастрофы европейского еврейства «Яд-Вашем» (Иерусалим) признаны та-

тарки Фатима Мустафовна Конопацкая (1891–1985) и Анна (Айша) Сулеймановна Конопацкая-Трофимова (1926 г. р.) из Минска за спасение целой еврейской семьи Давидсон [9, с. 58–60].

Таким образом, даже на основании данного небольшого экскурса в историю Великой Отечественной войны, а именно подпольного движения в г. Минске, в разрезе гендерного аспекта, становится очевидным, что женщины-татарки внесли свой вклад в общую Победу над немецко-фашистскими захватчиками, сражаясь с оккупационным режимом, чем приближали освобождение территории страны от врага.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1346. Оп. 1. Д. 270.
2. НАРБ. — Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 656.
3. *Мінскае антыфашысцкае падполле/Камітэт па архівах і справядлівасці Рэспублікі Беларусь*, НАРБ; редкал.: Я. І. Бараноўскі, А. М. Літвін [і інш.]. — Мінск: Беларусь, 1995. — 256 с.
4. НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 5. Д. 501.
5. НАРБ. — Ф. 1346. Оп. 1. Д. 195.
6. НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 7. Д. 53.
7. *Нікалайчык, Т. Я. Тое, што помніцца/Т. Я. Нікалайчык//Байрам*. — 1994. — № 4. — С. 61–63.
8. НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 5. Д. 743.
9. *Трафімава (Канапацкая), А. Да 50-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне/А. Трафімава (Канапацкая)//Байрам*. 1994. № 4. С. 58–60.

Д. А. Эфендиева

г. Махачкала, Дагестанский государственный университет

Повседневная жизнь населения городов Дагестана в годы Великой Отечественной войны

Значительным событием в истории человечества явилась Вторая мировая война. 70 лет Победы в Великой Отечественной войне свидетельствуют о ратном, трудовом подвиге советского народа в борьбе с коварным врагом — фашистской Германией. Свой вклад в защиту Отечества внесли и дагестанцы, среди которых было немало жителей республики. Их повседневная жизнь была нелегкой. В Махачкале, Дербенте, Буйнакске снабжение продовольствием осуществлялось по карточкам, которые получили распространение в городе с 22 августа 1941 г. согласно постановлению СНК ДАССР и бюро Дагестанского обкома ВКП (б) [4. Л. 32]. В результате неравномерного распределения хлеба, сахара и кондитерских изделий в города Буйнаксск и Дербент эти продукты не поступили. Такое положение обсуждалось руководством Дагестана и было отмечено в постановлении СНК ДАССР от 15 сентября 1941 г. «О состоянии торговли хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями по карточкам». [5. Л. 75].

В начале войны с введением карточной системы в городах Дагестана с 31 августа 1941 г. были определены дневные нормы продажи хлеба по карточкам на основании приказа наркомата торговли Дагестана от 23 августа 1941 г. «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия». Нормы хлеба составляли рабочим первой категории — 800 г в день, рабочим второй категории — 600 г, служащим первой категории — 500 г, служащим второй категории — 400 г, иждивенцам первой категории — 400 г, иждивенцам второй категории — 400, детям до 12 лет — 400 г. [6. Л. 21].

Первоначально наблюдались перебои в торговле, неотлаженность механизма снабжения. Это выражалось в больших очередях за хлебом. По воспоминаниям бывшей учащейся средней школы № 8 города Хасавюрта А.Г. Жидковой, люди простаивали в очередях за ячменным хлебом, целую ночь. [13, с. 31–32]. О питании в военные годы вспоминает Капланова Патимат из г. Махачкалы. «Когда началась война, мне было 5 лет. Семья жила в Школьном переулке, 16, это возле маяка. ...Помню, как ходила за хлебом на Краснофлотскую. Приходилось занимать очередь с 4–5 утра. И отойти было нельзя — потеряешь место. Стоишь в очереди и ждёшь, когда подойдёт твоя очередь. На каждого члена семьи полагалось 200 грамм, причём хлеб был на половину из кукурузы и ячменя. Я пока до дому доходила, эту буханку облизывала всю. Мама смеялась, и сердилась: «Что ж ты мне опять шлифованную принесла?» [2, с. 182]. А вот Кузина Тамара Петровна из Махачкалы рассказывает о трудностях военного времени следующее: «Хлеб получали, как и все в то время, по карточкам. Помню, мама очень плакала, когда нас обворовали, украли карточки, по которым мы должны были получать хлеб целый месяц. Но мама нашла выход, мы брали в долг карточки у многодетной еврейской семьи, проживающей по соседству. Потом, когда мы получали карточки, то потихоньку отдавали им» [2, с. 215]. Директор детского дома № 2 г. Буйнакса Алиева Хава — Ханум Ибрагимовна вспоминает: «Помню трудности военного времени. Снабжали нас централизованно — и питанием, и всем необходимым, но не всегда отпускалось все то, что было положено. Не хватало жиров, сахара, мануфактуры. Конечно, страна испытывала тогда неслыханные трудности, но тут ещё появились расхитители общественной собственности в органах торговли и даже в детских учреждениях. ...Вскоре прислали в г. Буйнакс комиссию и проверили детское снабжение. Комиссия установила крупные злоупотребления. Оказалось, что государство выделяло детям и масло, и сахар, и шоколад; эти ценные продукты расхищали. Когда комиссия закончила работу, в Буйнаксе состоялся суд военного трибунала. Зал суда был переполнен. Виновные понесли заслуженное наказание, а питание в детских домах после этого заметно улучшилось» [2, с. 60].

Нормировано снабжалось население и непродовольственными товарами, на которые карточки были введены во всех городах и рабочих посёлках к середине 1942 г. Карточная система имела вид определённого количества купонов-единиц. В Дагестане карточки на промышленные товары в городах, рабочих посёлках и в сельской местности вводились приказом наркомата торговли ДАССР от 10 апреля 1942 г. [7. Л. 80]. Горожане, как и другие категории населения республики в войну недополучали хлопчатобумажную ткань, дорогие сорта и виды швейных изделий и трикотажа, мыло, керосин и другие товары. Но могли они удовлетворить свои потребности и из предметов галантереи, парфюмерии и т.д. В целом, ассортимент завезенных в Дагестан промышленных товаров мало удовлетворял потребности покупателей. В магазинах не находили спроса дорогие игрушки, дорогие швейные изделия плохого качества, некоторые виды трикотажа, галантереи и прочие товары. Из хлопчатобумажных тканей с 1942 по 1945 гг. доставлялась в основном суровая бязь. Из шерстяных тканей завозились дешёвые грубые сукна, трико, шевиот и т.д. Совершенно в эти годы не завозились фарфоровая и фаянсовая посуда, стекло оконное, всякие виды железной и алюминиевой посуды, рабочие инструменты, ходовые сорта галантереи и другие. [8. Л. 2 об.]. Асельдеров Шамсудин из г. Махачкалы вспоминает: «Помню, нам, как семье фронтовика, как-то выделили пару ботинок. Одну пару на троих детей. У сестры была какая-то обувь, а мы с братом носили эти ботинки по очереди. С утра я их надевал

и шёл в школу (мы все в школе № 5 учились), брат ждал, пока вернусь, разуюсь, надевал эти ботинки и сам отправлялся на уроки» [2, с. 83–84].

Неравномерность в обеспечении населения Дагестана промышленными товарами приводила к тому, что было недодано, в частности, текстильных изделий на 24 млн. руб., швейных на 7 млн. руб., хозяйственного мыла на 2 млн. руб., спичек на 7 млн. руб. [13, с. 50]. Причины заключались в больших затруднениях с производством товаров первой необходимости и с транспортом.

Население страны определённую часть продукции промышленности и сельского хозяйства получало по линии ленд-лиза. В Дагестан в основном присылались промышленные товары, которые распределялись остро нуждающимся семьям военнослужащих, инвалидам войны и членам их семей, и в первую очередь семьям погибших на фронтах Отечественной войны, а также детям, находящимся на патронировании и опекаемым. Распределение подарков из союзных стран занимались комиссия СНК ДАССР, а персональную ответственность за правильное использование этих вещей по назначению несли председатели исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся. В октябре 1944 г. было прислано 25318 предметов одежды. Это юбки, жилеты, мужские пиджаки, брюки мужские, платья подростковые, платья женские, бельё детское и т.д. Все эти американские подарки были распределены среди инвалидов Великой Отечественной войны и труда и разосланы в Махачкалу, Дербент, Хасавюрт, Буйнакск, посёлок Изберг, Двигательстрой, районы республики, в различные организации учреждения [13, с. 56–57]. Асельдеров Шамсудин из Махачкалы вспоминает: «В порт поступали американские товары по ленд-лизу, и если, к примеру, рассыпалась соль, то её специально всю не сметали, в позволяли мальчишкам собирать. Тогда ведь все было по карточкам, и соль была большая ценность» [2, с. 83].

В период войны в Дагестане товары реализовывались и по талонам. Приказом наркомата торговли ДАССР от 23 февраля 1943 г. разрешалось отпускать по желанию потребителей предприятиям общественного питания мучные блюда по талонам хлебных карточек [9. Л. 30]. Работающим женщинам можно было в этих условиях кормить своих детей в столовых, других предприятиях общественного питания. В марте того же года вводилась продажа некоторых ненормированных продовольственных товаров по безымянным талонам сахарных карточек и табачных изделий, в частности чая, вина, водки, фруктов, овощей [13, с. 50].

Товары по карточкам, талонам продавались по довоенным государственным ценам, которые оставались в основном неизменными на протяжении всей войны. На основные виды продовольственных товаров, в частности хлеб, муку, крупы, макаронные изделия, мясо, жиры, рыбу, рыбные изделия, сахар, чай, розничные цены не претерпевали изменений с 1940 г. по 16 сентября 1946 г. Это облегчало горожанам кормить свои семьи, детей.

Карточная, талонная системы снабжения, хотя в определенной степени помогала горожанкам организовать питание в своей семье, но далеко не могла обеспечить всем необходимым. По воспоминаниям Кузиной Т. П. из Махачкалы предстает картина каждодневной жизни людей в военную пору. «Моя мама работала уборщицей в конторе «Автогужтранспорт», который обслуживал рыбную отрасль и где на лошадях развозили хлеб по городу. Впоследствии эта контора стала называться АТК-3 рыбной промышленности, а машины — развозить рыбу на рыбозаводы. Оттуда (очень редко) мама приносила кильку, из которой мы делали котлеты (это был настоящий праздник) или тюленьи лапки, которые приходилось подолгу варить. Они имели отвратительный за-

пах, но были очень питательными. Когда я приходила к маме на работу, то конюх обязательно насыпал мне кусок жмыха (отжатые семечки подсолнуха), которые на пред­приятие поставлялись как корм для лошадей. Это было моим лакомством в то время. ... Каждый год маме выделяли огород. За заводом им. Магомеда Гаджиева были виноградники, а далее — земли под огородами. Там мы с мамой выращивали помидоры, огурцы, баклажаны, капусту, лук, чеснок. В основном все шло на продажу, а потом покупалась шерсть, ткань, нитки и краска для шерсти. ...Канализации и водопровода у нас во дворе не было. Во дворе был колодец, оттуда брали воду для мытья полов. Мама, а позже и я (с двумя ведрами на коромысле) ходила на улицу Малыгина (двор старой мечети), где брали питьевую воду, там был кран. А за родниковой водой ходили на ул. 8 Мар­та (ныне ул. Батырая). Стирали в основном хозяйственным мылом, им же мылись». [2, с. 215–216]. По воспоминаниям Магомедовой Валентины Максимовны, которая в 1941 г. со своими родными жила в Махачкале предстают трудности в питании военной поры. «Все время хотелось есть. Не помню питались ли мы чем-нибудь ещё, кроме мамалыги. Это очень жидкая каша из кукурузной муки. Я до сих пор не могу есть кукурузные лепешки: они напоминают мне о военных голодных днях». [2, с. 253].

Для обеспечения бесперебойного снабжения работников важнейших отраслей народного хозяйства СНК СССР 9 апреля 1942 г. вынес решение об организации при промышленных предприятиях отделов рабочего снабжения — ОРСов. При про­мышленных предприятиях Дагестана было создано 24 ОРСа. [3, с. 140–141]. Помимо распределения получаемых продуктов среди рабочих, инженерно-технических работ­ников и служащих предприятий, в задачи ОРСов входило создание собственной про­дovolьственной базы. В связи с этим они занимались развитием собственного сельско­хозяйственного производства, организацией лова рыбы, сбором дикорастущих плодов, переработкой заготовленной продукции. Система ОРСов позволила в короткие сроки вовлечь в фонды снабжения трудящихся дополнительные ресурсы мяса, овощей и карто­феля, что оказало влияние на улучшение питания в столовых и целевого обслужи­вания покупателей в магазинах. В целом, в республике сеть предприятий общественного питания не получила должного развития в период 1941–1945 гг. Увеличение товаро­оборота за годы войны всего на 1% свидетельствует о том, что на местах, как в городе, так и на селе, относились к этому вопросу на уровне второстепенного. Однако, органи­зация ОРСов в республике, напротив, шла успешно. За годы войны возросло не только их количество, но и розничный товарооборот, который в 1945 г. составил 49600 тыс. руб. против 28062 тыс. руб. в 1942 г. [10. Л. 28; Л.1].

Централизованные фонды на снабжение населения продовольствием и промыш­ленными товарами, выделяемые ежегодно наркоматом торговли СССР, в 1943 г. были сокращены по сравнению с 1942 г. в 3–4 раза, с 1944 г. в 5–6 раз. [8. Л.22]. Но сокра­щение централизованных фондов в последующем обусловило необходимость ориен­тации на развитие дополнительных ресурсов: подсобных хозяйств, промысловой кооперации, огородничества и др.

Организацией подсобных хозяйств в Дагестане стали заниматься ещё до войны с принятием постановления СНК ДАССР от 14 октября 1940 г. «Об организации подсобных хозяйств при промышленных предприятиях». Тогда было организовано 23 подсобных хозяйства. [11. Л. 20]. С началом войны темпы организации подсобных хозяйств промышленными предприятиями и торговыми организациями даже при наличии огромной финансовой поддержки со стороны государства были медленными. Это объяснялось просчётами руководителей партийных органов, директоров промыш­

ленных предприятий и торговых организаций к вопросам освоения государственных кредитов на организацию подсобных хозяйств в республике. Имели место и проблемы обеспечения землей промышленных предприятий и торговых организаций, а также случаи хищений и разбазаривания продовольственных товаров. Сосредоточение правительства Дагестана в 1942 г., а затем в 1944 г. своего внимания на развитии подсобных хозяйств, позволило использовать 50% их сельскохозяйственной продукции для сверхнормированного снабжения работников различных ведомств, а также населения республики, удовлетворяя в основном их потребительские запросы. Только за 1944 г. подсобными хозяйствами республики было произведено около 40% общего количества картофеля, идущего на стол рабочих и служащих, овощей — более 60%. В подсобных хозяйствах потребительской кооперации за 1944–1945 гг. валовой сбор составил: картофеля — 178 тыс. т; овощей — 83 тыс. т, зерновых (крупяных) — 72 тыс. т; яиц получено — более 1,5 млн. шт. [13, с. 124].

Повышению уровня снабжения населения продуктами питания содействовало не только развитие подсобного хозяйства, но и огородничества. Согласно постановлению СНК ДАССР и бюро обкома ВКП (б) от 12 марта 1942 г. «О массовом развитии огородничества» у населения республики появилась возможность получить земельный участок. Уже в конце 1942 г. рабочие и служащие Дагестана не только получили, но и обработали 14400 индивидуальных огородов на площади 402,11 га [12. Л. 230]. Особенно большая работа по развитию индивидуального огородничества была развернута в Махачкале. Несмотря на ряд трудностей, проблем в развитии огородничества в Дагестане, оно принимало массовый характер и позволяло получать дополнительное количество продовольствия для улучшения питания населения картофелем, овощами и зеленью.

Помимо подсобных хозяйств, огородничества, проблему дополнительного источника продовольственного снабжения населения Дагестана, составляли и рыбные промыслы. Возрастание значения рыбных промыслов, в частности Каспийского бассейна, было связано с падением в годы войны производства мяса. Рыбные промыслы имелись в двух пищевых артелях Дагестанского разнопромсоюза — в артелях «Красный Восток» в Махачкале и в артели «Рекорд» в Хасавюрте. На этих промыслах, кроме соления, другой переработки не практиковалось. Рыба использовалась в буфетах и столовых общественного питания артелей. Всего рыбаки Дагестана дали фронту и народному хозяйству 205200 т. рыбы [1, с. 78].

В целом, снабжение населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны осуществлялось в городах посредством нормированного распределения продовольственных и промышленных товаров. Удельный вес продовольственных товаров в общем объеме товарооборота Дагестана в годы войны преобладал, а непродовольственных имел тенденцию даже к сокращению. Важную роль в укреплении тыла, производственного потенциала республики отводилась ОРСам. В Дагестане в годы войны наблюдалось не только количественное увеличение ОРСов промышленных предприятий и системы общественного питания, но и рост показателей выполнения ими розничного товарооборота. Розничный товарооборот ОРСов Дагестана вырос с 28062 тыс. руб. в 1942 г. до 49600 тыс. руб. в 1945 г. [10. Л. 28; 1]. В целом, уровень торговли Дагестана в годы войны был невысокий, поскольку наблюдалась тенденция снижения розничного товарооборота. Развитие в Дагестане в годы войны подсобных хозяйств, индивидуального и коллективного огородничества пополняло рынок картофелем и овощами, оказывало влияние на снижение цен. Массовый характер огородничества помогал снимать труд-

ности в снабжении населения овощами и зеленью, способствовал созданию базы для развития индивидуального животноводства и птицеводства.

Литература

1. Бабаев А.-М. Б. *Партийная организация Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Путь Октября. Сборник статей. Махачкала, 1990.*
2. *Детство, опалённое войной. Дагестан. 1941–1945 гг. Воспоминания/ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2015.*
3. *Каймазаров Г. Ш., Керимов И. К., Койстинин Г. С., Мелешко А. Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала, 1963.*
4. ЦГА РД. Ф.р-491. Оп. 8. Д. 114.
5. ЦГА РД. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 4910.
6. ЦГА РД. Ф.р-491. Оп. 8. Д. 100.
7. ЦГА РД. Ф.р-491. Оп. 8. Д. 142.
8. ЦГА РД. Ф.р-491. Оп. 8. Д. 254.
9. ЦГА РД. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 5812.
10. ЦГА РД. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 6144; Ф.р-491. Оп. 8. Д. 231.
11. ЦГА РД. Ф.р-260. Оп. 22. Д. 53.
12. ЦГА РД. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 5442.
13. *Эфендиева Д. А. Организация торговли и снабжения населения Дагестана продовольственными и промышленными товарами в годы Великой Отечественной войны. // Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1995.*

Е. Ю. Волкова

г. Кострома, Костромской государственный университет

Бытовые проблемы горожанок в годы Великой Отечественной войны

Война резко нарушила привычный образ жизни народа. Колоссальные проблемы возникли в удовлетворении самых насущных потребностей в пище, одежде, жилье, тепле. Как известно, в тылу, в том числе и городах большинством населением стали женщины с маленькими детьми. Именно на них свалился основной груз бытовых проблем. Рассмотрим од ну из них, малозначимую на первый взгляд — где и чем помыться. По России с большим трудом шло выполнение постановления СНК РСФСР от 4 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению обслуживания банями и прачечными населения и организаций в городах РСФСР». За первый квартал 1942 г. по 12 областям РСФСР было построено 529 бань упрощенного типа, то есть рубленых и земляных. В основных же банях, которых к концу войны по республике насчитывалось 734, наблюдались частые перебои из-за отсутствия топлива. Срок службы котлов нередко исчислялся 30–40 годами. Из-за ветхого состояния многие краны не работали. Постоянно не хватало шпак, мыла и соды, а имевшиеся крохи были низкого качества [3]. Например, в Горьком в середине войны сложилось «совершенно нетерпимое положение» с работой бань. Десять городских бань имели пропускную способность до 42 тыс. человек, что составляло лишь 9% тех, кто ими пользовался. В результате жители города не имели возможности вымыться в течение 1–1,5 месяцев. Для укомплектования бань требовалось 196 человек, но приняты на работу лишь трое. Вместо 500 кг мыла

в 1943 г. было выделено 300 кг, вместо 50 тыс. мочалок — 7 тыс., вместо 1 тыс. шаек — 58 штук [6; 4].

При обследовании костромских бань в 1943 г. также выявилась неприглядная картина. В главной городской бане часто бывали перебои с топливом, что приводило к отсутствию горячей воды в течение часа-двух. В итоге горожане сначала помогали пилить дрова, а затем уже шли в баню. «В самой бане очень холодно, грязно, дезинфекции не проводят, вентиляция не работает, с потолка течет, душевое отделение закрыто, четверть тазов прохудилось, ящики для одежды без замков». На весь Заволжский район Костромы работала одна баня, располагавшаяся в двухэтажном каменном доме. При плановой пропускной способности 15 тыс. человек, фактически в ней мылись от 4 до 5 тыс. Из-за недостатка дров мылись только в маленьких мыльнях, а не в большом зале. В докладной записке отмечено: «Само помещение довольно чистое, вшивости не наблюдается. Много худых тазов, краны текут. В мужском отделении из 12 кранов 8 требуют ремонта. Часть окон заколочена фанерой, из-за чего получаются сквозняки. При бане есть парикмахерская, но она не работает» [2].

Подробности, как и чем мылись в банях, можно узнать из бесед с людьми, пережившими войну. Например, Кораблева Нина Михайловна, приехавшая в г. Солигалич Костромской области из блокадного Ленинграда, вспоминает: «Где мы только не мылись: и в русской печке щелоком. Солому стелили, залезали и мылись. И в бане парились, один раз даже в черной бане мылась. В городскую баню ходили. Такая очередь была — это что-то уму непостижимо. И мылись, и стирали тут же. Три дня в неделю были женских, три дня — мужских. Но всегда чистенькие ходили. Волосы у меня длинные были, бантик у всех был на левой стороне, а я — левша, у меня — на правой» [8].

Мылись горожане в основном хозяйственным мылом, мочалки были из рогожи или лыка из липы. Летом городские девчонки и мальчишки чаще мылись в реке, чтобы не тратиться на баню. Малышева К. Г. вспоминает, что в г. Тулгуне Иркутской области, где они переживали войну, «мылись черным хозяйственным мылом. Это был дефицит. Помню, как бабушка взяла займы кусок такого мыла у учителя биологии Ивана Митрофановича и мучительно переживала: долг надо отдавать, а где взять это злополучное мыло? Вместе с ней переживали и мы, дети» [9].

Мыло часто покупали на базаре, но не редки были случаи, когда внутри куска обнаруживалась деревянная чурка. Гусева С. А. из Костромы говорит: «Один раз мама купила кусок мыла на базаре, а внутри его была деревяшка, так мама долго ходила с этой деревяшкой на базар, надеясь встретить ту женщину, но так и не встретила». А вот 3-летней Черниковой Гале повезло: они жили в Перми и мылись земляничным мылом, которое ее бабушка купила еще до войны с «непревзойденным и сейчас по своему качеству и запаху земляники» [5;11].

Жители Костромы в основном ходили мыться в баню на улице Сенной. Работавшая в ней мать Твороговой Гали видела кто чем мылся. Некоторые варили мыло из каустика и продавали по 10 руб. за кусок. «Оно было красивое, прозрачное, но едучее и вонючее. Иногда маме удавалось купить настоящее мыло у военных, которых привозили мыться. Но его берегли и мыли им только голову. Было очень много вшей. В баню с ними не пускали» [10]. Астреина Л. С. вспоминает: «Помыться было большим счастьем. При входе в баню всех проверяли на наличие вшей. Когда сидели в очереди и ждали возможности помыться, самое радостное было — побегать с детьми вокруг деревянных колонн в зале. В буфете продавали газировку с сиропом, стакан стоил 4 копейки. Правда, только однажды мама купила мне ее. Я очень любила в бане мыться

в тазаиках, которых зачастую не хватало. Мылись жидким мылом или хозяйственным» [1]. Ее рассказ дополняет Зверева В. А., ходившая в баню в Заволжском районе Костромы: «Баня была большая, 2-этажная. Мужской отдел на первом этаже, женских два — на втором. Очереди огромные, особенно по субботам, даже с улицы. Папа брал в баню двух братиков, мама нас троих. Хотя мне было 15 лет, но голову все равно мыла мама, говоря, что я потрачу много мыла, а волосы не промою» [7].

Таким образом, из архивных материалов и воспоминаний горожанок видно, что причиной плохой работы бань далеко не всегда была связана с войной. Главное, это была недоработка городских исполнительных органов, руководителей самих бань, которые зачастую все проблемы с работой бани специально сваливали на войну.

Литература

1. Астреина (Мельникова) Людмила Сергеевна, 11 дек. 1936 г., г. Кострома, записала Павлова Е. А. в 2010 г.
2. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф.2. Оп. 1. Д. 798. Л. 15,5.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5456. Оп. 26. Д.32. Л.1,8,27; Д.33. Л.21; Д.119. Л.51,53,54,59
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 2704. Л. 16.
5. Гусева София Александровна, 1931 г. р., г. Кострома, записал Курьяков М. П. в 2010 г.
6. Забвению не подлежит: страницы нижегородской истории (1941–1945): Док-ты, письма, воспоминания. Кн.3. Н. Новгород, 1995. С. 405.
7. Зверева (Терновская) Вера Александровна, 1926 г. р., г. Кострома, записал Рябцы Е. В. в 2009 г.
8. Кораблева (Руссова) Нина Михайловна, 20 июля 1937 г., г. Ленинград, записала Аретова О. В. в 2010 г.
9. Малышева Ксения Георгиевна, 1936 г. р., г. Тулгун, Иркутская обл., записал Загорей А. И. в 2009 г.
10. Полозова (Творогова) Галина Андреевна, 11 дек.1923 г., г. Кострома, записал Сигаев А. В. в 2011 г.
11. Черникова Галина Ивановна, 1938 г. р., г. Пермь, записала автор в 2010 г.

А. Ш. Кабирова

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

Труд женщин в системе школьного образования в годы Великой Отечественной войны (на примере ТАССР)

Война создала серьезные трудности в работе органов школьного образования Татарской АССР. В первые же военные месяцы существенно сузилась материальная база. Несколько десятков самых лучших школьных зданий в г. Казани были переданы под госпитали и эвакуированные предприятия и учреждения. В августе 1941 г из 102 школьных помещений, имевшихся в столице ТАССР, в распоряжении гороно оставалось только 58, из которых 14 до войны занимали средние и семилетние школы, остальные — начальные [2, л. 73]. Нормой в военные годы стали занятия в 2–3 смены, использование под школьные нужды зданий домов культуры, клубов и т. д.

Мобилизация на фронт большого количества учителей-мужчин вызвала резкое возрастание роли женщин в народном образовании, что подтверждают следующие данные. В 1943 г. в органах просвещения ТАССР работали 14156 женщин-учителей, это составляло 87% от общего числа занятых. К 1945 г. при абсолютном росте численности женщин-учителей до 15054 человек наблюдается уменьшение их количества в процентном отношении, но даже тогда процент женщин-учителей был довольно значительным и равнялся 74% [14, с. 76–78].

При этом профессиональная подготовка педагогических кадров была недостаточной. Это прослеживается при анализе следующих данных: в 1941–1942 гг. из 8444 учителей республики, занятых в 5–10 классах школ, только 1517 имели высшее образование, а 352 — даже незаконченное среднее [4, л. 15–16]. Поэтому в военные годы кадровому вопросу уделялось повышенное внимание. Вопросы улучшения работы Казанского педагогического и Елабужского учительского институтов были на постоянном контроле партийно-советских органов. Большинство студентов этих институтов составляли женщины. В сентябре 1943 г. на 1 курс указанных институтов было принято 348 человек, из них только 7 — мужчины, остальные 341 — женщины [3, л. 74].

В чрезвычайных условиях военной поры важно было охватить учебой всех детей школьного возраста. В силу разных причин: материальная необеспеченность, отсутствие одежды и обуви, заболеваемость детей — в первое полугодие 1941–1942 уч. года в ТАССР школу посещали только 82,5% детей [6, л. 8]. По данным на 1 ноября 1941 г. по четырем районам Казани (Бауманскому, Ленинскому, Молотовскому, Кировскому) 1279 детей (от 8 до 16 лет) не ходили в школу. Эти цифры, несомненно, возрастали за счет отсева учащихся. Только за сентябрь — октябрь 1941 г. в 12-й непоной средней школе Стаинского района г. Казани перестали посещать занятия 118 учащихся, в 18-й средней школе Молотовского района — 108 [10].

Необходимо было преодолеть эти негативные тенденции. И здесь роль школьных педагогов была весьма велика. В газете «Красная Татария» от 7 декабря 1941 г. освещался опыт классной руководительницы одного из 9-х классов средней школы № 3 г. Казани М. Д. Новиковой, где указывалось, что учительница «тесно связана с учащимися и их родителями, хорошо знала их домашний быт, внимательно следила за посещаемостью занятий, ежедневно выясняла причины непосещения». В итоге М. Д. Новикова добилась, что в ее классе практически не было отсева [10].

В результате совместных действий учителей, родителей, общественных инспекторов и комиссий уже в 1942–1943 уч. году отсев учащихся значительно сократился, а в 1944–1945 уч. году план всеобуча школы ТАССР выполнили уже полностью [6, л. 8].

Многие учителя показывали замечательные примеры добросовестной работы, благодаря чему в отдельных школах г. Казани успеваемость школьников достигала 95–97% [7, л. 4]. Высокими показателями отличались, к примеру, школы: № 10 (директор — М. Б. Ценцилер), № 19 (директор В. А. Викторовская), № 39 (директор В. Г. Краснова) и др. Правда, были и второгодники. Так, из 404 тыс. учащихся республики в 1943/1944 уч. году 49 тыс. остались на второй год [15].

Преподавание всех предметов в школе было подчинено задачам военного времени. В 1941–1942 гг. в программах по истории и литературе для 7–10 классов увеличилось количество часов на изучение героического прошлого русского народа: Отечественной войны 1812 г., гражданской войны 1918–1920 гг. Любой школьный предмет опытные педагоги стремились использовать для воспитания чувства патриотизма у своих учеников. Подтверждением этого является работа учительницы арифметики

одной из школ г. Казани Анны Ивановны Бурмакиной. На ее уроках скучные цифры «говорили» живым языком. 12–13-летние школьники с интересом вычисляли, во сколько раз уменьшилось количество гитлеровских дивизий в результате действий Красной Армии; вычисляли длину и ширину моста, который необходимо было восстановить бойцам саперного батальона. «Красная Татария», распространяя передовой опыт, писала о ней: «27 лет педагогического труда Бурмакиной А. И. прошли в школе № 81. Как педагога ее характеризует стремление к наглядности преподавания. Она сама изобретает учебные пособия: придумала таблицу деления и умножения дробей, вычисления процентов» [13].

Много внимания учителя уделяли внеклассной работе: знакомили учащихся со сводками Совинформбюро, обсуждали коллективно письма фронтовиков, рассказывали о ратных и трудовых подвигах татарстанцев, приводили примеры из жизни родных и близких ребятам людей. Значимое место в жизни школьников занимала общественно-полезная работа: сбор лекарственных трав, шефство над госпиталями, помощь семьям фронтовиков, труд на колхозных полях, особенно в периоды сельскохозяйственной страды. Во главе этих патриотических движений учащихся шли их наставники. За 1941–1945 гг. 650 тыс. учащихся и учителей ТАССР вместе выработали более 16 млн. трудодней [1, с. 85]. На страницах газет военного времени мы находим яркие примеры их самоотверженного труда. К примеру, в номере от 9 декабря 1941 г. «Красная Татария» пишет: «Во время уборочных работ, когда в сельхозартеле «Марс» № 2 каждая пара рабочих рук расценивалась на вес золота, Нина Алексеевна Пайдиева, учительница средней школы г. Чистополя организовала помощь учащихся и учителей колхозу» [11].

В дни войны учителя проводили также большую агитационно-пропагандистскую работу. Уже 22 сентября 1941 г. учительницы Кировского района г. Казани организовали антифашистский митинг, в котором приняли участие 200 человек. Они заявили тогда, что «все свое педагогическое мастерство, все свои творческие силы они отдадут воспитанию... достойных защитников Родины» [9]. К началу 1942 г. в республике работали около 28000 агитаторов. По выборочным данным, не менее 51% агитаторов составляли женщины [5, л. 6].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны женщины-учителя ТАССР проявляли высокую сознательность и общественно-политическую активность. Правительством по достоинству оценено благородный труд учителей в деле обучения и воспитания молодежи. В 1945 г. 139 учителей республики были награждены орденами и медалями СССР за самоотверженную и образцовую работу [12]. 12 человек — удостоены высокого звания «Заслуженный учитель школы РСФСР», 9 из них — женщины [8, л. 36].

Литература

1. *25 лет Татарской АССР 1920–1945. Казань: Татгосиздат, 1945. 104 с.*
2. *ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. П-15. Оп. 5. Д. 200 а. Л. 73.*
3. *ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 882. Л. 74.*
4. *ГА РТ. Ф. П-4034. Оп. 23. Д. 303. Л. 15–16.*
5. *ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 23. Д. 383. Л. 1–6.*
6. *ГА РТ. Ф. П-4034. Оп. 26. Д. 79. Л. 8.*
7. *ГА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 832. Л. 4.*
8. *ГА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 445. Л. 36.*
9. *Красная Татария. — 1941. — 23 сентября.*
10. *Красная Татария. — 1941. — 7 декабря.*

11. Красная Татария. — 1941. — 9 декабря.
12. Красная Татария. — 1944. — 19 декабря.
13. Красная Татария. — 1944. — 22 декабря
14. Культурное строительство в Татарии. 1941–1970: Документы и материалы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. 520 с.
15. Кызыл Татарстан. — 1944. — 8 июля. — На тат. яз.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17–11–16014–ОГН «Производственные отношения в советское время: содержание и трансформационные процессы. 1920–1980-е гг. (на примере Татарстана)».

С.В. Тарасов

г. Тверь, Тверской государственный университет

Особенности иерархии в закрытых мужских коллективах городских гарнизонов Квантунской армии в период советско-японской войны 1945 г.

История советско-японской войны 1945 г. в настоящее время заслуживает дальнейшего изучения. Для этого необходимо обратиться к исследованию проблемы японской армейской иерархии и её особенностей.

Данный вопрос необходимо изучить так как императорская армия в целом и Квантунская в частности обладала строжайшей вертикальной иерархией, имевшей множество неповторимых свойств, не присущих ни одной другой армии мира. Это, в первую очередь, было обусловлено сильнейшей традиционностью и уникальным коллективистским менталитетом самого общества империи. Немаловажную роль играла и глубокая закрытость армейского коллектива.

Строжайшая иерархия существовала в японском обществе на протяжении всего исторического развития государства. Каждый её член обязан был занимать лишь строго положенное ему должное место, и находясь на нём беспрекословно и с максимальным рвением подчиняться вышестоящим, а к карьерному росту относились крайне неодобрительно и подозрительно. Она проявлялась абсолютно во всех сторонах японской жизни.

Именно из неё вытекает фанатичная преданность своему господину, роль которого, в период милитаризма, взял на себя император. А так как он совмещал в себе божественность, являясь фигурой священной, и высочайше почитаемой, а также наивысшую ступень в иерархии, то не следовать слепо его распоряжениям (как личным, так и в делегированной им, как было принято считать, другим вышестоящим по иерархии форме) было совершенно невозможно, а любой, кто в этом хоть сколько-то сомневался, немедленно и жестоко репрессировался как государством, в лице военной полиции кемпейтай, так и посредством самого общества.

По иерархии выстраивалась вся концепция мироустройства в сознании японцев. Вторая Мировая война была начата по их представлениям с той целью, чтобы сначала установить иерархический принцип в Восточной Азии, а затем и во всём мире, а каждая страна должна была занять строго положенное ей место в иерархии. Гла-

венствовать над всеми безусловно должна была Япония, как имеющая божественное происхождение.

Насколько эта преданность была сильна ясно, например, из анализа всех известных показаний военнопленных. Что бы не говорили японцы вне зависимости от того в положительном или отрицательном ключе, это всё равно сводилось к общему знаменателю что государство в целом, безусловно ассоциировавшееся с его главой — божественным императором, независимо, ни от чего, в том числе и от личных милитаристских, или немилитаристских убеждений японца всё равно, в любом случае, оставалось в целом непогрешимым, а критике подвергались лишь отдельные военно-политические фигуры, вроде нерешительных министров, и трусливых армейских командиров. Лишь трое из всей массы допрошенных высказались напрямую против императора. В семейной жизни иерархия проецировалась как аналогичное подчинение детей отцу и братьям строго по степени старшинства. Японские женщины безусловно находились в строжайшем и беспрекословном подчинении мужчинам, и согласно кодексу Бусидо, должны были служить своему мужу в домашних делах ровно так же как самурай служит своему господину, и в целом считались не людьми, а вещами. Однако в рассматриваемый период потребовалось уравнивать подданных императора женской и мужской гендерной принадлежности в прохождении воинской подготовки, так как, в соответствии с идеологией милитаризма, каждый японец должен был быть, в первую очередь, солдатом императора. Но всё же, по окончании школы, воинская обязанность, как и право служить в армии в целом, с женщины в соответствии с жёсткими самурайскими традициями, согласно которым воином мог быть исключительно мужчина, полностью снимались и даже помещались под строгий запрет. Единственным способом иметь хоть какое-то отношение к армии для женщины было приписаться исключительно в роли полностью бесправного гражданского работника — как правило медсестры к тыловому госпиталю, так как находиться на военно-медицинской службе, в связи с жесточайшей гендерной сегрегацией и дискриминацией в японском армейском коллективе, ввиду его полной закрытости, и глубокой традиционности, имели право исключительно медбратья.

При поступлении японских мужчин в армию, в том числе и в городские гарнизоны в Маньчжурию, иерархия ужесточалась до апогея. В особенности это относилось к новобранцам — рядовым 2-го класса, на которых за малейшую неточность в исполнении приказа вымещали свою ненависть во всех формах все, включая даже их старших сослуживцев. Иерархия стала одним из важнейших факторов, обусловивших стабильный националистический ура-патриотический дух, крайнюю фанатичность и бесчеловечную жестокость японских солдат, так как они наконец получили возможность выместить тщательно скапливавшуюся в течении всей жизни ненависть к издевавшимся над ними высшим чинам на всех своих противниках.

Отношение офицеров к солдатам по словам последних было крайне плохое. Однако аналогичным оно было и внутри самого офицерства, и даже генералитета. Иерархия была неумолима ко всем, и вышестоящий, при любом удобном случае, подвергал нижестоящего побоям и унижениям, что нетипично ни для одной армии мира, где между высшими чинами всё же существовала определённая этика взаимоотношений.

Проявлялась иерархия и во множестве унижительных испытаний, которым подвергали вышестоящие нижестоящих. Они имели бесконечную градацию, в зависимости от изопрённости фантазии более высоких членов воинской иерархии, и существовало варьировались, начиная от принуждения исполнять различные унижительные, и одновременно комичные роли, и заканчивая запредельными сверхурочными тренировочными нагрузками,

и жестокими играми, с нанесением нижестоящим множества побоев, а нередко и увечий, что особенно часто практиковалось в элитных частях вроде авиации.

В боевой обстановке войны с СССР иерархичность проявлялась в том, что командир гарнизонной части мог, даже обыкновенной своей просьбой, не говоря уже о приказе, сделать из любого своего подчинённого смертника, что автоматически, и без всяких сомнений, немедленно и чётко выполнялось последним, твёрдо уверенным, ввиду религиозных особенностей, в своём автоматическом посмертном обожевании.

Итак, рассмотрев особенности иерархии в закрытых коллективах городских гарнизонов Квантунской армии можно сделать выводы о том, что она была настолько жёсткой и, можно даже сказать, жестокой, что ни одна армия мира не могла сравниться с японской императорской по данному показателю. Данная иерархия давала боевое преимущество, так как являлась одним из важнейших и безотказных инструментов для полного и окончательного стирания всякой индивидуальности и личности военнослужащего вне зависимости от уровня его развития и образованности, а соответственно, превращения его по сути своей в биоробота, — живой автомат для слепого, беспрекословного и максимально точного выполнения любых указаний вышестоящих без всякого сомнения в своих действиях и мыслях об их последствиях.

Литература

1. Бенедикт Р. *Хризантема и меч: модели японской культуры/пер с. англ. М. Н. Корнилов, Е. М. Лазарева, В. Г. Николаев. М.: Российская политическая энциклопедия 2004.*
2. Дзюмпей Г. *Условия человеческого существования. М.: Прогресс, 1964.*
3. Иванов С. В. *Солдат на фронте № 10 — Пехота Японии 1937–1945 гг. М.: АРС, 2006.*
4. Кувахара Я., Оллред Г. Т. *Камикадзе. Эскадрилья летчиков-смертников/Пер. с англ. И. В. Сотникова. М.: Центрполиграф, 2004.*

М. Икута

г. Осака (Япония), Осацкий государственный университет

Хабаровск после Советско-японской войны глазами японской интернированной женщины

Хабаровск является городом, имеющим более чем столетнюю историю отношений с Японией. Во времена Российской империи там проживали 600 японцев, занимавшихся торговлей и перевозками. Во время интервенции в Сибирь с 1918 г. по 1929 г. японские войска оккупировали Хабаровск, а после Советско-японской войны в 1945 г. 161, 298 военнопленных и интернированных японцев находились в лагерях и работали в разных местах Хабаровска.

Хабаровск часто фигурирует в воспоминаниях и произведениях как место концентрационных лагерей, но не для советских, а для японских военнопленных и интернированных. В них можно увидеть однородные сюжеты о так называемом «тройном сибирском кошмаре»: голоде, холоде и тяжелой работе (заготовке леса, вырубке камня, добыче угля и т. д.) в разных лагерях.

Однако в порядке исключения была одна женщина, которая видела своими глазами город Хабаровск и написала воспоминания о быте жителей и о повседневной жизни женщин в провинциальном городе.

Посмотрим ее мемуары. Ее зовут Судо Кэйко. Она была в то время довольно известной женщиной среди японских военнопленных в Сибири и на Дальнем Востоке под прозвищем «Жанна д'Арк в Находке». В бухте г. Находка находились репатриационные лагеря в Японию. Она была одной из членов групп военнопленных, высказывавших «демократические убеждения» — коммунистические и прокоммунистические убеждения, связанные с необходимостью кардинальной перестройки государственной и социальной систем Японии по аналогии с СССР. Ядром «демократических групп» являлся «демократический актив» — группы наиболее активных и просвещенных в политическом плане военнопленных. Судо была одной из них.

Она родилась в 1927 г. в преф. Тотиги в Японии. До войны работала медсестрой в первом военном госпитале Квантунской армии в г. Цзямусы в Маньчжурии, куда поступила работать добровольно. В августе 1945 г. в Маньчжурии она была взята в плен и в сентябре того же года ее вместе с 150 женщинами и японскими военнопленными привезли по реке Амур в Хабаровск. Она жила в СССР всего три года. После возвращения на родину стала членом Союза поддержки жизни репатриантов из СССР. Написала воспоминания под названием «СССР (Сибирь) глазами женщины», опубликованные в книге «Мы жили в СССР» (1948 г.), а также «Воспоминания о Хабаровске» в книге «Как живут в СССР» (1949 г.). Ее гражданский муж являлся членом актива военнопленных в Находке, а в Японии стал председателем Союза поддержки жизни репатриантов из СССР и редактором и издателем Союза «Военный флаг репатриантов». В 1949 г. Союз поддержки жизни репатриантов из СССР был преобразован в Союз репатриантов в Японию, который пришел в упадок с наступлением холодной войны между СССР и США.

Вернемся в послевоенный Советский Союз. Судо работала уборщицей в Главном Управлении лагерей Хабаровского края. Однажды, когда она чистила библиотеку в Главном Управлении лагерей, Судо заметила на книжной полке альбом, датированный 1946 г., в котором было много военных фотографий разрушенных городов и репатриированных русских, обнимающихся со своими семьями. Погрузившись в чтение, Судо не заметила прихода начальника лагеря в библиотеку. Она побоялась, что он примет ее за шпионку. Но он, увидев ее заинтересованность в СССР, только сказал: «Ничего, смотрите, пожалуйста».

Спустя несколько дней начальник управления вызвал ее к себе. Он спросил, какое впечатление она получила от русских книг и попросил рассказать о Японии. Потом он предложил ей заняться взаимным преподаванием японского и русского языков. Она стала преподавать японский язык ему, а также одной девушке и парню каждый день по два часа. У нее не было опыта преподавания японского языка, но все же она как-то справлялась с обучением их чтению и письму по-японски. Однако она не могла отвечать, когда ее спрашивали о взглядах японских мужчин и женщин на любовь, об экономическом положении и обычаях Японии. Вопросы, задаваемые ей ребятами, побуждали ее думать о Японии, ее культуре, экономике, обычаях и гендерных отношениях.

Однажды в знак благодарности ребята пригласили ее на пешеходную экскурсию по Хабаровску. Они заранее получили от начальника лагеря разрешение выйти за его пределы. В 8 часов утра она с тремя учениками села на поезд, который курсировал между Хабаровском и Корфовском, где находился ее лагерь. Ей разрешили снять значок военнопленных и переодеться в гражданскую одежду. Обычно она носила японский военный мундир, в который переоделась, сняв белую одежду медсестры при выходе из военного госпиталя Квантунской армии в Маньчжурии, чтобы избежать сексуальных домогательств.

Одна из ее ученица одолжила ей свою шубу и платок. Поезд прибыл на станцию Хабаровск. Раньше, когда она впервые сошла на берег Амура в Хабаровске, она чувствовала страх и была в состоянии угнетенности, поэтому и город показался ей страшным. Она назвала его «городом дьявола».

Они с ребятами вошли в столовую и заказали пирожные с какао, за соседним столом русские ели хлеб, яичницу с ветчинной и салат. Столовая ничем не отличалась от японских. Но она заметила две отличительные черты. Во-первых, посетители сами брали те блюда, которые они заказывали, и убирали за собой грязную посуду туда, куда следовало. Во-вторых, здесь никто не курил. Ей объяснили, что в советских государственных столовых всюду соблюдаются такие правила. Здесь она впервые попробовала русский освежающий напиток квас, сладко-кислый на вкус. В своих записках она отметила, что квас и черный хлеб имеют сходный вкус и что русские вроде бы любят такой сладко-кислый вкус.

Она обратила внимание на то, что на улице женщины носят теплые пальто, но в столовой ходят только в легкой одежде. Это ее удивило. Она спросила, означает ли тот факт, что женщины одеты под пальто в легкие вещи, что у них не хватает одежды и даже зимой им приходится носить летнюю. Ей ответили: «Нет, в Советском Союзе внутри здания топят печки и поэтому там тепло. Внутри помещения достаточно летней одежды. Не надо тратить лишние деньги, чтобы покупать зимнюю, летнюю и демисезонную одежду. На улице достаточно надеть теплое пальто». Благодаря преподаванию японского языка и культуры, вернее многочисленным вопросам со стороны ее учеников, она уже смогла сравнивать русскую и японскую культуры.

Со второго этажа железнодорожной станции осмотрела общий вид станции, чья ширина, по ее словам, составляла примерно 1500 м. Она заметила, что среди вагоновожатых, инспекторов, кондукторов, сигнальщиков и рабочих довольно много женщин. В Японии женщины работали только в определенных сферах профессий, как-то телефонистками, официантками, учительницами, продавщицами, актрисами, певицами, медсестрами. Она удивилась тому, что в России женщины работали во всех сферах профессий наравне с мужчинами.

Ребята показали ей красиво ухоженный проспект шириной в 80 метров и разные здания. Она заметила, что почти все здания не являются частными. Но она чувствовала, что чего-то не хватает. Она спросила: «Мне кажется, здесь мало магазинов и товаров. Что, из-за войны почти все магазины были разрушены?» Русские ответили: «Да, мы понесли жестокий урон от войны и у нас недостаток предметов первой необходимости. Но скоро будет лучше. У нас почти все магазины государственные и вся экономика является регулируемой государством. У нас не допускается эксплуатация и магазины являются только одним из мест распределения».

Хабаровск состоит из трех сопек. С одной из них она смотрела на панораму Хабаровска. На юге виднелась граница Советского Союза с Маньчжурией, на севере — река Амур, по которой японцев привезли на корабле. Она видела, как через реку тянется Алексеевский мост (названный так в честь наследника престола Алексея, другое его название было Хабаровский мост), ширина которого составляла 2600 метров. Этот мост был построен в 1916 г. и в то время являлся самым длинным мостом в мире и назывался «Амурском чудом».

Судо заметила, что вдоль Амура тянется промышленный район, где много заводов. Среди них она увидела четыре новых здания белого цвета с 500–600-ми квартирами. Она пишет, что одна квартира занимает 50 квадратных метров и там живет в среднем

семья из трех человек. Рабочие арендуют квартиру бесплатно. Ей объяснили, что в Хабаровске очень много японских военнопленных и они работают вместе с русскими на больших сварочном, лесопильном и железоделательном заводах, которые виднелись вдали. Она видела березовую рощу, где находилось трехэтажное здание больницы, в котором лежали 150 японских военнопленных. В центре она видела большое трехэтажное здание. Это был родильный дом, где любую роженицу принимали бесплатно. Рядом стоял современный детский дом, где находились под защитой сироты, чьи родители погибли на войне. В завершение экскурсии она посмотрела кино в кинотеатре.

Узнав, что ее подруги тоже хотят посмотреть город, она попросила начальника организовать экскурсию в больницу и в детский дом. Судо вместе с 30 японскими интернированными женщинами и начальником лагеря поехала на экскурсию. Они навестили японских военнопленных в госпитале. Они очень обрадовались появлению японских женщин, некоторые даже плакали от радости.

Потом они вошли в детский дом. Девочки носили красные юбки и черные матроски, мальчики — синие короткие штаны. Заведующей дома была женщина в возрасте примерно 45 лет. Она сказала, что они воспитывают детей как «сокровище государства». Среди 380 сирот были не только русские, но и монголы, и татары, и другие народности. В детском доме работало двенадцать учителей.

После осмотра госпиталя Судо предложила начальнику лагеря, чтобы бывшим японским медсестрам дали возможность работать в госпитале или санчасти, чтобы применить их специальность по делу. В Хабаровском крае зимой погибло 10 тысяч японских военнопленных. Судо вместе с другими бывшими медсестрами отправили работать в госпиталь. Начальником госпиталя была женщина-хирург. Работая на фронтах Великой Отечественной войны, она спасла много раненных. Ее прозвали «Наша Великая мать». В этом госпитале ее называли так же, потому что она была хорошим хирургом. Утром она занималась хирургическими операциями, после обеда обходила больных в госпитале, вечером участвовала в разных совещаниях или научных заседаниях. У нее был муж, полковник сухопутной армии, и трое детей. Среди 60-ти врачей было 23 женщины, которые занимали ответственные посты. И здесь Судо удивилась тому, как женщины работали наравне с мужчинами.

После Хабаровска ее привезли в Находку, где она работала в медпункте медсестрой и была организатором демократического движения в женском отделе.

После возвращения домой она написала мемуары, чтобы представить японцам правильный, с ее точки зрения, образ Советского Союза. Однако ее воспоминания не пользовались поддержкой японской общественности. В Японии насчитывается более 2000 мемуаров, написанных военнопленными мужчинами, существуют художественные произведения и кинофильмы о сибирских лагерях военнопленных и интернированных. Как было указано выше, основными сюжетами там являются три трагических момента — голод, холод и тяжелая работа. Во время холодной войны общественное мнение Японии не признавало мемуары, склонные к сочувственному отношению к Советскому Союзу, к коммунизму. Для японцев интернирование должно было изображаться в трагическом тоне.

В заключении мы хотим сравнить женские и мужские мемуары так называемых активистов, то есть тех, кто сочувственно относился к Советскому Союзу. Для сравнения возьмем мемуары, схожие с Судо с точки зрения предмета описания. Это все тот же — Хабаровск, автор — член «актива» и преподаватель японского языка, как Судо. Ему тоже разрешалось гулять по городу.

Он пишет: «Хабаровск являлся тусклым провинциальным городом. По дороге на работу я часто заходил в универмаг и покупал канцелярские принадлежности и товары повседневного спроса. Нередко я посещал музей, где была выставлена картина, изображавшая жестокость японских войск во время Никольского инцидента, но русские зрители относились к нему нормально. Я не могу забыть время, когда мы, японцы, завершили постройку билетной кассы. Начальник станции пригласил всех японский строителей в управление начальника станции и дал нам торжественный прощальный обед».

В мужском нарративе отсутствует гендерная точка зрения. Хотя он был одним из «демократически настроенных» военнопленных, стремившихся к тому, чтобы Япония стала прогрессивной, передовой и открытой страной, считал ее прежние порядки отстающими и средневековыми. Должно быть, он видел работающих женщин в Хабаровске, но не смотрел их.

Почему Судо увидела то, чего не смог заметить активист-мужчина? Потому что в Японии женщины были лишены места, где бы они были хозяйками. В японском языке есть пословица: «Женщина не может быть главной в трех сферах». Это значит, что девочкой она должна слушаться отца, как жена она должна слушаться мужа, когда она становится бабушкой, должна слушаться детей. Судо сразу же заметила те сферы, где женщина свободно, как хозяйка, как главная, работает.

Но есть и мемуары мужчины из «актива», который заметил, что в СССР женщина работает как мужчина. Он пишет: «Здесь я хочу рассказать, как советские женщины работают. Речь идет не об одной или двух особенно мужеподобных женщинах, а о деятельности всех женщин. Их сфера работы покрывает все области деятельности — от токаря и паяльщика до лесозаготовщика, и повсюду женщины работают наравне с мужчинами. Не мало женщин превосходят мужчин. Они обладают серьезной страстью к работе. Это не преувеличение, когда говорят: «Одна из причин победы Советского Союза в Советско-японской войне состоит в могучей силе русской женщины».

В СССР идея равноправия мужчин и женщин была обеспечена конституцией. К тому же большая нехватка мужской силы после войны предоставляла женщинам широкое поле деятельности.

В Японии только после Второй мировой войны женщина получила равноправие с мужчиной. Конституция 1947 г. обеспечила «достоинство личности в семье и равенство обоих полов». Однако, как пишет журнал «Экономист» (8 марта 2018 г.), Япония занимает 28 место в мире с точки зрения социальной активности женщин. Так, написанное Судо о Хабаровске до сих пор не потеряло своего значения.

Н. В. Мясникова

г. Тирасполь (Приднестровская Молдавская Республика), Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

«Война» и «мир» в общественно-политической жизни Приднестровских женщин

Приднестровье или Приднестровская Молдавская Республика — небольшое государство между Молдовой и Украиной с непризнанным статусом. Государство, которое возникло в 1990 г. на фоне молдо-приднестровского конфликта, вызванно-

го межнациональными противоречиями. Процесс образования государства и его становления тесно связан с участием в нем приднестровских женщин. Иными словами, во многом организация и активизация тех исторических событий, которые обусловили становление государственности в Левобережном Приднестровье, принадлежит именно женщинам. Начало движения женщин в этом процессе было положено Объединенным советом трудовых коллективов (ОСТК), выступившим против агрессивной шовинистской политики националистической организации Народный фронт. Территория левобережного Приднестровья являлась промышленной частью МССР с крупными предприятиями легкой и тяжелой промышленности, трудовые коллективы которых состояли как из мужчин, так и женщин. Таким образом, ОСТК в равной степени объединил усилия мужчин и женщин Приднестровья в борьбе за право говорить на родном языке, жить и работать в соответствии со сложившейся исторически на данной территории культурой, менталитетом и традициями.

Следует отметить, что ОСТК это далеко не первый опыт участия приднестровских женщин в общественно-политических процессах региона. Приднестровские женщины всегда отличались активной жизненной позицией. Например, за годы советской власти, они составляли значительную часть представителей (от 35 до 50%) органов местного самоуправления и муниципального администрирования. Кроме того, выполняли многостороннюю общественную работу в рамках деятельности женсоветов при предприятиях и организациях.

Всплеск общественно-политической активности женщин Приднестровья произошел в период обострения молдо-приднестровского конфликта. В ответ на захват в 1 сентября 1991 г. молдавскими спецслужбами И. Н. Смирнова и других приднестровских лидеров женщины заблокировали железнодорожное полотно и тем самым прекратили движение поездов на важном европейском направлении. Блокада железной дороги вызвала международный резонанс и заставила европейских и российских лидеров обратить внимание на события в Приднестровье. Приднестровские руководители были освобождены, но конфликт получил новое развитие, а вместе с ним и движение женщин в Приднестровье. Организаторы и участницы сидячей забастовки на железнодорожных рельсах объединились в Женский забастовочный комитет и продолжили политическую деятельность в рамках этой организации.

Под руководством лидера Г. Андреевой женщины забастовочного комитета на протяжении 10 лет были постоянными участниками политических процессов республики:

- организовали обеспечение защитников республики вооружением;
- осуществляли сбор гуманитарной помощи для защитников Приднестровья во время войны;
- помогали раненым бойцам в госпиталях;
- организовывали материальную помощь и поддержку семьям погибших;
- проводили мероприятия по разъяснению общественности сложившейся в республике ситуации, организовывали митинги;
- осуществляли всестороннюю поддержку приднестровских лидеров в деле организации государственности и становления органов власти;
- организовывали и проводили референдумы, избирательные кампании;
- обращались лидерам государств с просьбами о помощи в разрешении мол-

до-приднестровского конфликта, прекращении агрессии со стороны Молдовы и разного рода блокад в отношении образовавшейся Приднестровской Молдавской Республики.

После завершения военного конфликта в 1992 г. в общественно-политическом пространстве появились новые женские организации. В отличие от «воинствующего» Женского забастовочного комитета, они были нацелены на решение важных общественных проблем социального, экономического и юридического характера. Так был образован Союз женщин в защиту Приднестровья, Тираспольчанка. Эти организации оказывали социальную поддержку и помощь нуждающимся женщинам, малообеспеченным и многодетным семьям, организовывали благотворительные акции в пользу детских домов и интернатов. Вдовами погибших защитников Приднестровья был образован союз «Память». Усилия Союза были направлены на всестороннюю помощь вдовам (супругам и матерям) погибших, инвалидам войны 1992 г., а также взаимодействию с органами власти в части обеспечения льгот и помощи защитникам — инвалидам и семьям погибших, организации мероприятий и мемориалов увековечивающих память погибших. Вместе с тем, эти женские объединения не оставались в стороне от политики и оказывали поддержку действующей власти в период избирательных компаний решения важных государственных вопросов требующих общественного вмешательства, стабилизации общественных настроений в периоды экономических и политических кризисов в республике.

Таким образом, в мирное время общественно-политическая активность приднестровских женщин направилась на решение важных социальных и государственных задач. Во втором десятилетии 2000-х гг. новый президент республики Е. Шевчук в назначениях на важные государственные посты придерживался гендерного паритета. Женщины были назначены на министерские посты, главами Государственных администраций и ведомств, судебных и прокурорские должности. В целом, представительство женщин в органах власти ПМР в этот период составляло около 40%, что не могло не отразиться на характере политики государства. В этот период руководством республики при осуществлении государственных полномочий делается ставка на налаживание тесных контактов с Российской Федерацией, активизируется переговорный процесс с Республикой Молдова, делаются попытки налаживания экономических контактов с европейскими государствами. Внутри государства основная ставка делалась на решение самых важных общественных проблем. С 2011 по 2016 гг. созданы и реализованы проекты по обеспечению учебной литературой системы образования, наполнения библиотечных фондов республики; строительства, ремонта и переоснащения медицинских учреждений; программы по воспитанию и повышению культурного уровня приднестровской молодежи; реконструкции и модернизации муниципальной и республиканской инфраструктуры в системах энергообеспечения, тепловых сетей, водоснабжения и водоотведения. Часть средств была выделена российским АНО «Евразийская интеграция», однако, руководство этого периода как «хорошая домохозяйка» позаботилось об образовании, воспитании, здоровье и ЖКХ.

В 2016 г. был избран новый президент, а вместе с ним сменился состав и органов власти. Количество женщин в исполнительной власти сократилось. Женщинам доверили традиционно посты в сфере образования и социальной защиты, а также финансов и юстиции. Паритетное представительство женщин и мужчин отмечается в системе судебной власти республики. Однако о результатах их деятельности говорить пока рано.

В целом, за последние годы в Приднестровской Молдавской Республике отмечается рост женского представительства в качестве государственных служащих. Обусловлено это, трудовой миграцией мужского населения за пределы республики, и в связи с этим слабой конкуренцией мужчин на посты госслужб; небольшой заработной платой, что неприемлемо для большинства мужчин; недостатком рабочих мест для женщин в сфере легкой и перерабатывающей промышленности.

Таким образом, мы можем констатировать, что женщины Приднестровья представляют своего рода феномен, который выражается в перманентном участии женщин в общественно-политической жизни государства. А характер и направления этой деятельности определяются складываются из предлагаемых обстоятельств: войны (как угрозы жизни и безопасности) или мира (стабильности мирного развития).

РАЗДЕЛ 11. ОБРАЗЫ ГОРОЖАНОК В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ФОТОГРАФИИ, РЕКЛАМЕ

Т. В. Тернопол

г. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Брачные стратегии и материнские практики английских горожанок XVII века в «женских» романах Д. Дефо («Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», «Роксана, или Счастливая куртизанка»)

Английский писатель Д. Дефо известен русскому читателю как автор романа «Робинзон Крузо», хотя творческое наследие этого автора обширно и включает также произведения, написанные в жанре пикарескного романа от лица женщин и посвященные кругу традиционно «женских» проблем: семейно-брачных и родительско-детских отношений. Статья посвящена анализу изображения в романах «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» (1722 г.) и «Роксана, или Счастливая куртизанка» (1924 г.) сексуальной жизни, брачных стратегий и практик материнства у английских горожанок XVII века из разных слоев общества.

Хотя пикарескные романы Д. Дефо написаны в эпоху Просвещения, они, как и подобает произведениям этого жанра, представляют собой воспоминания главного героя о своей бурной жизни, поэтому (и в текстах об этом упоминается) действие романов происходит в XVII веке. Главные героини (они же нарраторы) принадлежат к разным слоям общества: мать Молль — нищая воровка, рожающая свою дочь в тюрьме, родители Роксаны — состоятельные французские купцы-гугеноты, эмигрировавшие в Англию. Превратности судьбы уже в ранней юности приводят героинь к тому, что у никаких собственных средств к существованию у них нет, и единственный способ выжить — это найти мужчину, который готов взять на себя заботы о них. При этом обе героини признают, что главным мотивом вступления в брак для их современников являются деньги: мужчины охотятся за хорошим приданым, женщины ищут богатого мужа, но если в провинции еще возможны браки без корыстного расчета (первое замужество Молль Флендерс в Колчестере), то в Лондоне деньги — единственная причина связать себя семейными узами. Если же женщина имела собственные средства, она не торопилась становиться добычей альфонсов: Роксана отказалась выходить замуж за своего любовника, голландского купца, даже будучи он него беременной: «Передача имущества в другие руки, потеря власти над моими деньгами и составляла единственную причину, побуждавшую меня отказываться от вступления в брак» [2, с. 469].

Понятно, что законный брак (в глазах общества и самих героинь) был более выгоден для женщины, но, если таковой невозможен (мужчина уже состоял в браке, был много выше по общественному положению и т.д.), и Молль и Роксана легко соглашались на роль любовниц. Внебрачные связи осуждались церковью, не призывались государством, но общественное мнение (рупором его является служанка Эми) не видело в подобного рода практиках ничего зазорного, поскольку процедура развода в Англии XVII в. хотя и существовала для протестантов, но была довольно сложна, и множе-

ство людей находилось в ситуации соломенных вдов и вдовцов: супруги разбегались и каждый жил своей жизнью. Конечно, героини осуждают себя за слабость и безнравственное поведение, но легко находят себе оправдание. «Нищета — вот, что меня погубило — ужасающая нищета!» [2, с. 352] — восклицает Роксана, брошенная мужем с пятью малолетними детьми на руках и без средств к существованию. Молль Флендерс после банкротства и побега ее второго мужа, торговца полотном, благополучно вступает в брак еще трижды, причем с четвертым мужем тоже расстается по обоюдному согласию. Обе героини постоянно встречают на своем жизненном пути мужчин, которые находятся в такой же ситуации, повторные браки и внебрачные связи в мире героев Д. Дефо никого не удивляют.

Интересно, что именно тщеславие и корысть, а не влюбленность или сексуальное влечение становятся главными причинами вступления как в брак, и во внебрачную связь: первый любовник Молль Флендерс покоряет ее не столько обещаниями жениться, сколько кошельком, в котором лежат сто гинеи. Многочисленные любовники Роксаны принадлежат к высшему обществу и главная ее мечта ... «о том, как сделаться любовницей самого короля» [2, с. 483]. По мнению Д. Дефо, сексуальное поведение женщины (особенно зрелой) характеризуется трезвым расчетом, действовать под влиянием эмоций способны только мужчины.

Такую же расчетливость героини анализируемых романов проявляют и по отношению к собственным детям, которых они регулярно рожают мужьям и любовникам. Беременность воспринимается как некое «неизбежное зло», сильно усложняющее жизнь любовницы и даже жены, если семья находится в стесненных финансовых обстоятельствах. Вычисление и оптимизация расходов на роды и уход за роженицей и ребенком в рассказе Молль Флендерс занимают больше места, чем описание самой беременности и родов. Героини-нарраторы регулярно сообщают о рождении у них «прелестного ребенка, красивого мальчуга» [1. С. 109] или «крепкого, здорового мальчугана» [2. С. 364] и радости по этому поводу отца ребенка (девочки тоже иногда рождаются, но это происходит значительно реже и не вызывает таких эмоций). Не может не удивлять тот факт, что имени ребенка почти никогда не сообщается (мы узнаем только имя одной из дочерей Роксаны — Сьюзен, все остальные дети в романах безымянные), а иногда рассказчица сухо констатирует, что от очередного мужа она родила ребенка (без указания пола), который умер. Воспитанием своих детей героини не занимаются, пристраивают их родственникам или кормилицам. Материнские чувства просыпаются лишь к взрослым и самостоятельным детям и выражаются, прежде всего, в финансовой помощи (что и считается главным проявлением родительской любви и заботы). Очень показательна история отношений Роксаны с дочерью Сьюзен, которая хотела от матери не денег, а именно эмоциональной поддержки, что воспринималось самой рассказчицей как шантаж и, как нам туманно намекает последняя, в конце концов стоило несчастной девушке жизни.

Таким образом, в романах Д. Дефо мы видим довольно нелицеприятное изображение нравов английских горожанок XVII в.: женщин интересуют исключительно деньги и социальный статус, брак (как, впрочем, и внебрачная связь) является финансовой сделкой и способом обеспечить себе достойный уровень жизни, дети (прежде всего, сыновья) рассматриваются как доказательства мужской силы их отца и почти не представляют интереса для матери, эмоциональная связь между матерью и детьми отсутствует. Хочется при этом напомнить, что именно Д. Дефо является в английской литературе основоположником просветительского реализма — направления, ставившего своей целью изобразить типичные характеры своего времени.

Литература

1. Дефо Д. *Радости и горести знаменитой Молль Флендерс* [Текст]/Пер. с англ. А. Франковскою/Д. Дефо//Дефо Д. *Радости и горести знаменитой Молль Флендерс. Роксана, или Счастливая куртизанка.* — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992.

2. Дефо Д. *Роксана, или Счастливая куртизанка* [Текст]/Пер. с англ. Т. Литвиновой/Д. Дефо//Дефо Д. *Радости и горести знаменитой Молль Флендерс. Роксана, или Счастливая куртизанка.* — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992.

П. Д. Кубышева

г. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Столица и провинциальный город в романе Т. Шевалье «Прелестные создания»

К началу XIX в. Британия становится самой развитой страной, а Лондон — крупнейшим городом, политической и экономической столицей всего мира. На этом фоне продолжается процесс урбанизации: крестьянство переезжает в город и становится рабочим классом. Но параллельно происходил и обратный процесс: многие богатые и знатные семьи разорялись и не могли позволить себе привычную жизнь в Лондоне, поэтому они покидали столицу и уезжали в провинциальные города. Современная англо-американская писательница Т. Шевалье в своем историческом романе «Прелестные создания» (2009) поднимает данную тему: она показывает жизнь трех сестер Филпот, дочерей лондонского адвоката, в столице и Лайм-Реджисе. Помимо данной темы писательница затрагивает и такие проблемы как положение женщины в Британии начала XIX века, социальное расслоение, деградация церкви как социального института.

Роман «Прелестные создания» описывает реальные события: в основу произведения легла биография первой женщины-палеонтолога Мэри Эннинг и история ее подруги — коллекционера ископаемых — Элизабет Филпот. Повествование ведется как от лица Мэри, так и от лица Элизабет. Сопоставление Лондона и Лайма мы видим в главах, где эксплицитным нарратором является мисс Филпот: героиня первые 25 лет жизни провела в Лондоне, но после свадьбы брата вынуждена была покинуть столицу вместе со своими сестрами из-за финансовых проблем семьи. Неосознанно Элизабет постоянно противопоставляет столицу и провинцию.

Героиня очень любит город, в котором родилась, и не раз упоминает, что Лондон для нее «был лучшим местом на свете» [1]. Лайм для лондонской леди был местом ссылки, но постепенно мнение героини об этом провинциальном городке меняется. Проследим, по каким параметрам Элизабет сравнивает два города и как со временем меняются ее взгляды на них.

Во-первых, противопоставляется численность населения Лондона и Лайма: «Как говорила Молли Эннинг, «Лондон — это вам не Лайм». Население Лондона составляло миллион человек, что не шло ни в какое сравнение с двумя тысячами населения Лайма» [1]. Из этого вытекает ряд особенностей, с которыми столкнулись сестры Филпот. Девушкам не хватало кипящей жизни Лондона: «... открывающийся передо мной вид смягчал ту рану, которую я продолжала ощущать из-за переезда в такую провинциальную дыру, каким мне казался городок, столь далекий от суетливого, оживленного Лон-

дона» [1]. Несоизмеримы пространства этих городов: лондонские леди привыкли видеть каждый день изящную архитектуру Лондона, прогуливаться по паркам, скверам и огромным площадям. В Лайме они столкнулись с очень суженным пространством: «Площадь — слишком громкое слово для этого крошечного пространства размером примерно с гостиную в загородном доме» [1]. Также в первый год жизни в Лайме сестры Филпот поняли, что в провинциальном городке оказать в центре внимания толпы, стать предметом обсуждения гораздо проще, чем в многолюдном Лондоне: «Быть в центре внимания жителей скромного городка больше устраивало Маргарет, чем незаметное существование среди тысяч и тысяч девушек в лондонском обществе» [1].

Следующим критерием становится уровень жизни людей и их образование. Жители Лайма занимаются поиском окаменелостей только ради денег, которые они вырывают от продажи находок отдыхающим. Лондонские джентльмены, а порой и леди занимаются изучением окаменелостей, искренне интересуются зарождающейся наукой — палеонтологией. Такой большой разрыв существует из-за уровня жизни населения: дети жителей Лайма могут посещать лишь воскресные школы, поэтому их «говор невразумителен», многие семьи едва сводят концы с концами. Более того, на мышление жителей Лайма большое влияние оказывает церковь. Не раз упоминается, что в провинциальном городке существует несколько церквей, но принципиальной разницы между ними нет: все они трактуют Библию буквально, порицают критическое мышление и лишь стремятся переманить прихожан. Описывая Лондон, Элизабет всегда говорит о библиотеках, научных кружках, музеях, но ни разу не упоминает церковь, и читатель понимает, под влиянием чего формируется картина мира жителей Лондона и Лайма.

Лондон был не только политической и экономической столицей, но и центром науки и духовного просвещения: «Даже Брайтону и Гастингсу ... недоставало духовности и изящества» [1]. Несмотря на то, что главная героиня женщина, а их положение было довольно тяжелым до начала феминистского движения, она, живя в Лондоне, вращалась в кругу адвокатских семей, участвовала в научных дискуссиях с друзьями брата. В Лайме Элизабет была лишена того, что составляло ее досуг ранее: «Читая Хаттона, Кьюве, Вернера, Ламарка или других натурфилософов, я не имела возможности обратиться к друзьям с вопросом, как они воспринимают радикальные идеи этих ученых. Горожан Лайма окружали весьма примечательные природные феномены, но они не выказывали к ним большого любопытства. Вместо этого они говорили о погоде и приливах, рыбной ловле и урожаях, отдыхающих и летнем сезоне» [1]. Поездка в Лондон становилась для сестер Филпот «тонизирующим средством», ведь «он всем нам давал добрую порцию хорошего настроения, старых друзей и новых мод, вечеринок и вкусовых, новых романов для Маргарет и журналов по естественной истории для меня» [1].

Постоянно сравнивая и противопоставляя Лондон и Лайм, Элизабет, которая поначалу тяготилась жизнью в провинциальном городе, начинает видеть плюсы в нем. А именно — свое положение как женщины. Лондон был скован условностями, позже в Викторианскую эпоху, которую застали Мэри и Элизабет, Лондон стал местом формирования викторианской морали. Провинция давала героине свободу и возможность заниматься любимым делом: «Проведя чуть более года в Лайме, я стала ценить ту свободу, которой могла располагать там старая дева без каких-либо родственников-мужчин поблизости. Это уже казалось мне более нормальным, чем двадцать пять лет полной условностей жизни в Лондоне» [1]. Более того, героиня начала осознавать,

что в Лондоне нет места ее увлечению: «появление доисторического существа в изысканных лондонских интерьерах, в изящно меблированном зале, в атмосфере, столь отличной от атмосферы приморского Лайма и скупого берегового ландшафта, заставило ихтиозавра казаться пришельцем из другого мира» [1].

Парадоксальным образом не изящный, но утонувший в светских условностях Лондон, а провинциальный Лайм дает возможность мисс Филпот реализовать как ученому, и она возвращается к Мэри Эннинг с фразой: «Здесь мне гораздо лучше» [1], чтобы посвятить последние годы жизни продолжению своих исследований.

Литература

1. Шевалье, Т. Прелестные создания [Текст] пер. Г. Яропольского/Т. Шевалье//Электронная библиотека E-libra [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.su/read/354950-prelestnie-sozdaniya.html>, свободный.

К. В. Скиба

г. Армавир, Институт развития образования Краснодарского края

М. В. Спасёнова

г. Краснодар, интернет-проект «Территории Поиска»

Черкесские женские образы в путевых заметках и рисунках художника Вильяма Симпсона

Кавказ, особенно Северное Причерноморье, долгое время оставался для европейцев загадочной и притягательной страной. Постоянные войны, непроходимые горные и лесные трупобы, населенные воинственными племенами, долго не давали европейской науке возможности изучить этот край.

Именно поэтому в Европе с жадностью ловили каждое известие от немногочисленных смельчаков, отважившихся на путешествие в так называемую «Черкесию» [1], — область, ограниченную с севера и запада побережьями Азовского и Черного морей, а рекой Кубанью и Грузией — с востока и юга.

Восточная, она же Крымская война 1853–1856 гг., отняла у России право контроля над Черноморским побережьем Кавказа (в 1854–1855 годах все укрепления Черноморской береговой Линии были уничтожены, а их гарнизоны вывезены) и дала возможность иностранцам без опаски исследовать Черкесию, о которой они имели больше мифологическое, чем реальное представление.

Одним из таких наиболее устойчивых мифов была непревзойденная красота и недоступность черкешенок. Под влиянием этого романтического представления находился и известный английский художник Вильям Симпсон, еще известный как «Крымский».

Симпсон стал знаменит благодаря своим многочисленным зарисовкам и картинам, сделанным в Крыму, во время осады Севастополя. Тогда его работы были для англичан едва ли не единственным наглядным источником информации о боях на восточном побережье Черного моря.

После падения Севастополя, в октябре 1855 г., художнику довелось совершить путешествие «в страну диких лесов и ослепительных красавиц» в компании бывшего английского военного министра Генри Пелэм-Клинтонна 5-го, герцога Ньюкасла, худож-

ника-мариниста Освальда Браерли, «английского авантюриста» Лоуренса Олифанта и некоторых других иностранцев, которых «сопровождала большая группа патриотически настроенных черкесов».

Воспоминания об этом путешествии Симпсон изложил в главе «Черкесия», которую он поместил в своей «Автобиографии» [2].

Свои надежды на встречу с «прекрасными черкешенками» Симпсон изложил следующим образом: «Издавна эта страна представлялась мне очень романтической, полной красивых женщин и я испытывал самые приятные чувства, связанные с посещением этой земли» [2, с. 67].

При этом он прекрасно понимал, что «черкесы — мусульмане, поэтому они использовали систему гаремов. Хотя они и не считаются фанатичными последователями Пророка, но это не значит, что они ослабляли правила, касающиеся женщин. Это была запретная тема, а мы не хотели дать ни малейшего повода к подозрению. Зная, что находимся на Востоке, мы не рассчитывали видеть женщин — членов семей, где гостили» [2, с. 73].

Но, как выяснилось, сами черкесские девушки оказались любопытными, как все женщины. Женская половина семьи, хотя и не присутствовала за мужскими традиционными обедами в кунацких, имела возможность общаться с гостями. Тем более что работа художника, его постоянные зарисовки с натуры людей, отдельных предметов, жилищ, местности и местных жанровых сценок вызывали у них самый живой интерес: «Делая эскиз, я заметил группу женских платьев в дверях. Это показались молодые девушки, заинтересованные работой художника. Когда они отважились приблизиться ко мне, я закончил рисование дома и набросал портрет одной из маленьких девочек. Это произвело большое волнение среди дам. Затем я нарисовал девочку по-старше. Это увеличило восторг, подошли еще несколько девушек и процесс рисования продолжался, пока не была изображена вся женская половина дома» [2, с. 74].

Потом, в качестве благодарности за радушный прием, английские путешественники решили одарить обитательниц дома разными безделушками, что было принято с благодарностью: «В стране, где гостеприимство так высоко ценится, предлагать деньги за приём было бесполезно. Но существует обычай делать подарки. Герцог привез для этого разные изделия из шелка и кожи разных цветов, ножи, ножницы, иглы, сумочки, которые принято называть «дамскими спутницами». Некоторые из предметов были подарены собравшимся к великой радости девушек» [2, с. 74].

Но свои впечатления о знакомстве с черкешенками Симпсон выразил с чувством некоторой неопределенности: «Не могу сказать, что какие-то из девушек были особенно красивы, но мой опыт был очень ограничен, чтобы делать какие-то общие заключения. Мои рисунки слишком поспешны и сделаны не как портреты, а только как зарисовки одежды» [2, с. 74].

Находясь в гостях у состоятельных черкесов, Симпсон и его английские спутники, традиционно, как враги русских и союзники черкесов, пользовались большим почетом, обильные трапезы в кунацкой смущали европейских путешественников излишней, как им казалось, учтивостью хозяев.

Но затем, противовесом к уже привычному обильному столу и почестям от горцев, стала вынужденная остановка в ожидании английского парохода в Аддере, где художник описал прием у жены местного начальника (сам он отсутствовал и находился «в Сухум-Кае с войском Омара-Паши»). И, судя по всему, эта женщина не была черкешенкой, возможно турчанкой: «Случилось так, что у нее не хватало еды. Было варе-

ное просо и йогурт-скисшее молоко. Оба этих продукта не были похожи ни на кашу, ни на кефир. Олифант и я предпочли этой пище голод, но герцог и остальные поели, хотя этого было недостаточно после длительного переезда.

Леди не вышла к нам, не подала воды для омовения рук и не оказала прочих почестей, но зато она села на лошадь и отправилась по окрестностям на поиски кур и яиц.

Хлеба здесь было недостаточно, его заменяло просо. Как только женщина раздобыла птицу и яйца, они были отправлены к нам» [2, с. 74—75].

Ожидая в Адлере свой корабль, Симпсон стал свидетелем интересной сцены, бывшей частью черкесского свадебного обряда. В ней проявились противоречия, возникающие между старым и молодым поколениями черкесов, возникшие под влиянием «европейских свобод»: «В один из дней я случайно стал свидетелем праздника. Мимо проезжали черкесы. С одним из видных мужчин на передней части седла сидела женщина. Я опередил группу, держа перед собой этюдник и карандаш. Очевидно, мужчина понял намерение, потому что остановился и расстегнул накидку, прикрывавшую его компаньонку.

Я едва успел сделать грубый набросок, как мужчина постарше, не понявший или не одобрявший происходящего, подъехал к нам и ударил лошадь с возмущением в тоне и жестах, заставив процессию ехать дальше. Тогда я не знал, что это было за собрание, но потом мне рассказали, что это была свадьба» [2, с. 75].

Главным результатом поездки Симпсона по Черкесии были многочисленные карандашные наброски и акварельные рисунки. Их большая часть — более трех десятков — была включена им в книгу «Sketches made during the Campaign of 1854—55 in the Crimea, Circassia and Constantinople' by William Simpson» [3].

Женские образы на большинстве этих рисунков действительно немногочисленны и схематичны. В кунацких и аульных двориках изображены исключительно мужчины. Отвернувшаяся женская фигура в фиолетовой накидке словно растворяется в небе над пейзажем Адлера, видимо это та самая хозяйка, жена местного начальника...

Маленький силуэт женщины с ребенком на руках набросан на эскизе, сделанном в Суджук-Кале (то есть в оставленном русскими Новороссийске).

Недостаток подробных изображений Симпсон восполнил большим эскизом «девушек из Сочи», основой которого стал более ранний рисунок 1830-х годов англичанина Джеймса Белла, где он добавил от себя окружающего антуража (крыши построек, мужские головы, металлический оберев над их головами) и подписал цвета деталей женского костюма.

Впоследствии, уже в Англии, Симпсон выполнил на основе своих «черкесских эскизов» ряд акварельных работ. Некоторые из них, уже достаточно известные и давно опубликованные, были посвящены черкесским женщинам и девушкам.

Одна из них — акварель «Долина Вардане, 19 октября 1855 г.», на которой изображен небольшой черкесский аул и его обитатели, среди них — девочка с кувшином и женщина.

И, что интересно, в книге «Sketches made during the Campaign of 1854—55 in the Crimea, Circassia...» был помещен набросок к этой акварели, с фигурой девочки и ее козы.

Другая работа — замечательный акварельный рисунок «Черкесы на реке Субаши» был выполнен по раннему эскизу двадцать лет спустя после путешествия, в 1876 году, для книги «Picturesque People: Being Groups from all Quarters of the Globe» («Колоритные люди представители всех частей света»).

Возможно, стоит надеяться, что в зарубежных музейных фондах найдутся и другие зарисовки Симпсона, которые послужат новым источником в исследованиях черкесских женских образов середины XIX в.

Примечания

1. «Черкесия» — так как своего государства у адыгов не было, это больше географическое понятие, рожденное в Европе. Сами адыгские племена свои земли никогда так не называли.
2. *The Autobiography of William Simpson*, R. I. London, 1903.
3. *Simpson, William «Sketches made during the Campaign of 1854–55 in the Crimea, Circassia and Constantinople» by William Simpson*, London, 1880.

В. С. Трофимова

г. Санкт-Петербург, независимый исследователь

Т. Н. Трофимова

г. Санкт-Петербург, независимый исследователь

Российские женщины-литераторы второй половины XIX в. и женский вопрос в контексте европейского культурного обмена: М. К. Цебрикова и С. А. Никитенко

В советской и российской историографии есть тенденция рассматривать по отдельности деятелей культуры второй половины XIX в., тяготевших к либеральному и демократическому направлению. Между тем, представители и того, и другого течения в отечественной культуре зачастую тесно общались между собой и участвовали в одних и тех же культурных проектах. В российской прессе живо обсуждался женский вопрос. Литераторы и критики опирались не только на российский, но и на зарубежный опыт, в том числе в исторической перспективе, а, кроме того, имели личные связи с европейскими деятелями культуры своего времени. Таковыми были две петербурженки — критики и редакторы Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917) и Софья Александровна Никитенко (1840–1901). В то время, как литературная и общественная деятельность Цебриковой широко известна, наследие Никитенко исследовано очень мало. У нас нет доказательств личного знакомства Цебриковой и Никитенко, однако у них было много общих знакомых, они печатались в одних и тех же журналах и поднимали общие темы, прежде всего, женского образования. У них было разное происхождение — Цебрикова была дочерью морского офицера, генерала К. Р. Цебрикова и детство, и отрочество провела в Кронштадте; Никитенко была дочерью профессора русской словесности, впоследствии академика и цензора А. В. Никитенко и выросла в Петербурге. Цебрикова должна была познакомиться с А. В. Никитенко в доме своей тети Натальи Романовны Алимпьевой.

М. К. Цебрикова получила неплохое домашнее образование: ее учили иностранным языкам, русской грамматике, рисованию, музыке и танцам, в небольшом объеме арифметике и отечественной истории. Особенно хорошо она знала английский язык, а ее любимыми предметами были русский язык и русская история. С. А. Никитенко училась в Училище Ордена св. Екатерины (Екатерининском институте) в Петербурге, основанном в 1798 г. Помимо иностранных языков — французского и немецкого, рисования, музыки и танцев в училище преподавались история, география, физика,

а с 1853 г. и математика. Таким образом, С.А. Никитенко должна была получить более основательное образование, чем Цебрикова. Семья Цебриковой выступала против ее литературного творчества, в то время как А.В. Никитенко называл свою дочь Софью «даровитой», и она еще в юном возрасте помогала знаменитому писателю И.А. Гончарову переписывать целые главы его знаменитого романа «Обрыв». Именно роману «Обрыв» посвящена одна из самых известных критических статей Цебриковой — «Псевдоновая героиня» («Отечественные записки» за 1870 год).

М.К. Цебрикова серьезно интересовалась проблемами женского литературного творчества и писала критические статьи о русских женщинах-писательницах, в частности, о Н.Д. Хвоцинской. С Никитенко ее объединял интерес к творчеству зарубежных писательниц. В 1871 г. она опубликовала в журнале «Отечественные записки» большую критическую статью «Англичанки-романистки». В середине 1870-х годов С.А. Никитенко вместе с Е.Д. Безобразовой и Е.А. Богушевич издавала иностранные романы в серии «Для легкого чтения», среди которых были и женские, например, роман американки Гарриет Бичер-Стоу «Мы и наши соседи».

Около 1870 г. М.К. Цебрикова и С.А. Никитенко одновременно обратились к практическим вопросам положения женщин и женского образования. При этом в качестве помощника выступил редактор-издатель журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевич. В 1870 г. С.А. Никитенко заботится о судьбе некоей М.А., бедной девушки, которая оказалась в затруднительном положении. Об обещании оказать ей помощь напоминает супруге Стасюлевича И.А. Гончаров. В том же году М.К. Цебрикова принимает активное участие в организации и продвижении первых женских курсов — Владимирских и Аларчинских. Просуществовав всего несколько лет, они стали прародителями Высших Женских (Бестужевских) Курсов. В 1874 г. Цебрикова просит Стасюлевича оказать поддержку Аларчинским курсам. В это время Цебрикова проживает в Петербурге недалеко от Аларчинских курсов, на том же Екатерингофском проспекте. Оттуда она отправляется в 1872 г. в Швейцарию, в Цюрих, где ее деятельность попадает в поле внимания российской разведки. По словам агента полиции, Цебрикова вступает в тайное женское общество, основанное революционером М.А. Бакуниным. Агент характеризует ее как известную сочинительницу и переводчицу, сочинения которой хорошо продаются, а выручку она пускает «на пособия для учреждения женских курсов и... на содействие научному образованию женщин». Увидев особый интерес к себе Третьего отделения, М.К. Цебрикова решает не афишировать свою деятельность и ограничиться «ролью члена комитета, изданием и продажей книг в пользу курсов».

Литературная и общественная деятельность Цебриковой получает международное признание. В 1879 году статья о ней появляется в итальянском «Биографическом словаре современных писателей». Словарь был издан благодаря известному итальянскому ученому и журналисту Анжело де Губернатису. Главной помощницей при составлении русской части «Словаря» была С.А. Никитенко. Де Губернатис называет ее «моя умная сотрудница». По всей видимости, С.А. Никитенко напрямую редактировала статьи о русских писателях, и статья о Цебриковой не могла появиться без ее ведома. Помимо Цебриковой, в «Словарь» были включены имена и других русских писательниц, например, Н.Д. Хвоцинской.

В 1880-е годы М.К. Цебрикова и С.А. Никитенко продолжали обращаться к женскому вопросу. В 1883 г. в журнале «Русская мысль» выходит статья С.А. Никитенко «Женщины — профессора Болонского университета». Она подчеркивает, что еще «пра-

бабушки» «ратовали за свое право на высшее образование и общественную деятельность». М. К. Цебрикова в эти годы все чаще становится жертвой цензуры. В 1881 году из сборника «Отклик», напечатанного «в пользу студентов и слушательниц Высших Женских Курсов», была вырезана ее статья «Литературные профили французской реакции XIX века». Отдельная часть статьи была посвящена женщинам-писательницам. Не появилась в печати и ее статья о двадцатипятилетию высшего женского образования в России. Возмущенная усилением реакционных тенденций, в 1889 г. М. К. Цебрикова пишет открытое письмо Александру III. Среди прочего она отправляет копию де Губернату. Письмо Цебриковой, ее последующий арест и ссылка получили широкий резонанс в европейской прессе.

Начиная с 1890-х годов, и Цебрикова, и Никитенко все меньше обращаются к женскому вопросу. С. А. Никитенко в это время сосредоточена на подготовке к изданию «Дневника» отца, а Цебрикова — на общественных вопросах. Между тем, в 1901 г. в Москве выходит «Сборник на помощь учащимся женщинам», доход от которого предназначался обществу «при обществе вспомоществования учащимся женщинам». Составленный исключительно из произведений женщин-писательниц и репродукций женщин-художниц, он открывался биографической заметкой о Цебриковой и ее статьей «Наши недоразумения». Деятельность Цебриковой и Никитенко способствовала изменению отношения к высшему образованию и профессиональной деятельности женщин, в частности, в сфере точных наук, и женской эмансипации в целом.

Т. В. Котюкова

г. Москва, Институт всеобщей истории РАН

«Господа ташкентцы»: Ташкент и его обитатели в женской мемуристике конца XIX — XX в.

Ко мне часто обращаются, порой совершенно незнакомые люди, с просьбой помочь найти генеалогическую информацию о своих родственниках, бывших в свое время чиновниками или служащими в администрации Туркестанского генерал-губернаторства.

Но официальные документы — это очень сухие документы, которые редко дают представление о характере человека, его привычках, они не передают эмоциональной стороны жизни. А ведь потомкам прежде всего хочется узнать — каким человеком был их предок, что любил, а что ненавидел.

Значительно интересней по сохранившимся воспоминаниям и описаниям современников попытаться представить образы людей и атмосферу туркестанской повседневности, в особенности столицы края — Ташкента, на рубеже XIX — в начале XX в.

В этот период в жизни всех древних городов края произошли изменения, не заметить которые было невозможно. Сильнее всего они были ощутимы в Ташкенте. «Новый», или «русский», город соседствовал бок о бок со «старым» Ташкентом. «Старый город» или «эски шахар» с лабиринтом кривых и узких улочек... За его глинобитными дувалами, как за плотно закрытой дверью, скрывалась частная жизнь мусульманской семьи. Даже в 80-е гг. XX столетия они сохраняли свое очарование и удивляли самобытностью другого, исчезающего мира...

Не могу не согласиться с Галиной Николаевной Успенской, — «страстным и пристрастным жителем Ташкента», — чьи воспоминания о Ташкенте 1920-х — 1960-х гг., прекрасно передают атмосферу уже советской эпохи. Есть три удивительных по своей самобытности города: Одесса, Тбилиси и Ташкент. Одессе и Тбилиси повезло — о них много писали. А Ташкент оказался городом, про который промолчали...

Первое, что практически сразу приходит в голову, где бы и кто бы ни произносил слово «Ташкент», крылатая фраза, ставшая знаменитой — «город хлебный». Это словосочетание, как воплощение простой человеческой мечты найти райский уголок на Земле, ставшее названием книги Александра Неверова, с 1920-х гг. навсегда стало самым устойчивым, но нужно признать, не самым плохим, стереотипом восприятия Ташкента.

Путешественники не раз в своих путевых заметках описывали «новый» город. «“Новый” Ташкент — это Ташкент русский, — пишет в «Очерках нового Туркестана» В.П. Вошинин, — с дворцом генерал-губернатора, собором, домиком Черняева, памятником Кауфману, огромными магазинами, театрами, кинематографом “Хива” и проч.»

Великосветскую даму княгиню Марию Барятинскую в 1910 г. в первый момент очень расстроил внешний вид ее дома: «Наш дом имел форму простого квадратного ящика, но с маленькими окошками, и он был одноэтажным — фактически что-то вроде бунгало серо-грязного цвета. Он был построен целиком из глины, так что жара не проникала внутрь, и частые здесь землетрясения не могли бы его разрушить».

Сохранилась масса свидетельств о том, что в Ташкенте были хорошие и широкие дороги. Так, Варвара Федоровна Духовская, жена туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского, описывая, как коляска, в которой она с мужем, только что заступившим в должность генерал-губернатора, быстро неслась по широким ташкентским улицам.

Были и проблемы, а где их не было и нет?

Княгиня Барятинская в 1910 г., приехав в Ташкент и испытав сильное разочарование от увиденного после Петербурга, отмечает, что в Ташкенте не было уличного освещения, за исключением фонарей на центральной улице. Зато княгиня увидела в первый же день на улице караван верблюдов, и у нее вырвалось: «Они просто прелесть!» Увидеть верблюдов в самом центре столицы Туркестанского края Барятинская не ожидала.

Но были и очевидные победы!

«... Дома тонут в зелени, — подхватывает Варвара Духовская, — растительность богатеишая».

Варвара Духовская не смогла остаться равнодушной к «ферадже» (парандже). Этот элемент традиционного женского туалета ей очень не понравился, и она наградила его самыми нелестными эпитетами.

Разительный контраст с «новым» городом представлял город «старый». Воспоминания побывавших в Ташкенте, передают это ощущение: «Это скученная масса глинобитных плоскокрыших невысоких домов с такими же стенами, окружавшими внутренние дворы. Улочки чрезвычайно узки, так что двум арбам трудно разехаться. Ближе к базарной центральной площади в каждом доме открытая с улицы лавка или ремесленная мастерская, в которой на глазах у проходящих исполняются все работы... Много харчевен, где тут же на глазах варится и жарится всякая туземная снедь, и местных чайных домов “чай-хане”, любимого местопребывания туземцев...»

Таким был Ташкент на рубеже веков. О его коренных жителей, сартах, до нас дошло большое количество свидетельств и этнографических описаний. А какими были его

новые обитатели, европейцы? Походили ли они на ставших хрестоматийными «господ ташкентцев» описанных М.Е. Салтыковым-Щедринным в его одноименном романе?

Ответ на этот вопрос мы можем найти в воспоминания Елизаветы Николаевны Малицкой, дочери ташкентского городского головы Николая Гурьевича Малицкого, посвященных целому ряду выдающихся личностей — жителям дореволюционного Ташкента, окружавших семью Малицких. Воспоминания Е.Н. Малицкая написала на склоне лет в 1977 г. Но все ли могла позволить себе вспомнить о родных, близких и просто знакомых или запомнившимся людям Елизавета Николаевна в 70-е годы XX в.?

Супруга Николая Гурьевича и мать Елизаветы Николаевны, Ольга Николаевна Малицкая, выпускница Бестужевских курсов, была дочерью известного в Туркестане и далеко за его пределами педагога, востоковеда и исламоведа Николая Петровича Остроумова. Ольга Николаевна также оставила после себя богатое наследие — мемуары и дневники.

Впечатления Духовской и Барятинской резко контрастируют с воспоминаниями О.Н. и Е.Н. Малицких. Духовская и Барятинская были ташкентками, что называется, по стечению обстоятельств. Мать и дочь Малицкие совсем другое дело. Они родились в Ташкенте, очень любили родной город и людей их окружавших, в независимости от их национальности и социального положения. Они были плоть от плоти, той уникальной городской среды и культурной общности, которую называли «старые туркестанцы».

Тем не менее, в мемуарах и Духовской и Барятинской и Малицких, по своему, оживают образы выдающихся горожан, чаще не имеющие ничего общего с нарицательными щедринскими «господами ташкентцами».

Литература

1. Барятинская М. *Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918 гг.* М., 2006.
2. Васильчиков И. С. *То, что мне вспомнилось...* М., 2002.
3. Воишин В. П. *Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации.* СПб., 1914.
4. Духовская В. Ф. *Туркестанские воспоминания.* СПб., 1913. С. 18.
5. Неверов А. *Ташкент — город хлебный.* М.–Л., 1925.
6. Пуговкина О. Г. «Все, все когда-нибудь будет известно»: эпоха, судьба страны и русской интеллигенции в дневниках О. Н. Малицкой // *Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи.* Ташкент, 2017. С. 146–152.
7. Успенская Г. Н. *Ташкент — прекрасная эпоха.* СПб., 2008.

А. П. Люсый

г. Москва, Институт кино и телевидения (ГИТР)

Пространственный и гендерный аспекты волжского текста русской культуры

В текстологической концепции русской культуры как суммы и системы локальных текстов опознаются два полюса парадигмы Волжского текста — стихийный в своей саморазрушительности бунт и столь же исчерпывающая саму себя лень. В 1859 г., А.Н. Островский создал драму «Гроза» с образом волжской «грешницы» Катерины в главной роли, ставшей одновременно олицетворением женского русского Гамлета и Фауста (вместе с Маргаритой) в одном лице.

Главной стихией трагедии Островского оказывается сама гроза. Гроза в данном случае — специфическая волжская стихия, а живое сочленение трех классических стихий — воздуха (ветра), воды и огня. В ней отсутствует земля или камень как основа прочности, стабильности, консервативной основательности. «Гроза, которая «заходит» над Калиновом под конец первого действия, предвещая настоящую, большую грозу в четвертом акте, с точки зрения своей субстанциональной сущности полностью противостоит городу. Деревянный Калинов прочно стоит на земле, летом утопая в пыли, а весной и осенью в грязи. Таким образом, антитеза земных (точнее, земляных) и небесных (а конкретно — грозových) стихий становится главной, определяющей в мифопоэтике трагедии».

По мнению В.П. Океанского и Ж.Л. Океанской, поэтике главных героинь драмы «Гроза» — Катерины и соответствует историософия неоправославного романтизма А.С. Хомякова. В основании художественной дихотомии, обозначенной двумя женскими образами, находится романтическая: «свобода и необходимость. Они и составляют то подспудное начало, вокруг которого развивается сюжет. Образ Воли неразрывно связан и с концептом материнства. Единственная из всех русских рек, она традиционно именуется «матушкой» — так же, как сама Русь и Богородица. Так, как отметила, С.В. Шешунова, в «Сельском часослове» С.А. Есенина (1918) Дева-Русь изображается как новая Богородица: «Пой и шуми, Волга! / В синие ясли твои опрокинет она / Младенца». Концепт «материнство» объединяет в народном сознании Волгу и Богородицу; по народному поверью, «в Преполовение Богородица Волгу переплывала». Преполовение Пятидесятницы — переходный праздник, приходящийся между Пасхой и Троицей; тем самым указание на него связывает Волгу с пасхальным праздничным циклом.

Воля в качестве силы — способности достигать-получать желаемое, дистанцирована от самого желания как душевного состояния актом его осознания и может быть направлена человеком, руководствующимся теми или иными религиозными, моральными, правовыми и другими принципами на ограничение—подавление «беззаконных желаний», представляет собой что—то другое, чем само это предметно—ориентированное желание. Воля как сила-способность к осуществлению желаемого, отделяемая (отделенная) от самого желания (всегда какого-то), может быть определена как ничто, как Другое желанию, хотению, следовательно, — телу, полагает современный самарский философ С.А. Лишаев, со ссылкой на Н.А. Бердяева, назвавшего такую укorenенную в Ничто способность первой или иррациональной свободой. А постольку, поскольку воля руководствуется принципом (религиозным, моральным, правовым), можно говорить о свободе как о воле, осуществляющей контроль над желаниями (о воле-свободе): одни желания воля-свобода допускает и осуществляет, другие ограничивает, третьи — не допускает вовсе. Эту свободу (как свободу выбора) Бердяев назвал второй, рациональной свободой. Воля предстает как пространство торжества первичной свободы в пассивной и активной (разрушительной) формах.

«У обузданной воли или, точнее, свободы имеется пространственный эквивалент — пространство улиц и площадей, пространство интерьеров жилищ и общественных зданий, производственных и конторских помещений. В той мере, в какой эти замкнутые пространства воспринимаются как просторные, они эквивалентны свободе. То, что воспринимается как просторное, всегда относительно, условно в своей обширности и открытости (эта улица широкая, а та — еще шире, эта площадь просторна, а та — еще просторнее), пространство воспринимается здесь как открывающее большие возможности для произвольного движения в определенных рамках. Просторное суть

эстетический эффект относительно свободного и обширного пространства. Его можно понять как пространственный аналог свободы... Когда мы имеем дело именно с простором, а не с более или менее просторным пространством, то опыт чистого пространства оказывается вместе с тем и опытом чистой воли («иррациональной свободы»), переживаемой как возможность и способность (сила, мочь-мошь) само-определения, как возможность произвольного расположения “в” пространстве». Аналогичную «проецирующую» роль сыграл образ Волги в повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», хотя основным местом событий оказывается глубинка внутренней России.

Дремлющим, «по-ложительным» во всех возможных смыслах русским Фаустом (горизонтальным), вопреки «от-рицательному» (вертикально-взлетающему или, как Катерина, падающему), предстает образ Обломова из одноименного романа Ивана Гончарова. В нем изображается столкновение двух «волжских» по происхождению состояний: покоя и действия как дисциплинированного порыва, пассивности и активности. Обломов и Штольц — это горизонтальная и вертикальная плоскости: смерть и жизнь.

Река Волга стала важной частью композиции романа И. Гончарова «Обрыв». События в романе выходят благодаря реке за рамки родного гнезда, за узкий круг родственных и дружеских связей. Именно в соприкосновении с Волгой с особой ясностью обнаруживаются ведущие черты характера Веры, Райского, Тушина, Викентьева и др. Райский подобен Обломову, но это “уже проснувшийся Обломов”. Сам писатель в статье «Лучше поздно, чем никогда» утверждает: «Он, если не спит по-обломовски, то едва лишь проснулся — и пока знает, что делать, но не делает». Недееспособность предопределена исторически, в частности, русской поэтикой гендера.

Литература

1. Белкин Д. И. Образ Волги-реки в структуре романа И. А. Гончарова//И. А. Гончаров. Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
2. Лишаев С. А. Эстетика простора (Простота, пустота, чистота, воля)//Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 2.
3. Люсья А. П. Попытка вынырнуть. Сбортовывания на Волге, не впадающей в Каспийское море//Дружба народов. 2013, № 7. Эл. ресурс: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2013/7/13l.html>
4. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Герменевтика словесности культуры. Иваново — Шуя: ШГПУ, 2010.
5. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора филол. наук. Дубна, 2006.
6. Щукин В. Заметки о мифопоэтике «Грозы»//Вопросы литературы. 2006. № 3.

О. А. Симонова

г. Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Екатеринослав в 1918–1919 гг.: жизнь горожанки (по воспоминаниям А. А. Саксаганской)

Писательница Анна Абрамовна Саксаганская (дев.фам. Немировская, начало 1870-х — 1939) родилась в купеческой еврейской семье в Верхнеднепровске Екатеринославской губернии. С 1903 г. она проживала в Петербурге, а в 1918 г. вернулась

на Украину, где провела почти три года. Впоследствии, в конце 1920-х — начале 1930-х годов, она напишет два мемуарных текста об этом времени: «В тылу» — о немцах на Украине при гетмане П.П. Скоропадском, о войске генерала А.Г. Шкуро — и «Под черным флагом» — о махновщине в Екатеринославе (совр. назв. — Днепр). В 1930-е годы опубликовать воспоминания не удалось, видимо, по политическим причинам: в связи с коллективизацией распространение сведений о существовавшей в Гражданскую войну крестьянской автономии на Украине не приветствовалось. Мемуары позволяют расширить наши представления о положении жителей Екатеринослава в 1918–1919 гг. и показать гендерный аспект городской жизни.

Саксаганская покидает Петроград из-за голода. Учитывая, что в воспоминаниях писательница не жалуется на голод в Екатеринославе, мы полагаем, что во время пребывания в городе она с этим не сталкивалась. Фокус внимания сосредоточен не на физических страданиях, а на эмоциональном восприятии происходящего. Постоянное напряжение нервов, чувство страха и тревоги, ощущение обесценивания человеческой жизни («Жизнь человеческая не ценилась, скорее, жаль было пули» [1, л. 23]) становятся главными переживаниями этого времени, которые писательница пытается отразить в своих мемуарах. Такие ощущения были не специфически городскими, и, по мнению Саксаганской, они многократно усиливались в сельской местности, где было больше жестокости: «Наша жизнь горожан “в тылу” была райской, по сравнению с жизнью жителей деревень, местечек, сел; там происходили легендарные средневековые зверства» [1, л. 2].

Саксаганской удалось не стать жертвой еврейских погромов, но она была их свидетельницей при захвате города армией генерала Шкуро: «Настала ночь, настоящая ночь ужасов. Не было дома, откуда не раздавались плач и крики убиваемых людей и насилуемых женщин» [1, л. 26]. Она описывает, как шкуровцы преследовали женщину: «Я была очевидицей, как ночью на соседней крыше дома металась молодая женщина, она не кричала, а выла, а за нею крупно шагали с протянутыми руками, желая схватить ее, несколько шкуровцев. Успели схватить, но она вырвалась и бросилась вниз» [1, л. 6]. При захвате города кубанскими казаками мемуаристка сама чуть не подверглась насилию, которого удалось избежать только благодаря яростному отпору с ее стороны и подоспевшим представителям властей. Таким образом, в Гражданскую войну любая женщина подвергалась опасности быть изнасилованной.

Но при этом жизнь женщины была более сохранна, чем жизнь мужчины, от которого ожидалось наличие политической ориентации, которого чаще могли посадить в тюрьму, подвергнуть пыткам и расстрелять, о чем свидетельствует мемуаристка: «Начмилитии при взятии города уехал вместе с красными, оставив жену с ребенком и тетку у нас, надеясь, что их, как женщин, не тронут» [1, л. 30]. Так и произошло. В общественном сознании женщина не была полноправной личностью, поэтому политических взглядов от нее не ожидали.

Во же время в мемуарах фиксируется происходящее изменение традиционных гендерных ценностей. Так, положение Саксаганской как самостоятельной, зарабатывающей себе на жизнь горожанки не вызывает подозрения у проходящих к ней бойцов разных армий. Статус писательницы оказывается для нее спасительным: «Со мной всегда находилась данная мне из Драмсоюза справка о том, что писательница Анна Абрамовна Саксаганская командирована в гор<од> Екатеринослава, чтобы взять отчетность у театрального агента и т. д. Вот этой бумажкой я спасала двор. Звание писательницы оказывало на многих грамотных бандитов магическое действие» [1, л. 32].

Можно сделать вывод о том, что особая роль писателя в России не имела гендерного измерения и пишущая женщина вызывала уважение в далекой от литературы среде.

Во время войны грабеж стал нормой для всех армий. Богатый дом сестры, в котором Саксаганская жила, неоднократно подвергался разграблению. Писательница описывает, как кубанские казаки выносили из дома вещи, среди которых оказался ее единственный выходной костюм.

Важна была и топография города: «Мы, т.е. я и семья сестры, испытали весь ужас бомбардировки города сильнее жителей центра, ввиду близкого соседства Днепра. Как наступления, так и отступления происходили недалеко от нас, пули непрерывно со свистом и с жужжанием пролетали над двором, над нашими головами, но, по счастливой случайности, никому не принося вреда» [1, л. 23]. При махновцах на берегу происходили и расстрелы: «Ежедневно, по несколько раз в день, мимо нашего дома все шесть недель водили осужденных на берег Днепра. Здесь совершалась казнь» [1, л. 5].

Смена захватчиков принуждала писательницу к постоянному варьированию ролей. Так, уже понимая намерения захвативших город войск, горожане могли менять свои идентичности и социальные роли, выбирая максимально выгодные в каждой конкретной ситуации, что являлось одним из способов выживания в условиях войны. Богатые домовладельцы боялись остаться в родном городе при махновцах. Саксаганская, упробив семью сестры уехать, называется не хозяйкой, а арендаторшей, исполняя достаточно опасную роль. Обман раскрывается, но писательнице удается спастись, устроившись в махновскую газету «Путь к свободе».

Неразрешимой проблемой при нарушенных экономических связях стало приобретение предметов потребления и одежды. Денежный оборот вымещался натуральным обменом услуг на вещи. Махновцы по просьбе Саксаганской выдали ей в качестве аванса за рассказ сапоги.

Описывая жизнь махновцев в ее доме, мемуаристка наглядно показывает, как неумело крестьяне вписывались в городскую жизнь. Будучи «хозяйкой», писательница должна была присутствовать на всех пьяных сборищах махновцев, в т.ч. с проститутками. Саксаганская получает роль хозяйки и на торжественном приеме, который крестьяне-махновцы устраивают, имитируя обычаи высшего света. При этом другие забавы горожан вызывают у них недоумение. Саксаганская отмечает бессмысленное уничтожение предметов городского быта повстанцами, любившими пострелять в потемках. Мытье домашней собачки провоцирует гнев махновца. Другой боец взгромождает грязными сапогами на пианино, желая уничтожить «буржуйское добро». Так, хотя крестьяне и стремились перенять многие элементы городской жизни, «буржуазность» некоторых объектов вызывала у них гневную реакцию.

Таким образом, происходило столкновение крестьянского и городского представлений о быте. Мемуары Саксаганской предоставляют разнообразные сведения о жизни горожанки на Украине в Гражданскую войну, показывая, что социальная идентичность в тех условиях не была незыблемой, меняясь в зависимости от обстоятельств.

Литература

1. Саксаганская А. А. В тылу//Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-изд. 21/14/1.
2. Саксаганская А. А. Под черным флагом//Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-изд. 21/15/1.

*Подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).
Проект № 17-84-01005 а (ц).*

Туберкулез в больших городах на страницах литературной классики: трагическое обаяние героинь

Художественная литература, занимаясь проблематизацией социума, вскрывает его недуги, как нравственные, так и физические. Долгое время бедой общечеловеческого масштаба был, и остается по сегодняшний день, туберкулез — одно из основных, характерных для города, заболеваний, получивших подробное описание на страницах художественных произведений. Пик актуальности туберкулезной темы, как в зарубежной, так и в отечественной литературе, приходится на середину XIX в., что объясняется рядом факторов: с одной стороны, изменениями в литературном процессе — литература встала на путь реализма и не гнушалась подробными описаниями физических страданий человека, а с другой, достижениями медицинской науки — туберкулез был идентифицирован как отдельное, притом неизлечимое, заболевание лишь в 1820-е годы. Именно поэтому герои литературных произведений XVII—XVIII вв. не умирали от туберкулеза. Не менее важным фактором, связанным с распространением болезни, стал известный урбанизационный взрыв XIX—XX вв.: скученность жизни городского населения [3] оборачивалась антисанитарией, а срывание сельских жителей с привычных территорий зачастую превращало их в городских маргиналов, обречённых на нищету. Также важно отметить, что микобактерия, вызывающая болезнь, была открыта лишь в 1882 г. немецким микробиологом Робертом Кохом, в честь которого и была названа. А до того момента вокруг фатального заболевания существовало множество заблуждений, предрассудков, догадок — в чем причина, как передается, как лечится?

Литература дает нам обширный материал о течении, симптомах, способах лечения болезни, уносящей жизни тысяч людей, причем художественное воображение авторов чаще привлекают женские образы. Рассмотрим этот вопрос на примере нескольких литературных произведений. Причинами заболевания, по мнению авторов XIX в. и современного им общества (до открытия палочки Коха), могли быть неумеренность, сильные страсти — скорбь, печаль, стыд и несчастная любовь, эмоции, которые чаще всего связывают с женщинами. Об этом пишет А. Дюма-сын в романе «Дама с камелиями» (1848), где болезнь Маргариты прогрессирует с ухудшением ее эмоционального состояния. Заметим, что Маргарита, несмотря на городской комфорт, отдает предпочтение деревне: «Парижская жизнь только с виду дает мне столько счастья, она не захватывает меня всю, я начинаю скучать и мечтаю о более спокойной жизни, напоминающей мне мое детство» [2]. А Мюрже в романе «Сцены из жизни богемы» (1851) объясняет болезнь Виолетты и Мими неразделенной любовью. Как проявление рока, фатума, расплаты за собственные или родовые грехи туберкулез обрушивается на героев таких романов как В. Гюго «Отверженные» (1862), Ч. Диккенс «Домби и сын» (1848), Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание» (1866). И как неизбежный спутник нищеты и плохих условий жизни туберкулез выступает в рассказах А. П. Чехова «Цветы запоздалые», «Иванов», «Супруга», «Моя жизнь», «Палата № 6», в романе В. Г. Короленко «Дети подземелья» (1885), в романе Э. М. Ремарка «Три товарища» (1936). В центре большинства произведений оказываются женские образы, вызывающие не только сострадание, но и симпатию, под натиском болезни сохраняют трагическую привлекательность: Фангина из «Отверженных» В. Гюго, Катерина Мармеладова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского и особенно молодые

героини, например, Пат и Лириан из произведений Э.М. Ремарка и даже дети — «Маруся» из «Детей подземелья» В.Г. Короленко «руки ее были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по детски грустно» [4].

Симптомы туберкулеза, наиболее ярко представленные в художественной литературе — слабость, невыносимые приступы кашля с кровью, удушье, лихорадка. Приступ Катерины Мармеладовой, заболевшей чахоткой через 1,5 года после переезда в Петербург, описывается следующим образом: «Гут смех опять превратился в нестерпимый кашель, продолжавшийся пять минут. На платке осталось несколько крови, на лбу выступили капли пота» [1], Маргарита Готье пишет о своем состоянии в дневнике: «Я не спала одиннадцать ночей, задыхалась все время и каждую минуту ждала смерти ... всю ночь я кашляла и харкала кровью» [2]. Распространенность туберкулеза была настолько велика, что описание симптомов заболевания во всех произведениях выглядит крайне достоверно и полностью соответствует действительности, тем более что ряд авторов произведений этой тематики страдали от туберкулеза сами (А. Чехов) или видели страдания членов своих семей (А. Толстой).

Что касается лечения и ухода за больными, то большинство авторов пишут о таких советах врачей как благоприятные условия жизни, свежий воздух, теплый климат, отсутствие нагрузок, диета и умеренность во всем. А героя романа Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы» (1959) Хольмана после неудачного лечения антибиотиками «врач послал... в горы лечиться старомодным способом: покоем, свежим воздухом и солнцем» [5]. Но все это лишь на время может улучшить состояние больного, и лишь отсрочить, но не остановить смерть. Так, Ремарк пишет о модном противотуберкулезном санатории «Монтана»: «Два слова здесь, в горах, табу — болезнь и смерть. Одно из них слишком старомодное, другое слишком само собой разумеющееся» [5]. Крупнейшие столицы мира — Париж, Москва, Лондон, Санкт-Петербург, Берлин — где происходят события названных романов и рассказов, не в состоянии защитить своих жителей, не взирая ни на высокий уровень прогресса, ни на развитие социальных институтов, ни на передовые медицинские достижения.

Художественная литература на протяжении 100 лет, с середины XIX и до середины XX в., достоверно и масштабно отражает размах заболевания и беспомощность человека перед ним, в особенности женщины. Страдания от туберкулеза явились причиной появления одних из самых трагических, но и одновременно ярких в художественном отношении, женских литературных образов.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание [Текст]/Федор Достоевский//Интернет Библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/69/index.html>, свободный

2. Дюма-сын А. Дама с камелиями [Текст] Перевод С. М. Антик/Александр Дюма-сын//Lib.ru: «Классика» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/d/djuma_s_a/text_1848_la_dame_aux_camelias.shtml, свободный.

3. Клей В. Чахотка как социальное явление. СПб., 1899.

4. Короленко В. Г. [Текст]/Владимир Короленко//Интернет Библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/28777-vladimir-korolenko-deti-podzemelya.html>, свободный

5. Ремарк Э. М. Жизнь взаимы [Текст]/Эрих Мария Ремарк//ЛИТМИР: электронная библиотека [Электронный ресурс]. <https://www.litmir.me/br/?b=23104&p=1>, свободный

Советский агитационный фарфор 1920–1930-х годов: образы современниц и современников в творчестве Н. Я. Данько

Фарфор в первое послереволюционное десятилетие оказался на перекрестке самых разных идей и тенденций — социологических, производственных и художественных, будучи как материал сопричастен сфере быта и сфере искусства. В нем раньше, чем в других видах прикладного искусства начались поиски путей приложения к новой жизни, ярче отразилась полоса агитационного искусства, острее шла борьба за новую массовую вещь. Одним из направлений советского агитационного фарфора стала разнообразная мелкая пластика, включавшая как декоративную скульптуру, так и различные бытовые предметы.

В своем выступлении мне хотелось бы рассказать о творчестве одного из самых замечательных скульпторов советского фарфора — Наталии Яковлевны Данько (1892–1942). Н. Я. Данько родилась в 1892 г. в Тифлисе, в семье революционеров-народовольцев, железнодорожных служащих Якова Афанасьевича и Ольги Иосифовны Данько. Училась в Строгановском училище (1900–1902), затем, в связи с переездом семьи в Вильно, училась в городской школе-студии Яльмара Янсона (1906–1908). В Петербурге в 1908–1909 г. брала частные уроки у скульпторов М. Л. Диллон и Л. В. Шервуда. До 1914 г. принимала участие в скульптурных работах, исполняемых в мастерской В. В. Кузнецова для построек С.-Петербурга и Москвы. В 1911 г. в качестве помощницы В. В. Кузнецова посетила Италию, где выполнила ряд скульптурных работ для павильона России на Международной выставке в Турине. С 1914 г. работала скульптором на Императорском фарфоровом заводе (в советское время — ГФЗ, затем — ЛФЗ). Талант Наталии Данько в полной мере раскрылся после революции, когда в 1919 г. после ухода своего учителя, В. В. Кузнецова, она возглавила скульптурную мастерскую завода. С этого же времени она участвует в выставках, в 1929 в Ленинграде, в 1934 г. в Москве. Произведения Н. Я. Данько экспонировались и на многих зарубежных выставках (в Кенигсберге и Милане в 1920 г., Хельсинки, Берлине и Лондоне в 1922, Стокгольме в 1923, во Всемирных выставках в Париже в 1925 г., получила большую золотую медаль; в Нью-Йорке в 1939 г. и др.). В 1925 г. Данько стала ответственной за экспорт художественного фарфора в Европу и Америку, в 1931 участвовала в организации художественной лаборатории на ЛФЗ.

Н. Я. Данько сумела добиться в своих произведениях пластической и образной выразительности, близкой фарфору как материалу и мелкой пластике как особому жанру декоративной скульптуры. Каждая фигура или композиция фигур — это интересный характер, персонаж эпохи. Она создавала портреты современников и современниц и брала за основу темы живой революционной действительности. При этом, хотя сельская тема, особенно в годы колхозного строительства, и разрабатывалась скульптором, большинство ее работ представляло образы горожан и горожанок (Н. Я. Данько работала в Петрограде-Ленинграде, но многих ее героев можно было встретить в любом советском городе). Из наиболее известных работ Н. Я. Данько раннего периода можно назвать такие, как «Партизан в походе» («Красноармеец», 1919), «Матрос» (1919), «Милиционерка» (1920), «Матрос со знаменем» (1921), «Работница, вышивающая знамя» (1921), «Грузчики» (1922), «Работница, говорящая речь» («Женщина-агитатор», 1923). В 1922 г. скульптор придумала и создала

жанровые шахматы «Красные и белые», исполненные в нескольких вариантах, часть из них для экспорта. Тогда же, в 1920-е, ею была начата тема обороны страны — композиции «Пятилетие Красной Армии» (1923) и «Десятилетие Красной Армии» (1927). В 1930-е годы эта тема была продолжена группой «Готовы к обороне» (1932, состоит из фигур работницы, красноармейца и рабочего). Появляется и спортивная тема — «Комсомолка с мячом и футболист» (1925), чернильница «Физкультурницы» (1934), фигурка «Девушка с мячом» (1935). Также Н.Я. Данько создала образы нового поколения — «Строители» (1927), «Рабфаковцы» («Активисты», фигуры юноши и девушки, 1930).

В начале 1930-х автор обратилась к теме «культурной революции» — композиции «Ликбез по радио» (1930), «Ликбез» (1932), чернильный прибор «Учеба» (фигура сидящей молодой женщины с книгами, 1933). Н.Я. Данько создала и ряд жанровых и сатирических статуэток — «Гадалка» (1922), «Голод» (1923), «Пьяница» («Алкоголик», 1925), «Трусиха» (1927), пробки в виде головок «Кулак», «Бюрократ», «Нэпманша» (начало 1930-х). Также стоит упомянуть работы «Пращка» (1927), «Пряха» (1931), «Старый спец» (1933), «Регулировщик-ОРУДовец» (1933).

Еще одним направлением в творчестве Данько было создание портретов деятелей культуры: В.Ф. Нижинского (1920), А.А. Ахматовой (1924), Анны Павловой в роли «Умирающего лебедя» (1931–1932), Зинаиды Райх в роли Маргариты Готье (1935), Вс.Э. Мейерхольда (1935), А.М. Горького (бисквит, 1938), А.С. Пушкина («Пушкин на прогулке», чернильница «А.С. Пушкин за работой», 1936). Н.Я. Данько выполнила и портрет своей сестры, Елены Яковлевны Данько, писательницы, поэтессы и художницы (1935). Исполнены были и портреты ленинградских актеров в ролях из спектаклей («Двенадцатая ночь» Шекспира, «Тень» Шварца), созданы скульптурные иллюстрации к поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Кроме того, были разработаны и исполнены многочисленные утилитарные предметы из фарфора: кружки «Чай», «Молоко», «Славянка»; солонки, трубки (например, в виде женских головок «Счастье» и «Горе», 1921), подсвечники, пельельницы, пудреницы, флаконы для духов, ручки для зонтов и др. Под руководством Наталии Яковлевны и при ее личном участии были выполнены керамические барельефы для станции метро «Площадь Свердлова» (ныне «Театральная») на тему «Музыка и танцы народов СССР» (1936–1937). Большинство работ Н.Я. Данько были расписаны ее сестрой, Е.Я. Данько (работала на том же заводе в 1919–1924 гг. и позже, в 1930-е годы), а также Т.С. Зайденберг, Л.И. Лебединской, В.Ф. Рукавишниковой, М.А. Брянцевой, А.В. Воробьевским и другими художниками-фарфористами. За два десятилетия Н.Я. Данько были созданы более 300 фигур и композиций.

С началом Великой Отечественной войны художница переживает сложную зиму в блокадном Ленинграде, они с сестрой имели возможность эвакуироваться с первой очереди сотрудников ЛФЗ, но не могли оставить больную мать. В феврале 1942 г. семья решается на эвакуацию в уральский город Ирбит, куда ранее был отправлен завод. В дороге от последствий истощения умирают сначала Ольга Иосифовна, затем Е.Я. Данько. Сама Наталья Яковлевна доехала до места назначения уже в очень плохом состоянии, с поезда ее отправили в больницу в Ирбите, где 18 марта 1942 г. она скончалась (похоронена там же).

Н.Я. Данько по праву считается одним из создателей советского агитационного фарфора, в ее творчестве отразилась история советского государства первых двух десятилетий. Ее богатейшее наследие, с многообразием тем и сюжетов, органично сое-

динило традиции русского и европейского фарфора, вдохнув в них новые идеи и дав жизнь новому направлению в искусстве фарфора. Работы Н.Я. Данько представлены в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, Государственном музее керамики и усадьбе «Кусково», Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, а также во многих частных коллекциях.

Литература

1. Овсянников Ю. М. *Скульптор в красном халате: Н. Я. Данько и ее творчество*. М., 1965.
2. П. Н. Исаев. *Строгановка. Императорское Строгановское центральное худ.-промышленное училище. 1825–1918. Биограф. словарь*. М., 2007. Т. 2. С. 133.
3. *Творчество сестер Данько/авт. — сост. В. Левшенко, под науч. ред. В. В. Знаменова*. СПб., 2012.
4. *Художники народов СССР. Библиографический словарь*. М., 1976. Т. 3. С. 293–294.

Н. Ф. Сухарева

- г. Саранск, Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
Э. Н. Александрина
- г. Саранск, Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева

Репрезентации образов сельской жительницы и горожанки в изобразительном искусстве Мордовии

Женские образы неизменно являются источником вдохновения для людей творческих профессий. На протяжении столетий именно женщине посвящаются стихи, именно для нее сочиняется музыка и кладется краска на холст. Художник пишет женщину-мечту. Он хочет показать душу женщины через портрет или образ. Во все эпохи художники стремились увековечить своих самых ярких и прекрасных современниц: аристократок и крестьянок, утонченных актрис и усталых матерей. В каждом женском образе — своя загадка, у каждой — своя правда жизни, каждая — неотразимо обаятельна. Образ женщины позволяет заглянуть в социальные основы жизни целого народа. В нем отражается многовековой опыт жизни людей.

Мордовский художник И. К. Макаров вошел в историю русской живописи как художник, подаривший нам портреты семьи Н. Н. Пушкиной и удивительные женские образы [2]. Портреты живописца отражают изящество, грациозную красоту русской барышни.

Также в коллекцию произведений Макарова входит картина, отличающаяся от привычных для него изображений интеллигенции. «Две молодые мордовки» выполнена на основе натуральных наблюдений. Девушка, расположенная слева, еще не замужем, о чем говорит коса, лежащая на груди, и костюм девушки. Справа — замужняя женщина, на голове которой высокий головной убор панго, внутрь которого она тщательно убрала волосы.

Смена костюма на женский означает переход в новое социальное положение. В вышивке очень полно выражено женское начало. Вышивка — украшение, знак трудолюбия, обозначение семейного или социального положения. Орнамент, гармония цвета — все это имеет непосредственное отношение к образу женщины. Именно она, женщина, плетя бесконечность геометрического орнамента на одежде, воплощала

в нем и бесконечность жизни, как ее продолжательница, и однообразие крестьянских буден, и нормы социального общения.

Великим мастером, прославившим красоту мордовской девушки, можно считать Ф.В. Сычкова. С полотен его картин на нас смотрят как крестьянки, так и горожанки, как простые сельские учительницы, так и боярыни. Прекрасные своим здоровьем и жизнерадостностью, они представляют нам яркие, запоминающиеся образы, утверждающие духовную красоту и ценность женской природы.

В 30-е годы прошлого века художник создает целую галерею излюбленных им типов красавиц: «Жница», «Плясунья Соня», «Девушка в синем платке», «Устинья», «Трактористки-подружки» и др. [4]. Он воспевае их красоту, любит ярким румянцем на щеках, красочными национальными одеждами, которые подходят к их лицу. Образы трактористок олицетворяют ярчайших представителей рабочего класса. Они являют собой пример мужественности, готовности освоить любые, даже мужские профессии. Образы простых девушек наполнены чувством собственного достоинства и гордости своим трудом. В них чувствуется возвышенность помыслов и твердая уверенность в счастливом завтрашнем дне. Именно на таком психологическом состоянии художник заостряет свое внимание.

По-иному художник изображает городскую женщину. На картине «Портрет женщины с зонтиком» живописец запечатлел свою верную спутницу Лидию Васильевну. Величавая, изящная, хрупкая, меланхолически-спокойная петербургская барышня с царственной осанкой неторопливо прогуливается по лесу. Ее миловидное лицо с прозрачными голубыми глазами можно узнать на многих картинах мастера.

Достаточно активно образ сельской жительницы представлял в своих картинах В.Д. Илюхин. Особенно запоминаются созданные художником образы доярок — мордовок в национальных костюмах: «Девушка-доярка», «Молодая доярка Аня Пиксина», «Доярка Е.А. Криворотова», «Портрет телятницы Н.А. Косолаповой», «Портрет передовой телятницы колхоза «Красный октябрь» [3]. Пышущие здоровьем красивые румяные лица — основа вдохновения и восхищения художника. Они повествуют о красоте, силе и достоинстве человека труда. Трудно не поверить, что эти красивые здоровые женщины, вынужденные работать в тяжелых условиях, абсолютно счастливы. Представленные образы женщин противоречат высказыванию Герцена, который с горечью признавался: «Женщина в крестьянстве слишком баба ... чтобы быть красивой».

Для психологического анализа интересной является картина братьев Шадриных «Бригада Балахоновой», написанная в 1979 г. [1]. Их творческий тандем — пример своеобразного документализма в изобразительном искусстве. Зоркое видение действительности представляет нам образы трудящихся на стройке женщин, самоотверженно создающих прекрасное будущее, заботящихся больше не о своей красоте, а о благополучии и процветании страны.

Таким образом, женщина для многих художников была и является настоящей музой, которая вдохновляет на творчество и создание настоящих шедевров живописи. Портреты, написанные лучшими живописцами, донесли до нас неповторимые облики, глубокие сильные характеры, трагические и счастливые судьбы русских женщин. Художники Мордовии показали, что и простая мордовская женщина, жизнь которой проходит в ежедневном тяжелом труде, может быть красивой, не менее, чем знатная барышня. Они открыли нам ее силу, оптимизм, жизнелюбие, жизнестойкость и жизнерадостность.

Литература

1. Братья Шадрины. Живопись, графика: Альбом/сост. и авт. ст. Е. В. Голышенкова; фото-съемка живописи С. В. Лапишин. Саранск, 2009.
2. Иван Кузьмич Макаров. Живопись. Графика. Историко-религиозная живопись: Альбом/авт.-сост. Т. В. Елисеева, Л. Н. Нарбекова, А. М. Лобанова; авт. вступ. ст. Т. В. Елисеева, Н. В. Бартельс. Саранск: Красный Октябрь, 2012.
3. Союз художников Республики Мордовия. 1937–2017: Альбом/М-во культуры, нац. политики, туризма и арх. дела РМ, Союз художников РМ, МРМИИ им. С. Д. Эрзи; авт.-сост. Е. В. Голышенкова, Л. Н. Нарбекова. Саранск, 2017.
4. Федот Сычков: Альбом/под общ. ред. Л. Н. Колчановой, авт.-сост. М. И. Сурина, Л. А. Букина, Л. Г. Бертяева. Саранск: Красный Октябрь, 2010.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-013-01207)

М. П. Попова

г. Якутск, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

«У женщины больше запретов, чем свободы» (особенности звуковой организации стиха В. Петровой-Венеры)

Поэтическая фонетика В. Петровой-Венеры представляет собой яркое интересное явление не только среди творчества поэтесс, но и в якутской поэзии в целом. В данной статье мы ограничимся рассмотрением аллитерации и рифмы, как составляющих особенностей стиля поэтессы.

Аллитерация поэтессы В. Петровой-Венеры богата и разнообразна. Нами исследовано 3092 поэтических строк поэтессы в сборниках «Босхолонуу» («Освобождение»), «Сипсиэрдэр» («Робкое дыхание»). Аллитерировано 2145 строк, что составляет 69% от общего процента количества всех строк. В 1145 строках наблюдаем внутреннюю аллитерацию, что равняется 53% от общего количества аллитерированных строк. Аллитерация В. Петровой-Венеры передается одним—двумя—тремя слогами и часто (479 поэтических строках) повторами целых слов. Также наблюдаем глубокую аллитерацию, построенную по принципу построения рифмы в начале слова. О существовании примеров начальных рифм в стихотворениях якутских поэтов С. Данилова, К. Урастырова, Р. Багатайского, П. Тобурокова и С. Тарасова литературовед М. Н. Дьячковская отметила, что при начальных рифмах создается впечатление, что слова рифмуются полностью, и это приводит к их сближению, устанавливающему смысловую связь между созвучными словами и строками» [2]. Подобное явление в организации якутского стиха было также отмечено в работе Е. А. Архиповой, посвященной творчеству И. Е. Слепцова-Арбиты [1]. Она в стихотворениях И. Арбиты нашла 6 типов рифм, использованных в виде аллитерации.

Наши материалы по анализу начальных рифм В. Петровой-Венеры показывают, что она внесла значимую лепту в обогащение их разнообразия (нами обнаружено 8 типов начальных рифм с вариациями) Ниже мы приводим основные типы таких начальных рифм, сохранив при этом их традиционное обозначение как аллитерации.

1. Аллитерация с усечением встретилась 4 раза (Бэйэ бааргына — эн баар буолуо). 2. Аллитерация с наращением — 15 раз: Ол эрэ, ол эрэ//Олохпор кэрэ баар, («Ол

эрэ» — «Только другое»). 3. Аллитерация с замещением — 11 раз (Имэ суохха Илэ суохха («Сутумээри»-«Чтобы не исчезнуть»). 4. Аллитерация с выпадением 6 раз 5. Аллитерация сложная: замещением и выпадением — 3 раза. Если приводить примеры чистых начальных рифм, которые встечаются редко в якутской поэзии, то это 1. Начальная рифма — «эхо»; 2. Замещение в начале слова — 5 раз; 3. Сложная начальная рифма с усечением и замещением — 5 раз, с замещением и прибавлением встречается 3 раза.

Таким образом, в стихотворениях Венеры мы нашли глубокую аллитерацию, построенную по принципу организации рифмующихся слов в конце строки, которую иногда называют начальной рифмой. Наши материалы по анализу фонетики Венеры показывают, что такая аллитерация — начальная рифма в истории якутской версификации стала заметным явлением именно в ее творчестве. Из исследованных 3092 поэтических строк рифмовано 2046 строк, что составляет 66%.

Можно сделать вывод, что у поэтессы богатством вариаций выделяются тавтологические рифмы (всего составляет 15% от общего количества строк): составная тавтологическая рифма, рифмы — пары — «суох-суох», «буолуо-буолуо», «дуу-дуу», «эрэ-эрэ», «эбиттэр-эбиттэр» и т.д. Таким образом, мы пришли к следующему заключению: наличие заметного количества тавтологии целых слов в строке в виде аллитерации и рифмы свидетельствует о желании лирических героинь поэтессы самоутвердиться как личности в этом мире, где живут два противоположных пола: мужчина и женщина. Поэтесса через контексты своих стихотворений и звуковую организацию стиха раскрывает тему женского протеста против ритуализации поведения пола в обществе. Ее лирическая героиня утверждает, что в нашем обществе у женщины больше запретов, чем свободы. В женщине из-за ее внешней красоты, не хотят видеть женщину-человека, умеющего самостоятельно мыслить, по-своему любить и оценивать красоту. Потому ее лирическая героиня жаждет освободиться от данной реальности, пространственной и временной ограниченности, для чего прибегает к звуковой организации стиха, богатой повтором целых слов в начале и конце строк и рифмой, переданной в отрицательной форме. Также нужно отметить, что присутствие синонимов (36 случаев пар), антонимов (12 случаев пар) в конце строки, аффиксы которых рифмуются, говорит не только об умении Венеры строить звуковое подобие стиха, но и об умении сочетать, «рифмовать» логически родственные по содержанию или наоборот, отличные друг от друга слова, и это помогает наиболее полно воспринимать чувственный мир лирической героини. Таким образом, изменения в поэтике якутской лирики, появление интересных форм и в структуре якутского стиха мы можем наблюдать на примере произведений В. Петровой-Венеры.

Разделение творчества на мужское и женское иногда объясняется как ненаучный подход к предмету исследования, однако, творчество человека в большей степени является продуктом его социального пола (гендер).

Литература

1. Архипова Е. А. *Поэзия Ивана Арбиты (творческий путь и поэтика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2001.*
2. Дьячковская М. Н. *Аллитерация и рифма в якутской поэзии (проблемы эволюции классификации).* — Новосибирск, 1998.

Городские жители в шутках балтийских немцев

В основе данного исследования лежат шутки балтийских немцев, проживающих до 1939 года на территории бывших русских провинций, а ныне на территории стран Балтии, прежде всего, Латвии и Эстонии. Балтийские немцы поддерживали тесные отношения между собой, так как их присутствие в странах Балтии колебалось в разные периоды времени между 10–20%. До земельной реформы, проведенной правительствами независимых республик Латвии и Эстонии в 1920–1922 гг., балтийские немцы занимали высшие позиции в государственной иерархии и пользовались привилегиями, предоставленными Российскими императорами. Являясь крупными землевладельцами, они жили в собственных имениях. Так называемые «литераты», получившие отличное образование и занимавшие административные и военные должности в царской России, предпочитали жить в столицах и крупных городах. Однако, немцы проживали и в маленьких провинциальных городах, являясь владельцами аптек, юридических контор, книжных магазинов, мастерских и небольших заводов.

Шутки балтийских немцев представляют собой изначально продукт устного творчества, передаваемый из уст в уста, во время семейных встреч, встреч с друзьями после охоты и других совместных развлечений, а также при визитах к близким и дальним соседям. Когда в конце 1939 года немцам, покинувшим балтийскую родину, стало ясно, что эта культура обречена на медленное угасание и естественную смерть, возникло желание записать шутки. Поэтому предлагаемый анализ опирается на несколько сборников, составленных разными людьми.

Л. А. Якушева

г. Вологда, Вологодский государственный университет

Женщины-горожанки и современный арт-лубок Елены Мухиной и Елены Колядиной

Поводом к рассмотрению творчества двух наших современниц — писательницы Елены Колядиной и художника Елены Мухиной — могут быть разные сюжеты. Обе героини добились признания на своем жизненном пути. Елена Колядина за роман «Цветочный крест» получила премию «Русский Букер»-2010, Елена Мухина в 2011 — звание заслуженного художника России. Они ровесницы (Е. Колядина — 1960, Е. Мухина — 1954 г. р), и каждой пришлось многое преодолеть: от смены специальности (Колядина закончила институт железнодорожного транспорта) до цеховой неприязни (Мухина — дочь художника и жена известного монументалиста Николая Мухина [4]). Обе женщины — провинциалки, что в свою очередь, является свидетельством высокого «сопротивления материала», из которого «сделаны» эти дамы.

Главными героинями произведений избранных авторов являются женщины — горожанки. Выставку «Радость бытия» Елена Мухина впервые представила в Галерее искусств Зураба Церетели в 2014 году, затем художественный ситком был представлен в разных городах, в том числе — Ярославле и Вологде. Это — своего рода подборка различных циклов: «В бане», «Бабы лето», «5 жемчужин» [1].

Героини Мухиной — это воплощение радости, спелый плод. Все, что наливное, восторгающее и запретное. Ее женщина идентифицируется цветами, природой и милыми вещицами — зонтиком, зеркалом, полотенцем, веером. Она самодостаточна настолько, что ей не нужен мужчина. Ее мир наполнен красотой и светом, жизнелюбием и игрой. Женщина Мухиной счастливо трудится (сколько искристого юмора в горожанках-дачниках) и счастливо отдыхает (вот тут-то и появляется тот, с кем можно разделить созерцание луны и солнечные ванны на лужайке). В чем предназначение женщины? Зачем женщина мужчине? После похода на выставку можно было бы предположить, что для импульса, вдохновения, для осознания радости бытия, наконец.

Настоящее искусство дарит «длительность» происходящего момента, и в работах художницы это выражено с особым пристрастием. При внешней статуйности поз, минимальной сюжетности, ее линии просто завораживают своими усложненными изломами и сочетаниями. Женщина Мухиной монументальна и прекрасна в своей монументальности. Формульность Матисса, ранний Татлин, жест-знак гигантского шага в будущее в работе великой однофамилицы Веры Мухиной — аллюзии возникают со скоростью эмоционального отклика. В критике прозвучали сомнения по поводу повсеместного использования нескольких найденных приемов. Однако именно незамысловатая аллюзорность, открытая диалогичность добавляет картинам смысловую глубину и концептуальную завершенность. Не случайным представляется и выбор активного красного для выражения «радости бытия». Выставку вполне можно было бы назвать «50 оттенков красного», присутствующего буквально — от обволакивающего, теплого до кричащего и обжигающего, и символически — как знак активного действия, пробуждающего, динамичного.

Постмодернистский проект, исторический роман, экскурс в ненормативный эрос — это все характеристики романа Е. Колядиной. Впрочем, скандальность «Цветочного креста» [3] спровоцировала сама профессиональная литературная среда, вручив два противоположных приза: «Букер» за лучший и «Полный абзац» за худший роман года. Критик С. Ходнев дает такое ироничное описание сюжета Колядиной: «Помыкавшись в «тесном царстве» тяготами полового созревания, героиня завершает свое «воспитание чувств», согрешив с разбойником-скоморохом» [5, с. 14]. Можно было бы добавить — в темном царстве, с благородным разбойником. Впрочем, Истома благороден только в глазах самой Феодосии, не более. Действительно, роман не только претендует, но и «рассыпается» на аллюзии. Его сюжетное время совпадает со временем появлением первых лубочных народных картинок, и калейдоскопичность, незатейливость, использование визуализации в качестве основы построения сюжетной линии, упрощенная форма произведения может быть соотнесена с типологией лубочных листов: религиозные, эротические, исторические и бытовые. Автор «рисует» отдельно взятые картинки, увлекаясь реалистичностью описания состояний: нахождение рядом с нелюбимым человеком, взгляд волка, окружении толпы и др. Не случайно, один из центральных образов романа — пожар, разбушевавшаяся стихия, а одна из наиболее важных характеристик героини — сомнение: «Феодосия колебалась в мыслях, как на мосточках...» [3, с. 132] Мир «изнутри» — достоинство текста, проступающее вопреки внешней лубочности, с ее доходчивостью и простотой, которая не претендует ни на точность исторических деталей, ни на языковое соответствие XVII веку. Автор словно знает свои «слабые» стороны, опережая будущих критиков и помещая спор о словах прямо в текст романа, например, в уста отца Логгина и Феодосьи. Священник

настаивает на том, что «дура» — срамословие, а девушка резонно отвечает: «Не срамословие, хоть как! <...> Иной раз идет баба глупая — дура душой!» [3, с. 12] Е. Колядина пытается выйти за пределы частной истории, заявив общечеловеческую значимость описываемых ситуаций: роды, свадьба, исповедь, ожидание казни, возведение храма (здесь — креста). И здесь аллюзии уже лубочные, а другие — с М. Шагалом, с Н. Пиромани.

«Неутомимая выдумщица» [2, с. 6], никогда не бывавшая в Тотьме, журналистка из Череповца, понимающая свободолобие как обращение к табуированным темам, пишет роман, чтобы не «бурели» — ни читатель, ни профессиональные критики. Чем еще может быть интересен или полезен текст Е. Колядиной? Из истории покорителя Америки купца Ф. Кускова и его алеутской жены в Тотьме создали музей. Сюжетная линия и лейттемы романа Е. Колядиной вполне пригодны для создания экспозиции еще одного музея (о женской судьбе, доле, выборе; или — о последней городской ведьме, скитах и вере). Роман — это образец конструирования и моделирования среды, пример создания истории вымышленной на основе реально существующих локусов материального мира (социальных, природных, динамических). Роман чуть-чуть «запоздал». Его эротическая фактура вполне вписалась бы ряд произведений В. Нарбиковой, М. Палей. И... уступил бы — в стилистике, качестве культурного кода. В защиту же «Цветочного креста» можно отметить, что проективные произведения об истории этноса без исторических/реальных на то оснований сейчас в тренде (романы Д. Осокина, фильмы А. Федорченко). Это произведения о вымышленных городах и городках, вызывающих ностальгию по возможному, но утраченному раю, по героике, которая востребована, но не реализована в современных реалиях, и возможна лишь в пространстве романном и условном.

Литература

1. *Выставка произведений Елены Мухиной «радость бытия»* [Электронный ресурс]//<http://rah.ru/news/detail.php?ID=29413>
2. *Иванов, А. Вышло продолжение скандального «Цветочного креста» Е. Колядиной* [Текст]/А. Иванов//*Красный север*. 2011, 18 октября. С. 6.
3. *Колядина, Е. В. Цветочный крест: роман-небылица* [Текст]/Е. Колядина. — М.: АСТ: Астрель, 2011.
4. *Мухина Елена Выставка-ретроспекция «Объекты любви»* [Электронный ресурс]//<http://www.studioposter.ru/pdf/E. Mikhina.pdf>
5. *Ходнев, С. Крест не по силам: «Цветочный крест Е. Колядиной»* [Текст]/С. Ходнев//*Коммуристант*. 2010, 20 октября. С. 14.

К. Хинтце

г. Потсдам (Германия), Университет Потсдама

Изменение образа женщины в немецкой рекламе

Гендерная тематика привлекает большое внимание исследователей Германии. Можно отметить, что по данной тематике в последнее время появилось более 130 профессорских позиций в университетах Германии. Проводятся дебаты в политике, образовании и обществе в целом. В докладе будут представлены результаты исследования изменения роли женщины в последние 50 лет на материале рекламы.

Будут обсуждаться моменты, связанные с преподаванием гендерной тематики в программе начальной школы Германии, представления о стереотипах «типичный мальчик», «типичная девочка» у детей младшего школьного возраста.

А. Г. Агабабян

г. Краснодар, Кубанский государственный университет

Городская покровительница, мифическая богиня или символ возрождения?

(к истории и современности убыхского святилища Бытха)

На страницах истории современного черноморского города-курорта Сочи встречается немало интересных и любопытных сюжетов, которые берут начало еще собственно в дотородской период, когда эти территории не оформились в полноценную урбанистическую среду (масштабные работы — с конца XIX в.), а служили центральным участком проживания близкородственных этнических сообществ, одним из которых считаются убыхи — исчезнувшие — по крайней мере, по лингвистическим показателям, а по факту — покинувшие эти места в результате махаджирства (переселения в Турцию) после завершения Кавказской войны (середина 1860-х годов). Речь идет о бытовавшем некогда среди местных горцев культе Бытха, локализованном в пределах одноименного двуглавого горного массива (Хостинский р-н г. Сочи). По первичным, если не единственным, описаниям британского подданного Джеймса Станислава Белла в конце 1830-х годов сакральным объектом выступала священная дубовая роща со старинными крестами [3, с. 19, 47].

Среди появившихся во второй половине XX в. интерпретаций, касающихся святого места, большую роль сыграла абхазская этнографическая традиция, с легкой подачи которой святыня стала параллельно называться Аублаа-рныха («святилище/икона рода Аублаа») [5, с. 280]. Фамилия Аублаа на сегодняшний день считается смешанного убыхско-садзского происхождения [4, с. 140, 145], а ее именитым представителем, зафиксированным в дореволюционных документах и нарративах, остается сочинский князь Али Ахмет Аублаа/Облагу, главный поборник и защитник бытхинского святилища, судя по замечаниям Дж. Белла [3]. С другой стороны, поныне в абхазском быту имеют хождение фольклорные мотивы с гендерным подтекстом, где упоминаются привилегированные в глазах общественности члены этой фамилии (особенно мотив о «строптивой невестке из рода Аублаа»), а сама Бытха включается в постоянно корректируемый перечень семи общеабхазских святых.

Современные представления приписывают Бытхе, как городской покровительнице, зооморфный образ с четко выраженным доминированием женского начала — орлица/сова. Представления о божественном создании в образе мифической птицы, птицеголовой богини, огромной орлицы, высеченной целиком из камня или золота, с «глазами из чистого золота, а крылья и острые когти — из серебра» и ее миниатюрной копии с трудом умещаются в рамки официального устного народного творчества и, наоборот, довольно успешно приживаются в жанре так называемого туристическо-фольклора. Здесь, как правило, популяризируется один сюжет, который циркулирует с незначительными изменениями либо на всевозможных информационных порталах, неизвестных о прошлом города-курорта Сочи, либо напрямую озвучивается

экскурсоводами в процессе живого ознакомления с местностью. Однообразные легенды и предания обрастают вымышленными подробностями, которые должны усилить и подчеркнуть значимость конкретного места в жизни края, и тем самым заворочить отдыхающих слушателей и навсегда оставить в памяти отпечаток трагизма «о безвозвратно погибших убыхах» и их могущественных богах. Для усиления эмоционального эффекта, на некоторых объектах г. Бытха (те, что претендуют на сакральность, т.е. роши и мегалитические камни) совсем недавно организовывались театрализованные спектакли, имитирующие возвращение убыхских потомков в родные края для захоронения праха их предков около легендарной святыни, а посетившие мероприятие зрители-туристы в качестве презента получали сувенирную статуэтку богини [2].

Тенденции по всесторонней презентации образа божественной птицы нашли отражение в массовой культуре и искусстве, и кульминацией этого процесса в наши дни становится деятельность художника из Адыгеи Виктории Ловпаче. Ей принадлежит задумка и активная реализация с 2015 г. серии авторских украшений-медальонов, оформленных под брендом «BytkhaOwl» — «сова-Бытха» (соответствующий хэштег применяется в демонстрационных целях в социальных сетях «Instagram» и «ВКонтакте»). По задумке мастера эти совы позиционируются как утраченная «богиня леса и священной горы на побережье», которой поклонялись причерноморские убыхи, племя доадыгских [sic!] времен. Как и следовало ожидать от творческой личности, В. Ловпаче усовершенствовала и усложнила визуальные представления о бытхинской богине и приравнивала в сакральном статусе две ее ведущие (зооморфную и антропоморфную) ипостаси, наделив при этом каждую самостоятельностью в созданных арт-объектах: сова, сова с женской головой и летающая на сове женщина-богиня.

Таким образом, на вербальном уровне, а также на просторах Глобальной сети Бытха завоевала статус легитимной убыхской горожанки, оберегающей г. Сочи. Память о ней было решено увековечить местными властями в новом сквере, открытом в жилом микрорайоне Бытха в начале 2018 г., где был установлен соответствующий памятник богине в орлином обличии [1]. Хотя, справедливости ради, следует оговориться, что данный образ является художественным вымыслом, получившим широкие симпатии и популярность в связи с публикацией не менее символического исторического романа абхазского драматурга и фольклориста Б.В. Шинкубы «Последний из ушедших» (1974, оригинал напечатан на абхазском языке). Со временем, шинкубовский сюжет об автохтонной убыхской святыне, оставленной на землях предков и до сих пор не найденной и о маленьком дублере, вывезенном в Османскую империю и там же безвозвратно потерянным, стал одним из котилозавров дискурса возрождения убыхов. Поступательные шаги в этом вопросе ведутся отдельными инициативными группами лиц, претендующими на официальное признание своего этнического статуса в рамках законодательства РФ.

Что же касается непосредственно святого места, то оно уже на протяжении не первого столетия остается заброшенным и нефункционирующим. Робкие надежды на возможность отправления ритуального моления связывались с организационными работами по проведению Олимпиады в 2014 г., однако ни во время масштабной подготовки, ни после завершения XXII Зимних игр такая возможность желающим не была предоставлена. Но при всех обозначенных трудностях Бытха продолжает существовать в контексте современной городской мифологии, дискурсивно опирающейся на аборигенные религиозные практики.

Литература

1. Аджар А. В микрорайоне Бытха открыли новый сквер. 7 января 2018 г. //Архитектура Сочи. URL: <https://arch-sochi.ru/2018/01/v-mikrorayone-byitha-otkryili-skver/> (дата обращения: 15.04.2018).
2. Бытха. Легенда о святынище на горе. 26 декабря 2016 г. //Живой журнал. URL: <https://sochinskii.livejournal.com/26759.html> (дата обращения: 20.04.2018)
3. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: В 2 т. Т. 2. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 19, 47.
4. Инал-Ина Ш. Д. Садзы: Историко-этнографические очерки. М., 1995. С. 140, 145.
5. Инал-Ина Ш. Д. Убыхи и их этно-культурные связи с абхазами//Его же. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми: Алашара, 1971. С. 280.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–39–00160. Организация, через которую осуществляется финансирование — Кубанский государственный университет.

В. Б. Огорокова

г. Якутск, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Проблемы современной якутской женщины в условиях мегаполиса в рассказах С. Мигалкиной-Дааны Сард

Женская тематика в якутской литературе традиционна на протяжении всей ее истории. Писатели-классики А. Кулаковский, А. Софронов, Н. Неустроев, как просветители, показывали в своих произведениях тяжелое положение якутских женщин и боролись за их равноправие в обществе. Советские писатели показывали преобразование жизни народа и судьбу раскрепощенной якутской женщины, как строителя новых общественных отношений, и вместе с тем происходило разрушение традиционных семейных отношений и взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Гендерный аспект исследования женской тематики усиливается в связи с тем, что на современном этапе развития якутской литературы женщины сами становятся писателями и имеют возможность показать ее внутренний мир изнутри. Особенно сильно они представлены в поэзии, и известны имена таких талантливых поэтесс, как В. Потапова, Н. Харлампьева, Саргы Куо, Сайа, Умсуура и др.

Интересно то, что художественным достижением мужской прозы считалось создание писателями женского характера, так как представлялось, что он обладает особым миром и сложной психикой. Например, Софрон Данилов, автор известного романа «Бьется сердце», считался мастером психологического анализа, создавшим галерею женских образов. Но также утверждалось, что создание сложного характера женщины посильно лишь самим женщинам-писателям. Так в 70-х годах XX в. зародилась психологическая проза В. Гаврильевой. В XXI веке начинает стремительно развиваться женская проза. Действительно, на сегодня множество женских авторов работают над проблемой раскрытия женского мира — Т. Находкина, Г. Нельбисова, И. Попова, Леди Муус, У. Захарова и др. Особенностью произведений авторов-женщин становится их внимание к психологии, внутреннего мира и особенностей мировосприятия женщин. Но женская проза в отличие от женской поэзии не смогла стать таким ху-

дожественно-эстетическим феноменом в якутской литературе, который не только бы получил признание читателей, но и приковал бы к себе внимание критиков. Хотя и полагается, что особенность женской прозы состоит в том, что авторы, как бы отталкиваясь от мужской прозы, являются «рожденными для «обыкновенного» счастья каждодневной жизни, не исчерпывающейся жертвенным героизмом, высоким поступком, трагическим поступком» [1, 25]. Видеть героизм в каждодневном — особая черта женских авторов. Но в произведениях женской прозы сюжет в основном ограничивается домашним миром и его проблемами, так что они становятся массовой литературой, предназначенной для широкого круга читателей. Вместе с тем, среди них есть авторы, которые своим талантом находят отклик у читателей.

Первая книга рассказов С. Мигалкиной- Дааны Сард «Незабываемый вкус прошлого» вышла в 2009 г. Автор раскрывает образ женщины на фоне городской жизни и впервые показывает так называемую «гламурную» сторону современной действительности. Именно в этом критики видят новизну ее рассказов [2, 112]. У ее героинь, на первый взгляд, есть все: благоустроенная квартира, дача, хорошая работа, машина, деньги, модная одежда, может носить украшения от Германа Кабирски, одним словом — обеспеченная. Она уверенно цокает своими каблучками по асфальту, ведет по городским улицам свою иномарку, ужинает в ресторане. Но, оказывается, проблем у нее много: неудачная любовь, невозможность иметь детей, друзей, одним словом — одиночество. Современная женщина приходит домой, и, словно больная, садится на пол, лениво прикуривая свою сигарету. Боль одиночества становится проблемой для современной женщины во всем мире, и она отражается повсеместно во всех литературах. Но рецепта для спасения от одиночества не найдено. Объясняют его отчужденностью и закрытостью людей в мегаполисе. Деревенская женщина и сегодня не может просуществовать одна, без мужской руки и плеча, ей надо поднимать детей, ухаживать за скотом, косить сено, заготовить дрова, топить печь и т.д. Городская женщина думает, что может обойтись и без мужчины. Но, с другой стороны, современная эмансипированная женщина считает, что мужчины не достойны ее, измельчав как личность и теряя черты маскулинности. Гендерные отношения начинают терять свою национальную специфику, когда мужчина занимал главенствующее положение в семье. А в современном обществе семья утрачивает свое значение, высоко возводятся свободные отношения. Женщина сама может строить карьеру и достигнуть в ней высот, заработать денег, потому в них видит альфонсов, потребителей. При этом мужчин всегда не хватает, как правило, «по статистике, на десять девочек приходится девять ребят». И «виноватых» сторон в этих взаимоотношениях найти трудно. Все эти перипетии проблемы развиваются в сюжетах рассказов Дааны Сард. Если раньше писатели переживали за угнетенную женщину, то и судьба современной свободной женщины не оставляет равнодушным читателя. Рассказы Дааны Сард привлекают раскрытием проблем сложных взаимоотношений женщины и мужчины, их характеров.

Но все же природа всегда сильнее, наверное. Поэтому героини автора, как бы гордо не признавались себе и держала голову высоко, они глубоко страдают от одиночества, их незримыми спутниками становятся переживания, страдания, тоска. Женщина надеется, что ночных слез никто не видит, но ее часто охватывает панический страх, и потому говорит: «В душе поселилась горечь отчаяния, и хочется убежать от темноты в свет» [5, 50].

Интересно, что в рассказе «Никогда не бывает поздно» автор изображает сложные человеческие отношения, которые переданы глазами и мужчины, и женщины. Одна

и та же ситуация объясняется в гендерном плане. В рассказе «Клубника» героиня с сожалением и светлой грустью вспоминает свою прошлую любовь. В нем также рассмотрены сложные отношения мужчины и женщины, когда к какому-либо компромиссу прийти обоим становится трудно. В современном мире становится чрезвычайно трудно сойтись мужчине и женщине, словно они уже не половинки одного целого.

Можно согласиться с мнением исследователя о том, что «несмотря на скептическое отношение к «женской» прозе, в ней создана картина мира, увиденная и зафиксированная с определенной точки зрения, открытая для различных тем, жанров, стилей и концептов» [4, 50]. Но все-таки в ней предпочтение отдается личной жизни женщины. И часто бывает, что ее личный мир мужчин-читателей вовсе не интересует, потому что читателями также становятся женщины. Но в лучших произведениях современных авторов женскую прозу отличает синтез общественного и частного начал в жизни человека, в них ставятся общечеловеческие проблемы части населения планеты, которые волнуют читателей.

Литература

1. Желобцова С. Ф., Барашикова С. Н., Желобцов Ф. Ф. *Современная женская проза (Опыт литературоведческого и страноведческого анализа художественного текста)*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014.
2. Ноева С. Е. *Состояние современной прозы и новые имена//Современная якутская литература: новые горизонты, новые имена*. Якутск: Издательский дом, СВФУ, 2013. С. 102–126.
3. Огорокова В. Б. *Развитие прозы: жанр и тема//Современная якутская литература: новые горизонты, новые имена*. Якутск: Издательский дом, СВФУ, 2013. С. 8–28.
4. Самсонова Т. П. *Якутский рассказ: Основные тенденции развития (конец XX — начало XXI вв.)*. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2014.
5. Сард Даана. *Незабываемый вкус прошлого*. Якутск: Бичик, 2009.

Н. Ю. Таишлыкова

г. Москва, Московский государственный институт музыки им. А. Г. Шнитке

Театр как форма досуга горожанки

Значимость театра как сферы досуга подтверждают исследователи провинциальных городов. [1]. Например, наибольшую значимость для молодёжи города Мурманска в сфере культуры и искусства имеют услуги, предоставляемые театрами, музеями и библиотеками. На сайте театра зрителями оставлены очень теплые слова благодарности. На втором месте по степени важности для респондентов — мероприятия по организации выставок, концертов и других услуг в сфере культуры и искусства. Меньшее значение для опрашиваемых имеют услуги в сфере творческого образования. Большинство респондентов — 80,8%, подтвердили высокую значимость сферы услуг в области культуры. Исследователи сферы досуга в провинциальных городах отмечают, что средний уровень удовлетворённости молодёжи условиями социализации и самореализации, создаваемыми в сфере культуры и искусства, составляет 3,5 балла.

Больше всего жители города недовольны количеством и разнообразием услуг в сфере культуры — 58,9%; недовольны уровнем информированности о мероприятиях — 47,7%; неудовлетворенность ценами на услуги высказали — 46,0%. У горожан есть потребность посещать театр, но здание театра в городе Мурманске сегодня закрыто на реконструк-

цию. Спектакли идут на сцене кинотеатра «Атлантика». Наибольшую неудовлетворенность услугами в сфере досуга высказала молодежь от 20 до 24 лет. В этой возрастной группе 46,5% процентов респондентов высказали неудовлетворенность высокой стоимостью услуг, 42,9% отметили низкое качество услуг, 41,3% указали на недостаточное количество и разнообразие услуг. Можно предположить, что большинство из числа недовольных уровнем сферы культурного досуга составляют женщины.

Социологи подтверждают, что театр посещают больше женщины, чем мужчины. Молодые девушки отдают предпочтение посещениям театра, посещение ночного клуба ставят на второе место. Так, например, по данным агентства McKinsey, в 2017 году в Большом театре процент женщин из числа зрителей составил около 70 процентов. К сожалению, сегодня в России цены на билеты в театр, музей стремятся сравняться с европейскими, это означает, что у женщин остается меньше возможностей посещать музеи и театры. В среднем, цены на билеты в музеи и театры выросли в 4–5 раз с 2000 г. по 2017 г. Приведем, немного конкретных цифр.

Например, Большой театр в 2004 г. заказывал исследование у известной консалтинговой компании McKinsey. Рекомендации агентства представлены на официальном сайте театра. Второй по важности перед театром ставилась задача повышения экономических возможностей театра. В отчете отмечено, что в 2003–2004 годах средства, полученные от продажи билетов выросли в три раза по сравнению с 2000 годом — до 364,5 млн. рублей. [2]

В 2017 г. театр снова заказал исследование по работе с благотворителями, спонсорами, чтобы получить конкретные рекомендации по поиску дополнительных источников финансирования. В интервью информационному агентству RNC в связи с этим исследованием директор Большого театра В.Г. Урин сообщил, что сумма выручки за 2016 год составила 2,5 млрд. рублей, отметив, что театр снижает цены на молодежные спектакли, но ставит высокую цену билетов на другие категории спектаклей. За это время открылась Основная сцена Большого театра. И теперь можно сравнить как выросло стремление посетить театр, какую прибыль приносит посещение Основной сцены Большого театра: в 2004 г. выручка составляла — 364, 5 млн. рублей, а в 2016 г. — 2,5 млрд. рублей. [3] Порядок цен на балетные спектакли на Основной сцене составляет: от 7000 до 15000 рублей, на оперные спектакли: от 9000 до 5000 рублей. Можно констатировать, что Большой театр становится все менее доступным. И это усугубляет ситуацию, поскольку театр действительно популярен как форма досуга у молодежи. По исследованию McKinsey, средний возраст зрителей Большого театра меньше среднего возраста зрителей европейских театров — около 30–40 лет. Агентство разделило зрителей Большого театра на три категории: «находящиеся в поисках социального статуса» (выставляющие селфи), «интересующиеся искусством» и «театралы». Интересно, что основная масса зрителей целенаправленно хотела попасть именно в Большой театр.

Литература

1. Недосека Е. В. *Исследование социокультурной организации досугового пространства города в сфере культуры и искусства (на примере г. Мурманска)*//Проблемы развития территории вып. 2 (70) 2014.
2. <https://www.bolshoi.ru/about/press/articles/2005/242/>
3. <https://rns.online/it-and-media/Bolshoi-teatr-nanyal-McKinsey-dlya-razrabotki-biznes-modeli-2016-12-01/>

Эрзац-составляющая экранной культуры субкультуры детства: внегендерные аспекты

Экранная культура в субкультуре детства развивается крайне интенсивно, меняя специфику ее морфологии. Специализированный уровень в советские годы был представлен в данном аспекте телевизионными продуктами для детской аудитории, объем которых по сравнению с долей продукции на настоящий день был значительно меньше. Это в свою очередь не столь радикальным образом влияло на структурные компоненты обыденного уровня, сохраняя их количественный и качественный состав.

Сегодня отношения «ребенок — экран», которые искусственны по своей природе, стали занимать значительный процент в системе связей в субкультуре детства. Этот вывод обусловлен тем, что ребенок предпочитает общению с другими детьми потребление через экран образцов массовой культуры, которая является выражением эрзац-культуры. Детское сообщество вследствие этого становится все более разобщенным, дети все менее стремятся гулять, совместно играть на территории двора, на природе. Наказанием для ребенка теперь служит не запрет выйти на улицу, а наложение родителями вето на использование цифровых устройств — носителей экранной культуры.

Как можно видеть, одним из ее негативных влияний является активное формирование отношений-заменителей, которые в данном случае могут принимать только одну форму из двух возможных (субститут и эрзац) — эрзац. Вследствие этого может происходить подмена и неоправданное замещение двух типов «Я»: Я-вымышленный заменяет Я-реального, что инициирует формирование искаженного представления личности о своих возможностях и способностях, месте, занимаемом в детском сообществе, успешности. Последующее столкновение с реальностью вызывает внутренний конфликт, что может иметь одним из следствий — суицид, который приобретает в последние десятилетия угрожающую частоту в подростковой и молодежной субкультуре. В рамках экранной культуры получил развитие такой негативный феномен как «группы смерти». Это интернет-сообщества, в которых ребенка посредством психологического давления, запугивания, угроз и других методов заставляют выполнять определенную последовательность заданий, последним из которых является приказ убить либо только себя («Синий кит»), либо еще и родных («Феи Винкс»). Трагедии, имевшие место в указанных условиях, базировались на двух эрзац-составляющих: эрзац-проблема и эрзац-самоутверждение.

В первом случае потенциально сложная жизненная ситуация утрируется, выбираются заведомо ложные и деструктивные способы ее решения без привлечения родителей, а также компетентных специалистов, способных объективно оценить происходящее и убедить ребенка в ошибочности сформированного образа гиперпроблемы и в реальности существования альтернативных, конструктивных путей решения вопроса.

Во втором случае ребенок, преследующий цель самоутвердиться, оценить свои силы и возможности, сознательно конструирует проблемную ситуацию. Эрзац-составляющая данного процесса заключается в искусственности созданных препятствий, преодоление которых не имеет положительных последствий.

Таким образом, в субкультуре детства обнаруживается внегендерная характеристика процесса взаимодействия на уровне «ребенок — экран»: а) ложность конструируемых образов; б) конструирование ложных образов. Оба аспекта выступают проявлениями эрзац-отношений на данном уровне. На первый взгляд они кажутся идентичными, выражающими общую мысль, но при более внимательном рассмотрении обнаруживается следующее: в первом случае — ошибочность понимания и интерпретации созданного; во втором — ошибочность создаваемого. Соответственно, мы говорим об эрзац-распредмечивании и эрзац-опредмечивании в субкультуре детства.

Проблема воспитания культуры достоверного распредмечивания и опредмечивания сегодня является одной из актуальных. Продуктивность ее решения зависит от доли соотношения уровней взаимодействия ребенка. На уровень «ребенок — экран» должно приходиться не более 15% от всей системы контактирования. Взаимодействие со взрослыми и сверстниками обеспечивает постоянно практического использования данных культурных процессов с обращением внимания на ошибки. Целесообразным является наложение уровней «ребенок — взрослый» и «ребенок — экран», поскольку совместный просмотр, например, мультфильма или какого-либо кинопродукта, его дальнейшее обсуждение, разъяснение отдельных вопросов способствует лучшему пониманию особо трудных вопросов и сюжета в целом.

Важно учитывать, как было сказано ранее, что сегодня доминирует потребление массовой культуры, являющейся в своей основе эрзац-культурой. Дети, наряду со взрослыми, выступают активными потребителями ее образов. Эту характеристику субкультуры детства также можно считать внегендерной. Ориентация же на конкретную целевую аудиторию по половому признаку имеет место в рамках каждого конкретного сектора рынка детских товаров или отрасли индустрии детства. Так, в секторе медиапродукции можно четко выделить фильмы, компьютерные игры, предназначенные исключительно для мальчиков или девочек.

Эрзац-составляющая массовой культуры заключается в ее шаблонности, заданности «скелета» конструкта. Анализируя ее образцы, можно обнаружить существование совокупности возможных моделей построения и развития сюжета, образов героев — как главных, так и второстепенных. Режиссер фильма или разработчик игры в данном случае ориентируется на желания, потребности массы: если они удовлетворяются, то проект имеет коммерческий успех. В этих условиях едва ли можно говорить об авторском видении обозначаемой проблемы в продуктах. Часто используются готовые схемы сюжетной линии с незначительными изменениями. В ряде случаев автор избегает поднимать какой-либо вопрос, потому что его ответ будет неудобочитаем или отсутствовать вовсе. Обратная концепция характерна для элитарной культуры.

В экономических, технических науках в первые десятилетия XXI века имеет место технология покупки готовых моделей ведения бизнеса — франчайзинг. Как можно видеть, для экранной массовой культуры с целевой аудиторией дети — она также применима. Какие отрицательные последствия это несет? Формируется внегендерная характеристика: ребенок считает, что для решения любой жизненной задачи существует готовая модель решения («франшиза»), в которую остается «подставить» свои данные. Он отказывается самостоятельно мыслить, ищет легкие способы достижения цели. В условиях свободного доступа к интернету для большого процента детей отсутствует понятие о ценности информации, о сложности процесса ее получения.

Но исторически доказано, что использование готовых моделей лишь в редких случаях имеет успех. Так, внедрение экономических реформ, принесших одной стране

экономический рост, в другой спровоцирует — без учета национальных особенностей — упадок и кризис. То есть следует препятствовать распространению посредством экрана эрзац-модели успеха.

Таким образом, эрзац-составляющая экранной культуры может быть представлена рядом внегендерных характеристик, имеющих отрицательные следствия для субкультуры детства.

РАЗДЕЛ 12. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЕ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ

О. А. Семёнова

г. Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Досуг детей в Кронштадте в XIX в.

Кронштадт — город с особым статусом и на особом положении, морская крепость на острове Котлин. Кронштадт был базой Балтийского флота и портом международного значения. Добраться сюда можно было только по воде, т.к. город был отделен от «большой земли» Финским заливом. В летнее время до Петербурга добирались до 1816 г. «на вольных катерах и казенных пассаж ботах» [2, с. 42]. После 1816 г. — «по Приморской ж.д. до ст. Лисий Нос, а оттуда на пароход, с Кронштадтом есть еще два способа сообщения из Петербурга: одно непосредственно пароходное от пристани на Васильевском острове, близ Николаевского моста, другое — по Балтийской ж.д. до Ораниенбаума, а оттуда пароходом 8 верст в Кронштадт» [1, с. 13]. А зимой тот же путь, только по льду на санях [12, с. 3]. Ко всему этому непростому пути был ещё и паспортный контроль. Из дневника Этьена Дюмона, кальвинистского пастора, посетившего Россию в 1803 г. «до входа в гавань подвергаешься первому осмотру, которое ограничивается предъявлением паспортов, сообщением имен и фамилий пассажиров и т.д...» [14, с. 68].

Сам город к XIX в. весьма преобразился, были вымощены улицы, прорыты канавы для приема и стока вод, засыпаны некоторые болотистые места, улицы стали «опрятные, и воздух чистым». Дома были окружены садами, где выращивали цветы и овощи [2, с. 39–40]. Но мостовая была «ужасная», тротуаров не было. Не было ни библиотек, ни книжных магазинов и никаких культурных развлечений. Литературой интересовались не многие и «книга вообще представлялась недоступной роскошью». Гуляньями для кронштадтской публики преимущественно служили стенка Купеческой гавани и Летний сад. По воскресеньям и праздничным дням в Летнем саду играла музыка, пел хор [2, с. 41]. Т.е. не зависимо от сословия, пола, возраста жизнь в Кронштадте была однообразна, каждый год был «так похож на предыдущий...» [2, с. 40].

Что касается населения, то в городе проживали дворяне, духовенство, городское сословие, крестьяне, и отдельно вне групп, надо выделить матросов и их семьи. Кронштадт около 12 км. в окружности, но жители занимали не более 4, остальная часть острова была необитаема [13, с. 20]. Состав был многонациональным и многоконфессиональным.

Помимо того, что Кронштадт морской город его можно назвать и детским. Здесь были такие учебные заведения, как Морское инженерное училище императора Николая I, Реальное училище, Мужская гимназия императора Александра II, Александровская женская гимназия, Кронштадтская женская прогимназия, Кронштадтское приходское училище, городские школы (12 шт.), воскресная школа, лютеранская и католические училища. Их дополняли благотворительные учреждения для детей —

Кронштадтское благотворительное общество, состоящее под Августейшим покровительством Ея Королевского Величества Королевы Элинов Ольги Константиновны (призрение и воспитание бедных детей), сиротский дом для воспитания бедных сирот женского пола, Дом призрения малолетних детей в память в бозе почившего Государя Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, Попечительное Общество об Ольгинском приюте Трудолюбия для нищенствующих детей в Кронштадте, «приют-ясли» для призрения малолетних детей.

Все эти заведения обучали и воспитывали, организовывали досуг детей. Но как было сказано выше в первой половине XIX в. времяпрепровождение было не самым разнообразным — посещение церкви, прогулки, «походы» в гостиный двор и рыбные ряды. Дети матросок помогали матерям по работе. Яркими событиями были церковные и городские праздники.

Во второй половине XIX в. детский досуг кардинально меняется. После реформ Александра II появились новые сады и парки, построена новая Петровская пристань и театр. Про воскрытые прогулки по парку писали, что «общественный сад не дурен, — дурно одно, что и там дороговизна ужасная» [11, с. 7].

Устаивались семейные вечера, но, правда, вход был без дам, и соответственно без детей [7, с. 8]. Одним из развлечений были, так называемые «горы» за Кронштадтскими воротами. Так на Масленицу горка была открыта для всех желающих, но удовольствие было платное «за каждый конец по три копейки» [6, с. 40]. В обычные дни катание на горках и катке по 15 коп. за вход. В Святочную неделю для детей устраивали праздничные вечера — елка [10, с. 111].

С наступлением зимы в Кронштадте почти каждый день проводили лекции, спектакли, концерты, литературные чтения, маскарады, выставки — и обо всех этих событиях давались объявления в местных газетах.

В 1870 г., 15 февраля, была открыта общественная детская библиотека [2, с. 166]. В след были открыты детский сад, ботанический сад при компасной обсерватории, кружок для физического развития детей и юношества под названием «Витязь». Организовывали занятия гимнастикой, педагогические беседы и педагогические выставки. Мальчиков с 14 до 17 лет приглашали для обучения в типографию «Кронштадтского вестника» [3, с. 96] и для обучения поваренному искусству [4, с. 100]. К сожалению, все эти столь полезные для воспитания учреждения не получили дальнейшего развития и скоро «заглохли» [2, с. 167].

В Кронштадтской газете несколько раз поднимали вопрос о том, что с детьми в Кронштадте невозможно ходить по улицам города. Т. к. «до слуха детей то и дело долетают самые площадные и неприличные ругательства». Дети видели драки, пьянство, «грязные сцены» [5, с. 204]. Конечно, это не могло сказаться на детях положительно. «8-летний ребенок — пьяница», под таким громким названием вышла новость в газете — в четверг в 10 часов утра около здания штурманского училища в будке, поставленной близ ворот восточной стороны здания был найден пьяный мальчик, сын отставного солдата, занимающегося поденной работой; мать прачка, ходящая по домам. Авторы данной новости задаются вопросами: «Какая участь ожидает его? Какого будущего слугу готовит для себя общество? Не будет ли виновато само общество?» [9, с. 107].

Таким образом, взрослые пытались организовать досуг детей, вырастить из них достойных людей (тому пример большое количество учебных и благотворительных заведений). Детский город Кронштадт со своей торгово-морской спецификой, к сожалению

нию, в XIX в. не смог стать городом для детей. Как замечали сами горожане «Всматриваясь в общественную жизнь и деятельность нашего города, нельзя не заметить одно весьма грустное явление: каждое сословие, звание, кружок представлял у нас что-то особое, отдельное замкнутое само по себе» [8, № 13]. Так и дети сами по себе.

Литература

1. Арельев Н. О. Путеводитель по окрестностям Петербурга в шести выпусках, 58 страниц карт с текстом. Выпуск VI. Путь по приморской железной дороге. Лахта, Лисий Нос, Сестрорецк, Курорт, Кронштадт и их окрестности. СПб.: Тип. «Товарищество художественной печати», 1901.
  2. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта. Сост. Ф. А. Тимофеевский. Кронштадт: тип. Товарищество «Кронштадтский вестник», 1913.
  3. Кронштадтский вестник. 1864. № 24 (346).
  4. Кронштадтский вестник. 1864. № 25 (347).
  5. Кронштадтский вестник. 1864. № 51 (373).
  6. Кронштадтский листок. 1868. № 10.
  7. Кронштадтский листок. 1868. № 12.
  8. Кронштадтский листок. 1868. № 13.
  9. Кронштадтский листок. 1868. № 27.
  10. Мельникова А. Ю. Светские традиции в праздновании Рождества и Святков в Кронштадте во второй половине XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веремко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013.
  11. Невельской В. П. Путевые записки от Санкт-Петербурга до Кронштадта и обратно через Ораниенбаум и Петергоф. СПб.: Тип. Ст. Хотинского.
  12. Поездка в Кронштадт к о. Иоанну (выписка из дневника сельского священника). Воронеж: печатная С. П. Яковлева, 1894.
  13. Шаликов П. И. Путешествие в Кронштадт 1805 г. М.: Тип. С. Селивановского, 1817.
  14. Шлендова М. А. Город Морской славы. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004.
- При поддержке гранта Президента РФ, проект МД-3743.2018.6

В. И. Курашов

г. Казань, Казанский национальный исследовательский технологический университет

Эпохальные изменения в детском досуге горожанок и горожан

В детском возрасте человек реализует главную ценность человеческой жизни — свободу, без которой невозможны ни добродетельность, ни счастье, ни любовь. Посмотрим на ребенка в том возрасте, когда на него еще не навалился социум со своими бесконечными требованиями, нормами, правилами, идеологиями, т.е. двух-трех лет. Ребенок любит бескорыстно, поскольку не знает, от кого и откуда что-то возникает; он изучает природу и созерцает ее. Он двигается, когда ощущает потребность двигаться; рисует, когда захочет; играет, когда это нравится; плачет, когда расстраивается; смеется, когда весело. Ребенка не интересуют ни власть над кем-то, ни количество комнат в доме, в столице или в провинции он живет, превосходит или не превосходит он кого-то своими внешними или интеллектуальными данными. Дети любят шлепать по лужам, а взрослые любят материальный успех и карьеру. Первые любят природу, а вторые мало что любят, находясь в тенетах движения к успеху, в котором не остается места для жизни.

Для счастливого детства должны быть ниши обитания без окриков любящих родителей, пусть даже ценой рисков отморозить или прищемить пальчик, отбить пятки от прыжка с забора, расцарапать ноги и руки от залезания на дерево. Думаю, что непослушание детей во многих случаях — это первичная форма борьбы за свободу, зарождающейся личности. Не всегда плохо, когда дети нарушают запреты — в ряде случаев это проявление свободы воли и свободы мышления ребенка, формирование которых ему необходимы. Послушный на все 100% ребенок — это потенциальный конформист и блеклая личность.

В отличие от взрослых дети живут практически полностью в сегодняшнем дне, т.е. живут в действительности, а не виртуально. Дети оценивают счастье здесь и теперь, поскольку они еще сохранили мудрость жить одним днем, данную им от рождения.

Эпоха 1: от далекого прошлого до середины второй половины XX века

Самодельность в сохранении и преумножении детских игр: догонялки, прятки, вышибалы, штандр, белочка на дереве — собачка на земле, испорченный телефон, классики, стрелы, разрывные цепи, городки, дымовушка, стукалка, махнушка, чика, пристенок, в садовника; колечко-колечко, выйди на крылечко; царь горы, куча мала, снежки, сражения сосульками, замри, разнообразные игры в войну с самодельным оружием. Самодельные занятия как выжигание на бересте и на деревянных дощечках лупой (увеличительным стеклом), изготовление по весне свистков из отрезка ветки липы, воздушные змеи (конечно, самодельные: бумага, дранка, мятый хлеб как клей, бечевка), самодельные самокаты (из досок и больших подшипников). Все подвижные игры придумывались и происходили на основе предметов окружения: кусты, сараи, заборы, холмы и спуски. Главным инструментом творчества мальчиков был, конечно, перочинный ножик.

Надо заметить, что во многих коллективных играх участвовали мальчики и девочки разных возрастов.

Для полноценного развития тела совсем необязательны дорогостоящие снаряды и специальные помещения. У нас было все: вес собственного тела, деревья ветки и дворовые скамейки. Стоит задуматься тем, кто огульно обвиняет жизнь детей в СССР как эпоху подавления личности и муштру. Как видно, детской свободы и самодельности в этот период было, пожалуй, больше, чем в наш XXI оцифрованный век прямого надзора и тотального электронного подглядывания.

Переходная эпоха 2: вторая половина XX и начало XXI в.

Двор уже не деревянный, а коробка из 5-ти — 9-ти этажек. Детская площадка, сделанная заводчанами-шефами из водопроводных труб, металлического листа и других нехитрых металлоизделий. Все покрашено — точнее раскрашено-размалевано красками с качеством и цветом, которые были, а не которыми хочется, но все это делалось с душой. Главная примета в том, что в это время дети продолжают быть свободными от навязчивого и постоянного надзора, а поэтому детская субкультура сохраняется и развивается.

Эпоха 3: от начала XXI в. до наших дней

Детские площадки профессионального дизайнера, сделанные на основе новых конструктивных материалов; со снарядами, обеспечивающими все виды детской двигательной активности, хорошо вписанные с эстетической точки зрения в дворовую или садово-парковую среду. Но! С точки зрения среды детского обитания есть провал, ко-

торый связан с современной культурой. Ментальность современных родителей, запуганных рисками, а также материальная обеспеченность их, приводящая к окружению детей нянями, боннами, гувернантками и даже охранниками, сделала детскую жизнь тотально поднадзорной. В школе за ними следят учителя, дома репетиторы, вне школы и дома — руководители секций, а в пути — водитель машины (будь то папа, мама, бабушка или кто-то еще).

Конец истории детской городской субкультуры

Счастлирое детство, невозможно без свободы, самостоятельности, полета и риска. Невозможна детская самостоятельность — основа детской субкультуры под чьим-то непрерывающимся руководством и непрерывным наблюдением всевидящим глазом (человеческим или электронным) всегда и везде.

Конец истории детской городской субкультуры очевиден при сравнении 1-й и 3-й эпох.

В 1-ю эпоху практически все игры и формы бытия детей зарождались в среде детского свободного творчества вне диктата и надзора взрослых.

В 3-ю эпоху, наоборот, практически все игры и формы досуга есть продукт, созданный взрослыми и внедренный радениями взрослых в детскую жизнь, вместо вытесненной самостоятельной детской культуры. Часто такой продукт внедряется грубо и насильственно психотропными средствами рекламы. Другими словами, за внешним глянцем разнообразной жизни современных детей кроется разрушенная детская культура с ее самобытностью, спонтанностью, самоуправлением и самоорганизацией.

Если высказаться предельно ясно, то ситуация сложилась такая: была ниша уникальной преемственной автономной детской культуры, которую взрослые заняли своими инородными для детей продуктами, которые созданы часто ради коммерческого успеха тех же взрослых. Словом, дети стали средством коммерческой выгоды, а не «цветами жизни».

Где искать самобытную детскую культуру? Конечно, как всегда в глубинке — в малых городах, поселках, деревнях. К сожалению, история культуры — это история не только приобретений, но и безвозвратных потерь. Невозможно вернуть описанную среду обитания детей, благоприятную для их самостоятельности и самоорганизации вне всевидящих глаз и ушей взрослых. Но это часть истории культуры в целом и о ней надо писать, пока она не забыта. Что касается прагматической точки зрения, то некоторым родителям стоит подумать об ослаблении рвения надзирать все и вся в детской жизни.

Е. В. Иоффе

г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

Северо-Западный государственный медицинский университет

им. И. И. Мечникова»

Сексуальные отношения в контексте четырех революций: семейной, сексуальной, гендерной и цифровой

Традиционно преобразования в сфере сексуальных отношений анализируются сквозь призму таких характерных для XX в. явлений, как трансформации семьи и эмансипация сексуальности. Обычно подчеркивается роль влияния промышленной

революции, урбанизации, достижений медицины и либерализации во всех сферах жизни экономически развитых стран. Сегодня в центре внимания — результаты цифровой революции и распространения влияния средств массовой коммуникации.

Семейные ценности, характерные для пре-модернистских культур, центрированные на «матримониальной карьере» и деторождении, сменились под давлением требований эпохи индустриализации тенденцией к сокращению размеров семьи и возникновением понятия «дома», связанного с разделением окружающей среды на публичную и интимную сферы, в результате чего супружество стало занимать ведущее место в системе семейных отношений. В качестве важного фактора увеличения ценности интимности в отношениях между партнерами отмечалась роль распространения в XIX в. идеи романтической любви. Э. Гидденс подчеркивал, что формирование брачных уз для большинства групп населения тогда стало обосновываться не экономическими соображениями, а скорее привязанностью и взаимными интересами супругов вне брака, что усиливало значение эротики [2].

По мнению С. И. Голода еще одним важным фактором трансформаций семьи и сексуальности стал развод, который во всех развитых индустриальных странах до шестидесятых оставался явлением маргинальным. Для поколений, рожденных после второй мировой войны, переосмысливших систему ценностей и выбравших ориентиры на ценности индивидуализма и гедонизма, развод стал атрибутом брака. Сформировалась новая форма отношений — последовательная полигамия, в которой добрачные и внебрачные связи могут представлять собой ступени в ряду «серийного» брака [3].

Для эмансипации сексуальности огромное значение имело развитие контрацепции. Благодаря современным репродуктивным технологиям воспроизводство оказалось возможным вообще вне сексуальной активности. В результате отделения сексуальности от прежней интеграции ее с репродукцией, родством и потомством, возникло новое ее качество — отношение к личной жизни человека, превращение в «собственность» индивида, а для кого-то и в ресурс. Таким образом, сексуальность стала всецело качеством индивидов и их взаимодействия друг с другом.

И. С. Кон дополняет анализ семейной и сексуальной революций вниманием к роли взаимосвязанной с ними проблемы гендерных трансформаций [8]. Изменения гендерного порядка сопровождаются формированием новых представлений о нормах мужского и женского поведения [7]. Экономически независимые, чаще мужчин хорошо образованные женщины претендуют на равноправие не только в профессиональной сфере, но и в сексуальных отношениях с партнерами [5].

Однако формированию эгалитарных гендерных норм и навыков партнерского взаимодействия препятствует влияние секс-индустрии, использующей современные информационные и маркетинговые технологии для продажи порнографии и сексуальных услуг, что ведет к сексуальной объективации женщин и примитивизации сексуальных отношений [6]. Рост числа консультантов в области сексуальности и тематических тренингов, развивающих навыки эротического манипулирования мужчин и женщин, ориентируют их на доминантно-зависимую модель отношений вместо партнерской [5] и усиливают тенденции рационализации сексуальной культуры [1].

Важно отметить роль четвертой — информационной — революции, реализованной через массовый доступ к Интернету. С одной стороны, расширение возможностей коммуникации с помощью Всемирной сети сблизило жителей мегаполисов и провинции в стратегиях поиска партнеров, получении необходимой информации и поддержке в случае затруднений в отношениях с партнером/шей. С другой стороны, неза-

висимо от места проживания, молодые люди оказались в одном клике от соблазнов, противостоять которым они не готовы. Детей и подростков не информируют о принципах соблюдения безопасного пребывания и общения в цифровой среде. В результате они могут пострадать, встречаясь с опасными людьми, с которыми переписывались на сайтах знакомств или тематических сообществах; оказаться в эмоциональной зависимости от тех, кто поддерживает в переписке с ними иллюзию романа или дружбы; столкнуться с растлением, просматривая аниме или мангу в стиле этги или хентай; потерять уверенность в собственной гендерной идентичности в результате кроссгендерных экспериментов, характерных, например, для субкультуры косплей; стать порнозависимым и т.д.

К сожалению, в России проблема порнографии недооценивается даже специалистами в области психологического здоровья. Однако центры по контролю и профилактике заболеваний США выявили, что постоянные пользователи порносайтов чаще, чем остальные, подвержены депрессии и проблемам со здоровьем [4]. Поначалу порно помогает людям снять зажатость, но со временем оно становится источником проблем. Многие молодые люди сталкиваются с затруднениями, когда эффект от уже просмотренного порно не такой мощный, как в первый раз. Тогда они начинают искать что-то новенькое, неожиданное, более экстремальное в стремлении к привычному удовольствию, часто обращаясь к сюжетам жесткой порнографии, которая содержит сцены насилия и жестокости по отношению к женщинам. Просмотр этих сцен ведет к формированию в опыте мужчин ассоциативных связей между унижением женщины и сексуальным удовольствием.

Таким образом, наряду с пользой и широкими возможностями для обучения, общения, просвещения современные цифровые технологии предлагают доступ к ресурсам, использование которых предполагает компетентность, зрелость и ответственности личности. Ведь, перебирая виртуальных партнеров, способы получения сексуального удовольствия и подменяя обычные человеческие отношения суррогатными, человек может оказаться в социальной и сексуальной самоизоляции.

Литература

1. Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности/Социология сексуальности. (Антология). Под науч. ред. Голода С. И. СПб. Филиал Института социологии РАН. СПб., 1997. С. 14–19.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
3. Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2005.
4. Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности/Филип Зимбардо, Никита Коломбе; Пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2017. С. 122.
5. Иоффе Е. В. Гендерные нормы в сексуальных отношениях мужчин и женщин//Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2017. С. 408–415.
6. Иоффе Е. В. Сексуальная объективация женщин как препятствие в достижении гендерного равенства//Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах/Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. С. 169–172.
7. Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. Мо-

сква: Проспект, 2017.

8. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. // Федеральный образовательный портал: экономика, социология, менеджмент. № 1, 2011. С. 51–65. [Электронный ресурс]: URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420074/Кон_Три%20в%20одном_2011_1.pdf. (Дата доступа: 10.04.2018).

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18–013–01207)

З.В. Анайбан

г. Москва, Институт востоковедения РАН

Профессиональные ориентации городской молодежи Тувы: гендерный аспект (по материалам этносоциологического исследования)

Данная работа посвящена изучению профессиональных предпочтений и установок городской молодежи Тувы. Работа основана на результатах этносоциологического исследования по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет», осуществленного в 2015 г. Для эмпирического исследования была выбрана молодежь, представители двух основных этнических групп Республики Тыва и Республики Хакасия — титульной национальности и русских. В частности, в Туве опрос был осуществлен среди жителей столицы (г. Кызыл) и Пий-Хемского кожууна (района). Кроме того, в данном случае нами были также использованы итоги опроса 2016 г. выпускников старших классов двух общеобразовательных школ — лицей г. Кызыла и школы № 2 г. Турана Республики Тыва, нацеленного на изучение социально-профессиональных установок учащейся городской молодежи.

Анализ материалов исследования в Туве показал, что в целом при большом сходстве ответов юношей и девушек относительно их профессиональных ориентаций, некоторые особенности все же имеются. Так, при всем том, что представители местной городской молодежи — обоих полов заняты в самых разных сферах приложения труда, все же заметная часть из числа молодых женщин в своих высказанных предпочтениях больше тяготеет к творческим и гуманитарным специальностям. Напротив, среди юношей особенно ценятся такие профессии, как адвокат, финансист, менеджер, инженер высшей квалификации (67,8% и 72,3% соответственно) [Здесь и далее приводятся материалы социологического опроса по проекту «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет», 2015].

Между тем, разброс во мнениях и предпочтениях относительно приложения труда у городской молодежи Тувы достаточно широк и разнообразен. Однако, нельзя не сказать, что в этом списке, впрочем, как и во многих других российских регионах, в числе приоритетных по-прежнему значатся юрист и экономист. На них ориентируются сегодня немало опрошенных как молодых мужчин, так и молодых женщин. Этот выбор можно объяснить, с одной стороны, следствием общих процессов модернизации нашего общества, с другой — социальной престижностью этих занятий, большей гарантией обеспечения материального благополучия и тем самым возможностью улучшения и стабилизации своей жизненной ситуации.

И все же следует сказать, что в последнее время несколько изменились представ-

ления молодежи о привлекательности тех или иных профессий. Сравнивая результаты проведенных нами исследований, можно утверждать, что в отличие, например, от молодежи десятилетней давности, современная молодежь, говоря о престижности потенциальной работы, наряду с прежними установками на непрременную ее высокооплачиваемость, называет и такие как стабильность и перспективность выполняемой работы, а также «социальные лифты» карьерного роста. Видимо, по этой причине список «модных» и престижных профессий у девушек и молодых людей Тувы, особенно горожан, заметно расширился и пополнился такими, как банкир, менеджер, отариус, программист. Кстати, следует заметить, что, несмотря на то, что в настоящее время удельный вес молодых людей в числе имеющих в Туве предпринимателей, достаточно представительен, однако, вопреки ожиданию, по данным нашего опроса, численность потенциальных предпринимателей, особенно среди молодых женщин, желающих в перспективе заняться подобным видом деятельности, оказалась не так велика.

Вместе с тем, молодежь сегодня, в отличие от предыдущих поколений, социальные блага, материальные интересы ставит все-таки выше любых других ценностей. К примеру, на вопрос: «Чем Вас привлекает Ваша теперешняя работа?», из всех предложенных ответов опрошенные в городе, как юноши, так и девушки, в большинстве своем выбрали вариант «зарплата» (67% и 63% соответственно). Если в свое время приоритетным фактором удовлетворенности выполняемой работой для занятых в различных отраслях народного хозяйства являлась, в первую очередь, возможность использовать свои способности и склонности в трудовой сфере, на сегодняшний день, как видим, установки заметно изменились. В самом деле, современные реалии жизни российской периферии, слабые подвижки в решении экономических проблем, остающиеся желать лучшего социальные условия жизни вынуждают и молодежь искать какие-либо пути выхода из создавшейся ситуации, в числе которых на первое место выступает абсолютно оплачиваемая работа. Не удивительно, что по материалам нашего опроса в абсолютном большинстве как молодые женщины, так и молодые мужчины желают, чтобы выполняемая ими работа хорошо оплачивалась (93% и 97% соответственно). Пожалуй, на данном этапе эта ориентация стоит на первом месте.

С другой стороны, отрадно, что примерно треть из них хотела бы постоянно совершенствоваться и достичь профессионального роста (31,7%). Важно отметить, что в большинстве своем городская молодежь республики признает, что залогом достойной во всех отношениях работы является вкуче с наличием образования необходимый профессионально-квалификационный уровень (59%). Добавим также, что при исследовании трудовых мотиваций мы обратили внимание на то, что среди молодежи, заявившей о каких-либо достижениях в сфере труда, независимо от пола и этнической принадлежности, более всего лиц с высшим образованием. Нет сомнений, что важным индикатором, обуславливающим удовлетворенность работой, способствующим продвижению по служебной лестнице, является наличие соответствующего образования.

О возросшем стремлении молодых людей получить соответствующее образование и квалификацию свидетельствует и наш опрос, проведенный среди учащихся выпускных классов двух городских школ (г. Кызыла и г. Турана). По сравнению с аналогичным опросом двадцатилетней давности доля тех, кто планирует продолжить образование, заметно возросла: подавляющее большинство выпускников намерены после окончания школы учиться дальше, а именно поступить в ВУЗ, техникум или колледж (90% в 2016 г. против 70% в 1997 г.) [2, 3].

Итак, согласно результатам нашего исследования, в трудовых склонностях и моти-

вазиях городской молодежи Тувы кардинальных гендерных различий мы не обнаружили. Анализ материалов опроса показал, что в основе мотивации профессионального выбора молодежи лежит немалое количество факторов и условий, среди которых на данном этапе особое место занимают престиж профессии и ее достойная оплата. Между тем, как отмечают специалисты, «специфика распределения молодежи... по предпочитаемым им сферам занятости обуславливает в будущем не столько этническую картину рынка труда, сколько эффективность функционирования этих сфер в конкретном регионе, что заставляет уже сегодня задуматься о балансе в политике расстановки кадров в сфере труда» [1, с. 169]. В этой связи особо подчеркнем, что при разработке и реализации разного рода региональных социальных программ и мероприятий необходимо учитывать особенности местных молодежных групп, их профессиональные ориентации и предпочтения.

Литература

1. *Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспект. Новосибирск. 2014.*
2. *Материалы социологического исследования по проекту «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование» (1997 г.) — Материалы текущего архива Центра изучения межэтнических отношений (ЦИМО) Института этнологии и антропологии РАН.*
3. *Материалы социологического опроса по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет» (2015 г.) — Материалы текущего архива Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.*

Ю. О. Андреева

г. Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Обучаясь женственности: конструирование гендерной идентичности в современной городской среде

На сегодняшний день в городах России широко представлены предложения по работе с гендерными качествами. Курсы и тренинги, посвященные женственности, поиску предназначения мужчины и женщины, созданию семейного союза, работе с энергиями проводятся не только психологами, но и религиозными/духовными специалистами, имеющими доступ к «ведическим знаниям». В первую очередь, речь идет, конечно, о развитии женских характеристик.

Популярная индустрия «ведической женственности» включает в себя ряд идеологических моментов. Есть несколько вариантов развития женских качеств, среди них и практические рекомендации по соблазнению («как стать стервой»), и религиозные критерии, которым должны соответствовать последовательницы той или иной конфессии, и даже редкие ньюэйджерские учения, пропагандирующие главенство женской природы над мужской. Я же остановлюсь на другой прослойке потребителей «женственности», не связанных религиозными оковами, однако имеющих некий религиозный опыт или интерес к вопросам смысла жизни и ставящих во главу угла семейные ценности. Схематично очерчивая срез, в который попадают мои информанты, я бы выделила следующие черты: традиционный стиль одежды, духовные практики (медитации, йога, молитва, паломничество), самосовершенствование, общение с природой, вегетарианство, рукоделие, астрология. Разумеется, среди людей, подпадающих

под перечисленные выше черты, будут и те, кто совсем далек от интересующей меня тематики, и более того, находятся в оппозиции к ее ценностям. Но в целом они довольно хорошо характеризуют круг авторов и клиентов курсов женственности.

Доминирующим дискурсивным моментом этой группы людей являются подчас механические упоминания в качестве причины всех бед современной цивилизации перевернутые мужские и женские роли, где феминизм становится одним из бедствий западной цивилизации. Важная интенция всех сетований — возвращение к утерянному порядку патриархальности, который существовал в прошлом. Выяснение, какой именно период прошлого имеется в виду, приводит к разночтениям. Это и по-разному понимаемое Ведическое прошлое, и допетровская Русь и даже традиционная культура конца XIX века.

Современные женщины оказываются во многом конструктивистами. Они уже не считают, что рождены женщинами или что им нужно пройти обряд перехода. С их точки зрения, женственность в себе нужно «принять», «пробудить», «воспитать», «найти», «увидеть», «отработать», «раскрыть», «развить» и т.п. Большой спектр вариантов предполагает обязательную работу с собой и своими гендерными качествами.

Социолог Зигмунт Бауман сообщает об удивительных закономерностях в поведении постмодерных людей: растущий индивидуализм совпадает с тем, что они все больше нуждаются во власти одобрения другими. «Постмодернизм — это эра экспертов по «проблемам идентичности», целителей личности, брачных консультантов, писателей о том, как «восстановить себя»; это эра «бума консалтинга». Постмодернизм принуждает индивида к совершению выбора, который приводит к состоянию неопределенности и неуверенности в собственных предпочтениях. Для выхода из кризисного состояния люди нуждаются даже не в религии, которая будет им говорить о «слабостях человека и недостаточности человеческих ресурсов», а в «учителях опыта», придающих им уверенности в том, что они смогут сделать задуманное и как именно это следует делать [Bauman 1999: 68–69].

Сказанное выше может быть проиллюстрировано собственно той проблемой, с которой пытаются справиться современные женщины, ощущающие неопределенность своей идентичности даже в, казалось бы, привычном и понятном вопросе. Они ищут все новых и новых учителей, предлагающих другие практики, обещающих научить, наконец, тем азам, которые необходимы каждому человеку. Однако червь сомнения остается, и жажда новых познаний приводит к новому циклу учителей, методик и результатов. Это связано с тем, что современный индивид, далекий от религиозной дисциплины, в первую очередь мыслит себя как существо, обладающее полным объемом знаний и потенций. Посюсторонняя ориентация нью-эйдж в данном случае проявляется в том, что все богатство возможностей уже заложено природой, а субъекту остается только, с одной стороны, подчиниться ей, с другой, ежеминутно проявлять собственную агентность в стремлении к достижению такого близкого и доступного идеала. Индивиду дается свобода выбора, в которой есть постоянное ощущение упущенных возможностей, поэтому ему требуется руководство, ведущее его к реализации всего богатства человеческого потенциала.

В обретении женского предназначения помогают работа над собой, традиции, следование природе (инстинктам) или интуиция. Многие черты настоящей женщины такие, как творческие способности, украшение себя, уход за собой и окружающим пространством, кулинарные таланты, владение ремеслами, рукоделием и т.п. уже ей даны, но не каждая способна узреть их. Одна из выдвигаемых информантами при-

чин — интеллектуальная деятельность, которая претит женской природе и мешает ей реализоваться. Другая причина состоит в навязывании на себя мужских качеств.

Для того чтобы закрепить или даже освоить черты приписанной гендерной идентичности предлагается обучение специальным практикам, относящимся к поведению, речи, одежде, профессиональной занятости и хобби. Сейчас есть немало консультантов, помогающих в поисках своей женской сущности. Они называют себя «ведическими психологами», настоящими женщинами, психодизайнерами, «гуру женского счастья» и т.п. «Женская школа», «Мудрая жизнь», «Искусство быть женщиной», «Гимнастика славянских чаровниц», «Женская духовная академия «Лада», «Школа практик «Лунолика», «Система сферического развития» — такие названия женских курсов, тренингов, а в последние годы еще и марафонов женственности можно найти в Интернете.

И авторы, и посетители подобных мероприятий склонны разделять эклектичный комплекс верований, который они часто называют «ведизмом». В него входит как увлечение популярным индуизмом и буддизмом, так и симпатия к славянскому неоязычеству. Кто-то из гуру посещает или посещал в прошлом Общество сознания Кришны, но для большинства любые отсылки к мудрости Востока достаточно формальны, практически никто незнаком с оригинальными индийскими ведами. Ведические руководители могут симпатизировать также неоязычеству, православию или движению нью-эйдж.

Предлагаемая программа обретения необходимых гендерных знаний хоть и разнится по содержанию от группы к группе и от учителя к учителю, однако имеет ряд общих черт, отличных от западноевропейского нью-эйдж. Обычно выбирается патриархальный уклад, в котором мужчина отвечает за семейный порядок и достаток, а женщине отводится роль хранительницы домашнего очага. Если в западных религиозных поисках женщине отводится значительная роль как властительнице и управительнице энергий, а гендерные роли распределяются на равных, то в случае «ведических женщин» речь идет о жесткой реализации задач именно своего приписанного пола и подчиненном положении женщины.

Литература

2. Bauman Z. *Postmodern Religion//Religion, Modernity and Postmodernity*/edited by Paul Heelas, with the assistance of David Martin and Paul Morris. Blackwell Publishers, 1999. P. 55–78.

А.Г. Грднева, А.Л. Сазонова

г. Москва, Российский университет транспорта (МИИТ)

Представления молодежи о семейных гендерных ролях

Семейные гендерные роли являются наиболее распространенным стереотипом, предписывающим традиционные модели поведения мужчин и женщин.

В соответствии с этим «сценарий счастливой брачной жизни» выглядит следующим образом: женщина выполняет, прежде всего, семейные роли, например, матери и хозяйки, а мужчина реализует профессиональные роли, которые находят свое отражение в следующих определениях — работник, труженик, добытчик, кормилец. Таким образом, мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин — по наличию семьи и детей. Следствием данного стереотипа явилось возникновение такой народной мудрости, которая гласит, что «нормальная» женщина хочет

выйти замуж и иметь детей, и что все другие интересы, которые у них могут быть, вторичны по отношению к этим семейным ролям.

Необходимо отметить и перечень характеристик, необходимых женщинам и мужчинам для семейной жизни. Для выполнения традиционной роли домашней хозяйки женщина должна обладать чуткостью, сострадательностью и заботливостью. Во время как мужчинам предписывается ориентация на достижение успеха, целеустремленность и решимость. Таков «подлинный успех» счастливой жизни.

Но актуально ли это в наше время? Время, когда развитие технологий и глобализация изменили саму систему семейных ценностей и стандартов!?

В настоящее время наблюдается опасная тенденция, когда семья перестает быть значимой ценностью для молодежи. Мотивов, побуждающих вступать в брак, рожать и воспитывать детей, молодые люди просто не видят, или просто не хотят видеть, считая свободу главной ценностью современного человека.

Так как же сейчас представляет себе мужские и женские семейные роли современная молодежь?

Весной 2017 г. под руководством и при участии авторов было проведено исследование по теме: «Отношение молодежи московского региона к семье». (Опрошено 415 респондентов; метод сбора информации — анкетный онлайн-опрос; основные группы аналитических показателей: социально-демографическое положение, семейные ценности, репродуктивные установки, структура семейных проблем и проблемы молодой семьи, экономическая и психологическая готовность к созданию семьи, оценка государственной семейной политики.)

Среди других показателей были изучены и представления молодежи о семейных гендерных ролях. На вопрос «Кто, по Вашему мнению, должен обеспечивать достаток семьи?» 37% респондентов ответили, что семье должен обеспечивать муж, 36% ответили, что муж и жена должны в равной мере обеспечивать достаток семьи, 27% опрошенных ответили, что им неважно кто, лишь бы был достаток. Вариант обеспечения семьи женой не выбрал ни один респондент. Очевидно, роль женщины в семье трансформировалась в глазах молодежи, по сравнению с мужской: по мнению трети опрошенных, оба супруга должны делить эту обязанность поровну.

На вопрос «Насколько важно для Вас было/будет умение супруга/супруги рационально вести домашнее хозяйство?», 59% респондентов ответили, что для них это важно, для 20% очень важно, что говорит об изменении и мужской роли.

На вопрос «Насколько хорошо должен выполнять супруг (а) домашнюю работу?», 14,4% респондентов ответили, что для них это очень важно, 53,1% — достаточно важно, для 27,9% опрошенных — не очень важно.

Исследование показало, что для девушек более значима способность супруга обеспечить семью материально, чем для юношей. Но в то же время юноши больше ожидают от своей супруги хорошо выполненные домашние обязанности. Следует отметить, что девушки, как и юноши, ожидают от своего партнера рациональное ведение домашнего хозяйства. Таким образом, исходя, из этого можно сделать вывод о том, что главное для молодежи является умение вести домашнее хозяйство в принципе, а вопрос качества не является определяющим.

На вопрос «Какие формы брака для Вас приемлемы?» примерно одинаковое количество (больше трети по каждому варианту — 35% и 45%) респондентов ответили, как официально зарегистрированные, так и любой другой вид брака. Однако незначительный перевес в сторону «любой формы брака» позволяет утверждать, что для современ-

ной молодежи зарегистрированный брак не является обязательным условием.

Больше трети опрошенных (36,3%) на вопрос «Как Вы относитесь к временно незарегистрированному («пробному») браку?» дали положительную оценку данному явлению, а больше половины (51,1%) заняли нейтральную позицию. Вопросы, касающиеся различных альтернативных форм брака, таких как гостевой, сознательно бездетный брак, открытый брак, полигамный и однополый браки, вызвали явную негативную оценку среди опрошенных (60–70% относятся отрицательно), что свидетельствует о предпочтении традиционных форм брака.

Количество детей в семье ставится в прямую зависимость от материального благополучия (61%), при сохранении к 1–2 детям в идеале, что указывает на значимость для молодежи профессиональной ориентации, которая обеспечила бы им финансовую свободу.

Среди основных проблем, присущих молодой семье, респонденты выделили: материальные трудности (75,6%); отсутствие собственного жилья (73,4%); сложности с трудоустройством, боязнь потерять работу (45,9%); невозможность найти прилично оплачиваемую работу «по душе» (33,9%); рост цен (30,5%), что свидетельствует о негативной оценке по поддержке молодой семьи.

По результатам опроса можно сделать вывод о том, что, хотя эгалитарные нормы и распространяются среди молодежи московского региона, тем не менее, традиционные гендерные роли еще значимо проявляются в представлениях опрошенных молодых людей.

Проведенное исследование подтверждает тот факт, что в XXI в. вместе с технологиями меняется институт семьи и система семейных ценностей. В условиях демографического и экономического кризиса в современной России сохранение традиционных семейных ценностей и стандартов поведения приобретает особую значимость и необходимо государственное регулирование в этой области для создания положительного образа семьи в глазах молодежи.

Литература

1. Гриднева, А. Г. Влияние СМИ на трансформацию семейных гендерных ролей/А. Г. Гриднева//*Материалы Международной научно-практической конференции «Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты»*. Москва, 2017. С. 167–169.

2. Сазонова А. Л., Сазонов А. А. Социальное неравенство в сфере брачно-семейных отношений. Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения — 2018»: Сб. материалов (электр. издание). М.: МАКС Пресс, 2018. С. 555–557.

3. URL: http://sm.cnsr.ru/ru/materiali/Diskussionnaya_sektsiya_No_2_«Semejnie_tcennosti_v_sovremennot_informatcionnom_prostranstve»/(Дата обращения: 17.03.2018)

А. И. Ермолова

г. Томск, Томский Государственный Университет

Детская площадка: к вопросу о формировании гендерно-сегрегированных групп

Гендерные аспекты вписываются в повседневную городскую жизнь и выражаются в том, как мы живем, работаем и передвигаемся. Например, передвижение женщины в городе гораздо более разнообразно, чем мужское, прежде чем добраться до работы,

ей необходимо так скорректировать свой маршрут, чтобы была возможность заехать в школу, детский сад или магазин [3, с. 319]. Это же касается и городских публичных пространств, не смотря на отсутствие формальной гендерной сегрегации города, в нем есть пространства женские и мужские. Исследовательский интерес к вопросу о гендерной сегрегации городского двора возник после случайного разговора со знакомым, воспитывающим двухлетнего ребенка: «Терпеть не могу гулять с сыном на детской площадке!». «Почему?» — удивилась я. «Да там ни одного мужика не встретишь, одни мамашки тусуются, мы лучше вокруг дома с ним погуляем или мяч попинать сходим на стадион».

Автором была предпринята попытка этнографического исследования на предмет присутствия гендерно-сегрегированных групп на типовой городской детской площадке, находящейся в одном из спальных районов города Томска. Детская площадка «Фантазия» — это современный объект городского публичного пространства, на ней приятно и безопасно находиться как детям, так и взрослым. Хорошая инфраструктура (площадка для футбола, уличные тренажеры, лавочки, песочницы, качели, горки для разных возрастных групп), большая площадь примерно 1200 кв. м, озеленение, фиксированные границы, большая проходимость делают ее интересным объектом изучения. Метод получения информации — наблюдение. Наблюдение проводилось в период с 1 апреля по 1 ноября 2016 г. Для данного кейса был выбран метод наблюдения, т.к. «преимущества включенных наблюдений очевидны: они дают наиболее яркие, непосредственные впечатления о среде, помогают лучше понять поступки людей и действия социальных общностей» [2, с. 106].

На первоначальной стадии наблюдения объектами стали все посетители детской площадки в дальнейшем постоянных посетителей можно было разделить. Кроме очевидных групп детей и подростков существует несколько групп взрослых сообществ, считающихся завсегдатями площадки. В основе типологизации будет лежать три основных принципа: возрастной, гендерный и «по интересам». Самая многочисленная группа — это мамы с детьми, которые в свою очередь подразделяются еще на несколько. Первая — это две мамы в возрасте 27–29 лет, гуляют с двумя детьми в возрасте около двух лет, держаться особняком, очень заинтересованы в своих детях, играют с ними в совместные игры, пускают мыльные пузыри, строят фигурки в песочнице. Вторая — пять мам в возрасте от 32 до 38 лет, у каждой из них двое детей, возраст детей разный от 2х до 8 лет, основная цель посещения площадки общения друг с другом, по отношению к детям строги и неприветливы, используют в речи ненормативную лексику, в том числе и по отношению к детям. Мамы — одиночки, не принадлежат ни к одной из групп, состав этой группы очень подвижен и многочислен. Особая категория на детской площадке — это папы, в одиночестве их встретить практически невозможно, в большинстве случаев досуг на детской площадке — это семейный отдых: мама, папа, дети. Единичные случаи присутствия пап на площадке в одиночестве объединяет ряд признаков: гуляют с детьми от 3х до 8 лет, дети этого возраста более самостоятельные, и не требуют пристального внимания со стороны взрослого, папа выступает скорее в роли сопровождающего и контролирующего, молчаливы, не объединяются в группы по возрасту или интересам, общаются непосредственно со своим ребенком, или разговаривают по телефону.

«Старшее поколение», кроме пенсионного возраста, есть две причины проведения досуга на детской площадке, по которым можно разделить эту группу: первый — это присмотр за внуками, второй — не только ежедневное общение друг с другом за об-

суждением актуальных вопросов политики, жизни города, проблемы ЖКХ, но и поддержание контакта с администрацией управляющей компании, которая отвечает за поддержание порядка и озеленение на площадке. Присутствует гендерный принцип формирования этой группы, это женское сообщество, в редких случаях этот принцип нарушается приходом отдельного «дедушки».

Городские публичные пространства, в частности детская площадка, играют важную функцию по формированию коммуникативной среды города, горожане объединяется в отдельные группы, в основе формирования которых лежат гендерные и возрастные принципы.

Литература

1. Пицр А. М. *Окно во двор (к описанию дворового пространства)*// *Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сборник статей. Вып. 2. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. С. 194–230.*

2. Ядов В. А. *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001.*

3. Greed, C. *An investigation of the effectiveness of gender mainstreaming as a means of integrating the needs of women and men into spatial planning in the United Kingdom. Progress in Planning, 64, 2005. P. 243–321.*

М. А. Ерофеева

г. Коломна, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

Социальные сети и их влияние на формирование гендерных представлений у современной молодежи

В условиях современного общества социальные сети становятся одним из важнейших социальных институтов, активно влияющих на процессы социализации молодежи. Часто современное общество называют цифровым, где реальная власть принадлежит интернет-пространству.

Многие подростки и молодежь свои представления о социальных ролях и жизненных ценностях получают посредством общения. Они живут в мире различных ролей, предлагаемых многочисленными группами — семьей, друзьями, социальными институтами. Современная интернет-среда позволяет подростку «прожить» те роли, которые в реальной жизни «сыграть» затруднительно, но сделать это необходимо, чтобы либо принять, либо отвергнуть те ценности, установки и идеалы, которые эта роль предлагает.

В настоящее время социальные сети играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания. Восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и мире в целом, осуществляется посредством соцсетей.

Особое внимание уделяется тому, как молодежь усваивает модели поведения в обществе и различные нормы. Специфика социализации подростка состоит как раз в том, на фоне перестроения психологического портрета личности происходит принятие нового набора социальных (гендерных) ролей, при этом доминирующей формой усвоения социальных ценностей становится именно общество [3].

Социализация современных подростков неотъемлемо связана с интернет про-

странством — особая реальность, которая является частью социального пространства и организует социальные практики и представления людей.

По данным исследований ООО «инФом», выход в Сеть (в сутки) занимает 63,8% от всех россиян (74, 7 мил.чел.). Динамика проникновения интернета по полу (суточная интернет — аудитория) с лета 2016 до зимы 2018 г: от 60% до 66% — мужчины, от 54% до — 62% — женщины [1].

В качестве объекта научного исследования необходимо установить процесс гендерной социализации подрастающего поколения. Предметом исследования является влияние социальных сетей на гендерную социализацию личности и трансформацию ребенка в современного мужчину или женщину. В качестве гипотезы можно выделить утверждение о том, что социальные сети (На примере «ВКонтакте») становятся важным компонентом гендерной социализации и посредством соцсетей происходит усвоение набора социальных норм и практик, ценностей и установок.

Наличие собственной страницы в социальной сети становится системным фактором самоидентификации подростка как личности.

Социальные сети занимают значительное место в жизни современной молодежи. 36% молодежи проводят в социальных сетях 3–4 часа в день, а 19% практически все время. Основная цель посещения социальных сетей — общение с друзьями, прослушивание музыки, посещение групп и сообществ, знакомства с новыми людьми, необходимость работы (или учебы), просмотр и скачивание фильмов, просмотр новостной ленты друзей. Уровень интернет — зависимости чаще встречается у девушек, нежели у юношей [2].

Злободневным в этих обстоятельствах становятся гендерные аспекты социализации молодого поколения, приобретающие все большую значимость формирование сознания и ответственного поведения современных мужчин и женщин. Планирование и проектирование Будущего, а также осуществления воспроизводящих и инновационных функций эволюционного развития общества связано с молодёжью. В сложном процессе образования подрастающего поколения и молодёжи, формирование поло — ролевого поведения ценностных ориентации не только подрастающего поколения, а и взрослого населения, восприятия норм духовно-нравственной и гендерной морали играют социальные сети, поскольку осуществляют информационное давление на гендерно-ролевою социализации индивидуумов.

Социальная сеть способна эффективно распространять и утверждать нормы, ценности и идеалы общества. Ценностные основания и ориентации, лежащие в основе культуры гендерных отношений — жизнь, семья, любовь, деторождения, являясь неизбежными на протяжении веков, за последние десятилетия претерпели серьезные изменения. К их числу можно отнести трансформацию стереотипов и поло- ролевого поведение мужчин и женщин, освоения женщиной мужских профессий и видов спорта, высокий процент разводов и матерей — одиночек. Эти противоречивые тенденции современной эпохи определяют не только положение и условия существования личности, но и здоровье общества, государства и национальной безопасности народов. Современные тенденции гендерных взаимодействий ещё сдерживаются существующими духовно-нравственными ценностями, обычаями, культурные традиции народов и этносов, содержащих важные компоненты мировоззрения, менталитета, межкультурной коммуникации.

Центральная проблема — это идентичность, в нашем случае — гендерная идентичность. Поскольку у современной молодежи существует некоторая разорванность реального социального существования и существования информационного. Культура

виртуальной реальности все сильнее подталкивает современную молодежь к структурированию собственного определения и идентичности между сетевыми и их личностными. Мониторинг социальной сети «ВКонтакте» показал, что преимущественный круг общения складывается из лиц одного гендера. Только 30% людей указывают в личной информации свои приоритетные жизненные ценности, чаще всего это делают женщины (82%). Для большинства женщин (69%) семья и дети являются главными ценностями, и лишь 24% женщин выделяют основной ценностью саморазвитие. Половина мужчин так же выделяют семью и детей как главные ценности жизни, чуть меньше (42%) мужчин выделяют основную роль саморазвитию, и только 8% мужчин во главу жизненных ценностей ставят карьеру и деньги. Стоит отметить, что ни одна из женщин не выбрала позицию «карьеру и деньги».

Литература

1. *Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018. Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13999>*
2. *Нихотина А. Н. О формировании идентичности подростков в социальных сетях/А. Н. Нихотина//Народное образование. 2015. № 1. С. 178–181.*
3. *Славич И. М. Социализация современных детей: медианпространство как агент социализации и детерминанта безопасности в обществе/И. М. Славич//Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2-т./отв. Ред. Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицук, Смоленск. М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 310–312.*

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18–013–01207)

Е. С. Завертяева

г. Уссурийск, Школа педагогики Дальневосточного федерального университета

Профилактика подростковой агрессии: гендерный аспект

Профилактика подростковой агрессии может быть неэффективной, если нет учета всех или, по крайней мере, большинства факторов определяющие ее становление. Поэтому цель статьи — представить современное понимание подростковой агрессивности, включая и ее гендерный аспект. Проблемы подростковой агрессии и вызывающих факторов еще не получила всестороннего анализа. Так, в числе вызывающих ее факторов не учитывается роль рекламы, которой в большей степени подвержены городские подростки, чем живущие в сельской местности, а поэтому могут различаться меры профилактики подростковой агрессии в условиях города и в сельской местности.

Речевой аспект агрессии в рекламе влияет на коммуникацию подростков через призму конфликтологического дискурса, который стимулирует ее проявление. Не менее важен и гендерный аспект агрессии в рекламе. Одни исследователи считают, что сама по себе психологическая модель агрессии включает в себя два компонента: агрессор — жертва, когда одна из сторон является нападающей (агрессор); другие утверждают, что в ситуации межличностной коммуникации объектом речевой агрессии становится адреса, а в случае массовой или публичной коммуникации речь идет о так называемом «массовом адресате». К способам речевой агрессии в СМИ относятся следующие:

— немотивированное использование иностранных слов;

- экспансия лексики малых социумов;
- лингво-суггестивное воздействие рекламных текстов;
- языковая демагогия;
- метафоризация;
- создание метафорической картина мира;
- проявление языковой агрессии в рекламе как эксплицитно, так и имплицитно

[2].

Учитывая тот факт, что подростки склонны к подражанию представленным в рекламе моделям поведения людей, то явно выраженные (эксплицитно) отличаются от тех, которые выражены запутано, спутанно или неявно (имплицитно). Необходимо принимать во внимание и особенность проявления подростковой агрессии, чтобы выработать меры ее профилактики эффективного характера.

Оценка особенностей проявления агрессии в подростковой среде предполагает, как правило, теоретический анализ различных концепций гендерной психологии, что имеет в виду различие по психологическим параметрам между представителями женского и мужского пола, включая различия на подростковом уровне между молодыми людьми. При этом важно обращать внимание на то, часть гендерной психологии, изучающей отношения между полами, только начинает свое развитие [1].

В контексте гендерной психологии подростковая агрессивность рассматривается как одна из наиболее актуальных проблем современной психолого-педагогической науки. В ее изучение и разработку включены:

- теории гендерных различий исходит из того, что (Х. Айзенк, С. Бэм, Э. Игли, В. А. Геодакян, Д. Спенс, М. Цукерман, др.);
- теории гендерной социализации (Дж. Крокер, Д. Гамильтон, С. Тейлор, С. Бэм, др.); психология женщины (Д. Ходоров, К. Гиллиган, др.);
- психология мужчины (Э. Маккоби, др.);
- психология гендерных отношений и гендерная психология лидерства (Г. Граен, Р. Хауз, Б. Басс, Дж. Боумен, Р. Лайден, Т. Митчелл, М. Локхид, др.).

Авторы представленных теорий позволяют понять, что разделение социума на мужчин и женщин, укореняясь с момента рождения ребенка, влияет на выстраивание все программы его воспитания. Существенно признание того, что, подражая родителям уже с детства, ребенок моделям поведения: в это время у него формируется определенные нормы поведения, отображающие механизм половой идентификации. Иными словами, в социуме существуют некоторые «гендерные схемы», усваивая которые, ребенок учится выполнять характерные для его пола действия и обязанности. Нормативные эталоны, представленные в сознании социума, в таких формах, как «девочка должна быть...» или «мальчик должен быть...», стимулируют рефлексии личности при сравнении себя с «настоящим» мужчиной (маскулинность) или с «настоящей» женщиной (феминность). В рамках гендерного подхода сделан вывод, что поведение ребенка определяют взрослые, которые разделяют те или иные гендерные стереотипы [1], под которые дети вынуждены подстраиваться. В свою очередь, на поведение родителей влияют условия их жизни, которые стимулируют проявления их агрессии как реакции на внешние условия. Можно сделать вывод, следуя динамической психологии Курта Левина, что агрессивное поведение и родителей, и их детей связано с условиями гендерно-ролевого поведения, то есть имеют своим основанием не потребности, или «мотор» активности человека, а его квазипотребности, обусловленные условиями ее проявления [3]. Поэтому и профилактика агрессивности подростков должна быть

нацелена не самих подростков, а на социальные обстоятельства, в которых протекает «переходный» период.

В современном обществе наиболее эффективным способом профилактики агрессии подростков может выступать социальное партнерство как система взаимоотношения в среде подростков. Характеризуя подростковую среду, можно учитывать следующее:

Во-первых, подростковая среда представляет собой серьезный фактор личностного становления человека, дающий опыт в общении, формирования собственного поведения во взаимоотношениях с окружающими. Поэтому необходимо, чтобы она не содержала причин, которые снижают уровень социального партнерства в отношениях между подростками, включая и коллектив школы.

Во-вторых, педагогическим коллективам школ важно разрабатывать и внедрять в подростковую среду программы развития социального партнерства, которые снижают напряженность во взаимоотношениях между подростками; уровень конфликтности в классе, повышая степень благоприятности социально- психологического климата в классе и школе, а через отношения между подростками и в семье.

В-третьих, важно учитывать и то, повышение уровня социального партнерства в подростковой среде — форма управления конфликтами, которая проявляется через целенаправленное воздействие по устранению (минимизация) причин, породивших конфликт, то есть коррекция поведения участников конфликта, а поэтому программа профилактики конфликтного характера в подростковой среде не должна сводиться только к прикладным техникам урегулирования конфликтов.

Литература

8. Андреева О. В. Особенности проявления агрессии подростками с точки зрения гендерного подхода [Электронный ресурс]//Интернет-журнал «Наукovedение». 2014. № 6 (25). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/156PVN614.pdf>

9. Кошкарлова Н. Н. Гендерный аспект речевой агрессии в рекламе [Электронный ресурс]//Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. URL: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/gendernyj_aspekt_rechevoj_agressii_v_reklame_n_n_koshkarova/4-1-0-218

10. Левин К. Динамическая психология: Избранные произведения. М.: Смысл, 2001.

О. И. Ключко

г. Москва, Московский городской педагогический университет

Тенденции гендерных трансформаций в ментальности российской молодежи

Современное общество характеризуется кардинальными социальными трансформациями: глобализацией, которая ведет к расширению пространства межличностных контактов; усилением социальной неопределенности, связанной с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире; увеличением продолжительности периода процесса детской и профессиональной социализации, активной ресоциализации и «текучей» социализации; расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи (Э. Гидденс, 2004; З. Бауман, 2008; Т. Д. Марцинковская, 2015).

Ментальность, как область психической жизни людей, детерминирована социаль-

ными, экономическими и политическими условиями жизни и задает иерархию ценностей и характерные убеждения, идеалы, социальные установки. Культурные нормы «мужского» и «женского», гендерные представления, установки, идентичности, роли — неотъемлемые компоненты в структуре ментальности [5].

Во многих современных обществах (Германия, Дания, Швеция, Франция, Канада и др.) акцент на дифференцированной по половому признаку социализации теряет свою значимость, взят курс на поддержание равенства полов, ослабление патриархальных предрассудков, целенаправленно создаются условия для всестороннего развития и самореализации и мужчин, и женщин. В 2016 Россия заняла лишь 75-е место в рейтинге гендерного равенства [8].

В противоположность общемировым тенденциям российские исследователи фиксируют дальнейшее разграничение мужских и женских сфер, ролей и образов на фоне повышения уровня образования, статуса и роста внедомашней занятости женщин (Г.Г. Силласте, 2012, А.В. Мудрик, 2010), сильные традиции воспитания в духе патернализма и консервации половых ролей (Штылева Л.В., 2017). В то же время отмечается, что новое поколение — это поколение с очень сильно выраженными индивидуалистическими ориентациями (Коннел Р., 2015; Temkina A., Zdravomyslova E., 2015, Чернова Ж., 2017).

Молодежь — одна из крупных социально-демографических групп российского общества — более восприимчива и легче адаптируется к изменяющимся условиям российского общества, быстрее осваивает новые практики и технологии, включается в информационные сети, более мобильна и индивидуалистична. В мегаполисах, где процент молодежи выше по сравнению с провинцией, у молодежи больший выбор форм социального поведения. Широкий спектр возможностей, разнообразие культурных влияний, модернизационные процессы и многие другие факторы приводят к тому, что в мегаполисе формируется установка на разнообразие форм социального поведения — мультикультурности при одновременной более высокой степени автономности людей.

Среди наиболее часто упоминаемых характеристик современной молодежи — открытость экспериментам и изменениям, принятие плюрализма мнений; индивидуализация, меньшая значимость мнения родителей, большая — сверстников и референтных людей; большая ориентация на настоящее, а не на прошлое, будущее видится неопределенным, жизненные цели и перспективы многовариантны; готовность к мобильности — географической, профессиональной, но при этом у значительной части молодежи — социальная пассивность и потребительство, индифферентность к политике, внепрофессиональная направленность [3; 4; 6; 7].

В мегаполисах и на периферии (например, в малых городах и поселках) межпоколенная трансмиссия существенно отличается как по содержанию, так и по формам. В больших городах процессы обмена опытом, перехода от одной формы трансмиссии к другой существенно ускорены по сравнению с более традиционными малыми городами, особенно в этнически гомогенных областях. Существует значительный разрыв между знаниями, которые имеет подрастающее поколение относительно нормативных моделей мужского и женского поведения, и реализацией идентичности. В мегаполисах наблюдаются различные формы гендерных сценариев и менее жесткие гендерные стереотипы, что можно рассматривать как потенциал для разрушения патриархальной картины мира. В малых городах более традиционная гендерная социализация обуславливает патриархальные представления о гендерном порядке и более

нормативное формирование гендерной идентичности [6]. В целом межпоколенческий разрыв в трансмиссии социального опыта в провинции не столь велик, как в мегаполисе.

Многочисленные факты обнаруживают вариативность и неоднозначность гендерных компонентов ментальности современных юношей и девушек. Так, в провинции зафиксирована тенденция к андрогинности, а в мегаполисе возрастает склонность к инфантилизации и тенденция к субъективному снижению возраста [4].

Налицо трансформации в сексуальной социализации современных молодых людей, которая происходит в условиях открытого доступа к услугам и товарам секс-индустрии (порнография, проституция, сайты знакомств), что способствует формированию искаженных представлений об интимности. Влияние секс-индустрии на установки и опыт молодежи, вероятно, обусловлены в мегаполисе агрессивной рекламой и доступностью услуг, а в провинции — отсутствием развитой индустрии развлечений и дефицитом трудовой занятости [2].

Трансформации ментальности женщин, связанные с расширением репертуара и изменением ролей, более ярко проявились в конце 20-го века, а в 21-м наиболее явному изменению подвержена ментальность мужчин, что и фиксируют бурно развивающиеся мужские исследования как компонента *genderstudy*. Как в России, так и за рубежом отмечаются признаки десоциализации мужчин, выраженные в следующих симптомах: разочарованность в учебе, агрессивность, снижение социально-психологической компетентности, одержимость играми, ожирение, увлечение порно, зависимость от лекарств и наркотиков и пр. [1].

Таким образом, с одной стороны — заметна тенденция к увеличению числа вариантов гендерных трансформаций в ментальности современной молодежи в зависимости от места проживания и социального опыта, с другой — сохраняются паттерны воспроизводства мужественности и женственности, основанные на патриархатных асимметричных моделях и нормах, и, как следствие, массовые проявления кризиса традиционной гендерной идентичности, неадекватной современным условиям.

Литература

1. Зимбардо Ф. *Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности*/Ф. Зимбардо, Н. Коломбе. М.: Альпина Паблишер, 2017. 420 с.
2. Иоффе Е. В. Роль факторов сексуальной социализации в формировании сексуальных сценариев подростков//Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2016. № 1 (11) http://medpsy.ru/climp/2016_1_11/article14.php
3. Омельченко Е. Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века//Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 145–166.
4. Сергиенко Е. А., Эйдельман Г. Н. Возрастная идентификация современной молодежи как фактор самодетерминации//Образование и саморазвитие. 2015. № 3. С. 62–72.
5. Чекалина А. А. Ментальность учителя: на пересечении гендера и профессии//Историко-генез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2./Отв. Ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холодкович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 440–453.
6. Чумичева И. В., Марцинковская Т. Д. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве. Психологические исследования, 2015, 8 (39), <http://psystudy.ru/nim/2015v8n39/1094-martsinkovskaya39> (Дата доступа 21.10.2017).
7. Штылева Л. В. Гендерная социализация в образовании: теория, история и современная практика: монография. — СПб.: НИЦ АРТ, 2017.
8. *The Global Gender Gap Report 2016*/World Economic Forum <http://reports.weforum.org/global->

О. И. Ключко

г. Москва, Московский городской педагогический университет Л. В. Штылева

г. Москва, Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО

Гендерные представления современных школьников (На материале кадетского корпуса «Пансион воспитанниц МО РФ», г. Москва)

Актуальность проблемы гендерной социализации молодого поколения в современном российском обществе не вызывает сомнений. От того, какие ценности и идеалы в отношениях между полами будут поддерживать завтрашние женщины и мужчины, зависит не только характер гендерных отношений в семье и обществе, но и в целом устойчивость, направленность и динамичность развития нашей страны в XXI в. [1]. В связи с этим мониторинг гендерной социализации молодого поколения в образовании — необходимое условие определения культуро-сообразных социально-педагогических идеалов воспитания мальчиков и девочек в стремительно изменяющемся мире [2].

В 2017 г. на базе Пансиона воспитанниц Министерства обороны РФ было проведено исследование различных показателей гендерной социализации учащихся 5 и 11 классов. Особенность нашей выборки — учащиеся закрытого образовательного учреждения — кадетского корпуса, девочки 12–13 лет (119 человек). Основной метод — анкетный опрос. Анкета разработана Л. В. Штылевой и О. И. Ключко и ориентирована на изучение промежуточных результатов гендерной социализации школьников. Вопросы анкеты подразделяются на 4 группы. Первая группа вопросов ориентирована на выявление содержания гендерных представлений, идеалов и стереотипов, вторая — на выяснение представлений о дифференциации деятельности по половому признаку и ее содержание, третья группа посвящена познавательным интересам и предпочтениям, а четвертая — планам на будущее. Данные, полученные с помощью анкеты, как правило, сравниваются по половому и возрастному признакам, что позволяет определить содержание и динамику изучаемых показателей. В нашем случае исследовалась монополовая (девичья) группа респондентов. Качественный анализ каждого показателя социализации выполнен по следующим признакам: традиционность/современность (относительно гендерных стереотипов); наличие/отсутствие гендерной дифференциации; ведущие факторы и источники гендерной социализации.

Полученные результаты являются промежуточными по нескольким основаниям: одна анкета как инструмент дает ограниченное число данных, необходимо сравнение результатов с представлениями старших школьников с целью определения устойчивости и динамики. Исследование не претендует на полноту изучения всего спектра гендерных представлений девочек-подростков. Тем не менее, данные, полученные при опросе учащихся 5-х классов, позволяют зафиксировать некоторые особенности содержания представлений девочек-подростков по ряду вопросов и в том числе о семье:

— Образы обоих родителей являются положительными, в большинстве случаев

рассматриваются ими как образцовые; и мать, и отец являются самыми близкими для девочек людьми.

— Диапазон совместных с родителями видов деятельности разнообразен, однако совместный с матерью труд является преимущественно обслуживающим, совместный с отцом — коммуникативно-развлекательным, что подтверждает сохранение гендерной асимметрии видов деятельности в семье

— Воспринимаемые девочками качества родителей также асимметричны: качества матери описываются подробнее, и она значительно чаще рассматривается как образец.

Таким образом, одним из важнейших результатов социализации девочек-подростков следует считать сформированные представления о семье — образах родителей, их значимости, распределении ролей и функций в семье. Прежде всего, хочется отметить, что именно члены семьи отмечены как самые близкие люди для девочек — мать (88%), отец (73%), брат (38%), сестра (37%). Гораздо реже в качестве значимых отмечали — бабушку (17%), подругу, друзей (9%), классного руководителя (3%). На наш взгляд, полученные данные вполне типичны, характерны для девочек своего возраста, которые только три месяца назад поступили в закрытый пансион и находятся в процессе адаптации в образовательной организации. Скорее всего, значимость родителей повышается в ситуации разлуки, для подавляющего числа девочек такая длительность расставания с ними происходит впервые. Вопрос о семейных (домашних) обязанностях девочек для изучения гендерной социализации принципиальный, поскольку фиксирует не только дифференциацию ролей и труда в семье, но и тот вклад, который осуществляют дети в семейное благополучие. Наиболее распространенные обязанности девочек связаны с уборкой: уборка в квартире, доме, комнате (49%), мыла посуду (42%), мыла пол, коридор (15%), пылесосила (12%), ухаживала за домашними животными (7%), выносила мусор (3%), стирала белье (21%), прибирала у себя в вещах (14%), вытирала пыль (13%), подметала пол (14%), застилала постель (9%). Другие обязанности обслуживающего типа встречаются реже: приготовление пищи (14%), поливала цветы (3%), гладила вещи (5%), ходила в магазин (2%), собирала с грядки овощи (1%), убирала снег (1%).

Как отдельные обязанности выделились забота о младших, но проявлялись она редко: играла с братом, племянницей (3%), помогала брату с учёбой (1%), и функции помощи — помогала маме (4%), помогала родным (1%), помогаю во всём (1%).

5% девочек в качестве домашних называли дела в пансионе — в пансионе я складываю вещи, мою раковину, мыльницу, помогаю девочкам в уборке, убираюсь, стираю свою одежду, организация дежурства, протираю пыль в ящиках, убираюсь.

2% девочек обозначили свои обязанности обобщенно — все делаю, все домашние обязанности (1%). И 2% девочек отнесли к домашним обязанностям свои занятия — рисую, делала уроки.

Таким образом, диапазон семейных (домашних) обязанностей девочек чрезвычайно типичен, тем не менее, сравнение с данными прошлых лет показывает меньшую интенсивность этих обязанностей.

Литература

1. *Гендерная психология и педагогика: учебник и практикум/под ред. О.И. Ключко. М.: Юрайт, 2017.*
2. *Штылева Л. В. «Традиционные ценности» и цели гендерной социализации молодежи в из-*

Е. Б. Петрушихина

г. Москва Российский государственный гуманитарный университет

Связь гендерной идентичности и уровня развития морального сознания у студентов различных профессиональных групп

Исследование развития морального сознания имеет давнюю историю. В своих работах данной проблеме уделяли внимание отечественные и зарубежные психологи, представители различных теоретических школ.

Одним из наиболее влиятельных в изучении обсуждаемого вопроса является когнитивный подход. Он включает в себя глубокие и обширные исследования психологических закономерностей морального развития человека. Когнитивные теории описывают моральное развитие как поступательный, динамический процесс. Основы когнитивного подхода заложил Ж. Пиаже и Л. Колберг. В их работах главная роль отводится моральному мышлению и суждениям, которые выступают в качестве критериев уровня развития морального сознания.

Концепция, разработанная Ж. Пиаже и Л. Колбергом, продолжает оставаться фундаментом, на котором разрабатываются и внедряются в образование программы, посвященные моральному воспитанию. Однако исследователи указывают на существенный недостаток когнитивного подхода — он не уделяет достаточного внимания мотивационному компоненту морального поведения [2].

Известной альтернативой нормативному когнитивному подходу выступает концепция К. Гиллиган. В основе воззрений К. Гиллиган лежит принцип заботы, что означает проявление эмпатии к другому человеку, к его потребностям, чувствам и переживаниям. Согласно К. Гиллиган, у людей существуют устойчивые типы моральной ориентации, в частности, она выделяет нормативный и эмпатийный типы моральной ориентации. Нормативный тип подразумевает наличие установки на соблюдение прав каждого человека и достижение справедливости. Эмпатийный тип включает в себя установку на благополучие каждого человека и проявление заботы. В определении типа моральной ориентации большую роль играют гендерные различия. Для мужчин наиболее характерным типом является нормативный, для женщин — эмпатийный.

В качестве критики эмпатийного подхода можно указывается его недостаточная проработка в эмпирическом плане. Однако выделение двух типов моральной ориентации, стимулировало дальнейшие творческие поиски ученых, направленные на открытие новых интегративных подходов к моральному развитию. Благодаря К. Гиллиган весьма распространенными стали исследования гендерных характеристик личности как фактора развития морального сознания [2]. Нам представляется весьма актуальным изучение гендерной идентичности в ее связи с другими социально значимыми характеристиками личности, совокупно обуславливающими уровень развития морального сознания. Например, имеет смысл рассмотреть гендерную идентичность в соотношении с профессиональной принадлежностью так как одной из сфер гендерной социализации является профессиональная деятельность.

С учетом сказанного была сформулирована цель нашего исследования, которое было посвящено выявлению связи между гендерной идентичностью и составляющими морального сознания у студентов разных профессиональных групп.

Выборку исследования составили 46 студентов-юристов и 44 студента-психолога из трех вузов Москвы (РГГУ, МГЮА, МПГУ). Подвыборки психологов и юристов были уравнены по числу юношей и девушек, все студенты обучались на 4 курсе.

Методики исследования. Для определения уровня развития моральных суждений использовался опросник С.В. Молчанова «Справедливость-Забота» [1]. Гендерная идентичность определялась по методике С. Бэм. При обработке данных были использованы методы корреляционного анализа по Пирсону. Достоверность различий между средними величинами показателей оценивалась по t-критерию Стьюдента.

Получены следующие результаты.

Во-первых, следует отметить, что студентам обеих профессиональных групп свойствен высоки уровень развития морального сознания, как по принципу справедливости, так и по принципу заботы. Однако есть и некоторые различия между психологами и юристами. Так, например, юристы в большей степени склонны ориентироваться на власть авторитетов и на мнение ближайшего окружения. В то же время психологи больше привержены идеям социального закона как формам построения общества и более ориентированы на развитие социального контакта с учетом прав личности.

Если говорить о шкале заботы, то оказывается, что юристы в меньшей степени склонны защищать права других на основе учета интериоризованных ценностей.

В ходе исследования также было выявлено, что студенты-психологи и студенты-юристы являются андрогинными. Однако в уровне андрогинности имеются значимые различия.

Студенты-психологи имеет большую склонность к проявлению феминных признаков по сравнению со студентами-юристами. Возможно, это связано с тем, что в профессии юриста феминные черты, например, умение сочувствовать, поддерживать, понимать других не так значимы, как в работе психолога.

Анализ корреляционных связей между характеристиками гендерной идентичности и параметрами морального сознания показал следующее.

Связь между гендерной идентичностью и моральными суждениями существует, но она имеет свою специфику в различных профессиональных группах. В группе юристов более высокие показатели морального сознания соответствуют более высоким значениям основного индекса гендерной идентичности. Это свидетельствует о том, что рост феминности сопряжен с ростом уровня морального сознания.

У психологов корреляционная зависимость имеет негативный характер: более высокие значения основного индекса гендерной идентичности связаны с более низкими показателями, характеризующим уровень моральных суждений.

Как интерпретировать содержание этой связи? Можно сказать о том, что у психологов рост маскулинности ведет к большей выраженности власти авторитетов и большей ориентацией на собственные интересы. Иными словами, маскулинным психологам более свойственны моральные суждения, относимые к самому низкому уровню морального сознания и по измерению «Справедливость», и по измерению «Забота». Ту же саму мысль можно сформулировать иначе: рост феминности обуславливает меньшую частоту высказываний, свойственных низшим уровням морального сознания.

Проведенное исследование позволяет сделать, на наш взгляд, два важных вывода.

1. Гендерная идентичность связана с характеристиками морального сознания в разных профессиональных группах.

2. Феминность является позитивным фактором, обуславливающим более высокие показатели моральных суждений в разных профессиональных группах.

Литература

1. Молчанов С. В., Маркина О. С. Динамика моральной ориентации в младшем подростковом, старшем подростковом и юношеском возрасте [Электронный ресурс]//Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/4/Molchanov_Markina.phtml (дата обращения: 20.04.2018)

2. Новикова Л. М. Гендерные особенности морального сознания молодежи. Автореферат канд. дисс. М. 2007.

И. В. Солодникова

г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет

В. В. Солодников

г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Гендер и статусы личностной идентичности

Понятие идентичность личности ввел в научный оборот Э. Эриксон. Авторские определения этого понятия размыты, неясны. Подобная ситуация достаточно распространена в рамках психоаналитической традиции в психологии.

В полном соответствии с «психоисторией» (научным направлением, которое продвигал автор) факты биографии ученого послужили источником созданной им концепции [3]. Е. Эриксон родился 12 мая 1902 г. в Дании, считал себя ровесником века и непосредственным наблюдателем происходивших в Европе перемен. Своего отца он не знал. Когда Эрику было два года, его мать переехала в Германию, где вышла замуж за педиатра по фамилии Гомбургер. Эту фамилию и стал носить будущий ученый. Эрик унаследовал от матери любовь к философии и искусству.

Будущий ученый отправился путешествовать в качестве странствующего художника. Оказавшись в Вене, он стал преподавать рисование детям Венской школы, организованной Анной Фрейд (дочерью З. Фрейда). Там он вступил в психоаналитическое общество — небольшой круг людей различных профессий, которые в свободных беседах и обсуждениях осваивали психоанализ. Получив диплом Венского психоаналитического общества, Эрик Гомбургер в 1933 г. покидает Германию, где активизировалась деятельность нацистов. После некоторых скитаний он оказался в Бостоне и стал сотрудником Психологического института Гарвардского университета. Следствием переезда в Америку и принятия американских жизненных ценностей стала смена фамилии с *Homburger* на *Erikson* (дословно — «сын Эрика»). Она звучит по-скандинавски, и подчеркивает, что он «self-made man», что является одной из ведущих ценностей американского общества. Умер Э. Эриксон 12 мая 1994 г. в США.

Сам исследователь относил себя к вечным «чужакам»: в Германии он был датчанином, в странствиях по Европе и Венской психоаналитической школе воспринимался как свободный художник, в Америке он был немцем. Э. Эриксон понимал, что такова была судьба многих представителей его поколения. Приход нацистов к власти в Гер-

мании, и последовавшая за этим Вторая мировая война создали мощные миграционные потоки 1930-х и 1940-х годов в странах Европы и США. Они породили феномен «вырванности корней», послуживший Э. Эриксону толчком к формулированию его научных идей. Центральным понятием его концепции стала идентичность, которую он понимал как субъективное чувство и объективно наблюдаемое качество личной самоидентичности и постоянства, соединенное с верой в тождественность и постоянство картины мира, разделяемой с другими людьми.

Это понятие, введенное Э. Эриксоном, оказалось чрезвычайно «востребованным» другими исследователями, и является одним из наиболее изучаемых в современной социальной психологии.

Первым конкретизировал понятие идентичности Дж. Марсиа [5]. Он на основе проведенных биографических интервью с молодыми мужчинами, выделил четыре статуса идентичности — навязанный статус идентичности (Identity Foreclosure), мораторий идентичности (Identity Moratorium), сформированный статус идентичности (Identity Achievement) и диффузный статус идентичности (Diffusion). Они были выделены на основании наличия или отсутствия кризиса идентичности в юности и наличия/отсутствия укорененности в жизни.

Рассмотрим выделенные статусы идентичности личности более подробно.

Люди с навязанным статусом идентичности, по мнению автора, не переживали кризис. Однако у них есть укорененность в ценностях, которые они усвоили от родителей, семьи, в которой выросли. Их главной жизненной ценностью является безопасность, которую дает, в первую очередь, родительская или собственная семья.

Представители статуса мораторий идентичности находятся в кризисе, продолжают оценивать различные возможности формирования своей жизненной стратегии. Они еще не сформировали укорененность в жизни. Поэтому их ведущей ценностью становится экспериментирование, исследование различных жизненных альтернатив.

Люди, имеющие сформированный статус идентичности, пережили кризис, сформировав собственную уникальную идентичность, найдя индивидуальные пути для укоренения в жизни. Их ценностью становится независимость, в первую очередь экономическая.

Имеющие диффузный статус идентичности не переживали кризиса, их идентичность спутанная, незрелая. У них нет укорененности в жизни. Поэтому для них главной ценностью становится принадлежность (другу, религии, организации).

Далее, проведя количественный анализ выраженности личностных черт (тревожность, психологическое благополучие и др.) представителей разных статусов идентичности Дж. Марсиа обнаружил, что мужчины, относящиеся к группам мораторий идентичности и сформированному статусу идентичности, имеют лучшие показатели психологического здоровья, чем представители навязанного статуса и диффузного.

Используя тот же гайд биографического интервью Р. Джосселсон [4] провела лонгитюдное исследование женщин. При первом замере они были студентками колледжа. Второй замер состоялся спустя 10–12 лет. Ее исследование показало, что у женщин обнаруживаются те же статусы идентичности, что и у мужчин.

В дальнейшем проводились исследования различных психологических качеств личности, в том числе психологического благополучия, у женщин. Оказалось, что лучшие показатели по различным параметрам, связанным с психологическим благополучием, имели представительницы групп с навязанным и сформированным статусами идентичности. У женщин, относящихся к статусу мораторий и диффузному, эти показате-

ли были ниже.

Таким образом, было уточнено представление Э. Эриксона об идентичности личности, в том числе показана гендерная специфика ее социально (не)успешных типов посредством положительного подкрепления окружающими социального экспериментирования мужчин и следования социальным нормам женщин. Исследования Дж. Марсии и Р. Джосселсон проводились в 70-х годах XX в. в США. Они носили качественный характер, и распространенность статусов идентичности среди генеральной совокупности (населения США) не оценивалась.

Одной из целей дипломных исследований студентов, проведенных под руководством одного из авторов, было оценить распространенность статусов личностной идентичности среди московских студентов. Для этого применялся специальный опросник [1], направленный на выявление профессиональных статусов идентичности. Правомерность применения этой методики основана на том, что выделение статусов базируется на подходе Дж. Марсии. В исследовании приняли участие 40 девушек и 40 юношей студенческого возраста.

В результате проведенного исследования было обнаружено, что модальным для юношей и для девушек (соответственно — для 19 и 26) оказался статус личностной идентичности — мораторий. Этого следовало ожидать, поскольку именно в профессиональном плане период студенчества в значительной степени является «психосоциальным мораторием» (Э. Эриксон), когда возможности практического освоения профессиональных ролей ограничены, а принятие первичного решения о выборе трудовой карьеры откладывается до завершения обучения. Особенно ярко это проявляется у девушек.

Вторым по распространенности оказался сформированный статус идентичности (18 юношей и 11 девушек). Примечательно, что среди студентов с данным статусом идентичности больше юношей, чем девушек. Они чаще формируют уже в студенческом возрасте зрелую, индивидуальную идентичность. Вместе с тем примечательно, что эти два статуса идентичности практически с равной вероятностью встречаются у юношей, т. е. даже в условиях ограниченной возможности практической апробации профессиональных ролей значительная часть из них отчетливо ориентирована на финансовое благополучие и сформировала устойчивый образ своего Я (прежде всего, применительно к своей трудовой занятости и выбору профессии).

Небольшое количество студентов продемонстрировало неопределенный статус идентичности (3 девушки и 2 юноши). У этих молодых людей пока идентичность незрелая, они готовы «плыть по течению», продолжая обучение.

В нашей выборке не оказалось студентов с навязанным статусом идентичности. Полученный результат не вполне очевиден, поскольку известно, что в условиях современной России (впрочем, как и раньше) родители стремятся активно влиять на выбор профессиональной карьеры детей, в частности выбор ВУЗа и факультета. С другой стороны, радикальные социально-экономические преобразования, начавшиеся в России с «перестройкой», в значительной степени изменили (и продолжают менять) рынок труда. «Застой», с помощью которого характеризовалась макросоциальная ситуация позднего СССР задавал необходимость трансляции опыта поколения родителей поколению детей. Изменившиеся «правила игры», скорее, привели к обратной ситуации, что в терминах М. Мид [2] можно было бы описать, как переход от «пост-«к «префигуративной» культуре. Не исключено, что в этой ситуации сегодняшние студенты (по крайней мере та их часть, которая ориентирована на по-

лучение социально-гуманитарного образования) субъективно переживают устранение родителей от совершаемого ими предварительного профессионального выбора (ВУЗа, факультета и т. п.).

В целом особенности полученных локальных результатов могут быть связаны с различными взаимодополняющими уровнями объяснения:

- Историко-культурный контекст проведенных исследований (70-е годы XX в. в США и 20-е годы XXI в. в России).

- Использование качественной и количественной методологии. Возможно, количественные данные (с заданным алгоритмом их обработки) оказались более «грубыми» по сравнению с экспертной оценкой исследователем материалов биографических интервью.

- Отсутствие контроля социальной желательности ответов на вопросы. Не исключено, что согласно современным российским социокультурным нормам, российские студенты стремятся позиционировать себя, как более зрелых и самостоятельных людей, минимизируя роль родителей и других значимых взрослых в их профессиональных выборах.

Представляется, что идентичность личности (в том числе ее гендерная специфика) нуждается в дальнейшем изучении применительно к разным этапам жизненного пути человека с использованием взаимодополняющих методологических подходов.

Литература

1. Грецов А. Г., Азбель А. А. *Психологические тесты для старшеклассников и студентов*. СПб.: Питер, 2012.
2. Мид М. *Культура и мир детства*. М.: Наука, 1988.
3. Evans, R. I. 1969. *Dialogue with Erik Erikson*. New York: E. P. Dutton.
4. Josselson, R. 1987. *Finding herself (pathways to identity development in women)*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
5. Marcia J. E. 1980. *Identity in adolescence*. — In *Handbook of adolescent psychology edited by J. Adelson*. New York: Wiley.

А. М. Чеснокова

г. Санкт-Петербург, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Доступ социальных пользователей к объектам женского благополучия в условиях мегаполиса

Актуальность представленной темы обусловлена необходимостью изучения особенностей формирования и развития быстроразвивающегося городского пространства и происходящих в нем социальных процессов. В городе как системе капиталистических хозяйствований в процессе взаимной социальной деятельности и практики обмена информацией складывается неравномерное распределение социальных благ, устанавливающее границы между жителями мегаполиса и объектами доступа социального благополучия.

Объектом проведенного исследования явилось городское пространство мегаполиса Санкт-Петербурга.

Предметом исследования выступили сформированные концентрические город-

ские зоны доступа к социально-культурным благам женщин.

Главной целью данной работы ставилось изучение особенностей формирования концентрических зон гендерного доступа к социальному благополучию в условиях городского пространства современного мегаполиса.

Основным теоретико-методологическим подходом в исследовании выступил разработанный в рамках чикагской школы социологии экологический подход, изучающий городское пространство со всеми его многообразными связями.

Научная новизна данной статьи заключается в выдвинутом предположении о том, что в условиях современного мегаполиса существуют концентрические городские зоны доступа к социально-культурным благам, выделенным по гендерному критерию.

Жизнедеятельность горожан отличается сложностью многообразных связей, большим охватом населяемой территории и постоянно увеличивающимся количеством потребностей, требующих сатисфакции. В таких условиях главной для человека целью становится достижение благополучия, в частности социального, к которому относится обеспеченность в доступе к удовлетворению естественных социальных благ.

Если обратиться к мегаполису, то можно заметить, что он имеет тенденцию изменяться с течением времени, расширяться и изменять свою внутреннюю структуру [4]. На данные процессы оказывает влияние проживающее в нём население, которое вследствие миграции и естественного прироста ежегодно увеличивается. Однако само городское пространство не имеет возможности к быстрому перестроению и обновлению, в результате чего происходит ситуация, когда его строение не отвечает постоянно нарастающим потребностям его жителей. Таким образом, в среде мегаполиса формируются зоны, где концентрируются определённые точки доступа к тем или иным социальным благам [1]. Данный процесс обостряет неравенство между гражданами, что способствует усилению социальной стратификации общества [5].

Санкт-Петербург — российский мегаполис, состоящий из 18 районов и отличающийся наличием крупных деловых, культурных, финансовых и транспортных центров. Согласно сведениям Петростата на 1 января 2018 года его население составляет 5,351 млн. человек, из которых примерно 45% — мужчины и 55% — женщины [6]. В городе заметно преобладает молодёжь (22%) и люди среднего возраста (от 30 до 50 лет — 30%).

Для изучения социального благополучия были рассмотрены объекты социальных благ, образующие доступ к решению вопросов по удовлетворению нужды в здоровье и родовспоможению (женские консультации, родильные дома, клиники и т.п.), пользующиеся спросом только у женской половины населения.

В данном исследовании объекты социальных благ были приняты за точки доступа к социальному женскому благополучию. При этом женское население мегаполиса рассматривалось в качестве социальных пользователей, использующих объекты социальных благ.

Информационной базой проведённого в Санкт-Петербурге исследования выступил анализ распределения женских объектов социальных благ (далее по тексту — точек доступа), осуществлённый с помощью поисковых служб (Яндекс и Гугл карты, Интернет-каталоги медицинских организаций).

В первую очередь, необходимо было сопоставить количество женского населения с площадью районов, в которых они проживают. Самая высокая плотность социальных пользователей наблюдается в центральной части города (Адмиралтейский, Василеостровский, Центральный район), что связано с их относительно небольшой

территорией, а также там, где присутствует высокий процент женского населения (Калининский, Фрунзенский). И, напротив, наименьшая представлена в районах, располагающих большой площадью, таких как Курортный, Петродворцовый, Пушкинский.

При изучении расстояния до объектов женского благополучия была проанализирована их удалённость от транспортных узлов, к которым относятся станции метро (как один из самых быстрых видов транспорта в городе) и железнодорожные станции в пригородных районах мегаполиса. Так обнаружено, что в районах, где метрополитен развит хорошо (Адмиралтейский, Московский, Петроградский), количество учреждений гораздо больше, а длина маршрута короче. Кронштадтский, Курортный, Петродворцовый районы достаточно отдалены от центра города и крупных транспортных узлов, поэтому число объектов женского здоровья в них ограничено, и средняя дальность маршрута возрастает.

Важно было определить концентрацию объектов женского благополучия. В районах, где их количество небольшое (Калининский, Красносельский, Петродворцовый), на одно учреждение приходится до 40 тысяч человек, что заметно усложняет возможность пользования услугами и равный доступ к ним. Хорошая обеспеченность центрами здоровья наблюдается в Адмиралтейском, Василеостровском, Петроградском районах. Самая высокая плотность объектов женского благополучия представлена в Кронштадтском районе, что связано с его небольшой территорией, немногочисленным населением и наличием всего одного данного учреждения.

В ходе проведённого исследования было выявлено, что зоны доступа к социальному благополучию распределены в городском пространстве неравномерно, нет одинакового доступа социальных пользователей к ним. Центры социальных благ сконцентрированы в районах с хорошо развитой транспортной инфраструктурой (близостью к метро) и центрами деловой и культурной активности, что ограничивает женское население города, делая невозможным его равное удовлетворение социальной нужды в здоровье как способе достижения социального благополучия. Таким образом, в результате неравномерного распределения социальных благ существует риск возникновения сегрегации и социальной изоляции жителей районов мегаполиса.

Доступ к социально-культурным благам можно сравнить с фрагментацией файлов на жёстком диске, что мешает социальному благополучию городского населения, и может привести к угрозе образования «бэд-блоков». Исходя из этого, необходимо освободить каналы доступа к социальному благополучию: обеспечить дефрагментацию пространства мегаполиса.

Литература

1. Бёрджесс Э. У. *Рост города: Введение в исследовательский проект/Чикагская социология: Сб. переводов/Сост. и пер. Николаев В. Г.; Отв. ред. Ефременко Д. В. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии, 2015. С. 20–34.*

2. Вебер М. *История хозяйства. Город/Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.*

3. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура/Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.*

4. Лефевр А. *Производство пространства/пер. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.*

5. Муфтахова А. Н. *Социальная стратификация современного мегаполиса в жилищной сфере (на примере Санкт-Петербурга)//Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений памяти В. Б. Голофаства, 3–5 апреля 2017 г.*

СПб.: Норма, 2017. С. 184–198.

6. Численность населения Санкт-Петербурга в разрезе муниципальных образований на 1 января 2018 года//Петростат [Электронный ресурс]. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/04405880452cea24a89efec4d78fa45b/СПб+числ+на+01.01.2018+по+МО+в+чел.pdf (дата обращения 23.04.2018).

А. А. Сазонов

г. Москва, Российский университет транспорта (МИИТ)

Структура досуга юношей и девушек в различных регионах России как показатель уровня и качества жизни

Важным показателем уровня и качества жизни людей является структура досуга. Анализ структуры досуга позволяет также судить об имущественной, региональной и поселенческой дифференциации в молодёжной среде.

Исследования по молодёжной проблематике, проводимые автором на протяжении более чем 15 лет с использованием в инструментарии ряда идентичных блоков вопросов позволяют наблюдать и фиксировать структуру молодёжного досуга практически в мониторинговом режиме.

Блок вопросов, посвящённый досугу, включал набор из 16 наиболее распространенных видов молодёжной досуговой деятельности (см. табл. 1) и шкалу с альтернативами: 1. Постоянно; 2. Часто; 3. Редко; 4. Хотел бы, но не имею возможности; 5. Никогда, и не хотел бы это делать.

На основании эмпирических данных можно утверждать следующее.

Сегодня полноценная реализация досуговых потребностей в соответствии со своими наклонностями далеко не всегда возможна для значительной части молодых людей.

Таблица 1. Каким образом Вы проводите свое свободное время?

Вид деятельности
1. посещаю театры, концерты
2. посещаю музеи, выставки
3. смотрю телевизор, видео
4. хожу в кино
5. читаю
6. хожу в гости
7. езжу за город, на природу
8. занимаюсь религиозной деятельностью
9. занимаюсь физкультурой, спортом
10. занимаюсь художественным творчеством
11. посещаю рестораны, бары
12. посещаю дискотеки

13. посещаю клубы по интересам
14. «сиду в internet»
15. занимаюсь туризмом в пределах страны
16. занимаюсь зарубежным туризмом
17. другое

Доминирующими видами досуга у большей части современной российской молодёжи являются наиболее дешёвые. На первом месте — просмотр TV и видео (постоянно и часто этим видом занимают свой досуг примерно 60% молодых людей, 15 лет назад было на 10–12% больше), а также Интернет, число пользователей которого стремительно выросло с четверти до более чем 2/3, а в больших городах до 90%. Второе и третье места, в структуре досуга, занимают чтение и посещение друзей, близких — 53–58% и 50%-52, соответственно. Эти же виды, как наиболее доступные, занимают последние места по количеству отметивших четвертую альтернативу — «хотел бы, но не имею возможности».

В следующую группу видов досуга по распространенности в молодёжной среде входят более затратные, а, следовательно, и менее популярные: посещение кинотеатров, поездки походы «на природу», занятия физкультурой и спортом, в городах ещё посещение дискотек. Этими видами постоянно и часто занимаются от трети, до 40%. Более 30% (горожане, представители дифференцированных групп с высоким уровнем среднедушевого дохода) часто или постоянно посещают рестораны, бары.

Интеллектуальными видами — посещение театров, музеев, занятия художественным творчеством занимается незначительная часть российской молодёжи — (постоянно и часто) не более 10% в целом, до 15% в больших городах, соответственно, гораздо меньше в городах малых и в деревнях. Впрочем, это относится и к чтению. Когда-то мы были самой читающей страной. При колоссальных тиражах общество испытывало книжный голод. Сегодня же более трети молодых читают редко, а 12–15% вообще не читают. К тому же качество потребляемого «чтива», в большинстве случаев, оставляет очень желать лучшего.

О неудовлетворенности сферой досуга, ввиду недоступности для значительной части молодёжи многих её видов, свидетельствует выбор респондентами четвертой альтернативы (практически не изменяющийся показатель на протяжении многих лет): около 40% опрошенных хотели бы, но не имеют возможности заниматься туризмом в пределах страны и более 40% зарубежным туризмом; более чем каждый четвертый хотел бы, но не может заниматься художественным творчеством; около 20% не имеют возможности посещать театры, музеи, выставки и концерты; примерно каждый пятый не может позволить себе занятия физкультурой и спортом; почти четверть хотели бы посещать клубы по интересам, но также не имеют такой возможности; даже простая поездка за город, «на природу» недоступна для каждого седьмого молодого россиянина.

Рассматривая проблему досуга молодёжи, надо иметь ввиду некоторые соображения, которые эту проблему обостряют.

Проведение большей части своего свободного времени у телевизора или компьютера (самые распространенные виды досуга) имеет гораздо больше негативных, чем позитивных последствий для здоровья молодых людей и формируют условия для деви-

антного поведения, т.к. львиная доля нынешних телепередач и видеоматериалов приходится на крайне низкопробную продукцию (о чем уже упоминалось). В результате формируется делинквентные типы поведения, стимулируются психические заболевания, гиподинамия и пр.

Занятия спортом, по большей части, сводятся к самым простым формам физкультуры (что само по себе является, безусловно позитивным моментом), т.к. занятия в секциях стоят достаточно дорого, а бесплатных мало. Дорого стоит и приличное спортивное снаряжение.

Также практически отсутствуют бесплатные музыкальные и хореографические школы, изостудии, художественные кружки и т.п., а те, что есть, имеют ограниченный спектр форм и направлений. Поэтому и занятия художественным творчеством, в соответствии со своими наклонностями, опять же доступны далеко не всем желающим.

Что же касается туризма, то он, по большей мере самодеятельный, т.е. самый дешевый. Организованные турпоходы и поездки, познавательные экскурсии также дороги.

Таким образом, очевидно, что в молодёжной среде, как и во всём российском обществе, фиксируется достаточно заметная имущественная дифференциация, проявляющаяся в «дорогих» видах досуговой деятельности — путешествия, дорогие виды спорта, напр., сёрфинг, дорогие курорты, увлечения (опять же) дорогими автомобилями и пр.

Литература

1. Быкова Д. Г., Быков М. Ю. Особенности воспроизводства человеческого капитала в социальном институте семьи. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 2 (22). С. 167–172.

2. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития: монография/Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л./под ред. А. А. Сазонова. Москва, Издательский дом «Наука», 2013.

3. Сазонов А. А. Структура досуга современной молодежи. Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 182–188.

4. Сазонова А. Л. «Любовь» как социокультурный феномен в жизни современных россиян. ПО-ИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 4 (63). С. 137–153.

5. Сазонова А. Л. Протестный потенциал московской молодежи в контексте социальной политики Правительства Москвы. Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 1. С. 112–118.

Е. В. Самосадова

г. Саранск, Мордовский Государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева

Образ гендерных отношений учащейся молодежи провинции

В последние годы наблюдается возрастающий интерес к гендерной психологии, малоисследованным разделом которой является психология гендерных отношений. Большой вклад в изучение гендерных отношений внесли психологи Т. В. Бендас, Ш. Берн, И. С. Клецина, О. И. Ключко и др.

И. С. Клецина отмечает, что гендерные отношения — это различные формы взаимосвязи людей, как представителей определенного пола, возникающие в процессе их совместной жизнедеятельности [3, с. 8]. Автор выделяет виды гендерных отношений и дает им соответствующую гендерную характеристику: 1) социально организованные

отношения на уровне общества, между государством и гендерными группами характеризуют через гендерные представления; 2) отношения между разными гендерными группами — гендерные стереотипы; 3) отношения между субъектами разного пола — гендерные установки; 4) отношение личности к самой себе как представителю определенного пола — гендерные идеалы [3, с. 18].

Т. В. Бендас изучает гендерные отношения в детских и взрослых группах в 3 взаимосвязанных направлениях: организации взаимодействия и общения полов (гендерная сегрегация — конвергенция полов), различиях между полами в личностных характеристиках и социальном поведении, гендерные отношения внутри пола и между полами (конфронтация полов или их гармоничных взаимоотношениях) [1, с. 276].

И. С. Клецина выделяет во всем многообразии содержательных характеристик межполовых отношений две альтернативные модели: партнерская и доминантно-зависимая модели отношений. В первой модели — партнерские отношения характеризуются направленностью участников взаимодействия на согласование целей, интересов и позиций друг друга. Противоположная модель — доминантно-зависимая модель отношений не предполагает равноправия позиций: одна сторона занимает доминантную позицию, другая — подчиненную, зависимую [3, с. 19].

О. И. Ключко осуществила анализ исследований гендерного образа Я в гендерной психологии личности, где он понимается как компонент самосознания личности, процесс и результат осознания себя как представителя определенного пола; представление о своей мужественности/женственности; образы своих гендерных ролей; образы своих родителей, представления о собственной сексуальной активности; смысложизненных ориентаций; представления о себе как о друге [2].

Анализ психологической литературы по изучаемой проблеме [1, 2, 3] свидетельствует о многообразии используемых методов диагностики гендерных отношений: наблюдение за общением и за игровой деятельностью детей, метод контент-анализ (сочинение), беседа, интервью, метод фокус-группы, анкета, проективные методики, опросники.

Используя метод фокус-группы, нами было проведено исследование по изучению образа гендерных отношений у студентов 1–4 курсов факультета психологии и дефектологии МГПИ имени М. Е. Евсевьева. В исследовании приняло участие 55 учащихся, будущих психологов и логопедов в возрасте 18–20 лет, 50 девочек и 5 мальчиков, проживающих на территории Республики Мордовия.

На первом этапе студентам было предложено графически изобразить образ общения и написать свой девиз коммуникативных отношений, после чего проводилась дискуссия по группам. При изучении графического образа были получены следующие результаты.

1. Все учащиеся с удовольствием и интересом работали над созданием образа общения. В ходе обсуждения испытуемые были единогласны в вопросе важности процесса общения для личности испытуемого.

2. Нами отмечается, что при создании образа участники воспользовались цветными карандашами, где доминирующими цветами в рисунках являлись — голубой, розовый, синий, зеленый, красный, что свидетельствует о положительных эмоциях учащихся. В своей интерпретации нами использовалась обработка проективных методик (Тест Люшера, Три дерева).

3. В процессе анализа нами были выделены 4 (7,3%) работы абстрактного характере-

ра с изображением сложных геометрических фигур и 2 (3,6%) работы, изображающие природные стихии (морские волны и сильный ветер), а на 6 (10,9%) рисунках изображения представлены стилизовано, что не дает возможность определить половую принадлежность фигур.

4. При анализе качественных показателей отношений между субъектами разного пола и отношений личности к самой себе как представителю определенного пола у 37 (67,3%) студентов в графическом рисунке образы общения имеют выраженный характер гендерных отношений.

5. В ходе дискуссии девушки отстаивали позицию партнерских отношений с молодыми людьми: на рисунках изображались держащиеся за руки пары и т.п. В то же время, в сложной или конфликтной ситуации они предпочитали занимать зависимое от мужчины положение. Подавляющее большинство молодых людей, наоборот, предпочитают занимать доминирующую позицию в общении с девушками.

Таким образом, общение для студенческого возраста имеет важное значение, и у испытуемых преобладает положительный образ, который у большинства носит гендерный характер.

Литература

1. Бендас Т. В. *Гендерная психология: учебное пособие*/Т. В. Бендас. СПб.: Питер, 2005.
2. *Гендерная психология и педагогика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры*/под ред. О. И. Ключко. М.: Юрайт, 2018.
3. Клецина И. С. *Психология гендерных отношений: автореферат дис... д-ра психол. наук*. СПб., 2004.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-013-01207)

И. А. Серова

г. Пермь, Пермский государственный медицинский университет имени академика Е. А. Вагнера

О феминных и маскулинных фобиях (по материалам опросов учащихся Пермских вузов)

Великий русский философ В. В. Розанов точно сформулировал смысл гендерной методологии в понимании сущности социализации человека: «В поле — сила, пол есть сила» [1]. Какие концептуальные подходы сегодня индуцируют слабость пола, а какие его силу?

В России многим трудно согласится со стремлением освободить женщину от мужского взгляда на ее природу, с феминистскими перспективами жить в андрогинном обществе, где физиология человека не будет иметь никакого значения, ибо любое стремление забыть о физиологии самой же физиологией достаточно быстро уничтожается. Не хотелось бы, по определению, вариться в котле женской субкультуры и даже научиться властно говорить телом.

Очевидно, что андроцентризм и феминизм — крайности в гендерной методологии, но, как не странно, именно они концептуально доминируют в социальных ориентациях современного общества, индуцируя слабость пола, что доказывает социологическое зондирование гендерных настроений учащейся молодежи города Перми.

Опрос проводился по канве взглядов К. Юнга, полагающего, что в душе каждого

из нас присутствует и мужское и женское начало, соответственно, каждый испытывает маскулинные и феминные фобии. Мы попросили ответить респондентов на два вопроса: «Ваша маскулинная и феминная фобии?». В ходе опроса среди феминных мужских фобий зафиксированы — страх перемен, страх смерти, потеря близких, бездетность, одиночество, возможность подвергнуться физическому насилию, ненависть к себе. Маскулинные мужские фобии более очевидны — это несостоятельность всех видов (сексуальная, финансовая, профессиональная), предательство друзей и женщин.

Большая часть опрошенных женщин в качестве феминных фобий обозначает либо одиночество, либо страх потерять привлекательность для мужчин, что, по сути, одно и то же. На втором месте — бездетность, далее — потеря близких, страх родить ребенка с отклонениями, заболеть неизлечимой болезнью, попасть в авиакатастрофу, рано умереть. Интересно, что в ответах студенток юридического факультета проявляется озабоченность качеством материнства: они в одинаковой степени боятся бездетности и неспособности стать хорошей матерью. Врачи об этом уже не думают, потому, что быть хорошей матерью из-за непомерной профессиональной нагрузки в современных условиях врачу невозможно. Не случайно, дети бюджетников последнее время социальными работниками рассматриваются как «беспризорники». Измены, разводы, лишний вес, роды, «необходимость жить с нелюбимым» еще пугают студенток юридического факультета, врачей уже нет.

Маскулинные фобии женщин маловариативны. Для будущих врачей это — нищета, предательство любимого человека; для будущих юристов — неудача в карьере, безработица. Выявлены неординарные женские маскулинные фобии — страх плохо водить машину, «не стать ученой», сделать неправильный выбор, потерять интерес к работе.

Проведенные опросы дают материал для размышления над основными вопросами гендерных исследований:

1. Гендерная дискриминация в России — что это? Суть кризиса гендерной идентификации была удачно сформулирована Ортега-и-Гассетом, который считал, что мужчины сегодня не знают, каким идеалам они служат, а женщины — каких мужчин они выбирают. Если мы считаем, что женщина не человек, или она не женщина, или она сверхчеловек (в русском варианте), или она дополнение к мужчине, или она — самодовольное языкастое тело, то полярная противоположность полов исчезает, и вместе с ней исчезает эротическая любовь, основанная на этой противоположности. Соответственно, понятна и основная феминная фобия — одиночество, символизирующая слабость Пода. На наш взгляд, есть все основания считать одиночество гендерной дискриминаций, поскольку у женщин России право выбора достойного мужчины ограничено непрекращающимися последние сто лет социальными экспериментами. Известно, что до 18 лет в РФ умирает 5% мальчиков, с 18 до 40 — 15%, и с 40 до 60 — 30% мужчин, таким образом, до 60 лет не доживает половина родившихся в определенный год мужчин.

2. Как представлена этногендерная идентичность в обсуждении проблем гендерного равенства? Борьба полов привела к тому, что “мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса” (Э. Фромм). Гендерная методология, немыслимая на Западе вне парадигмы феминизма, в России вполне может носить антифеминистский характер, поскольку исторически на Западе женщина — не человек, а в России — сверхчеловек. Соответственно, ломка гендерных стереотипов на Западе опирается на идею равенства, а в России на идею партнерства, сотрудничества,

содружества, в идеале — «супружества».

3. Какие политические решения необходимы в России для искоренения гендерной дискриминации? Возможно, имеет смысл вспомнить Л. Фейербаха, который учил, что сущность мужчины и женщины раскрывается в любви, в ней — сила Пола. Видимо, гендерные качества диспозиционны по своей природе, т.е. возникают только в результате взаимодействия полов [2]. Мужчины и женщины в современной России живут в параллельных мирах: мужчины либо во властном или силовом центре, либо в основном по краям, а женщины в круге первом, втором, третьем... Для расширения спектра идеалов, которым служат мужчины, власть должна в разы поднимать зарплату в бюджетной сфере — базовой для любого общественного организма. Успешные интеллигентные мужчины альтернативные парадигме мачизма, как ни странно, нуждаются в нашей стране в социальной реанимации. Только деньги могут привести достойных мужчин в сферы здравоохранения, образования, науки и культуры, что автоматически снизит бюрократизацию и изменит духовную атмосферу в учебном, воспитательном, лечебном, оздоровительном, творческом процессах, а также разнообразит выбор партнеров для нескучного супружества — традиционного противоядия гендерной дискриминации в России.

Литература

1. Синявский А. Д. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. М., 1999. С. 90
2. Серова И. А. Практический опыт любви — суть гендерных отношений//Гендерные отношения и гендерная политика в вузе. Екатеринбург. 2003. С. 313–317.

С. М. Храмов

г. Брест (Республика Беларусь), Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Преодоление стереотипов в условиях гендерной асимметрии в Республике Беларусь

Введение. Обучение в вузах — наиболее популярный в обществе способ получения высокопрофессиональных знаний в выбранной сфере. Города, в которых находятся университеты, дают повышенные возможности для развития образовательной и научной мысли как женщин, так мужчин. «Университеты ... становятся мозговыми центрами нации» [2, с. 22].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на 1 сентября 2016 года в учреждениях высшего образования страны обучалось 313,2 тыс. студентов. К этому показателю необходимо прибавить еще порядка 10 тысяч обучающихся магистрантов. В общем количестве студентов и магистрантов почти 15000 — граждане других государств. На 10000 человек населения в Республике Беларусь — 330 студентов. Для сравнения: в Российской Федерации — 325 человек [1], в США — 644,7. Количество студентов, обучающихся в высших учебных заведениях США, 21 млн. [5]. Более 991 000 из них — иностранцы.

Некоторые предпочитают сначала поработать, а только потом поступить на заочную форму обучения. Не случайно почти половина (47%) всех студентов в Республике Беларусь — заочники [1].

Гендерная асимметрия. Начав обучаться в высшем учебном заведении, молодые

люди могут оказаться в ситуации гендерных асимметрий. Что это за понятие и насколько оно актуально для современного высшего образования?

В общем виде гендерную асимметрию можно представить, как непропорциональное соотношение представителей обоих полов в различных сферах жизни, в том числе в образовании.

По статистике большинство населения — женщины. Например, в Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2018 г. численность населения достигла 9 491,8 млн. человек. Из них женщины — 5 070,3, то есть 53,4% от общего количества [6].

Как видно из приведенных данных, в обществе существует заметный дисбаланс, который можно назвать гендерной асимметрией. С одной стороны, это является определенной проблемой. С другой стороны, благодаря гендерной асимметрии в белорусских вузах среди обучающихся преобладают представительницы прекрасного пола [1].

Гендерные стереотипы. Вторая проблема — наличие гендерных стереотипов при получении образования.

Стереотипы по отношению к тем или иным явлениям — признак любого общества. Стереотипы — это то, что в большой степени зависит от специфики культурного контекста» [3, с. 61].

Один из стереотипов гласит, что лидером в учебной группе всегда является парень (мужчина). Из этого следует, что студентки выполняют в учебном коллективе только вспомогательную роль, являясь ведомыми. Реальная ситуация зачастую диаметрально противоположна.

Второй стереотип касается результатов образования в вузе. Господствует мнение о том, что по профессиональным качествам женщины в большинстве профессий менее компетентны, чем имеющие такое же образование их коллеги мужчины.

Истоки стереотипа № 2 следует искать еще в начальной школе. Например, многие ученицы в возрасте 7–10 лет и их родители всерьез опасаются, что не смогут овладеть математикой на таком же уровне, как их сверстники мужского пола. Однако в ходе исследования, «проведенного в США среди девочек, обучающихся в 1–5 классах, было обнаружено, что опасения, связанные с изучением математики, можно уменьшить путем повышения квалификации женщин-учителей в области преподавания математики и борьбы со стереотипными убеждениями относительно гендерных различий в способностях учеников» [4, с. 204].

Социологическое исследование. С целью выявления дополнительных гендерных стереотипов в конце 2017 г. автором проведено исследование среди студентов высших учебных заведений в г. Бресте. Опрос проводился среди двух групп студентов. Всего было опрошено 34 человека в возрасте от 20 до 33 лет. Из них лиц мужского пола — 26,5%, женского — 73,5%.

На вопрос «Какие черты присущи противоположному полу?» мужчины чаще всего называли ответственность и красоту. Также были перечислены следующие привлекательные для мужчин качества противоположного пола: воспитанность, обаяние, мудрость, доброта, верность, чувство юмора, порядочность, женственность, общительность, усидчивость, вежливость, ответственность.

Женщины в своих защитниках увидели такие качества, как независимость, мужественность, ответственность, сила, терпеливость, верность, работоспособность, целеустремленность, стрессоустойчивость, честолюбие, самоуверенность, храбрость, смелость, доброта, успешность, дружелюбность, внимательность, интеллигентность,

серьезность, телосложение, ум.

Последствия гендерных стереотипов. Любые стереотипы нежелательны, так как могут нанести вред интересам личности и ее правам. Именно стереотипы ограничивают возможности и мешают людям в полной мере реализовать свой потенциал. Это же касается и гендерных стереотипов, проявления которых многообразны. Они могут быть явными и скрытыми, прямыми и косвенными. В любом случае стереотипы периодически приводят к гендерной дискриминации. Стереотипы, прежде всего, отрицательно сказываются на равенстве полов, которое на законодательном уровне гарантировано для женщин.

В результате существования гендерных стереотипов наиболее чувствительными являются следующие последствия: более низкие возможности в поиске работы и трудоустройстве женщины; разрыв в оплате труда некоторых категорий работников в зависимости от половой принадлежности; отказ женщин от карьеры по имеющейся специальности вне зависимости от уровня профессиональной подготовки и уровня компетенции; семейно-бытовое насилие.

Преодоление стереотипов. Для преодоления гендерных стереотипов необходимо предпринять ряд мер. Одной из таких мер могло бы стать квотирование мест в органах законодательной, исполнительной и судебной власти для равного доступа к ним мужчин и женщин.

В сфере образования целесообразно включение в учебные программы гендерной составляющей. Данный шаг позволит полнее учитывать интересы обоих полов в процессе обучения. При этом должны активно использоваться электронные средства и новые технологии.

Выводы. В современном обществе все еще существуют гендерные стереотипы. Они опасны, тем, что с их помощью могут оправдываться дискриминации по признаку пола. Преодолеть их в ближайшее время вряд ли удастся даже в условиях гендерной ассиметрии в городском пространстве. Но существуют определенные методы, которые позволяют минимизировать большинство из них. Прежде всего, это формирование общественного мнения о том, что гендерные стереотипы являются пережитками прошлого. Это мнение формируется с помощью СМИ, выступлений специалистов, опубликования результатов научно-исследовательской работы.

Литература

1. В белорусских вузах на 100 парней приходится 130 девушек [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://belchas.by/news/v-belorusskikh-vuzakh-na-100-parnei-prikhoditsia-130-devushek.html>, свободный. (дата обращения: 24.04.2018).
2. Гибсон Р. Лидерство в свободном обществе // Лидерство. Психологические проблемы в бизнесе, Дубна: Феникс, 1997. С. 22.
3. Лефрансуа Г. Прикладная педагогическая психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
4. Образование для всех 2000–2015 гг.: достижения и вызовы, Всемирный доклад по мониторингу ОДВ. Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2015. 498 с.
5. Обучение за рубежом: образование в США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://academconsult.ru/obrazovanie-v-ssha>, свободный. — (дата обращения: 24.04.2018).
6. Численность населения на 1 января 2018 г. по областям Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan_poobl, свободный. — (дата обращения: 23.04.2018).

К вопросу о влиянии урбанистической среды на формирование гендерной ментальности

Понимание психологических особенностей развития ментальности человека обращает нас к проблемам динамического взаимодействия человека и окружающей среды. По мнению Дж. Голда, окружающая среда предоставляет полный, исчерпывающий набор условий и обстоятельств, в которых живет человек, как физических, так и социокультурных» [1, с. 43]. Это мысль позволяет нам предположить то, что урбанистическая среда и гендерная ментальность человека находятся в прямых взаимосвязанных отношениях.

Рассмотрим эту идею подробнее в настоящих тезисах.

Урбанистическая среда создает условия для жизнедеятельности людей в пределах урбанизированной территории, города. Город — крупный населенный пункт, обычно административный и культурный центр окружающего региона. Основными критериями отнесения населенного пункта к категории города служат численность его населения и функции, которые он выполняет: промышленные, производственные, организационно-хозяйственные, культурно-политические и административные, функции организации отдыха и лечения [8]. Городская среда возникает и развивается в городе с появлением субъектов, жителей. Смысл этого понятия выражает глубинную сущность взаимоотношений «горожанин — городская среда» как функционального образования, территориальной организации и места сосредоточения больших масс людей. Городская среда — это не просто эквивалент суммы зданий, сооружений, ландшафтных компонентов, оборудования и т.д., но сложная система отношений, включающая как индивидуальные точки зрения и позиции, так и устойчивые традиции [3].

Жизнь человека в городе существенно и качественно отличается от других вариантов проживания, имеет преимущества и недостатки, протекает в особых городской атмосфере, культуре, темпе, ритме, способах организации времени и пространства, среди архитектурных форм, материалов, объемов, видов, свойств и прочее. Урбанистическая среда — важная составляющая часть потенциала города, благодаря которой он выполняет свои функции. С другой стороны, городская среда через презентацию норм и ценностей создает «психологическое настроение» или «характер», создаваемый и ощущаемый жителями. Символические элементы среды составляют единое целое и воспринимаются через призму этого целого. «Дорожные знаки, таблички на домах, но сами здания вкупе с геопластикой, скульптурами, фонтанами, фонарями и мощением земли являются знаками, а городские знаки взаимосвязаны и взаимообусловлены во всех отношениях» [2, с. 79]. Характер урбанистической среды влияет на образ жизни, особенности поведения горожан, формирование их ментальности, в том числе и гендерной.

Гендерная ментальность трактуется нами как разновидность ментальности определенных социальных групп в фиксированном пространственно-временном диапазоне с характерными параметрами когнитивной общности, соответствующей идентификацией и поведенческими паттернами [6]. Необходимыми элементами структуры гендерной ментальности выступают осмысленные гендерные аспекты Я концепции, гендерные стереотипы, ценности, образцы поведения, роли

и нормы отношений и др., которые являются культурными и социальными детерминантами мышления и поведения человека как создателя, носителя и выразителя гендера [7].

Осмысление влияния среды на формы активности личности и ее гендерную ментальность в рамках исследований социальной психологии приводит нас к изучению феноменов социализации (С. Милгрэм, К. Левин), средовой нагрузки в концепции Г. Селье, в теории персонального пространства Э. Холла и Р. Соммера, детерминантов и последствий взаимодействия человека и окружающей среды Д. Стоколса, Г. Мюррея, У. Мишела. Общим выводом из рассмотренных концепций является понимание того, что образ жизни и деятельности индивида осуществляется в определенной среде и не может анализироваться без учета характеристик этой среды.

Другое направление изучения влияния урбанистической среды на формирование идентичностей и ментальностей, в том числе и гендерной, привело нас к рассмотрению направлений экологической психологии. Среди них концепции экологического сознания В.А. Ясвина, В.И. Панова, Г.В. Акопова и других, теории экопсихологии развития У. Бронфенбреннера, М. Черноушека, концепции территориальности (М. Альтман) и персонализации (А.В. и В.А. Петровские), исследования экстремальной психологии и рискологии. Наибольший интерес для изучения влияния среды на формирование ментальности представляют работы в рамках теории урбанистической психологии, занимающейся исследованием психологических факторов и явлений, возникающих в специфической городской среде [4]. Обобщенный вывод позволяет заключить, что городская среда в силу своей сложности, динамичности, объемности и пр. дифференцировано влияет на восприятие и представления людей. Дифференциация эта может быть классифицирована в соответствии со следующими признаками, характеризующими средовую систему: подвластностью регуляции (выражается в перцептивной ясности, предсказуемости событий, четком распределении сфер влияния разных субъектов, субъектов разных гендеров, отзывчивостью на запросы представителей разных гендеров); возможностью выбора (разнообразием и доступностью ресурсов, условий для установления и поддержания межгендерных отношений); оптимальным соотношением возможности и препятствий, признания и требовательности, автономии и включенности и т.д.; связанностью с конкретными субъектами, носителями гендеров [5].

Во взаимодействии с компонентами городской среды у человека формируется обобщенная система представлений, оценок и интерпретаций городского пространства, персональная модель города. В условиях городской среды восприятие это полимодальное, комплексное, дополненное образами прошлого опыта. Образ города в представлениях людей коррелирует с их индивидуальными особенностями, среди которых возраст, гендер, уровень культуры и образования, интересы, эмоциональность и другие качества. Гендерная ментальность здесь является катализатором схем восприятия, ориентации в городской среде, характера освоения жизненного пространства горожанами, определять дифференцированность эстетических впечатлений, эмоциональных переживаний, содержание гендерных стереотипов по отношению к элементам городской среды. Определение закономерностей влияния урбанистической среды и паттернов гендерной ментальности горожанина и горожанки можно осуществить через выделение смысловых детерминант обобщенного восприятия понятия «город», через вербализацию их акту-

альных гендерных представлений, преобразование и группировку их в кластеры смыслов, формулировок и интерпретацию структуры гендерной ментальности горожан и горожанок.

Литература

1. Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии: пер. с англ./авт. предисл. С. В. Федулов. М.: Прогресс, 1990.
2. Марченко Ю. Г. Формирование городской среды для XXI века: культурологическое и антропоэкологическое измерение//Вестник ТГАСУ. 2016. № 5. С. 74–82.
3. Масловская О. В. Дизайн городской среды. Учебное пособие: Владивосток, Изд-во ВГУЭС, 2015 [Электронная версия]//<http://docplayer.ru/28835325-Dizayn-gorodskoy-sredy.html>
4. Стерлигова Е. А. Экологическая психология. — Пермь: ПГНИУ, 2012.
5. Хейдметс М. Феномен персонализации среды: Теоретический анализ. — Таллинн: ТПЕДИ, 1988.
6. Чекалина А. А. Ментальность учителя: на пересечении гендера и профессии//Историко-генез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2/Отв. Ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 440–453.
7. Чекалина А. А. Психология гендерного самосознания: Монография. — М.: МГПУ, 2014.
8. Энциклопедический словарь географических терминов/гл. ред. С. В. Колесник. М.: Советская энциклопедия, 1968.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-013-01207)

Н. В. Дулина

г. Волгоград, Волгоградский государственный университет

Е. В. Ануфриева

г. Волгоград, Волгоградский государственный технический университет

Образ горожанки в оценках и мнениях современных студентов (по итогам социологического исследования)

Помните слова из песни «Город сказка», которую еще совсем недавно исполняла группа «Танцы минус»? В песне кроме основной линии — «Город-сказка, город-мечта, попадая в его сети, пропадаешь навсегда» — присутствует пусть и не полный, но все-таки перечень того, из чего «сплетена сеть» города, попав в которую, выбраться уже практически невозможно. Одна из таких «ловушек» города — это его сладкоголовые сирены: «Мимо пролетают дорогие лимузины. В них женщины проносятся с горящими глазами, холодными сердцами, золотыми волосами».

Встает вполне закономерный вопрос. А вот эти женщины «с горящими глазами, холодными сердцами, золотыми волосами» — они кто? Любая ли женщина, проживающая (и/или имеющая прописку) в городе, может претендовать на статус горожанки? Или этот статус можно получить, только «пропустив» этот город через себя и став его неотъемлемой частью, слившись воедино? Частично ответы на эти и ряд других вопросов можно получить, обратившись к результатам социологического исследования, выполненного авторами зимой 2018 года. Исследование носило разведывательный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, его результаты могут рассма-

триваться лишь как справочные, однако, на наш взгляд, они позволяют задать границы и направление последующего исследовательского поиска.

В исследовании приняли участие 140 студентов обоего пола из вузов Волгограда, но справедливости ради, заметим, что в основном это были студенты технического университета. Задача, поставленная перед респондентами, формулировалась следующим образом: «Назовите характерные черты/особенности или специфику людей, о которых Вы могли бы сказать: это горожанка, а это городская жительница». Заметим, что (на удивление!) подобная просьба студентов в тупик не поставила, они легко справились с заданием, «размежевав» женское пространство города по только им едва заметным штрихам и признакам. Полный перечень характерных черт для каждой из выделенных категорий включает в себя более 200 признаков. Полагаем, что выбрав качественную методологию, мы не ошиблись: студенты оказались вольны в формулировке и выделении значимых с их точки зрения признаков, обнаруживая при этом неожиданные штрихи и краски образов горожанки и городской жительницы.

Предваряя представление полученных результатов, заметим, что ряд признаков по своему наименованию совпадает, но на шкале оценок занимает противоположные позиции. Так, например, для горожанки характерно «здоровье ниже среднего», городская жительница, напротив, отличается крепким здоровьем. Если городская жительница «ценит семью», то горожанка, по мнению респондентов, поддерживает «слабые родственные отношения». Наличие в руках современного горожанина айфона — примета времени. Но если горожанка «хочет новый айфон каждый год», то городская жительница «не торопится менять свой 6 айфон». Горожанка предпочитает безналичную оплату, городская жительница — оплату наличными, у горожанок «домашние животные декоративные» в то время как у городских жительниц «домашние животные полезные» и т.д. Не ставя своей целью представить все названные студентами отличительные черты городских жительниц и горожанок, назовем те из них, которые, на наш взгляд, наиболее значимы для представления образа современной горожанки.

Напомним, что современный город вряд ли можно назвать человекоразмерным. Город — искусственная среда обитания, в нем все рукотворно и техногенно, он предъявляет свои требования к жителям, вынуждая их приобретать новые, не свойственные ранее качества. Так, например, плотность населения в городе значительно выше, чем в селе. Отсюда — потоки людей на улицах, толчея на площадях, посиделки у подъездов и «постоялки» у фонтанов и т.д. Практически вся жизнь в городе на виду: уличные кафе, времяпровождение не дома в кругу семьи, а в общественных местах и т.п. Жизнь на виду у всех делает необходимым следить за своим внешним видом. А потому вполне ожидаемым результатом можно считать тот факт, что, по мнению студентов, для горожанок внешний вид очень важен, они более эффективны, чем городские жительницы, и поддержанием этого внешнего эффекта занимаются вполне осознанно, уделяя этому достаточно много времени. Сформулировано в ответах студентов это было следующим образом: «модная, стильная одежда», «опрятный внешний вид», «больше уделяет внимание внешнему виду», «стремится с помощью любых методов сохранить красоту», «чувство стиля, упор на красоту в одежде», «ходит только по известным бутикам», «высокие каблуки», «яркая, дорогая одежда», «следит за собой», «больше тратит денег на косметику», «частое обновление гардероба», «с детских лет занимается в различных кружках, секциях», «занимается спортом для поддержания фигуры», «в связи

с последней модой на здоровый образ жизни стараются ходить в качалку, не курить, не пить», «красивый, ухоженный вид» и т.д.

Технонный город «обучает» горожанок языку техники, необходимости вести с нею диалог на равных. Так, студенты заметили, что горожанки «обильно используют технику в быту/дружат с техникой», «предпочитают безналичную оплату», готовы менять свой айфон на новую модель каждый год, «зависят от техники», «привыкли к транспорту», «пользуются современными гаджетами», «всегда следят за модой, тенденциями, гаджетами», «имеют хозяйственные гаджеты». Но современная техника требует и высокого уровня образования, что также не ускользнуло от пытливых глаз студентов: «эрудированность», «более образованная», «имеет не менее чем послешкольное образование» — характеристики, которые часто встречаются в ответах респондентов.

Горожанки более ориентированы на карьеру, чем на семью, а потому «имеют очень высокую цель в жизни», «любят деньги», «не хотят много детей», уставая от городской суеты и имея большое количество подруг, «любят хорошо отдохнуть на выходные». Казалось бы, за всем этим просматривается расточительная, требовательная, настойчивая, рациональная, раздражительная, трудолюбивая, но не доверяющая людям женщина. Но эта женщина «хорошо ориентируется в городе», она «адаптирована к городской жизни» и «привыкла к городскому шуму», хорошо знает не только сам город, но и его интересные места, его историю, но у нее есть свои памятные места в городе... И вот, видимо, там она иная: красивая, добрая, заботливая... И один из самых, наверное, отличительных признаков горожанок (и неожиданный для нас) заключается в том, что они «измеряют расстояние временем».

Результаты проведенного исследования подтверждают, что право называться сладкоголосой сиреней города (быть женщиной «с горящими глазами, холодными сердцами, золотыми волосами») приобретает горожанками в ходе освоения опыта, постижения городской культуры, удач и разочарований, а затем ежедневно доказываются повседневными практиками: внешним видом, уровнем образования и квалификацией, владением техникой и технологиями. Можно с уверенностью сказать, что женщины освоили городское (публичное) пространство, став горожанками. Правда, подчиняясь законам города, наверное, что-то утратив при этом (например, приватное, домашнее), но это уже размышления, выходящие за рамки данного материала.

Т. Н. Самарина

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Гендерные телесные взаимодействия, их язык и интерпретации (горожанки и горожане в сообществах и группах, танцующих парные танцы)

Танец — это культурный феномен, который обычно рассматривается как один из древнейших видов искусства, как средство создания художественного образа с помощью движения. Помимо этого, танец является невербальным языком общения/коммуникации (символика цвета, язык аксессуаров, жестов) и телесного взаимодействия.

Известный российский историк Юрий Лотман обозначил понятие «культура» как форму социального общения между той или иной группой людей. «Культура есть

нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией» [2, с. 6]. Коллективное исполнение танцев как нельзя лучше подпадает под это определение. Танцы сами по себе являются языком общения для группы людей. Чтобы быть полноправным участником подобного социального общения необходимо обладать навыками «языка» группы, соблюдать протокол поведения и продемонстрировать принадлежность/лояльность к группе. «Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык» [2, с. 6]. Исполнение парного танца представляет собой особый интерес, так как обеспечивает специфическую гендерную коммуникацию внутри определенного сообщества.

В своем труде балетный хореограф Сергей Лифарь высказал очень интересную мысль, заключающуюся в том, что танец «охлаждающе» действует на темперамент танцовщиков. А именно: в процессе танца человек испытывает настолько сильный эмоциональный выплеск, что это можно приравнять к эротическому удовольствию. «Если это верно в отношении ко всему искусству, то в особенности верно в отношении танцевального — до такой степени, что нередкое явление житейской эротической холодности и безразличия танцора, эротическое напряжение которого разряжается в танце» [1, с. 24]. Это утверждение касается как сценического танца, так и социального. Танцоры, по сути, сублимируют свои личные эмоции в творческом самовыражении. Однако сам же Лифарь далее признавал, что существуют и такие танцы, которые, напротив, подстегивают либидо в человеке.

За последнее время занятия парными танцами в России получили широкое распространение как практики проведения досуга, поиска брачного партнера и поддержание хорошей физической формы. Танцевальные школы предлагают достаточно большой выбор стилей: латина, рок-н-ролл, буги-вуги, бальные танцы (в том числе исторические), хаул и вест кост свинг. Все эти направления относятся к категории «социальные парные танцы», то есть это танцы, которые исполняются не профессиональными танцорами и, как правило, обучение этим танцам происходит в достаточно взрослом возрасте. Основная функция социальных парных танцев, которая активно транслируется самим танцевальным сообществом — это общение, расширение круга знакомых, формирование принципиально нового ряда интересов: совместные тренировки, дискотеки и вечеринки, танцевальные конкурсы, фестивали, мастер-классы. Это основные танцевальные мероприятия, которые регулярно происходят в субкультуре «танцующих парные танцы».

В своем исследовании я решила остановиться на двух направлениях: хаул и вест кост свинг, так как их сравнение кажется мне наиболее интересным ввиду того, что несмотря на внешнюю схожесть этих танцев и частичное пресечение двух сообществ (переход из сообщества танцующих хаул в вест кост свинг), в них есть ряд принципиальных отличий и особенностей как в социальном взаимодействии внутри групп, так и в телесном между партнерами по танцу.

Хаул (Hustle) — социально-спортивный парный танец. Этот танец делится на два типа исполнения: хаул на четыре счета и дискофокс на три счета. Изначально исполнялся под музыку «диско»; танец является некой упрощенной компиляцией из разных стилей латиноамериканских и североамериканских танцев.

Вест кост свинг/свинг западного побережья (West coast swing) — социальный парный танец, появившийся в США в 1960-е гг. Он принадлежит к группе свинговых, произошел от американского танца шэг, родственен таким танцам как линди хоп и рок-н-ролл. Изначально танцевался под музыку блюз. В России получил рас-

пространение в начале 2000-х гг. (West coast swing стали изучать танцоры хастла. До сих пор эти два направления считаются смежными, так как в WCS переходят их хастла)

Начиная с бальной эпохи в парных танцах обществом допускается такой тактильный контакт между партнерами, который вне танца был бы невозможен. Об этом писал еще Михневич: «Общая характеристическая черта эротических танцев, даже существующих у народов цивилизованных, та, что в них допускаются такие откровенные внешние знаки сближения полов, которые вне этих танцев признаются в обществе неприличными и невозможными». [3, с. 7]. Это утверждение верно и для современных парных танцев, которые предполагают довольно близкий физический контакт танцующих. Интересно рассмотреть отличия во взаимодействии партнеров по танцу: и хастл, и вест кост свинг построены на принципе ведение/следование (leader/follower), однако если первый танец исполняется на короткой дистанции, то второй танцуется в основном по слоту на большем расстоянии друг от друга (West coast swing относится к линейным танцам, то есть танцуется в линии). В танце хастл делается упор на внешнюю презентабельность танца, красоту и четкость линий, тогда как в вест кост свинг направлен больше внутрь пары, ставя своей задачей удобство и комфорт партнеров, плавность и мягкость ведения; фигуры в вест кост свинге более растянуты во времени (от 6 счетов и более). Вест кост свинг считается одним из самых комфортных танцев для обоих партнеров. «Мне нравится, как девушки выглядят в этом танце, у них есть время покрасоваться во время танца» [4].

В социальных танцах допускается танцевание с разными партнерами, танцевание только с одним партнером наоборот порицается. При этом может быть ограничение: хастл — как минимум два танца с одним партнером, вест кост свинг — только два танца с одним партнером. Считается, что вест кост более социальный танец и задача танцора перетанцевать за вечер со всеми партнерами. Также у танцоров представление о личном пространстве становится очень размытым.

В социальных парных танцах очень четко распределяются гендерные роли: мужчина всегда исполняет роль ведущего, от него зависит рисунок танца, ритмика и характер исполнения. Женщина всегда ведома в парном танце, она следует за ведением партнера и идет только на те танцевальные фигуры, которые выбирает мужчина. Направление вест кост свинг является редким исключением из этого правила, так как в этом танце есть некоторые нюансы: партнер задает направление для партнерши, но она в свою очередь использует танцевальное пространство по своему усмотрению, то есть для нее также открывается широкое поле для импровизации. Женщина в этом танце практически равноправный партнер. Большинство преподавателей социальных танцев сходятся во мнении, что вест кост свинг — это единственный танец диалог между мужчиной и женщиной, а не монолог мужчины, как в остальных танцах.

Литература

1. Лифарь, С. (2014). *Танец: Основные течения академического танца*. М.: Российский университет театрального искусства — ГИТИС.
2. Лотман, Ю. (2015). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)*. Спб: Азбука, Азбука-Аттикус.
3. Михневич, В. (2015). *Пляски на Руси в хороводе, на балу и в балете (исторический очерк)*. М.: Икс-Хистори.
4. ПМА — Малафеевская Ольга. 1 февраля 2017 года. Москва.

Репродуктивное поведение приднестровской студенческой молодежи

За последние годы демографическая ситуация стала осознаваться как источник серьёзных социальных проблем, влияющих на перспективы развития самых разных сфер жизни общества и во многих странах. Приднестровье в этом плане не составляет исключения, более того, проблемы демографического развития усугубляются здесь специфическими политическими и экономическими трудностями. Негативные тенденции в области демографического развития в Приднестровье обозначились в начале 90-х годов XX века, что, в целом, типично для трансформирующихся обществ постсоветского пространства.

Современная демографическая ситуация в Приднестровье характеризуется снижением рождаемости, ростом общей смертности и отрицательным естественным приростом населения. Так, согласно данным Ежегодного статистического сборника Приднестровской Молдавской Республики, демографическая картина выглядит следующим образом: количество рождённых детей в 2016 г. составило 4676, что на 497 новорожденных меньше, чем в 2012 г.; численность умерших граждан в 2016 году составила 6758 чел., по сравнению с 2012 г. ниже на 522 чел. Таким образом, естественная убыль продолжает оставаться стабильной на протяжении последних пяти лет и составляет –2082.

Число официально зарегистрированных в республике браков в 2016 г. резко сократилось и составило — 2744, что на 700 случаев меньше, чем в 2012 г. Показатели количества разводов остаются стабильно неизменными в последние два года, составляя 1734 и 1731 случай соответственно, однако в сравнении с 2012 г., количество разводов сократилось на 300 случаев.

Необходимо отметить, что существующие статистические данные дают лишь поверхностное видение реальной демографической ситуации. Для более глубокого понимания узловых проблем в решении данной проблемы необходимо прибегать к совместному использованию демографических и социологических исследований. С нашей точки зрения, демографические показатели дают количественную характеристику настоящей действительности, а социологические исследования помогут выявить причины данного явления, определить способы и методы воздействия на изменение сложившейся в республике ситуации депопуляции населения.

Наиболее активную группу с точки зрения репродуктивного поведения представляет собой студенческая молодёжь. Молодёжная среда наиболее подвержена трансформационным процессам, поскольку в силу особенностей своего возраста и отношения к жизни, именно она быстрее других впитывает новые ценности. В целях выявления особенностей репродуктивного поведения приднестровской молодёжи и факторов его образующих нами было проведено социологическое исследование, объектом которого выступили студенты медицинских и педагогических специальностей (n=240) Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Выбор данных факультетов предопределён тем, что именно их выпускники в перспективе будут нести в массы знания о репродуктивном здоровье. Педагогам предстоит обучать в учебных заведениях разных уровней знаниям в области репродуктивного здоровья,

медики как наиболее информированные в данной области будут делиться ими с окружающими и одновременно, являясь специалистами, они будут вести профилактическую работу.

Помимо анкетного опроса студентов, было проведено экспертное интервьюирование специалистов ГУ «Центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями» (г. Тирасполь), ГУ «Республиканского центра матери и ребёнка» (г. Тирасполь) и «Центра репродуктивного здоровья и планирования семьи» (г. Тирасполь), педагогов ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

Снижение репродуктивного потенциала молодого поколения, низкие репродуктивные установки и наличие неблагоприятного медико–социального фона определяет кризисную ситуацию в Приднестровье. Эффективная демографическая политика в области рождаемости и семьи невозможна в условиях, когда отсутствует чёткое представление о факторах, влияющих на репродуктивное поведение молодёжи.

Под репродуктивным поведением принято понимать систему действий и отношений, которые определяют рождение или отказ от рождения ребёнка в браке или вне брака. Данный тип поведения, присущий не только конкретной личности, но и социальным группам, и населению в целом.

Одним из факторов, приводящим к нарушению репродуктивного здоровья является ранее начало половой жизни. Полученные в ходе исследования данные выявили существенные различия между допустимым с точки зрения физиологии человека и фактическим возрастом вступления в половые отношения среди студенческой молодёжи. Согласно результатам исследования, первый половой акт у студентов был в возрасте 16–18 лет (34,0%) и в возрасте 18–20 лет (24,0%). Необходимо отметить, что студенты медицинских специальностей позже вступают в близкие интимные отношения, чем студенты педагогических специальностей. Так, на вопрос, «Укажите свой возраст на момент первого полового акта», наибольший процент среди студентов медицинских специальностей набрал вариант «Не вступал (а) в интимную связь» — 46,0%, а среди студентов педагогических специальностей всего 14%. Из студентов, имеющих половые связи, почти каждый третий из опрошенных 32,0% ничем не предохранялись при последнем половом акте; 16,0% — затруднились ответить и только 25,0% студентов указали на методы контрацепции.

Решение студенчества о вступлении в близкие интимные отношения основано на взаимной любви, желании эмоциональной близости и физическом удовлетворении. А среди факторов, влияющих на решение о вступлении в брак, отмечены любовь, характер и человеческие качества, ум и интеллект, ценности и интересы, сексуальная привлекательность партнёра.

Студенческая молодёжь, представляющая наиболее образованную часть всей молодёжи, обладает низким уровнем знаний в области репродуктивного здоровья, которые они получают преимущественно из Интернета. Молодые люди, понимая под репродуктивным здоровьем способность к воспроизводству потомства, к основным факторам, влияющим на их репродуктивное поведение, относят стабильное материальное благополучие, уверенность в завтрашнем дне, возможность обеспечить своим детям качественное образование, наличие/возможность приобретения и удовлетворительное состояние жилья, а также доступность качественной медицинской помощи.

Важным результатом проведенного исследования репродуктивного поведения приднестровской молодежи мы считаем осознанное проявление необходимости про-

ведения программ, направленных на сохранение и укрепление репродуктивного здоровья с раннего подросткового возраста, а именно начиная с 10 лет, которое нашло отражение в ответах на вопрос: «Укажите возраст, с которого, по Вашему мнению, следует начинать проведение программ, направленных на сохранение и укрепление репродуктивного здоровья?». 83,8% респондентов указали возраст от 10 до 15 лет, среди студентов-медиков этот процент был несколько ниже — 80,8%, в то время как студенты педагогических специальностей поддерживают эту позицию в 95,8%. Кроме того, желание посещать занятия по проблемам сохранения и укрепления репродуктивного здоровья высказали 80,9% опрошенных студентов.

Репродуктивные установки молодежи, в известной мере, отражают доминирующие в современном обществе взгляды и традиции. Прежде всего, подчеркнем, что обнаруженный уровень знаний и оценка собственного репродуктивного здоровья, объективно находятся на «низком» уровне. Полученные результаты свидетельствуют о наличии необходимости дополнительной мотивации ценностного отношения к здоровью как личной ценности. Подавляющее большинство опрошенных студентов, не зависимо от пола, идеальным количеством детей в своей семье считает наличие двоих детей, что является недостаточным для улучшения демографической ситуации в республике.

Литература

1. *Демографический понятийный словарь/под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. — М.: ЦСП, 2003. — 352 с.*
2. *Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики — 2017: Статистический сборник (за 2012–2016 гг.)/Государственная служба статистики Приднестровской Молдавской Республики — Тирасполь, 2017–188 с.*
3. *Опрос «Репродуктивное поведение молодежи»/Кафедра социологии ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2017 г.*

РАЗДЕЛ 13. ВЕРУЮЩИЕ ЖЕНЩИНЫ В ГОРОДАХ РОССИИ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, ПОВСЕДНЕВНЫЙ ОБЛИК, ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИОЗНЫМ ИНСТИТУТАМ

13.1. МУСУЛЬМАНКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.: СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЖИЗНИ ГОРОЖАНОК

С. Н. Брежнева

г. Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Женщины городов Кокандского ханства начала XIX в. в восприятии русских

В начале XIX в. никому не известный переводчик Филипп Назаров возглавил посольство в самое молодое из среднеазиатских государств — Кокандское ханство. Вызвано оно было убийством в Петропавловской крепости на Сибирской линии кокандского посланника. В странствии Назарову и его спутникам пришлось провести полтора года. Составленное в хронологическом порядке описание этого путешествия (рукопись «Записка о Кокане» хранится в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге) и послужило основой для книги Ф. Назарова «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах». Издан этот труд благодаря помощи Н. П. Румянцева, старшего сына знаменитого фельдмаршала П. А. Румянцева, которому Назаров и посвятил свою работу, назвав его в посвящении «достойным сыном героя Задунайского».

Преимуществом Ф. Назарова перед многими другими послами была полученная им в Азиатском училище специальная подготовка и практическое знание восточных (во всяком случае тюркских) языков. Филипп Назаров оказался наблюдательным и объективным исследователем. Он отдавал себе отчет в том, что народы, обитающие в этой части Азии, малоизвестны у него на родине, поэтому, по его словам, он старался замечать нравы, обычаи, положение мест и укрепления городов. Не обошел своим вниманием автор и женщин Кокандского ханства, принадлежавших к разным народностям. Гораздо позже, в 60-х годах XIX в. русский исследователь А. П. Хорошин, описывая в «Очерках Кокана» количественный и качественный состав населения Кокандского ханства включил в его состав узбеков, кипчаков, киргизов, кара-киргизов и каракалпаков. Вероятно, Назаров наблюдал жизнь всех этих народностей, не подозревая об их названиях.

В труде Назарова содержатся сведения о казахах-кочевниках, которых он называет «киргизами». Данный этноним был принят в Российской империи с 1734 г. Автор «Записок» внимательно всматривался в жизнь степняков. Он писал, что они по большей части среднего роста, смуглы, постоянный климат делает их здоровыми. Интересны замечания автора о киргизских (казахских) женщинах. Они статны, пригожи, сильны

и здоровы, и самым большим бесчестьем для себя считают бесплодие. В то же время, они — прекрасные наездницы, и сражаются вооруженными, наравне с мужчинами.

Интересно описан автором обычай сватовства. Родители договариваются о свадьбе еще, когда жених с невестой находятся в младенческом возрасте. Когда будущие новобрачные подрастают, их знакомят друг с другом, а потом жених ездит гостить на неделю или на две к невесте. Будущий тесть ставит для жениха отдельную юрту. Женщины на каждую ночь приводят к нему невесту и оставляют с ним наедине, но, по словам Назарова, скромность, можно сказать взлелеянная между этими грубыми дикарями, не дозволяет жениху «употребить и самомалейшую дерзость против невесты».

В день свадьбы собираются родственники; невеста, находясь внутри юрты с поднятыми полами, протягивает жениху руку через отверстие ячейки каркаса. Мулла спрашивает их о согласии, и затем, соединяя их руки, читает молитву, после чего они становятся супругами. В случае если становится известно о неверности невесты, что, как отмечает Назаров, встречается крайне редко, тогда сваты убивают лошадь жениха и осыпают несостоявшегося тестя ругательствами.

Женщины казашки все время заняты: готовят пищу, доят, выделывают кожи, ткнут, валяют войлок, а мужчины следят за скотом. К вечеру степняки собираются вместе. Молодежь устраивает спортивные состязания — борются, бегают взапуски, стреляют из луков в цель, а потом играют на своих музыкальных инструментах. Молодые девушки, сидя в ряд у решеток юрт, под незатейливую музыку поют песни.

Назаров оставил и описание поминок у казахов-кочевников, которые он наблюдал в Средней орде Туртаульской волости. Было расставлено 15 юрт, гости пили кумыс, а жены покойника завывали, драли на себе волосы и царапали лицо, прославляя его храбрость, любовь к ним и верность.

В конце сентября 1813 года отряд Ф. Назарова подошел к городу Сузаку, принадлежавшему Туркестанскому владению, недавно завоеванному Кокандским ханством. Жители этого города были мусульманами, в супружество они брали по большей части киргизок из соседей, и каждую из жен своих помещали в особый дом. Интересно замечание автора о женщинах: они ласковы и «столь знакомиты» (т.е. общительны — С. Б.), что приходили многие из них в посольский караван. Для бесправных мусульманских женщин — это довольно смело.

Через трое суток после отъезда из Сузака, путешественники прибыли в Ташкент, который описан Назаровым, как «город-праздник», т.к. он наблюдал здесь веселую и беззаботную жизнь населения. Жители Ташкента любят музыку, «ласковы и страстны к женщинам», беспрестанно веселятся, пляшут у ворот, или в своих садах наслаждаются музыкой. Ташкентцы — мусульмане. Женщин запрещается видеть под строжайшим наказанием, даже родные не имеют права входить в комнату родственниц. Назаров пишет, что он видел женщин только на базарах, но под покрывалом. Он отмечает их стройность и богатую одежду: они накидывают халаты, на головах носят чалмы, а на лицо спускают «волосную сетку, которая пришивается к халату». Он не знал, что сетка эта имеет название — чачван.

Путь из Ташкента в Коканд проходил через горы, и здесь путешественники познакомились с народом, который Назаров называет «гольчами» т.е. горскими народами. Это — горные ираноязычные (таджикские) народности Памира и Припамирья. В других местах своего описания Ф. Назаров называет их «горские персиане», или «восточные персиане». Жители эти показались автору весьма свирепыми, т.к. с путешествен-

никами они обходились очень грубо. Назаров отмечает их «равнодушие к женщинам», которым они, в отличие от ташкентцев, позволяют ходить с открытыми лицами.

В жителях самого Коканда Назаров отмечает похожие с ташкентцами черты, но замечает, что победы сделали их весьма надменными. Назарова, как представителя европейского мира, более раскованного по сравнению с мусульманским Востоком, удивило отсутствие публичных домов и женщин, «торгующих своими прелестями». Вероятно, это объясняется скромностью их женщин, заключает автор. В кокандских деревнях женщины от мужчин не скрывают лиц.

Но вскоре Ф. Назаров убедился, что нравы в Коканде еще суровее, чем в казахской степи. Чиновников, за измену, лихоимство, заговоры и тому подобное наказывают смертной казнью, имения их описывают в казну, а жен и взрослых дочерей отдают в замужество простым солдатам. Ф. Назаров описал также, какой страшной смертью наказывается в Кокандском ханстве прелюбодеяние. Он с ужасом наблюдал, как 17-летнюю девушку по грудь закопали в землю, а затем толпа стала бить ее камнями, размозжив голову.

«Записки» Ф. М. Назарова являются ценнейшим историческим источником, они представляют собой одно из первых описаний быта и повседневной жизни женщин мусульманского среднеазиатского Востока.

Литература

1. Как казахи стали киргизами. К истории одной терминологической путаницы. URL: <http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=363> (дата обращения 21.03.2015).

2. Назаров Ф. М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии/Предисловие и подготовка текста В. А. Ромодина; примечания В. А. Ромодина и В. А. Урвалова; указатели и карта составлены В. А. Урваловым. Институт народов Азии АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.

3. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1821.

4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.1578. Азиатский департамент. Д. 28.

5. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траниеля, 1876.

Р. К. Адыгамов

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани

Документы Оренбургского МДС 1860–1917 гг. о семье, браке и правах женщин

Проникновение и распространение ислама в Поволжье обусловило рамки общественной жизни в государстве волжских булгар, а позднее — их потомков татар. Религия оказала определяющее влияние на все сферы жизни, начиная от мировоззрения, личного статуса и завершая экономическими взаимоотношениями. В этой связи, татары старались решать в рамках шариата и свои семейные вопросы. Большой интерес для исследователя в аспекте данной проблемы представляют циркуляры Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), так как затронутые в циркулярах вопросы имеют практический и прикладной характер. Это связано с тем, что ОМДС

составило специальные положения, способствовавшие решению возникающих проблем в области семейного права; решению текущих вопросов в жизни татар-мусульман; в подготовке необходимых документов, справок для предоставления в государственные инстанции.

В рамках упомянутых положений был установлен нижний возрастной порог для вступления в брак. Для мужчин он составлял восемнадцать, а для женщин шестнадцать лет. Исключительным правом для проведения процедуры бракосочетания владел только местный имам. Имам, перед проведением процедуры бракосочетания должен был убедиться в установленном возрасте для вступления в брак, в отсутствии родственной связи. Подробно была прописана процедура определения брачного дара (махр). Далее в положениях рассматривались различные спорные ситуации, возникающие между супругами. Определялся порядок развода по инициативе мужа (талак) и по инициативе жены (хул). Часть циркуляров была посвящена проблемам межэтнических и межконфессиональных браков. ОМДС, основываясь на законах шариата, признавало легитимными браки, заключаемые между мужчинами-мусульманами и женщинами-христианками и иудейками. Нелегитимными признавались браки между мусульманами и язычниками. Отдельно рассматривался вопрос брака между мусульманками, подданными Российской империи, и мусульманами, гражданами иных государств.

Специальные циркуляры касались вопросов попечительства детей в случаях, когда они потеряли одного или обоих родителей. Также рассматривались вопросы наследования и исполнения завещаний. Исследование циркуляров дает представление об актуальных проблемах татарского общества, а также деятельности ОМДС в целях обеспечения прав мусульманского населения Российской империи.

С. Б. Шадманова

г. Ташкент (Узбекистан), Институт истории АН РУз

Европейские медицинские учреждения и оказание помощи мусульманкам городов Туркестана (конец XIX — начало XX вв.)

В докладе будут освещаться процессы становления европейской медицины в Туркестане конца XIX — начала XX вв., прежде всего в городах края, оказание медицинской помощи местному городскому населению, в частности, мусульманкам и восприятие местным населением научной медицины.

С конца XIX в. в Туркестане стали создаваться и функционировать медицинские учреждения современного типа, предназначенные специально для женщин. Так, в 1883 г. в городе Ташкенте начала свою работу первая амбулатория, предназначенная для местных женщин и детей [12]. Инициаторами создания этой амбулатории были женщины-врачи Н. Н. Гундиус, А. В. Пославская и Е. Н. Мандельштам, которые в октябре 1882 г. обратились к Туркестанскому генерал-губернатору. Именно эти женщины-врачи стали первыми врачами данного медицинского учреждения.

Заведующей амбулаторией была женщина-врач, которую выбрал окружной военно-медицинский инспектор и утверждал Туркестанский генерал-губернатор. Согласно штатного расписания в амбулатории работали 2 врача, 1 женщина-фельдшер, 1 переводчица и 1 один человек из обслуживающего персонала.

Медицинский персонал амбулатории, созданной в «старой» части Ташкента, состояла только из женщин. Все виды медицинской помощи оказывалась в амбулатории бесплатно. Бесплатными как для женщины, так и для детей были и лекарства, и водные процедуры, и несложные операции, и перевязки. Амбулаторная лечебница содержалась на земские и городские средства [8]. С 1905 г. с амбулаторных больных во всех городских лечебницах взималось по 10 коп. за совет и по 10 коп. за лекарство, кроме самых бедных [1, с. 332].

После открытия амбулатории в Ташкенте медицинские учреждения такого типа стали также создаваться и в других городах Туркестана. К примеру, уже в 1885 г. в городе Самарканде, за счет фондов бюджета города была открыта амбулатория для женщин и детей [4]. В сентябре 1886 г. медицинское учреждение такого типа было создано и в Ходженте [5]. Постепенно такие же медицинские учреждения были открыты в Андижане, Маргелане, Намангане, Коканде.

Национальный состав пациентов был разным. К примеру, в 1885 г. из общего количества пациентов Ташкентской амбулатории для женщин и детей 95,5% составляли «сартянки», 2,5% — казашки, 1% — татарки и 0,4% — еврейки [6]. Представленные данные свидетельствуют о том, что амбулатории посещали женщины разных национальностей и состав их примерно соответствовал национальному составу населения.

Врачи амбулатории оказывали медицинскую помощь не только в амбулаторных условиях, но довольно часто и на дому пациенток. К примеру, в 1898 г. в городе Самарканде врачи вызывались на дом 16 раз, в 1899 г. количество вызовов возросло до 40, а некоторым больным медицинская помощь оказывалась по несколько раз (от 2 до 10 раз) [3, с. 84].

Женщины-врачи амбулаторий не ограничивались практической деятельностью и проводили научные исследования, к примеру, занимались изучением физиологии местных женщин. В результате этих исследований они выяснили, что половозрелого возраста женщины Туркестана достигали в 15–16 лет. Также результатом их исследований стал тот факт, что ранние браки оказывали отрицательное влияние на физическое развитие девушек и приводили к различным функциональным нарушениям организма [6; 7, с. 76].

В начале XX в. в крае создавались и частные лечебницы. Так, в 1908 г. в Ташкенте врачом А.Н. Предтеченской была открыта первая частная женская лечебница на 5 кроватей, расширявшаяся при необходимости до 12. За год в лечебнице лечилось 220 женщин, примерно половину их составляли роженицы, с которых взималась плата от 25 до 40 руб. за 8 дней пребывания в лечебнице. Стационарные больные платили 3 руб. в сутки [1, с. 341].

Особое место в жизни женщины всегда занимали роды и послеродовой восстановительный период. В период с конца XIX — начала XX в. женщины в Туркестане рожали, в основном, в домашних условиях, и только в условиях городов были повитухи, называвшиеся в Туркестане «доя». Только в исключительных случаях, при тяжелых родах родственники рожениц решались обращаться к врачам. Случалось так, что в тяжелых случаях медицинскую помощь оказывали не только врачи-женщины, но и врачи-мужчины. К примеру, доктор Благотворительного общества Д.С. Палиенко писал о том, что такие доктора как Гиммер, М.Х. Батыршин и Йогансен оказывали постоянную медицинскую помощь роженицам. Необходимо отметить, что и сам Д.С. Палиенко в течение 10 лет работавший в Ташкенте, всегда оказывал помощь роженицам [2].

В Туркестанском крае начало оказания стационарной помощи роженицам относится к 1880 году, когда при Благотворительном обществе в Ташкенте был организован первый родильный приют на 4 кровати для неимущих женщин. Позже число кроватей было увеличено до 12. Родильный приют содержался на благотворительные средства. С 1881 г. город стал выделять на содержание приюта 1200 руб. в год, а с 1905 — до 1600 руб. [9]. В 1905 г. было начато и закончено строительство нового здания родильного покоя. Большую помощь оказал эмир бухарский Сеид Абдул Ахад Хан, пожертвовавший посольский дом на улице Романовского и капитал, вырученный от его продажи (23 тыс. руб.) дал возможность приступить к постройке этого здания [1, с. 338–339]. За 30 лет существования родильный приют оказал помощь 3210 роженицам и консультировал 4151 пациентов [8].

Женщины-мусульманки городов, особенно Ташкента, начали лечиться и в стационарных условиях. К примеру, доктор Д. С. Палиенко указывал, что ежедневно в Ташкенте до 30–40 женщин обращались за медицинской помощью в больницы и им оказывались различные медицинские услуги. Если, в 1906 г. в 3-й лечебнице азиатской части Ташкента проходили лечение 223 больных, то 85 из них были женщинами и детьми местных национальностей [10]. Некоторые из них были даже прооперированы: доктор Д. С. Палиенко сам лично несколько раз делал женщинам операции и послеоперационный период они неделями проводили в больнице. Примечательно то, что в Ташкентской городской больнице не работала ни одна женщина и, тем не менее, местные женщины часто обращались сюда за медицинской помощью.

С другой стороны, основная часть местного населения даже в тяжелых случаях не хотела класть женщин в больницу. Так, доктор А. А. Шорохова в декабре 1916 года, была вынуждена провести кесарево сечение на дому в азиатской части Ташкента. Положение роженицы было тяжелым, но ее близкие категорически отказывались класть ее в больницу. Тем не менее, операция прошла успешно и мать, и ребенок были здоровы [11].

Однако, амбулатории и больницы были в бедственном положении и не всегда хватало как медицинских средств, так и лекарств. Кроме того, незнание местных языков большинством врачей и отсутствие переводчиков усложняло оказание медицинской помощи местному населению края.

Появление медицинских учреждений, несмотря на все их преимущества, несмотря на самоотверженный труд представителей российских медицинских учреждений поначалу все же воспринималось местным населением в значительной степени с профессиональной точки зрения. Происходило это по разным причинам, но прежде всего из-за различия подходов в религии, культуре, менталитете, неприемлемости для мусульманского населения, подходов, использованных российской медициной, неприятия чего-то чуждого, пришедшего со стороны. Вместе с тем использованием в лечении женщин-мусульманок российских женщин-врачей, проблема недоверия постепенно была преодолена.

Литература

1. Добросмыслов А. И. *Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.*
2. Палиенко. *Моим оппонентам//Туркестанские ведомости (далее ТВ). 1893. № 88.*
3. Пахомова Е. *Из записной книжки женщины-врача/Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1902.*

4. Положение об амбулаторной лечебнице для туземных женщин и детей в г. Самарканде//ТВ. 1885, № 37.
5. Положение об амбулаторной лечебнице для туземных женщин и детей в Ходженге//ТВ. 1886, № 13.
6. Пославская А. Отчет о деятельности лечебницы для туземных женщин и детей за 1885 год//ТВ. 1886, № 16.
7. Пославская А. В., Мандельштам Е. Н. Обзор десятилетия (1883–1894) деятельности амбулаторных лечебниц для женщин и детей в Ташкенте. — Ташкент, 1894.
8. Родильный покой//ТВ. 1903, № 87.
9. Родильный покой в Ташкенте//ТВ. 1903, № 60.
10. Успехи русской медицины среди туземцев//Туркестанский курьер. 1909, № 172.
11. ЦГА НТМД РУз, фонд 192, оп. 1, д. 296, л. 17–18.
12. ЦГА РУз, ф. И.1, оп. 8, д. 682, л. 3.

Д. З. Марданова

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани

«Женский вопрос» и реформаторские настроения мусульман Поволжья в городах поздней Российской империи»

В конце XIX — начале XX в. идея реформирования мусульманской общины широко распространилась среди исламских ученых всего мира. Катализатором послужило столкновение исламского мира с европейским модерном, вызвавшим идейный кризис в обществе. Интерес реформаторов вызывали вопросы повседневной жизни — социальные и гендерные роли, семейные отношения, положение женщин и детей. В условиях модернизации татарского общества менялась семья, как институт, семейные ценности и традиции, в связи с этим стал актуальным вопрос о положении женщины в семье и обществе. В этих условиях происходит трансформация социального статуса, опыта и роли женщины в татарском обществе. Доказательством этому служит появление «женского вопроса» в философских, публицистических и литературных произведениях конца XIX — начала XX в. «Женский вопрос» становится одним из наиболее волнующих проблем татарского общества. В то время как женщины на Западе требовали равных избирательных прав, мусульманки избавлялись от сковывающих их ограничений, открывали женские медресе, мечтали о моногамных семейных отношениях.

Л. Ш. Давлетишина

г. Казань, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

Проблемы трудовой занятости татарки-мусульманки в публицистических произведениях начала XX в.

В российской мусульманской среде XIX — начала XX в. «женский вопрос» звучал часто. Богословы, педагоги, писатели и прочие представители татарской интеллигенции часто высказывались по поводу образования женщины, ее места и роли в обществе. Наиболее часто в рамках «женского вопроса» поднималась проблема правового положения женщины в обществе как таковом, так и среди мусульман в частности. Тема

трудоу занятости женщин хоть и не оформилась в отдельное направление, но все же нашла выражение в некоторых публикациях на страницах периодической печати татар-мусульман. Периодическая печать, которая стала издаваться вслед за Первой Русской революцией 1905–1907 гг., позволила услышать и собственно женское мнение по поводу трудовой занятости женщины в мусульманских сообществах Российской империи того времени. Вообще говоря, пресса с момента своего массового появления стала местом обсуждения наиболее острых проблем, с которыми мусульмане Российской империи, в том числе татары, уже столкнулись.

В докладе привлекаются материалы периодической печати татар-мусульман Российской империи, издававшейся между 1907 и 1917 гг. Это издание общей направленности: журнал «Шура» («Совет») и собственно женское издание: журнал «Сююмбике». Авторы статей подчеркивали важнейшее значение женщины-матери для мусульманского и, шире, российского общества; предлагали свои способы решения проблем, с которыми сталкивалась мусульманка России того времени. К ним они относили неудовлетворительное положение женского образования, отсутствие женских профессиональных учебных заведений и др.

В поисках ответов авторы часто обращались к опыту других стран (как мусульманских, так и немусульманских), а также к истории раннего ислама.

М. М. Имашева

г. Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Эмансипационные процессы у женщин-мусульманок Астрахани в начале XX в.

В начале XX века астраханская мусульманская городская община, переживает заметные социокультурные изменения. Активизируется участие городских татар в системе городского самоуправления, появляются культурно-просветительские общества, национальная печать, театр, школа вне рамок конфессиональной общины. Все эти процессы не могли обойти стороной и женскую половину общины. Конечно, нормы шариата и традиционная сосредоточенность на семье и домашнем хозяйстве, оставались основной сферой жизненных интересов. Но мусульманка, робко и с позволения глав семей, начинает постепенно переступать жесткие социальные границы. Посещение театра, специально организованных вечеров для женщин, изучение русского языка — вот те немногие явления, которые постепенно проникают в женское общество.

Астраханские татарки достаточно активно включаются в общественную жизнь. Существенно расширяется система начального женского образования. Приходит осознание необходимости изменений санитарно-гигиенических условий жизни. Женщины из Махалли (татарского района города) постепенно отходят от традиционной медицины, практик знахарства и не отказываются от предоставления им профессиональных медицинских услуг.

В источниках рассматриваемого периода отмечается интерес женщин-мусульманок в регионе к участию в благотворительных акциях (театральных постановках, лотереях-аллегри, работе местного Попечительства о бедных татарах, акции по сбору средств для больных туберкулезом в Дни Белого Цветка). Самосознание мусульма-

нок настолько повышается, что они даже осмеливаются от своего имени обращаться в прессу.

В самом начале Первой Мировой войны, в рамках общенационального патриотического подъема, астраханские мусульмане очень активно поддержали царское правительство целым рядом благотворительных и идеологических акций. Приняли в них участие и астраханские мусульманки.

Вершиной общественной активности женщин-мусульманок, стало избрание в июне 1917 г. в гласные Городской думы от мусульманского населения города (список № 5) в числе 14 человек, Г. Г. Насыбуллиной и Ш. Д. М. Каримовой.

А. М. Гараева

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

Экономика мусульманской повседневности: одежда современных «этнических» и практикующих мусульман Республики Татарстан в городской и сельской местности

Пересечение хозяйственных и религиозных установок, как правило, происходит в рамках обыденной деятельности, в этом ключе исследование повседневности как поля ежедневного соблюдения норм и запретов своей религии, привычных регулярных трат на товары и услуги, социальных контактов индивида становится актуальным. Задачей доклада ставится раскрытие мира потребительской повседневности республиканских мусульман в сфере их ориентаций и выбора повседневной одежды. Данные получены из авторского исследования методом полуструктурированного интервью: всего 46 опрошенных мусульман, из которых 23 мужчины и 23 женщины, 23 человека проживают в городах и 23 человека проживают в сельской местности. Из опрошенных 23 индивида являются практикующими мусульманами, а 23 информанта составили категорию «этнических» мусульман. В последнюю категорию отнесены те, кто считает себя приверженцем ислама по рождению (т.е. потому, что родители являются мусульманами), либо те, кто относит себя к последователям ислама из-за своей этнической принадлежности к татарам, так как они исторически относятся к народам, исповедующим ислам.

Нормы одевания мусульман происходят из существующих в исламе запретов, связанных с внешним видом мусульманина: запретов для женщин (например, ходить в мужской одежде, носить одежду из тонкой ткани), запретов для мужчин (например, наряжаться в женское одеяние, носить одежду из чистого шелка, носить украшения), общих запретов (например, в общественных местах ходить без юбки, одевать чрезмерно длинную одежду). Современные нормы одевания мусульманской женщины исторически сложились из запрета мужчинам смотреть на тело посторонних женщин.

Развитие рыночных отношений и коммерциализация религиозных практик сформировали в Республике Татарстан целое направление по производству и реализации мужской и женской мусульманской одежды. С помощью анализа информационно-справочных интернет-источников только в г. Казани выявлено 28 магазинов мусульманской одежды и 5 ателье, специализирующихся её пошиве. Большая часть такого предпринимательства в регионе представлена небольшими частными магазинами или отделами в торговых павильонах, есть лишь несколько (до пяти) крупных магазинов.

Информанты позитивно оценивают тенденции развития республики и те изменения, которые произошли за последние тридцать лет. Особенно выделяют расширившийся по сравнению с советским временем и продолжающий расти в наше время ассортимент товаров и услуг и появившийся выбор при покупке одежды.

Среди «этнических» мусульман явно прослеживается тенденция покупки специализированной мусульманской одежды только на определенные случаи, например, праздники, причем ношение этой одежды этими случаями ограничивается. Если для практикующих мусульманок предполагается ношение определенной одежды по религиозным канонам, то в отношении мужской одежды таких жестких предписаний нет, поэтому в семьях практикующих мусульман женская одежда покупается регулярно, а мужчины ограничиваются покупкой головного убора — тюбетейки как постоянного атрибута внешнего облика участника пятничной молитвы либо религиозной церемонии.

Практикующие мусульманки при выборе магазина для покупки одежды придерживаются двух разных стратегий: одни полагают, что удобнее прийти и купить все в одном месте, другие считают, что отдельные элементы можно купить в магазинах со светской одеждой, например, головные уборы или длинные платья.

Отсутствие практики ношения женщинами одежды по нормам ислама информанты объясняли по-разному: во-первых, отсутствием татарских традиций по ношению закрытых одеяний, во-вторых, нежеланием скрывать супругу, и, наконец, в-третьих, сами мусульманки апеллируют к принципу светскости, например. Сфера производства мужской и женской одежды оценивается мусульманами как развитая, ни для кого не стал проблемой поиск необходимого предмета одежды по религиозному канону.

Сельчане отдают предпочтение практичной, удобной, простой одежде, ее соответствие современным мусульманским канонам зачастую не играет никакой роли. Большинство сельчан считают представления о современном одеянии мусульманки городской модой. Как и городские жители, сельчане отмечают, что в национальном костюме татарки никогда не присутствовало требование к полному сокрытию волос. По этой причине распространенной практикой в старшем поколении женщин является регулярное ношение платка, а молодое поколение носит платок только при посещении религиозных учреждений либо на обедах по особому случаю, где присутствуют священнослужители. При этом другие ограничения в одежде, в том числе и среди практикующих мусульманок, могут не соблюдаться. Таким образом, у сельчанок возникает потребность только в приобретении платков, что они делают в обычных городских магазинах.

Таким образом, сельские мусульмане на фоне городских демонстрируют заметно более низкий спрос на специализированную одежду для мусульман, отдавая предпочтение более практичной и пригодной для работы.

Исследование расходов мусульман на религиозные товары и услуги позволило выявить практики закрепления определенных задач за членами семьи. В качестве общей тенденции можно отметить особую роль женщины в мусульманских семьях, о которой говорили в интервью мужчины и косвенно упоминали сами женщины. В случаях, если необходимо принимать решение о проведении какого-либо обряда, решающая роль, как правило, отводилась женщине. При необходимости приобрести какой-то товар или услугу последнее слово также оставляется женщине. Мужчины объясняли такой расклад большей осведомленностью матерей и жен, как в религиозных вопросах,

так и в семейных. А женщины в рамках интервью просто говорили от своего имени, т.е. от первого лица: «я решила» или «я купила». Либо абстрактно указывали на то, кто принял какое-то конкретное решение, например, «любой ребенок должен к определенной религии относиться, поэтому я проводила своим детям имянаречение. Женщина решает уж такие вещи». Стоит отметить, что нормы ислама уверенно подчеркивают роль мужчины как главы семьи, что зачастую определяет патриархальный уклад мусульманских семей. Данные же проведенных интервью переводят ракурс внимания на женщин как на основных религиозных акторов, ответственных за ведение хозяйства, и, соответственно, потребителей религиозных товаров и услуг. Такая ситуация является противоречивой и требует более глубокого дальнейшего изучения.

Е. А. Нальчикова, Л. Э. Ивазова

г. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

Смерть в северокавказском городе XIX — нач. XXI в: гендерный анализ традиционной обрядности

Для Северного Кавказа вопрос изучения и сохранения традиции осложнен изменившимися условиями существования, появлением в конце XIX в. «городской» среды, ставшей доминирующей уже в середине следующего столетия. На протяжении XX в. происходило формирование городской культуры под идеологическим руководством советской власти. В последние десятилетия в «молодых» городах Северного Кавказа влияние глобализационных процессов и исламской идеологии внесло дополнительный разрыв в представления о традиции: этнической или религиозной.

До настоящего времени в северокавказских городских поселениях сохраняется традиционная практика совместного захоронения супругов, для чего после смерти одного из них рядом с могилой вбивается колышек под будущую могилу второго супруга. Структура городского мусульманского кладбищаг. Нальчика наглядно демонстрирует, что в советский период достаточно часто встречаются «парные» надгробия мужа и жены. Несмотря на то, что семиотический контекст совместных погребений не сводим только к восстановлению брачного союза в загробном мире, национальная ментальность усматривает явный смысл подобных обрядов именно в сакральности брачных уз. Супружескую связь, которую в отдельных случаях может разрушить развод, факт смерти только временно ослабляет.

В скорбной песне, сложенной в 40-е годы XIX в. Кумпыль, первой женой популярного героя АджигерийкоКучук-пши, сообщается: «Из тех, кого покинул на свете старом — жена несчастнее всех». Она предполагает разделить с ним посмертную судьбу: «Пошла бы я и в ад за тобою, да душу не разлучить мне с телом». И даже последнее не означает отказа от общности загробной жизни, но указывает на отсрочку события.

Убежденность адыгов в предназначенность мужу в загробном мире именно первой жены отражена в скорбной песне Гошагаг. Несмотря на измену, после смерти мужа она заявляет: «На корабль с тобою мы ступим, — уступят место тебе с почетом, а с тобою и мне, супруге, по праву место и честь».

Национальная ментальность до сих пор отдает приоритет первой жене. Наш информатор — Н-ов А.К., 1939 г.р. — рассказал о завещании своей мачехи, Х-вой Д.Ц. (1928–1997 гг.), — похоронить ее на кладбище с. Аргудан рядом с братьями. Она объ-

ясняла свое решение тем, что на том свете покойный муж восстановил свой первый брачный союз с Кажаровой Ц. М. М-в Исмель (1921—2001 гг.) из г. Нальчик, состоявший в браке три раза, завещал детям похоронить его рядом с первой женой, чеченкой из г. Гудермес, умершей более 40 лет назад.

Высокий процент межнациональных и межконфессиональных браков в городской среде ставит вопросы о совместных (на одном кладбище) или отдельных захоронения супругов. Первый фактор принципиального значения не имеет, если речь идет о представителях коренных народов региона. Но когда мы говорим о межконфессиональных семьях, вопрос их посмертной судьбы становится актуальным. Наличие в городе мусульманского и христианского кладбищ ставит перед женами вопросы выбора. Опросы пожилых респондентов показывают, что многолетнее совместное проживание чаще всего приводит и к общности «посмертной судьбы». Так, Бежанова Б. И. (1938 г.р., г. Эссентуки), похоронив 10 лет назад мужа и сына, завещала похоронить себя рядом с мужем (хотя место не оставлено) на вольноаульском мусульманском кладбище г. Нальчика, объяснив это желанием остаться рядом с ними после смерти и вероятной возможностью воссоединиться со своей семьей.

Б-ва Т. И., 1952 г.р. из г. Владикавказ, осетинка-христианка, потеряв супруга 12 лет назад, завещала детям похоронить себя на родовом мусульманском кладбище с. Чикола рядом с супругом. Аналогичный наказ — похоронить себя рядом с мужем на мусульманском кладбище — оставила А-ва Е. А., представительница греческой диаспоры из г. Краснодар.

А-ба А., 1929 г.р. из г. Сухум, мусульманин, похоронив несколько лет жену по христианскому обряду, через некоторое время стал беспокоиться о возможном раздельном существовании с покойной, и принял крещение, чтобы после погребения воссоединиться с супругой. Случай нельзя назвать типичным, поскольку обычно вероисповедание мужа является определяющим при выборе погребального обряда у северокавказских народов.

Противоречивая ситуация была связана с П-ной Ш.Х. (1935—1998 гг.). Похоронив русского супруга на христианском кладбище г. Нальчик, через 9 лет умерла, но по настоянию родственников была отвезена в аул Красный Восток и похоронена на родовом кладбище по абазинскому обычаю.

В семье Ш-ых из г. Нальчик межнациональные/межконфессиональные браки случались в трех поколениях. Ш-в К. А. женился на православной, похоронен на мусульманском кладбище, его супруга — Ш-ва Л. И. — распорядилась похоронить ее на христианском кладбище г. Нальчика, рядом с родителями, сестрами и сыном. Старший сын был женат на русской и трагически умер в 40-летнем возрасте. В родовом селении отца его подготовили к похоронам по мусульманскому обряду, но, по настоянию матери и жены, после скандала, его переложили в гроб и похоронили на христианском кладбище г. Нальчика, рядом с родными по материнской линии. Внук — Ш-ов А. К. — также имеет русскую жену, но пока, в силу молодого возраста, не задумывался о месте захоронения.

Жительница г. Нальчик, Г-ва Т. И., 1948 г.р., распорядилась похоронить ее на городском мусульманском кладбище, чтобы ее «дети могли навещать». Сегодня самая распространенная мотивация для женщин-мусульманок старшего поколения — желание ощущать заботу о месте своего погребения со стороны детей и близких.

Традиционные слова успокоения умирающих и сегодня построены на представлениях о том, что на том свете их ждут члены семьи и родственники, уже ушедшие

из жизни. Поэтому смерть каждого человека воспринимается в обыденном сознании как условие восстановления единства его семьи в загробном мире.

Межнациональные и межконфессиональные браки, на первый взгляд, предполагают раздельные захоронения, но современная повседневная практика показывает, что супруги упорно стремятся остаться рядом и после смерти. Рационального объяснения подобному не существует, но указанные процессы особенно характерны для городской среды северокавказских народов, в отличие от сел, где проблема выбора не стоит.

Таким образом, исследование этноментальных взглядов на посмертное существование самой похоронно-погребальной культуры народов Северного Кавказа, позволяет проследить трансформации повседневной жизни традиционной семьи и поставить вопросы о месте национальных или религиозных факторов, с учетом гендерной дифференциации, при выборе предпочтительного обряда, способа и места захоронения членов одной семьи.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00147-ОГН
«Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа»*

13.2. ВЕРУЮЩАЯ ЖЕНЩИНА В СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ XX СТОЛЕТИЯ

М. С. Черкасова

г. Вологда, Вологодский государственный университет

Женский монастырь и монашество в Вологде в XVI — начале XVIII в.

В эпоху Московской Руси в Вологде было четыре городских монастыря: три мужских (Воздвиженский, Ильинский и Знаменский) и один женский — Горний Успенский. Последний находился в старой части города, на возвышенном месте, откуда и пошло его название. Точное время его основания неизвестно, а к 1590-м годам относится возобновление обители на «государево царское жалованье». Имеется в виду не дошедшая до нас жалованная ружная грамота царя Федора Ивановича 1590 г. Следующее возобновление монастыря потребовалось после польско-литовского разорения Вологды (сентябрь 1612 г.) по челобитной 27 «нищих бедных разорённых» стариц в мае 1613 г. на имя вологодского архиепископа Сильвестра. В ответ последовало его распоряжение о назначении игуменьей старицы Домникеи, которая ещё до смуты была там «первой начальницей и первые труды свои полагала и монастырь строила и церкви Божии сооружала и бывшим государем царем о монастырском строенье била челом и промышляла, живучи на Москве».

В Горнем Успенском монастыре переплетались разные черты: и особно- и общежительной, и ружной обители, и приходского центра для данной части города (Успенская треть). Деревянные церкви назывались: клетская — Живоначальной Троицы с приделами Николая Чудотворца и Сергия Радонежского и шатровая Успения

Пречистой Богородицы «сооруженья мирских прихожан». В имуществе монастыря писцовая книга 1627/28 г. выделены две части: 1) мирского строения и 2) государева жалованья. К последнему отнесены иконы Бориса и Глеба, Фёдора Стратилата, Феодосьи девицы, Марии Магдалины и преп. Ксении Римлянины. Приведённые имена указывают на почитаемых в семьях царя Фёдора Ивановича и его жены Ирины, а также царского шурина Бориса Фёдоровича Годунова святых, включая Феодосию, — так звали умершую во младенчестве царевну, дочь Ирины и Фёдора. Монастырь имел 20 келий и был огорожен забором длиной в 140 на 140 сажень.

В описи 1634 г. в Успенской церкви отмечена совместная у монастыря с приходской общиной денежная сумма, контролируемая игуменьей Домникеею (упомянута её печать) и церковным старостой Вас. Сеницыным. Приход Успенской церкви составлял 22 двора (ориентировочно 100–120 чел. об.п.). Средства монастыря складывались из ежегодной денежной руги и вкладов стариц. Учёт прихода и расхода денег велся в совместных книгах игуменьи с церковным старостой. В указной царской грамоте от 29 января 1624 г. вологодскому воеводе И.И. Салтыкову и дьяку В. Ларионову говорилось о выдаче денежной и хлебной руги на 36 стариц. Порядок этот существовал ещё до смуты, поскольку грамота 1624 г. была выдана на основе списков со старых жалованных грамот, скорее всего, 1590-х годов. Из указной царской грамоты 1666 г. узнаём, что до 1665 г. жалованье игуменьи составляло 2 руб., по 2 четв. ржи и овса в год, а рядовым 36 старицам — вдвое меньше. Хлебная руга в 1665 г. была увеличена для каждой старицы на осмину ржи и овса. Деньги выплачивались из доходов местной таможенной избы.

С 1658 г. для каменного строительства архиепископ Маркелл разрешил одной из стариц — Анисье Зуевых — собирать средства от добрых христиан, ходя по волостям, торжкам и ярмаркам. Когда в 1660-е гг. отливался колокол для монастыря, была составлена роспись денежных пожертвований на него от монахинь. Из неё видно, что в обители постригались горожанки из разных сословий — посадского (Сорокины, Чадовы), служилого (Чихачёвы, Барандины), а также крестьянки из уезда. По сравнению с челобитной 1613 г. заметна фиксация фамилий монахинь. Отмечены фамилии и в списке насельниц в описи 1714 г. Судя по ней, большинство их составляли крестьянки разной владельческой принадлежности — из помещичьих имений Авнежской и Кубенской волостей, из вотчин ряда монастырей — Спасо-Каменного, Спасо-Прилуцкого, Корнильево-и Арсеньево-Комельских, Сямского Богородицкого, Кирилло-Белозерского.

У Горнего Успенского монастыря были ограниченные средства для содержания священно- и церковнослужителей — их не хватало более чем на двух священников, одного диакона и пономаря, да и тем «питатцо нечим». Иногда монастырские настоятельницы давали деньги в долг посадским людям, благодаря чему приобретали посадские дворы и огороды, но такого рода недвижимость была крайне незначительна. Дополнительным к руге источником жизнеобеспечения стало получение в 1661 г. на оброк за 1 руб. 7 коп. в год пяти конюшенных пожен в Вологодском уезде. В феврале 1684 г. по царской грамоте Ивана и Петра Алексеичей они были переданы обители в безоборочное владение.

В социокультурном плане весьма интересны женские духовные грамоты (=иустные памяти). Они отражают гендерные аспекты городской повседневности, место и роль монашества в системе семейно-родственных и социальных связей города, в жизненных стратегиях некоторых женщин, раскрывают их имущественные права.

В духовной монахини Ирины (в миру — посадская вдова Ульяна Савельева) в марте 1647 г. говорится, что постриглась она своей волей из-за болезни («Божиим судом по скорби своей»). Её первой муж Тимофей Ефремов был портным и от него она имела дочь Наталью. Второй её муж — Трофим Михайлов — ещё здравствовал и на него Ирина возлагала обязательство заботиться о себе и своей дочери. Обоих своих мужей старица Ирина называет «побратимами».

Укажем ещё на одну «изустную память» — дочери архиерейского приказного В.Г. Данилова-Домнина, инокини-схимницы Ираиды в феврале 1670 г. На обороте её имеется свидетельствованная запись архиепископа Симона в июне того же года (следовательно, Ираида к лету уже умерла). В изустной отец фигурирует как живой, с эпитетом «безгрешный». Ему она завещает свой «поклаж» (так называлось переданное по договору на хранение, сбережение имущество) — ларец с 85 руб. и три коробы (полотна, пряжа, лён, полог и сорочки). Ираида назначала 3 руб. своему отцу духовному, игумену Воздвиженского монастыря Иоанну, ряд выплат родственникам и холопам. Среди послухов-«седельцов» названо несколько стариц Горнего монастыря, в том числе и её мать — келейная старица Маремьяна Сорокиных. Послухами у духовной были также служилые люди — архиерейский сын боярский Л.А. Аленин и помещик И.П. Трусов.

К маю 1713 г. относится духовная монахини Елены Березиной, вдовы крупного вологодского купца (и бурмистра в 1701 г.) Дмитрия Фомина с.Березина, происходившего от крепостных людей гостя Г.М. Фетиева, служившего ему приказчиком, а перед смертью отпущенного вместе с женой на волю. В завещании фигурируют её родственницы, проживавшие вместе с нею в Горнем монастыре — золовка (сестра мужа) Елена Фоминична и родная сестра Матрона. Среди назначаемых Е. Березиной душеприказчиков-приятелей отмечены известные вологодские купцы А.Т. Обалдин Е.Т. Масленников, отец и сын П.М. и С.Д. Ягодниковы. Умершего мужа Елена называет «своим сожителем» и завещает похоронить себя рядом с ним у Владимирской церкви. Ею отданы распоряжения относительно иконы Троицы в серебряном окладе, которую следует поставить в алтаре над жертвенником «без выносу в вечное помяновение». Указаны размеры выплат священникам, дьяконам и пономарям 57 вологодских церквей, а также тюремным сидельцам (более 200 руб.). С точки зрения монастырского быта интересны свидетельства духовной Е. Березиной о строительстве ею келий в обители и посмертной передаче их в «странноприимство», то есть в богадельню, устроенной в монастыре по завещанию архиепископа Симона в 1684 г. (на 12 престарелых и больных монахинь). Елена Березина конкретно указывает, каких стариц следует пустить жить в построенные ею кельи, чтобы в каждой было по 3 человека. Таким было обособление индивида в сообществе себе подобных.

Литература

1. Гос. архив Вологодской обл. Ф 496 (Консистория). Оп. 1. № 452; Ф.1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1. № 3260; Оп. 6. № 242.

2. Источники истории г. Вологды и Вологодской губ. Вологда, 1904.

3. Старая Вологда. XII — начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. № 130, 136, 210–215.

4. Суворов Н. Несколько материалов для истории Вологодского Горнего

Успенского женского монастыря//Вологодские епархиальные ведомости. 1872. Прибавления к № 2–6.

5. Суворов Н. Описание Вологодского Горнего Успенского женского монастыря//ВВВ. 1885.

Прибавления к № 10.

Вотивные подвески как религиозная и коммеморативная практика русских горожанок XVIII–XX вв.

*«Из серебра кованые крепкие ноги, сильные руки и острые глаза! Если, не дай Бог, твои тебе плохо служат, не трать деньги на медиков, купи пластинку с изображением, приложи к больному месту и пожертвуй чудотворной иконе!»
Петрович Г. Осада церкви Святого Спаса. Книга первая. Второй день. IV.*

Интересной формой пожертвования являются вотивные подвески («привесы») к иконам, в качестве которых могут выступать как крестики, цепочки и другие драгоценности, так и специально изготовленные изображения частей тела [1].

Обычай приносить в дар божеству изображения человека или больных органов с просьбой или в благодарность за исцеление возник в глубокой древности и просуществовал до начала XX в. В западной традиции часто использовали вотивные подвески в виде сердца, которое могло обозначать душу. Вотивные серебряные подвески в виде сердец вкладывались в католические церкви на протяжении столетий. Кроме сердец в Европе существовали вотивные дары в виде плакеток с монограммой Иисуса Христа и Девы Марии, а также молящегося человека. Не позднее XVII в. маленькие образки-подвески в виде сердца появляются в восточнохристианской традиции. Христианский обычай «исцелительных» вотивов связывают со св. Иоанном Дамаскином и происхождением иконы Богоматери Треручицы [10].

Несмотря на имевшую место в XVIII в. борьбу с этим «суеверием» (например, указ 1722 г. о запрещении делать привесы к иконам) [8], практика пожертвования привесов оказалась очень устойчивой [6], драгоценности жертвуются как привесы и в наши дни.

В собрании Каргопольского музея находится коллекция преимущественно литых вотивных подвесок XIX в. (52 предмета) в виде ручек (18 шт.), ножек (11 шт.), глаз (9 шт.), сердец (2 шт.), груди, торса, грудной клетки, уха (по 1 шт.), голов и отдельных фигур. В собрании Сольвычегодского историко-художественного музея хранятся чеканные вотивные подвески XVIII–XIX вв., происходящие из часовни в дер. Большой Двор Верхнеуфтюжского сельсовета Красноборского района. Из них: в виде человека — 6 шт., изображения ноги — 22 шт., руки — 18 шт., глаз — 29 шт. и груди — 3 шт. В собрании Тотемского музейного объединения хранится около 210 вотивов, среди которых 56 фигур в полный рост, 7 поясных, 17 рук, 45 ног, 7 сердец, 25 глаз, 28 изображений груди, 25 — головы, 1 — уха. Среди фигур встречаются изображения святых, в том числе подпадающие определению [2, 3, 9, 10].

Практика пожертвования привесов была в основном женской (фигуры, изображения женской груди) и имела место в равной мере в сельской местности и в городе. В дореволюционном Архангельске «Торговали с лотков серебряными изделиями: ... серебряными, тисненными из тонкого листа коровками, которые жонки покупали, когда заболела корова, чтобы повесить эти жертвенные коровки перед образом святого Фрола — покровителя стад» [5].

Привесы в виде изображений были распространены не только на Русском Севере, но и в Центральной России. Цепочка с 11 привесами XVII–XIX вв., в том числе в виде ног, кистей рук и зуба, имеется при иконе Богоматери Казанской из церкви Николая Чудотворца на Берсеневке, находящейся в собрании музеев Московского Кремля [4]. К окладу иконы Спаса Нерукотворного из Троицкого собора Саратова были прикреплены

многочисленные изображения исцеленных органов и частей тела, золотые и серебряные натальные крестики и образки. Некоторые из этих подношений были вывешены рядом с иконой в особом киоте. Их было так много, что часть из них в середине XIX в. была переплавлена для изготовления нескольких сребропозлащенных венцов на другие иконы собора. В.П. Соколов, изучавший описи имущества храма, сообщает, что общий вес изготовленных украшений — 260 золотников, то есть около 1110 г. [7].

Привесы в большинстве случаев следует отнести к обезличенным пожертвованиям, не имеющим особого мемориативного значения, поскольку они сами по себе не являются носителями какой-либо личной информации, о вкладчике. Однако иногда такие предметы могут нести на себе вкладную надпись, в том числе с указанием имени жертвователя. Более того, высказывается предположение о портретном характере изображений персонажей некоторых вотивных подвесок.

Литература

1. Игошев В. В. *Историческое бытование вотивных подвесок в России в XVII — начале XX вв.* // *Художественный металл 2001. С. Материалы конференции памяти Г. Н. Бочарова. Москва, 22–24 апреля 1998 г. М.: РГГУ, 2001. С. 255–275.*

2. *Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей: каталог-путеводитель. М.: Три квадрата, 2011. С. 131.*

3. *Каргопольское путешествие. Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М., 2014. С. 456–463.*

4. *Костина И. Д. Произведения московских серебряников первой половины XVIII века: каталог. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2003. С. 64. Кат. № 42.*

5. *Митрофанов А. Г. Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке: пореформенный период. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 345.*

6. *Под сводами русского храма. Церковная деревянная скульптура XVII–XIX веков: изд. приурочено к выставке (Москва, Гос. музей архитектуры им. А. В. Щусева, 19 февраля — 20 апреля 2014 г.). М.: Кучково поле, 2014. С. 12.*

7. *Саратовский Свято-Троицкий собор: исторический очерк. Саратов, б. г. С. 35–37.*

8. *Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. С. 218.*

9. *Тотемское музейное объединение: альбом-путеводитель по коллекциям. М.: Три квадрата, 2015. С. 62.*

10. *Черных М. В. Вотивные подвески // Сольвычегодский историко-художественный музей: альбом-путеводитель. М.: Три квадрата, 2015. С. 163.*

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–411–480001 «Трансформация повседневной мифологии семейной памяти в культурном ландшафте современной Центральной России: научная аналитика и региональные социокультурные практики».

В. В. Мищенко

г. Новозыбков, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Бытовые и гендерные особенности скопческих общин XIX в.: по материалам Орловской губернии

Линия поведения членов конфессиональных групп воплощает способ удовлетворения повседневностью жизни. Это формирует как ее ценностные приоритеты:

жить и удовлетворяться от своего мира (отношение внутри общины), так и ценностные ограничения: жить и удовлетворяться от внешнего мира (отношение с государством и Русской Православной Церковью).

Представитель конфессиональной группы не хочет изменять свои ценностные ориентиры, если ощущает, что ему пытаются навязать другие ценности, которые ему не понятны. Это и создает иллюзию консерватизма скопцов. Скопцы мирились с тяготами, тяжестью жизни, так как они находились внутри своего мира. Но в то же время они были ориентированы на любое новшество, если оно позволяло быть удовлетворенным этим новшеством.

Одним из показателей повседневного поведения скопчества являлась ориентация на полезность поступков. Скопцы предлагали свою полезность — быстрое обогащение в обмен беспрекословное подчинение и на строгое соблюдение обрядов. «... Выше всего ставить безмерно любить и почитать свою духовную родню, своих единоверных братьев и сестер...», «... в церковь не ходить, свинины не есть водку не пить, табаку и курить, и не нюхать, тогда будешь богатым...» [4, с. 122 об., 125 об.]. Этот способ «полезности» привлекал вдов и девиц, которые потеряли всякую надежду выйти замуж по различным причинам: бедность, физические недостатки, преклонность лет.

Скопцы в своей повседневной жизни придерживались строгой конфессиональной дисциплины, за нарушения норм «целомудрия» следовали очень жестокие санкции. Жизнь «в целомудрии», свобода от страстей и суетного богатства выступали главными темами их многочисленных молитв. Скопцы полагали, что их религиозные достижения утратят ценность, если о них узнают непосвященные. Они порой сохраняли свой супружеский статус, также, чтобы не быть опознанными властями, посещали в конспиративных целях церковь.

Ряд бытовых черт скопцов сформировался в результате их преследований со стороны государственной власти и русской православной церковью. По внешнему поведению их можно было назвать самыми благочестивыми православными христианами. И протоколы допросов только это подтверждают: «Устинья Карпова в церкви бывает часто, причащается исправно», «... по свидетельству приходского священника Стефанида Ларионова в церкви молится усердно...» [2. Л. 345 об, 347]. В самой церкви, еще не выявленные сектанты, первые в проповеди или на собеседовании у приходских священников начинали возмущаться мерзостями скопцов или хлыстов. Порой занимали даже должности церковных строителей, попечителей, старост. Преподаватель Орловской Духовной Семинарии Александр Евгеньевич Попов в своей аналитической справке, написанной по заказу орловской полиции, пишет, что «скопцы вовсе не отдалялись от Православной Церкви, ревностно исполняли обязанности христианские» [4, с. 118 об], «Даже на исповеди они с клятвами уверяют священников в своей непричастности к скопчеству» [7. С.547]. На допросах скопцы всегда утверждали, что они «православной веры не отвергают» [3, с. 7].

Скопца по внешности узнать было легче, чем, например, старообрядца. Исследователь Т. И. Буткевич оставил подробно описание внешности скопца. «Оскопленные в малолетстве скопцы на всю жизнь сохраняют дискантовый голос; никогда не имеют волос ни на бороде, ни на усах; цвет лица у них матовый всегда бледно-желтый, безжизненный, сходный с цветом картофеля, морщинистый и старообразный без румянца и блеска. Их организм всегда склонен к ожирению

и рыхлости, обладает обилием подкожного жира и мышечной ткани с большим животом и мягким водянистым телом... глаза его не имеют блеска, быстроты движения и почти всегда полузакрыты» [1, с. 190—191].

Сектанты жили рядом с остальными мирно, но всегда обособленно, и со своими тайнами. Об этом красноречиво свидетельствуют протоколы осмотра изб в деревнях Севского и Малоархангельского уездов Орловской губернии. «... Изба стоит позади двора параллельно домовой постройке, в которой живет семейство Мокрициных, в сенях пред избой, два хода; один из них на огород, а другой со двора, так что во двор кто войдет из посторонних, то находящиеся в избе успевают укрыться и может уйти в поле... При входе по правую сторону обыкновенная русская печь с круглой трубой... Вокруг стоят лавки, а в углах иконы» [2. Л.343 об]. «15 сентября [1867 г. — В.М.] был устроен другой обыск по которому открыто: в комнате выходящей на улицу устроена печь с лежанкой, часть ее поверхности оказалась деревянною в виде дверки, при поднятии которой оказался вход под печь, в которой может свободно поместиться несколько человек. Под печью устроена пещера, в квадрат два аршина, а в высоту пять четвертей. В этой пещере в одной из стен устроена дверь ведущая в другую пещеру, где также свободно находится несколько человек, и в нее проведен вход через яму, выходящую во двор... В другой комнате ... найдено под постелью, другая пещера, похожая на погреб, вход в которую идет через отодвинутые бревна, вделанные в стену, в той тоже может поместиться свободно человек. На полу этого помещения найдены: солома, огарки свечей, циновка и несколько костей» [3. Л.5].

Женщины вообще принимали во всех религиозных движениях самое деятельное участие. Исследуя приверженность женщин мистическим верованиям, «Орловские епархиальные ведомости» в к. XIX в. писали: «Женщина, живущая преимущественно сердцем, гораздо глубже и скорее усвоит известную истину, чем мужчина. Религиозная вера женщины поэтому гораздо жизненнее, экспрессивнее и деятельнее, нежели религиозная вера мужчины. Женщина в порыве религиозного возбуждения совершенно перерождается: будучи поглощена одной тенденцией, женщина и для окружающей среды является не тем, что она есть, и невольно заставляет признавать в себе иное неземное существо» [8, с. 1008].

В среде сектантов не существовало единого отношения к церковному браку. Скопцы, если они были женаты, то обязывались жить со своими женами «по сестрии» и без супружеских отношений» [4. Л. 124 об]. Исследователь русского сектантства Т.И. Буткевич считал, что «женщина, не согласившаяся бросить своих детей и своего мужа... обращается в простую прислугу... Почетное место занимают «духовницы» [1, с. 61]. У скопцов пророчицы, называемые также богородицами, являлись не только духовными начальниками, но и административными лицами — от них зависело наказание согрешившим, назначение места следующих сборов и распорядительные дела по устройению и управлению общиной. Вследствие такого значения богородицы назывались «кормицами» [4. Л. 121].

Если «христы» в христоверии «рождались» от монашек, ничем, кроме праведной жизни, не отличавшихся, то скопческая легенда возводит появление пророка Седиванова к царице Елизавете Петровне. Согласно скопческой легенде, Елизавета, процарствовав два года, передала престол внешне похожей на нее фрейлине, а сама удалилась в Орловскую губернию, где и жила под именем простой женщины Акулины Ивановны [См. 6. С. 39].

Сведения о существовании в Орловской губернии многочисленной скопческой общины под руководством учительницы Акулины Ивановны и «пророчицы» Анны Романовны относятся еще к 1767–1768 гг. [5, с. 598]

В богородицы обычно выбирали девушек еще в молодости. Богородица должна быть красивой наружности и твердого ясного ума. От своих почитателей хлыстовские богини получали богатые приношения. «... Владимирская крестьянская девка Акулина Тимофеева, разыгрывавшая роль «хлыстовской богини», сильно любила приношения — и слепой народ тащил ей день и ночь муку, крупу, мед, пшено, деньги — составила себе карьеру не трудовой жизни, но сытой, прибыльной и почетной» [8, с. 940].

Таким образом, видно, что скопцы стремятся к обогащению взамен на беспрекословное подчинение, их привлекает идея жертвенного обмена: возможность поступиться свободой, даже частями тела для получения соответствующих благ. Ряд бытовых отличий сектантов сформировался в результате их преследования со стороны государственной власти и русской православной церкви. Это обособленность жилища, внешний вид скромный, но указывающий на материальное благополучие. У скопцов сохранялась только внешняя форма брака и сопровождавший его семейный иерархизм.

Внутрисемейные властные отношения в семье характеризовались и для скопцов традиционализмом. Это главенствующая роль в семье мужчины, связанная с выполняемыми им экономическими функциями. Женщина по-прежнему была зависимым и бесправным существом, привлеченная в секту обещаниями более легкой жизни «в целомудрии». Единственной возможностью занять особое место в сектантской общине была для женщины роль «богородицы».

Литература

1. Буткевич Т. И. *Обзор русских сект и их толков*. Харьков, 1915.
2. ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1172.
3. ГАОО. Ф. 635. Оп. 2. Д. 4.
4. ГАОО. Ф. 635. Оп. 2. Д. 40.
5. *Изуверы (из воспоминаний судебного следователя 70-х гг.)*//*Вестник Европы*. 1889. Т. 4. № 8.
6. Малахова И. *Духовные христиане*. М., 1970.
7. *Миссионерское обозрение* 1901. № 1–5.
8. *Орловские епархиальные ведомости*. 1895. № 32.
9. Пеликан Е. *Судебно-медицинское исследование скопчества*. СПб. 1872.

А. Д. Попова

г. Рязань, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Сыновья и дочери духовенства в городской культуре: гендерные и сословные особенности процесса маргинализации

В истории трансформации социальных ролей различных сословных групп интересным моментом представляется вопрос о взаимодействии с элементами городской культуры представителей ученических групп, которые прибыли в город для учебы.

Переезд сельского жителя в город — один из наиболее хрестоматийных вариантов маргинальности. Город открывает новичку совсем другой образ жизни с другими по-

вседневными практиками. Сегодня для выпускника сельской школы, приехавшего для учебы в город, этот шаг в жизни ассоциируется с изменением ритма жизни, большим выбором товаров и услуг, культурных учреждений и новыми способами проведения досуга. Делом чести новоиспеченного горожанина-студента становится как можно скорее опробовать новые культурные практики — сходить в вечерний клуб, отдать должное шопингу, одевшись «по-городскому», посетить модную театральную постановку. И делается это не только с целью расширения духовного мира, но и ради осознания себя «своим» в новом мире. И в последствие город может стать образом жизни навсегда.

Однако в дореволюционной России данный процесс маргинализации резко отличался от современного, имея сословные и половые особенности, что очень ярко прослеживается на примере духовного сословия. Дочери духовенства, поступая в епархиальные училища и живя в городе, контактировали с ним мало. В силу патриархальных традиций проживание вне рамок учебного заведения для них было исключено. Девочки постоянно находились в училище, почти не контактируя с городской средой. Сказывались традиционные представления о закрытых учебных заведениях. Изоляция от внешнего мира виделась одной из главных форм заботы о нравственном воспитании девочек и девушек. О модных магазинах им не приходилось мечтать в силу строгих аскетических требований к внешнему виду учениц. В некоторых училищах затворничество девочек усугублялось еще одной банальной причиной: нехваткой верхней одежды. Как отмечает воспитанница Рязанского епархиального училища Л. А. Худзинская, подбор деталей верхней одежды был таков, что «наружность получалась не из красивых — прямо какие-то арестантки» [6, с. 88]. Обычно девочка покидала территорию училища только в крайнем случае, когда, например, надо было посетить зубного врача. Упоминания о посещении театра или литературного вечера в воспоминаниях епархиалок встречается как исключительное событие, имевшее место всего один или два раза за все время обучения.

В несколько ином положении оказывались сыновья духовенства. Сословный строй предписывал всем детям мужского пола продолжить дело своих отцов — стать священнослужителями. Соответственно ехать в город за образованием приходилось всем попovichам. Далеко не каждое учебное заведение обладало обширным зданием, поэтому многим приходилось жить на квартирах. Даже там, где было обустроено общежитие, не всегда соблюдалось требование не допускать свободного выхода в город, о чем пишет, например, выпускник Одесской духовной семинарии Ю. А. Галабутский [4, с. 33]. Таким образом, мальчики уже автоматически оказывались ближе к городской среде. В этом плане они были схожи со студентами университетов.

Однако городская среда встречала мальчиков-поповичей гораздо менее дружелюбно, чем студентов. Студенческая среда была достаточно пестрой по сословному составу [8, с. 148]. Поповичи составляли отдельную сословную группу, к тому же в основной массе пришлую. Нередко в социуме города ученики конкретного учебного заведения выделялись в среде прочих горожан прозвищем. Касалось это и попovichей. Например, по словам воспитанника Орловского духовного училища Ю. Соломина их горожане называли «кутейниками» [1, л. 36]. Они в свою очередь дразнили городских «козлами». Кличками дело не ограничивалось. Упоминание о драках с горожанами достаточно часто встречается в мемуарах воспитанников духовных семинарий. Соломин отмечает, что ходить по одиночке было рискованно: можно было быть побитым.

Однако процесс интеграции с городской средой у мальчиков-поповичей происходил намного более интенсивно, чем у девочек. Социальные табу в меньшей степени сдерживали семинаристов от посещения трактиров и кабаков, и не смотря на предписываемый благочестивый образ жизни некоторые юноши вовлекались в пучину пьянства. Однако город не только развращал. Во многих мемуарах отмечается, что семинаристы стремились расширить круг чтения и посещали городскую библиотеку. Начальство по-разному относилось к желанию семинаристов читать книги из городской библиотеки. В Одессе это не осуждалось [4, с. 32], в Воронеже преподаватели даже сами поощряли визиты в библиотеку [7, с. 283], в Перми, наоборот — семинарское начальство запретило сотрудникам библиотеки выдавать книги ее воспитанникам [1, Л. 461]. Наиболее упорные записывались под вымышленными именами. Манил семинаристов и театр, хотя это осуждалось семинарским начальством больше, чем посещение библиотеки.

Посещение библиотек и театра — это было не просто желание расширить свой духовный мир, это было стремление присоединиться к культурным практикам нового для себя мира — городского и иносословного. Семинаристы пытались копировать социальные практики других сословий, других ученических групп, прежде всего студентов университета. В том числе они не просто посещали театр, но и пытались по примеру студентов Москвы самим давать представления. Правда, мемуары свидетельствуют, что выбор пьес был достаточно скуден. Если студенты ставили пьесы Д.И. Фонвизина и И.А. Крылова [5, с. 163], то семинаристы чаще всего на разные лады переигрывали народную пьесу «Царь Максимилиан» [4, с. 30].

Однако эти попытки приобщиться к социальным практикам другого сословия были достаточно призрачные и временные. В отличие от дня современного ученикам духовных учебных заведений было не суждено стать «своим» в городе, форточка в иную жизнь открывалась на непродолжительный период времени, затем сословные традиции предписывали возвращение в сельскую глубинку. И только избранным было суждено шагнуть в окно городской жизни.

Литература

1. ОРК РНБ. Ф. 725. Д. 3. Л. 36.
2. ОРК РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 103/3. Л. 461.
3. Борзаковский П. В начале реформы бурсь. Киев, 1900.
4. Галабуцкий Ю. А. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902.
5. Феофанов А. М. Студенты Московского университета в городском пространстве (XVIII — начало XIX в.) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2014. № 1.
6. Худзинская-Гельская Л. А. Записки епархиалки // Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ / Сост., предисл., погот. текста и коммент. О. Д. Поповой. М., 2011.
7. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания. // Звонарь. 1906. № 2/3.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 16–01–00468 — «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX–XX веков»

Бытовые условия жизни женщины духовного сословия во второй половине XIX века (на материалах городов Оренбургской губернии)

Повседневность различных слоёв Российского общества является одной из наиболее интересных и малоизученных проблем в современной исторической науке. Неотъемлемой частью повседневности является быт. По определению Ю.М. Лотмана, «быт — это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах, быт — это вещи, которые нас окружают, наши привычки и каждодневное поведение» [12, с. 10]. Благополучно обустроенный быт помогает человеку переносить рутинность повседневного существования. Неудовлетворенность данной сферой жизни, способствует появлению депрессивных настроений и может привести к социально опасным последствиям.

Особое влияние на человека оказывает дом, в котором он родился и вырос. Часть городских священнослужителей имела собственные дома. Нередко они числились за жёнами клириков. В 1860 г. попадьё Александра Андреевна Базанова приобрела каменный одноэтажный дом по Атаманскому переулку города Оренбурга. [1, л. 61 об-62]. Жена священника Александра Фёдоровна Юдина проживала с семьёй в собственном полукаменном доме в Челябинске [13, л. 28 об-29]. Протоиерейша Елизавета Фёдоровна Рассыпинская в 1880 г. купила «деревянный дом на каменном фундаменте со всеми службами и двором местом» в Оренбурге. Несколько лет спустя на свои средства она выстроила рядом двухэтажный дом [9, л. 3 об-4, 8–9].

Однако далеко не все приходские священнослужители могли позволить себе приобрести дом в собственность. Поэтому для причта городских церквей прихожане обычно возводили общее жильё. Совместное проживание в одном доме часто порождало скандалы и ссоры между членами причта [3, л. 4–4 об].

Если у прихода не было возможности выстроить для духовенства дом, то паства оплачивала им съёмную квартиру. В 1889 г. в штате Челябинского Христорождественского собора числилось 9 человек. Двое из них имели собственное жильё. Остальным выплачивалось квартирное пособие [14, л. 270].

Внутреннее убранство священнического дома вызывает куда больший интерес, поскольку оно даёт возможность охарактеризовать материальный достаток семьи и предпочтения при создании интерьеров. Непременной составляющей убранства дома священников были иконы. Нередко образа имели ризы, венки и киоты, их заключали в позолоченные рамки и помещали за стекло. [5, л. 2].

Спали в семьях городского духовенства на деревянных кроватях. Застилали их пуховыми перинами и подушками, укрывались одеялами [2, л. 2 об]. Со второй половины XIX в. деревянные лавки в качестве мест для сидения постепенно сменялись стульями со спинкой. В домах с незначительным материальным достатком стулья, как правило, были деревянные [6, л. 2]. Клирики обеспеченных приходов приобретали удобные венские стулья, обитые мягкой материей. Шесть таких стульев было, например, у протоиерея Оренбургского Кафедрального собора Николая Сергеевича Сперанского [7, л. 2]. Появились в домах священнослужителей наборы мягкой мебели, состоящие из дивана, нескольких кресел и пуфика [7, л. 2].

Важным показателем уровня повседневной жизни является питание, которое также можно отнести к бытовой составляющей повседневности. Существенным факто-

ром, влияющим на процесс питания, были посты. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «весь Великий пост (кроме праздников Благовещения и Вербного воскресенья) в доме не употребляли даже рыбы, не говоря уже о молоке; в рождественский Сочельник ничего не ели до появления «звезды»» [10, с. 17]. Много зависело от уклада жизни, который был принят в доме. Сын священника С. Я. Елпатьевский вспоминал: хотя в доме всегда водилось достаточно разнообразных продуктов, «питание было не то что скудное, а скупое» [11].

Перед приездом гостей на праздники провизию закупали специально — гусей, уток, свиней, индюков [15, с. 438]. Со второй половины XIX в. в семьях клира распространяется обычай завершать приём пищи чаепитием. Об этом свидетельствует наличие в описи имущества духовенства чайной посуды [4, л. 1—1 об]. Сначала чай считался особым угощением в праздники, но затем прочно вошёл в повседневный рацион духовенства [15, с. 438].

Одним из важнейших элементов бытовой составляющей повседневной жизни является одежда. Жены и дочери священнослужителей в повседневной жизни носили ситцевые и льняные платья, которые, в зависимости от достатка, приобретали в магазинах либо шили сами. У них также могло быть несколько гарусных (шерстяных) платьев. Изредка в гардеробе матушки имелось праздничное шёлковое платье и пуховая шаль [2, л. 2—2 об]. В качестве женских головных уборов в источниках упоминаются платки, кокошники, «шапочка на старорусский манер», повойник. В праздник матушки украшали причёски наколками, а их дочери прятали волосы в сетки, украшенные стеклярусом. В среде духовенства исподволь проникали модные тенденции в одежде. Елпатьевский описывал одежду поповен на празднике Спаса: «Туго стянутые в накрахмаленных, колом торчавших, ситцевых платьях, в кринолинах, в которых так мудрено было садиться, в полусапожках, которые жали ноги и скоро натирали мозоли, в нитяных перчатках, из которых выглядывали загорелые пальцы» [11]. В конце XIX в. женский гардероб стал более разнообразным, благодаря вошедшим в моду юбкам и блузкам. Оренбургские поповны восприняли эту тенденцию. Племянница протоиерея Оренбургской Вознесенской церкви Геннадия Никольского, Мария писала сестре: «Буду шить праздничные наряды. Голубое платье, светлую юбку и белую кружевную кофточку к ней». Обувью поповнам в этот период служили кожаные ботинки на шнурке или сапожки [8, л. 75].

Итак, бытовые условия жизни женщин духовного сословия были достаточно аскетичны. Несмотря на то, что часть из них имела собственные дома, самым распространенным типом жилья в городах Оренбургской губернии был общий дом для всех членов причта. Вынужденные жить под одной крышей с посторонними людьми матушки часто сталкивались со стрессовыми ситуациями, которые мешали упорядоченной жизни и воспитанию детей. Питание в среде приходского православного духовенства зависело от материального достатка, церковного календаря и обычаев, которых придерживались в семье, но в целом клирики питались скромно. Гардероб городской матушки также был достаточно прост. Однако необходимо отметить, что к концу XIX — началу XX в. новомодные тенденции и привычки представителей светских сословий стали постепенно проникать в повседневную жизнь одной из самых закрытых и консервативных прослоек дореволюционного русского общества.

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 906

2. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6744
3. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 267
4. ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 46
5. ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 157
6. ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 174
7. ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 199
8. ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 207
9. ГАОО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 81
10. Евлогий (Георгиевский), митрополит *Путь моей жизни*. Париж, 1947.
11. Елпатьевский С. П. *Рассказы о прошлом*. СПб., 1904. URL: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_0260oldorfo.shtml
12. Лотман Ю. М. *Беседы о русской культуре*. СПб., 1994. 758 с.
13. *Объединенный государственный архив Челябинской области*. (ОГАЧО) Ф. И-3. Оп. 1. Д. 252
14. ОГАЧО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 12
15. Профессор Певницкий В. *Мои воспоминания*//*Руководство для сельских пастырей*. 1909. Т. 1 № 17–18. С. 434–446.

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17–31–00010 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

Г. Ф. Валеева-Сулейманова

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани

Трансформация костюма городской татарки в конце XIX — начале XX в.

Рубеж прошлых веков стал поворотным в судьбах татарской культуры, которая находилась в процессе постепенной эволюции традиционной мусульманской культуры в культуру европейскую и светскую. Одной из ярких форм такой трансформации стал женский костюм, особенно костюм татарки-горожанки, который, в силу специфики своего развития, отразил новые прогрессивные явления в развитии татарского общества. Надо отметить, что татарский общенациональный костюм, как новая историческая парадигма, формировался на основе традиций городской культуры казанских татар, центрами которой были город Казань и крупные центры Закавказья. Именно городской костюм стал образцовым и обрел национальный статус для татарских этнических групп.

Новые тенденции развития городского костюма, соответствовали направлениям развития общеевропейской моды и появлению новых отраслей производства (изготовление фабричных тканей, химические красители и др.), развивавшихся, в основном, в условиях города. Особенно ярко изменения были выражены в женском костюме, будь то одежда, обувь, головные уборы, или такие составные части костюма, как украшения, аксессуары. Трансформация коснулась женского платья, которое обрело более облегченные формы и силуэты, шилось по новым фасонам с модными кроем и деталями; таких составных элементов костюма, как камзол: он стал более коротким и соответствующим с фигурой, впоследствии в костюме от него и вовсе отказались. Женские

головные уборы потеряли свою функциональность и эволюционировали в миниатюрные формы типа накладок. Ранее скрывавшие фигуру головные платки, виды украшений, подчеркивавшие семейный и возрастной статус носителей костюма, также были отмечены, как не соответствующие тенденциям европейской моды. Почто полностью отказались в костюме и от узорных ичигов-сапожек; их заменили изящные туфли. Костюм обрел универсальность, избавился от утяжеляющих его деталей, громоздких украшений, стал более функциональным и соотносился с фигурой. Роль объединяющих национальных стереотипов в одежде продолжали выполнять головные уборы (калфачки и тюбетейки), обувь, некоторые виды ювелирных украшений (серьги, браслеты, ожерелья и др.). Измененные формы костюма и массовое производство составных частей его комплекса способствовали нивелированию социально-сословных и иных признаков, однако костюм продолжал играть роль этнического маркера, постепенно менявшегося в сторону большей толерантности и универсальности, что было характерным для развития культуры городской среды данной эпохи.

М. В. Виноградова

г. Москва, Институт всеобщей истории РАН

Новые формы женской активности в религиозных сообществах Москвы 1917–1927 гг.

В центре представляемого исследования деятельность женщин — активных членов религиозных сообществ Москвы, в первую очередь, московских приходов Православной Церкви, в первые годы после революции. Три кризиса — кризис жизненного уклада женщины в послевоенный и послереволюционный период, кризис традиционного типа религиозности, кризис церковных институтов, — фактически мобилизовали женщин на активное церковное творчество.

В первые месяцы после революции стали возникать приходские, межприходские и монастырские братства, сестричества, общины и т. п. Направления их деятельности, формы самоорганизации верующих в стремительно меняющемся ландшафте Москвы будет описано в докладе. Будет поставлен вопрос, как изменения в жизни женщины, ее повседневной работе, семейном укладе, участии в общественной деятельности, экономических и социальных изменениях в стране, а также концепты секулярной эмансипации в большевистской версии, — влияли на женскую религиозную активность.

Сестричества (в первую очередь, общины сестёр милосердия) действовали в России и в дореволюционный период. Однако в большинстве случаев формы женского активности в них фактически сводились к различным формам заботы и опеке, часто при медицинских и социальных учреждениях. В послереволюционный период мы видим расширение сферы женских интересов: женщины становятся членами богословских кружков, христианских союзов, составляют основной контингент неформальных церковных общин. На основании анализа личных воспоминаний и документов государственных архивов будет представлен компаративистский анализ форм активности женщин в разных христианских сообществах Москвы и будет поставлен вопрос, насколько в религиозных сообществах рефлексировалась произошедшая радикальная трансформация гендерных ролей.

Модницы и домработницы. Реконструкция жизненного уклада женщин из Московской центральной церкви ЕХБ в 1940–60-е годы

Вторая мировая война принесла кардинальные перемены в религиозную жизнь Советского Союза; в частности, е бывшие «сектанты» получили статус легальной конфессии в масштабах всего СССР. Созданная в 1944 г., впервые в истории российского государства, централизованная структура для позднепротестантских деноминаций разместилась в центральной части советской столицы (Малый вузовский переулок), в том же здании, где была зарегистрирована единственная на всю Москву община, включившая в себя представителей разных евангелических течений (евангельских христиан, баптистов, пятидесятников, единственников, трезвенников и т. п.) Само по себе помещение было выигрышным, поскольку молитвенный зал находился в красивом помещении бывшей реформатской церкви, в котором стоял замечательный орган. Молитвенное собрание в «Маловузовском» становится своеобразной витриной, демонстрирующей свободу совести и наличие протестантизма в Советском Союзе. Благодаря этому в общине сохранилось множество фотографий, посвященных различным аспектам жизни общины. В религиозном активе преобладали женщины, однако их внешний вид — одни в шляпках и перчатках, другие в крестьянской одежде, третьи в скромных рабочих халатах и косынках, показывает их принадлежность к самым разным «слоям» советского общества. Например, некоторые жены руководителей ВСЕХБ работали в доме моды. Одновременно община служила источником рекрутирования домработниц, в том числе для советской номенклатуры, и каким образом пересекались круги советской партукратии и сектантов будет показано на конкретных материалах.

В представляемом докладе будет рассмотрен социальный состав женщин на основе списка членов общины, аналитических докладов уполномоченных Совета по делам религиозных культов. Материалы, отложившиеся в государственных архивах, будут сопоставлены с материалами устной истории, визуальными материалами, мемуарами. Эти материалы дадут возможность посмотреть на организацию жизненного мира московской «баптистки», поставить вопрос об брачных и рабочих стратегиях верующих женщин, о нормах поведения/благочестия, которые были приняты в этом сообществе. В докладе будут рассмотрены представления о нормативах внешнего вида, и как жительницы столицы совмещали стремительно меняющуюся женскую моду с требованиями сообщества.

Е. И. Миронова

г. Москва, Государственный академический университет гуманитарных наук

Женское лидерство в городских общинах евангельских христиан-баптистов Тамбовского региона (1940–1960-е годы)

1. В фокусе предлагаемого исследования находится религиозная деятельность женщин в городских провинциальных общинах евангельских христиан-баптистов;

2. В послевоенное время повсеместное преобладание женщин в общинах ЕХБ становится характерной чертой этого направления русского евангельского христианства. «Сёстры», будучи не только большинством, но и самым активным контингентом общин обеспечивали возрождение и развитие движения ЕХБ в Тамбовском регионе в этот период.

3. Традиция отечественного баптизма признает место женщины в иерархии церковных служений наравне с мужчинами. Практика проповеднической деятельности женщин в общинах не была абсолютным новым явлением, возникшим в советский период, но существовала еще в дореволюционное время. Между тем, русскому баптизму были свойственны патриархальные представления о роли женщин в жизни церкви: они не могли становиться полноценными (рукоположенными) руководителями общин. Таким образом, на уровне вероучения, традиционное (патриархальное) утверждение о месте женщины в иерархии служений сохранялось. Однако исторические материалы свидетельствуют, что на уровне практики устоявшиеся традиции в тамбовских общинах ЕХБ были пересмотрены.

4. В исторических источниках, отразивших путь развития сообщества ЕХБ в Тамбовском регионе, хорошо просматривается специфика и вариативность женского лидерства в городских общинах. На примере тамбовских женщин-служительниц мы можем увидеть стратегии, по которым конкретная женщина занимала тот или иной пост в иерархии церковных служений и те проблемы (социальные, гендерные), с которыми ей приходилось сталкиваться, посвящая свою жизнь церковной работе.

Т. В. Чумакова

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Женщина и религия в антирелигиозной периодической печати СССР

Доклад основывается на анализе публикаций, выходявших в периодических изданиях Союза воинствующих безбожников и в журнале «Атеист», который был первым научным советским журналом, посвященным изучению религии. В нем публиковались (начиная с первого номера) работы гендерного характера, в которых ощущалось влияние первой волны феминизма. Гораздо сильнее влияние агитпропа ощущается в изданиях возникшего в 1925 г. СВБ. Но и в этих изданиях (газета и журнал «Безбожник», журнал «Антирелигиозник») сохранялась примерно такая же проблематика, как в «Атеисте». До 1935 г. в этих изданиях публиковались современные работы по антропологии религии, заметки об экспедициях, изучавших «живую религию» в СССР. Эти журналы предназначались скорее подготовленной публике, тем, кто сам будет заниматься атеистической пропагандой. Особенно интересен был научно-методический журнал «Антирелигиозник», который являлся органом Центрального совета СВБ СССР, и издавался с 1926 по июнь 1941 г. Он освещал не только ход антирелигиозной работы, но и помещал многочисленные статьи по истории религии и атеизма, методические материалы для агитаторов, рассказывал о экспедиционной деятельности исследователей антропологии религии. Ценные сведения можно обнаружить и в журнале «Безбожник», который также был центральным изданием СВБ (в регионах выходили многочисленные местные газеты и журналы под названием «Безбожник»).

Воцерковленная женщина в российском городе XX в.: особенности социального поведения и визуального образа

1. В процессе модернизации российского общества традиционный православный уклад постепенно начинает ассоциироваться не с дворянской культурой, а с народной — крестьянской, мещанской, купеческой. Соответственно, представители культурных слоев общества начинают, в зависимости от идеологических предпосылок, видеть в народе или носителя архаичных предрассудков, или же хранителя истинной веры.

2. В досоветское время одежда православной женщины почти не имела специфической конфессиональной маркировки. Маркирована была лишь одежда монашествующих. Правда некоторые особенности монашеского облика были свойственны и женщинам, в той или иной степени ушедшим от мира без принятия обетов (чернички, келейницы, члены различных сестричеств).

3. В советское время произошел разрыв традиции. После большевистской культурной революции и десятилетий гонений на Церковь механизмы передачи особенностей бытового поведения верующих женщин перестали работать. Непосредственная передача норм поведения от матери к дочери могла осуществляться лишь в семьях, сохранивших традиционный уклад. Очевидно, что таких семей было немного.

4. Предпосылки возникновения той бытовой культуры православия, с которой мы имеем дело сейчас, следует искать в 60-х годах XX в., когда интерес к православию появился у достаточно широкого круга советской интеллигенции. Конечно же, этот интерес ни в коей мере нельзя смешивать с воцерковленностью. В большинстве случаев, он был достаточно светским: «новых верующих» интересовала философия, искусство, но не духовная жизнь. Вплоть до 80-х годов среди прихожан храмов (даже в больших городах) «новые верующие» составляли абсолютное меньшинство.

5. Постепенно в СССР появлялось новое поколение церковной интеллигенции. Это люди, чье формирование проходило вне Церкви, люди, пришедшие к православию в значительной степени на протестной волне. Труднодоступность религиозной литературы, а во многих случаях отсутствие какого бы то ни было церковного руководства, вели к тому, что представления этих людей о православии часто были довольно экзотическими. Но «новые верующие» могли говорить и проповедовать на языке, понятном современникам. Ведь они так же, как и все вокруг, прошли советскую школу, пионерскую организацию и комсомол. Они читали советские газеты и книги, смотрели советские фильмы. И о своем христианском опыте эти люди говорили не так, как было принято в предреволюционные годы.

6. Молодежь, пришедшая в Церковь в 60–80-е годы, получала знания о христианстве из книг. Это поколение было более образованным, чем поколение, сохранившее веру в эпоху гонений, прекрасно знающее бытовую традицию православия, но не имеющее книжных познаний. На основе книг и наблюдений над окружающей действительностью это поколение моделировало свое бытовое поведение. Передачи традиции из рук в руки в этом случае не было. Характерным примером в том отношении является платок как непременный головной убор православной женщины.

7. Вплоть до Второй мировой войны женщины, принадлежавшие к образованным слоям общества, ходили в шляпках или беретах, а крестьянки — в платках. Это были

обычные детали туалета: так ходили и на прогулку, и по делам, и в храм. По платку узнавали крестьянку, по шляпке — образованную женщину. Поскольку в 60-е годы подавляющее большинство церковных женщин не принадлежали к числу образованных дам, платки в храмах явно преобладали. Соответственно, новое поколение, пришедшее в Церковь, видело в платке основной головной убор православной женщины.

8. Платок становится знаком нового поколения православных. При этом «старые» прихожане воспринимали этот стиль как явную инновацию. Имеются записи рассказов о том, как в середине 70-х годов храмы наполнили интеллигентские молодые дамы и девушки в юбках до пола, которые, по представлениям старшего поколения верующих, вели себя вызывающе: метали театральные поклоны и могли придти на работу в платке. При этом старшее поколение продолжало видеть в платке знак социальной принадлежности.

9. Начиная с 70–80-х годов в СССР платок стал узнаваемым аксессуаром церковной женщины. В то же время в зарубежных русских приходах женщины продолжали ходить в храмы в шляпках и беретах. Однако по мере роста постсоветской эмиграции началась экспансия платков и в русском зарубежье. Приехавшие из России женщины были убеждены, что именно платок является правильным православным женским головным убором.

10. История превращения платка из социального маркера в церковный очень показательна. Современная православная культура обращена в прошлое. Она ищет нормы и правила именно там. При этом реконструированное прошлое далеко не всегда совпадает с тем прошлым, о котором мы знаем из исторических штудий.

М. Г. Котовская

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Религиозные представления мужчин и женщин

В целом, идеологический спектр общественной жизни в период с конца 1970-х по 1990-е годы был сложным и неоднозначным. Это касалось всех сторон жизни общества, в том числе и религиозной. Если выявление индивидуального уровня религиозности — задача крайне трудная, то народа, нации — практически невыполнимая. Это прежде всего относится к странам со сложным конфессиональным составом. Даже в дореволюционной России, где православие всецело поддерживалось государством, духовные искания народа были крайне сложны и противоречивы. Как в наши дни, тогда наблюдались как бы две тенденции: с одной стороны — в народе жила глубокая вера в Христа и его учение, с другой стороны — в обществе, по словам В. Г. Белинского, было много суеверия, но немного истинной религиозности. Оба эти явления наблюдаются и поныне.

Для объективного исследования этого вопроса мне кажется необходимым выведение понятия «религиозное сознание» за рамки традиционной православной религиозности и включение в него различных форм индивидуального сознания. Однако изучение таких глубинных форм неинституализированной религиозности чрезвычайно сложно. У нас сейчас нет исследований такого рода. Это отчасти объясняется обстоятельством, что разработка тем, связанных с религией, была до последнего времени чрезвычайно затруднена в нашей стране. Поскольку во всех использованных в данной работе опросах, проведенных различными исследованиями, понятие «верующий», как

правило, не дифференцировано по конфессиональному признаку, респонденты, ответившие на него положительно, в большинстве своем были православными людьми, придерживавшимися традиционной для России религии. Однако категория «колеблющихся» по отношению к вере людей могла включать лиц иной религиозной ориентации. Одни из наиболее интересных исследований в этот период были проведены в 1987 и 1988 г. силами сотрудников Института социологии РАН и Института этнологии и антропологии РАН в Москве и в Кемеровской области. Интерпретировать материал этого периода, я прежде всего буду, опираясь на данные этих двух опросов.

Московский опрос проводился в 1987 г. Всего было опрошено 1600 респондентов, выбранных случайно (каждый десятый) по избирательным спискам городских исполкомов. На мой взгляд, результаты исследований отражают конфессиональную картину, существующую в тот период в столице.

По данным переписи 1989 года, в Москве тогда проживало более 120 национальностей. Основное население Москвы составляли: русские (89,72%), украинцы (1,97%), евреи (1,77%), белорусы (0,8%), армяне (0,5%). Кроме того, в Москве жило: мордвы — 30,9 тыс., азербайджанцев — 20,7 тыс. В начале 1990-х годов в Москву приехали крупные группы населения из южных регионов, преимущественно Закавказья и Северного Кавказа, беженцы из других регионов, точная численность тех, и других не известна.

Основными факторами прироста населения Москвы был приток в нее новых групп мигрантов, преимущественно русского происхождения, причем, численно среди мигрантов преобладали женщины.

По данным В.И. Козлова, с 1980-х годов продолжалось уменьшение, вследствие естественной убыли, доли коренных москвичей. Специфика возрастной структуры жителей Москвы в это время проявлялась в низкой доле детских возрастов, большой доле молодых, средних и пожилых возрастов.

Постоянный приток в Москву мигрантов из сельских областей, среди которых преобладали женщины, «стареющий» возрастной состав ее жителей поддерживали относительно высокий уровень религиозности ее населения.

Москва было поликонфессиональным городом; в 1990-х годах в ней было зарегистрировано свыше 7 тыс. религиозных объединений. В то же время в Москве стал возникать различные братства и миссии, более 60 из них получили регистрацию в Министерстве Юстиции РФ.

Наибольшее число москвичей входит в Русскую Православную Церковь (Московский Патриархат), но среди жителей столицы были и последователи Старообрядческой церкви, а также других направлений христианства, протестанты (в основном, баптисты, адвентисты 7-го дня, евангелисты, пятидесятники) и католики.

Второй по численности своих последователей являлась мусульманская община, возглавляемая Духовным управлением мусульман Центрально-Европейского региона.

Особенностью конфессионального состава Москвы в последнее десятилетие XX века являлось также значительное распространение в столице различных новоязыческих объединений, экстрасенсов, магов, колдунов. Сложное взаимодействие всех этих конфессиональных течений наблюдалось в Москве конца 1980-х — 1990-х годов.

Задача московского опроса 1987 г. как раз и состояла в выявлении особенностей религиозного сознания москвичей.

Составленный исследователями вопросник подразумевал четыре варианта ответов, позволяющих раскрыть отношение человека к религии: верую; колеблюсь; безразличен, не верую; считаю, что надо активно бороться с религией.

Были получены следующие данные: верующими себя считали 9,3% респондентов, колеблющимися — 11,1%, безразличны — 70,5%, активными атеистами — 0,1%. К группе «религиозного населения» в данном конкретном случае можно отнести и категорию колеблющихся. В пользу этого говорит, во-первых, тот факт, что у определенной части верующих существовал страх открыто обнаружить свои убеждения (напомню, что опрос проводился в 1987–1988 г.); во-вторых, то, что к разряду колеблющихся могли себя причислить люди, придерживающиеся нетрадиционных для России форм сакральности (например, мистики, адепты йоги, и т.д.).

Каков же социально-профессиональный состав этой «колеблющейся» группы? К ней прежде всего относились горожане-интеллектуалы и студенческая молодежь. К такому роду религиозного сознания оказались особенно восприимчивы женщины (около 75%).

Напомним, что по статистическим данным, подтвердившимся в ходе московского опроса, религиозное население столицы в это время на было женским. По возрасту среди ортодоксально верующих женщин, регулярно посещавших православный храм и выполнявших предписания церкви, лидировала старшая возрастная группа, то есть люди, которым было за 60 лет (40%). У части из них (обычно малообразованной) языческие предрассудки и суеверия соседствовали с традиционным православием. Среди 30–40 — летних женщин наблюдался наименьший процент ортодоксально верующих, то есть среди них было немного воцерковленных. Интересно, что в Москве среди этой возрастной категории опрошенных женщин был высок процент лиц с высшим образованием.

Эти данные московского опроса 1987 г. были подтверждены результатами, совместного советско-американского телефонного опроса москвичей, проводившегося Институтом социологии РАН в это же время. Результаты этого опроса 1 тысячи москвичей старше 18 лет были таковы: 10% опрошенных считали, что Бог существует; 34% не знали, есть Бог или нет; 43% были уверены, что Бога нет. Таким образом, доля верующих была практически одинаковой в первом и во втором исследовании. Однако процент неверующих москвичей, прежде всего мужчин, в телефонном опросе был более высоким. Это, возможно, объясняется тем, что москвичи не привыкли к методу телефонного опроса и многие в своих ответах не были достаточно искренними. Тем не менее, оба опроса показали, что многие москвичи, независимо от их пола, были достаточно раскрепощены в своем отношении к религии. Их ответы в этом отличались от ответов жителей других областей и городов России, которые «боялись открыто говорить о своих религиозных убеждениях». Пример тому — региональный опрос жителей Кемеровской области России, проводившийся в 1988 г. На вопрос об их отношении к вере она дали следующие ответы: верующие — 2%, колеблющиеся — 21%, индифферентных убеждений — 69%, атеисты — 8%. Данные Госкомстата РФ подтверждают, что процент верующих (на 1987–1988 г.) среди населения России колебался от 20 до 23%, активных атеистов — 8 до 9%. Процент сомневающихся, находящихся вне официальной религии людей, составлял 70%.

Посмотрим динамику уровня религиозности населения РФ (по самооценке), начиная с 1988 по 1992 г.

Религиозные ценности стали занимать важное место в шкале нравственных ценностей россиян. Это, в частности, подтвердили социологические опросы, проводившиеся в 1990-х годах в ряде регионов России.

Хорошим партнером таких региональных социологических исследований могут считаться комплексные опросы жителей Нижнего Новгорода, проводившиеся в 1988, 1993 г.

Табл. 1. Отношение к религии жителей Нижнего Новгорода в возрасте 16–70 лет, в процентах

	Глубоко верующие	Верующие	Неверующие	Затруднившиеся ответить
1988	4,6	31,8	33,5	29,0
1993	5,7	37,8	26,4	29,6

В том числе:

Мужчин	3,6	27,9	36,4	28,9
Женщин	6,9	43,9	17,1	30,5

Проанализируем, как распределялась религиозность в зависимости от возраста и пола респондентов в этом исследовании. Опираясь на его данные, можно выявить следующие закономерности: основную массу верующих составляли женщины, причем они лидировали во всех возрастных группах. Наибольшая религиозность была выявлена у пожилых людей, связанных с физическим трудом. Доля верующих среди учащейся молодежи была выше, чем среди работников умственного труда средней возрастной категории, но ниже, чем у молодежи, занятой физическим трудом. Вычленение из этой категории лиц с высшим образованием показало, что они составляли немалую долю среди верующих — 18,2%.

При этом среди самой интеллигенции, участвовавшей в исследовании в качестве респондентов, существовал значительный разброс религиозных представлений и верований. Так, например, церковному православному человеку достаточно трудно было понять дзен-буддиста или кришнаита. Важно отметить, что у многих, признавших себя верующими, представление о православной вере зачастую не шло дальше поверхностного знания отдельных религиозных догм и обрядов. По данным социолога В.Г. Немировского, в такие традиционные религиозные ценности, как бессмертие души и Божественное откровение, верили соответственно всего 3,6 и 3,2% опрошенных, тогда как в ясновидение и знахарей, умеющих наводить прочу, — 19,8 и 15,3%. При этом мистический настрой женщин был значительно выше, чем у мужчин. Многие из них отмечали, что религия для них стала образом жизни.

Религия в этот период для части населения превратилась в способ адаптации к новым реалиям жизни. Хорошо известно, что в тяжелье, смутные времена люди всегда тянулись к Богу. Оживление религиозной активности практически всех слоев нашего общества можно объяснить тем, что в период ломки ценностных ориентаций, роста недоверия к политикам и социальным институтам именно религиозные деятели становятся теми лицами, которым население доверяет. Так, опрос 1996 г., проводившийся в Нижнем Новгороде, показал, что самый высокий рейтинг доверия на то время был у Патриарха Алексия II — ему доверял 51% опрошенных жителей, не доверяли — лишь 8%, тогда как Б. Ельцину доверяли 27% и не доверяли 48%. Наиболее активную часть верующих составляли женщины.

В наши дни интерес к вопросам религии и, прежде всего, традиционного православия, также остается высоким. В этом плане показательным является открытие новых воскресных и церковных приходских школ. Обычно детей в такие школы приводят мамы. На мой вопрос, для чего они это делают, многие отвечали, что хотят привить детям вечные моральные ценности. Конкурс, возникавший при приеме детей в открывшиеся в Москве православные гимназии, показал, насколько возрос сейчас интерес москвичей к религиозному воспитанию детей.

РАЗДЕЛ 14. ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ — ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА ГОРОДОВ

Ю.Ю. Мариничева

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Земская медицина: лечение и/или контроль (по воспоминаниям первых женщин-врачей)

В 1864 г. «Положением о земских учреждениях» было введено земское самоуправление, целью которого было предоставление хозяйственному управлению заведовать местными общественными делами, в которые входила и забота о здоровье сельского населения. В период с 1865 по 1875 гг. земское управление было введено в 35 губерниях на территории Европейской России. Разработка и внедрение системы земского здравоохранения способствовали многим изменениям в традиционной культуре как таковой.

Как отмечали и врачи, и чиновники, занимающиеся земской медициной, последняя должна была бороться с крестьянским невежеством в отношении болезней, гигиены и, как следствия, собственного тела. Например, известный врач Н.И. Пирогов говорил о том, что земская медицина борется с невежеством народных масс и, в конечно счете, должна изменить народное мировоззрение. Это изменение заключалось в попытке вытеснения традиционных телесных техник и практик. С этой точки зрения, историю земской медицины можно рассматривать в рамках концепции стигматизации И. Гофмана.

Под стигмой Гофман понимал качество, выдающее какое-то постыдное свойство индивида, причем его характер определяется не столько самим качеством, сколько отношением социума по поводу него. Гофман выделил три типа стигмы: телесное уродство; недостатки индивидуального характера и родовая стигма расы, национальности и религии [1]. Земский врач (разумеется, с самыми лучшими намерениями) теперь определял болезнь, назначал лекарства, контролировал эпидемии в деревнях, объявлял карантин и тем самым участвовал в процессе стигматизации деревни. Крестьянину предлагалось обращаться к земскому врачу в случае недуга и тем самым признавать (практически публично) себя «уродом» (по терминологии Гофмана). Или сам врач назначал человека таковым по медицинским показателям, и этот больной, который теперь становился пациентом, тем самым, оказывался стигмой для остальных «нормальных» людей. Дальше он изолировался и заключался в больницу — концептуально новое для крестьянина пространство. Как отмечает Ирина Стаф в статье, посвященной М. Фуко: «сельская больничка не только излечивает тела: она обучает вчерашнего студента-медика и одновременно рассеивает «египетскую тьму» невежества, вырывает взрослых и детей из социального гнезда болезни — семьи с ее «общей миской и полотенцем» — и помещает их в пространство здоровья, под неусыпное око доктора и его помощников» [2]. То есть крестьянское сообщество постепенно начинает включать не только привычные внутренние отношения: деревенские, соседские, родовые и семейные, отношения роженицы и повитухи и т.д., но и новый — внешний — тип отношений врача-пациента. Так, например, в Словаре Даля слово пациент уже зафик-

сировано: пациент, пациентка — больной, пациент своего врача [4, с. 23]. И это именно внешний тип отношений, так как земский врач приезжал извне и далеко не сразу и не всегда становился своим в крестьянском сообществе. Да и само лечение в больницах предполагало выезд из деревни.

Организация земской медицины проходила довольно тяжело и неравномерно, но постепенно сформировались две ее системы:

1. Разъездная. Врачи жили в уездных городах и посещали разные селения своих участков, где за определенное время (часто во время многолюдных съезжих праздников) принимали больных. При этом фельдшер, хотя и считался низшим персоналом, имел право на самостоятельную врачебную практику.

2. Стационарная. Самостоятельные действия в лечении болезней могли принимать только врачи, а фельдшеры лишь выполняли их поручения. При этом уезды делились на определенное число участков, в центральных населенных пунктах которых устраивались лечебницы с 10–25 кроватями, отделение для рожениц и амбулатория для приема больных.

Какое-то время среди врачей велись споры о предпочтении той или иной медицинской системы, однако в 1875 году Московское губернское земское собрание признало стационарную систему наиболее удобной. В период с 1870 по 1910 гг. число врачей и врачебных участков увеличивается. Например, в 1892 году — 12435 врачей в Российской Империи (кроме Финляндии), причем 574 — женщины. Увеличивается рост и низшего медицинского персонала (фельдшеры, акушерки, лекарские ученики) [3]. Увеличивается число земских стационаров, а также разрабатываются новые принципы организации больничного пространства. Теперь болеть и умирать рекомендуется не в своем доме, а в специальных пространствах — палатах, амбулаториях, бараках и т.д.

Мишель Фуко, говоря о дисциплинах (разработок власти по отношению к телам) и разделяя их как техники, обеспечивающие упорядочения человеческих множеств, отмечал, что формами этих дисциплин являются «искусство распределений», когда происходит «отгораживание, спецификация места, отличного от всех других и замкнутого в себе самом» и правило «функционального размещения» посредством дисциплинарных институтов (одним из которых, по Фуко, являются как раз госпитали и больницы) [5]. Это правило заключается в том, что создаются или отводятся определенные места, которые не только должны отвечать необходимости надзора и разрыва опасных связей, но и создавать «полезные пространства». Земские лечебницы, безусловно, создавались как «полезные пространства», но одновременно они же становились и пространством надзора и контроля и разрыва существующих социальных связей.

Литература

1. Гофман И. *Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью*. Ч. 1. *Стигма и социальная идентичность*//Goffman T. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. N. Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3–6)/Пер. М. С. Добряковой. С. 3.

2. Стаф И. *Медицина между взглядом и дискурсом: диагноз Мишеля Фуко*//*Отечественные записки*. М., 2006. № 1. С. 44.

3. Осипов Е. А., Попов И. В., Куркин П. И. *Русская земская медицина*. М., 1899.

4. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб., 1882. Т. 3. С. 23.

5. Фуко М. *Надзирать и наказывать*. Цит. по: М. Фуко. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*/пер. с фран. В. Наумова/под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 172–175.

Научная деятельность первых в России женщин-историков на рубеже XIX — XX вв.

В дореволюционной России женщины не могли в полной мере реализовать свой интеллектуальный потенциал. Они не имели возможности заниматься научной деятельностью, т.к. действовавшие уставы высших мужских учебных заведений не допускали лиц женского пола к работе на кафедрах. Свидетельница тех событий Л. Столярова писала: «Примеров жизненных, характеризующих безотрадное положение трудящейся интеллигентной женщины, можно было бы насчитать бесчисленное множество; но все они... подтверждают... мысль, что для женщины не создан еще путь, на котором она могла бы применять свои силы, что этот путь ей приходится добывать себе ценою всей своей жизни» [7, с. 483]. Каждый пример научной деятельности российских женщин в конце XIX — начале XX в. заслуживает пристального внимания, потому что они трудились в условиях юридического бесправия, когда сам факт включения женщины в профессиональную и общественную деятельность требовал от нее мужества и жизнестойкости.

Передовые женщины, сумевшие за несколько лет вырваться из-под гнета вековых предрассудков, смогли применить свои способности в различных областях науки: как в гуманитарной сфере — философии, истории, археологии, этнографии, политэкономии, юриспруденции; так и в естественнонаучной — химии, биологии, математике, физике, астрономии, геологии, метеорологии и др. Научная деятельность требовала от женщин особой силы воли, чтобы отказаться от привычной жизни и пойти наперекор общественному мнению. В области гуманитарных наук, на фоне всеми признанных корифеев истории, этнографии, философии женщины-ученые были не слишком заметны. Однако некоторые имена войдут в женскую историю как первопроходцы, открывшие путь следующим за ними поколениям.

В рядах замечательных русских женщин исследуемого периода стоит Александра Яковлевна Ефименко (1848–1918) — первая женщина в России, удостоенная звания доктора истории. [8, с. 30] Творческий диапазон ее исследований охватывал историю, этнографию, экономику, право и статистику. В научном отношении важны ее труды по истории землевладения в северных и южных районах России, внесшие много нового в историю русской общины [4, с. 363]. Научные труды Александры Яковлевны вызвали широкие отклики в печати. В 1884 г. Ефименко была приглашена в Одессу на археологический съезд, на котором ее избрали секретарем юридической секции. В последующие годы она участвует в работе почти всех археологических съездов. А.Я. Ефименко была одним из организаторов Харьковского исторического кружка [3, с. 18–19]. Научная деятельность женщины-историка сочеталась с большой общественной работой в городской библиотеке Харькова, Обществе грамотности, Харьковском издательском комитете. Кроме того, Александра Яковлевна была незаурядным лектором — часто выступала с лекциями об общественных деятелях и писателях. В 1907/1908 гг. она преподавала историю на Высших женских курсах в Петербурге [5, с. 124]. А.Я. Ефименко принадлежала к числу наиболее прогрессивных историков своего времени. Она поднимала актуальные вопросы по истории России и Украины, используя значительный документальный материал, нередко впервые вводимый в научный оборот. А.Я. Ефименко трагически погибла в ночь с 17 на 18 декабря 1918 г., когда она и ее дочь были убиты бандитами.

Первой женщиной, избранной в 1894 г. почетным членом Российской Академии наук была графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840 г.р.). Имя графини Уваровой занимало почетное место среди археологов: она известна как самостоятельный исследователь старины, как деятельная помощница своего мужа, известного археолога, основателя Московского археологического общества графа А.С. Уварова. Прасковья Сергеевна участвовала во всех поездках, исследованиях, раскопках, устройстве музеев вместе с мужем. После его смерти она была выбрана председателем Московского археологического общества. На этом посту ею был предпринят ряд мер: в 1886 г. было возбуждено ходатайство перед правительством о запрещении продавать за границу коллекции искусств и древностей; в 1888 г. при ее содействии вырабатывается программа для археологического изучения Кавказа. На XI съезде археологов в Киеве П.С. Уварова предложила ходатайствовать об учреждении в университетах кафедр археологии [2, с. 484—486]. Много времени отдала Прасковья Сергеевна изучению Кавказа, которое началось совместно с мужем в 1879 году и возобновилось в 1886 году. Кроме того, она являлась председателем Комиссии по сохранению древних памятников. Ей принадлежит целая серия научных работ по археологии, высоко оцененных Академией наук [2, 489—490].

Среди блестящей плеяды женских имен, выдвинувшихся в науку и общественной деятельности, особое место занимает Александра Викторовна Потанина (1843—19.09.1893) — женщина-путешественница и этнограф. Вся ее жизнь прошла в беспрестанных путешествиях с мужем Григорием Николаевичем Потаниным [4, с. 376]. Александра Викторовна заявила себя в науку целым рядом самостоятельных статей и исследований, посвященных Китаю, Монголии и этнографии Восточно-Сибирских инородцев в России. За научную работу Императорское русское географическое общество в 1887 году наградило А.В. Потанину золотой медалью. Она сделала много ценных в научном отношении наблюдений по художественной этнографии, которые знаменитый критик В.В. Стасов считал важным материалом для истории культуры. Весь ее жизненный путь свидетельствовал о неустанном труде и целеустремленности в деле научных этнографических исследований. Несмотря на предупреждения врачей и советы оставить работу, она не пожелала покинуть экспедицию и продолжила путешествие. Скончалась А.В. Потанина 19 сентября 1893 году на Голубой реке в лодке [1, с. 351—363].

Итак, в дореволюционной России женский вопрос находился в такой стадии, что каждое личное завоевание имело общее значение и потому особенно важно уделять должное внимание каждой инициативе в области расширения возможностей самореализации женщин. Всякое выступление в поисках путей к профессиональной деятельности, в защиту того или другого поправленного права женщины имело громадное значение и реальный резонанс. Посильный вклад в русскую науку, внесенный открытиями талантливых женщин-ученых, был закономерным результатом их упорной исследовательской работы. Анализ биографий первых русских женщин-ученых доказывает, что все их успехи были достигнуты в условиях, не только не способствовавших, но зачастую препятствовавших женской карьере. Женщины, решившие избрать научную стезю, должны были постоянно доказывать свое право на такой жизненный выбор и далеко не всегда достигали в этом успеха. Таким образом, вторая половина XIX — начало XX в. — время, открывшее русским женщинам путь в науку и давшее им возможность реализовать свой интеллектуальный потенциал с пользой для общества. Именно к этому времени относится плеяда имен русских женщин,

рядом с которыми по праву ставится определение — первая... Несомненно, что каждая из женщин, которым пришлось первыми идти тернистым путем в науку или профессиональную, общественную сферы, была незаурядной личностью. По оценкам современников «это были женщины сильного ума, сильной воли, сильной энергии и сильного характера». [6, с. 61] Женщины-ученые смогли преодолеть не только предрассудки по отношению к своим умственным способностям, но и жесткие словесные перегородки в сфере образования.

Литература

1. Ариян. *Первый женский календарь*. Вып. 3. 1901.
2. Ариян. *Первый женский календарь*. Вып. 4. 1902.
3. Ариян. *Первый женский календарь*. Вып. 9. 1908.
4. *Женская энциклопедия*. Т. 1–2. М., 1915.
5. Марков П. Г. А. Я. Ефименко — историк Украины. Киев, 1966.
6. Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899.
7. Столярова Л. Студенческая жизнь русской женщины // *Русское богатство*. 1885. № 5–6. С. 480–485.
8. Шабанова А. Н. *Очерк женского движения в России*. СПб., 1912.

Т. А. Титова, Е. Г. Гуцица

г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Женщины-этнографы дореволюционной Казани

В Казани, как центре Казанской губернии и Казанского учебного округа, были сосредоточены основные научно-образовательные учреждения и общественные организации — Казанская духовная семинария и Академия, Казанский Императорский университет и ряд научных обществ при нем. Безусловно, центром развития этнографии как и ряда других наук в Поволжье, стал Казанский университет. Географическое положение Казани определило и научные задачи — исследование восточной территории Российской империи (в том числе многонационального Поволжья) и сопредельных с ней стран. Большое значение отводилось изучению народов востока. В основном этнографическими вопросами, как и наукой в целом, в Казани занимались мужчины (ученые, чиновники, церковные служители, учителя и врачи). Имен казанских женщин-исследовательниц народной жизни немного. Изучая развитие этнографии в г. Казани и Казанской губернии в дореволюционное время исследователи, как правило, не обращались к «женским именам».

Одной из первых женщин г. Казани, занимавшихся описанием традиционной культуры народов Поволжья, стала Александра Андреевна Фукс, урожденная Апехтина (около 1792–1853). Она на протяжении долгого времени (около 25 лет) была хозяйкой литературного салона в г. Казани — знакового и особенно востребованного культурного центра Казани первой половины XIX в. Часто Александра Андреевна развлекала гостей чтением собственных произведений: главами из романа «Зюлима, или Пугачёв в Казани» и новеллы «Поездка из Казани в Нижний Новгород», в которых были приведены описания традиционного быта раскольников. А. А. Фукс в 1821 г. вышла замуж за врача, профессора естественной истории Казанского университета Карла Федоровича Фукса. Помимо блестящей врачебной практики, К. Ф. Фукс занимался

исследованиями в области ботаники, истории, нумизматики, археологии и этнографии. Именно о К.Ф. Фуксе говорят как о первом исследователе традиционной культуры казанских татар. Под влиянием супруга А.А. Фукс наряду с историческими темами стала заниматься и этнографическим описанием народов Поволжья. В 1840 г. вышла ее книга «Записки о чувашах и черемисах» [1]. Эта этнографическая работа представляет собой её переписку с супругом К.Ф. Фуксом. Александра Андреевна подробно описала обычаи и образ жизни чувашей и марийцев, приводя даже их песни в своей транскрипции и в собственном стихотворном переводе, а К.Ф. Фукс сопроводил ее описания историческими фактами, статистическими данными, и давал лингвистические и грамматические пояснения [2].

Бурное развитие этнографические исследования в г. Казани получили после открытия в 1878 г. при университете Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Общество играло роль координационного научного и культурно-просветительского центра дореволюционной Казани. Общество имело сложную структуру членства, но объединяло всех людей без гендерного, национального, географического или профессионального отбора, стремившихся содействовать развитию науки и просвещения. Из 616 членов ОАИЭ в его состав входило 17 женщин, 6 из которых были родом из г. Казани. Одной из самых активных женщин-членов Общества была Раиса Александровна Нелидова, супруга профессора юридического факультета Казанского университета Н.К. Нелидова, которая выступала с докладами и презентациями своих научных исследований на заседаниях ОАИЭ. Р.А. Нелидова занимала должность преподавательницы истории казанской Мариинской женской гимназии. В сферу ее научных интересов входило исследование и репрезентация традиционного русского костюма. Особо следует выделить работу Р.А. Нелидовой «О наглядных пособиях для преподавания русской истории» [3]. Свои выступления на заседаниях ОАИЭ она сопровождала презентацией авторских манекенов и авторских репродукций традиционных костюмных комплексов этнографических групп русских. Один такой манекен в костюме замужней русской женщины Казанской губернии Р.А. Нелидова передала в Музей отечествоведения Казанского университета. Также она передала коллекцию собранных аутентичных элементов костюма русских Поволжья в музей ОАИЭ (в основном это образцы головных уборов).

Первой профессиональной женщиной-этнографом г. Казани стала Екатерина Эдуардовна Адольф (1894 — не ранее 1926 г.). Е.А. Адольф, в отличие от ее предшественниц, занимающихся этнографической тематикой, не принадлежала к категории жен университетских ученых. Долгое время ее имя было предано забвению и только сейчас мы начали реконструировать ее жизненный и научный путь. Е.А. Адольф родилась в семье лесничего 2 го лесничества Чебоксарского уезда, коллежского советника Эдуарда Андреевича Адольф. Она окончила 8 классов 3 ей женской Казанской гимназии и 9ый класс при 4-й казанской женской гимназии В.А. Ряхиной. После получения аттестата зрелости Е.А. Адольф поступила вольнослушательницей в Казанский университет на физико-математический факультет, а после революции была переведена в статус студентки [4]. Большое влияние на нее оказал заведующий кафедрой географии и этнографии, профессор Бруно Фридрихович Адлер, который сплотил вокруг себя ряд студентов-естественников, впоследствии ставших крупными учеными-этнографами России и мира. Кроме Е.А. Адольф из женщин под руководством Б.Ф. Адлера заниматься этнографией в г. Казани стала в более позднее время и Мариам Салиховна Губайдулина. Б.Ф. Адлер привлекает Е.А. Адольф к работе в Кабинете

этнографии и географии при кафедре. На данный момент нам не удалось установить какими научными проблемами Е. Э. Адольф занималась во время обучения. Свою профессиональную деятельность она продолжила и активно развила уже в 20-х гг. XX в.: оставалась сотрудником Этнографического музея и став преподавателем кафедры географии и этнографии Казанского университета. С апреля 1922 г. Е. Э. Адольф стала заведующей этнографическим отделом Казанского музея. Нам удалось установить, что в это период она начинала изучать этнографические группы поволжских татар.

Таким образом, в дореволюционной Казани этнографией и этнографической музейной работой занимались только три женщины. В XIX в. это были профессорские жены, которые были образованными и не ограничивались традиционными для женщин ролями, а занимали активную жизненную позицию, участвовали в научной деятельности мужей или развивали свою профессиональную карьеру. В начале XX в. в г. Казани появляются профессиональные этнографы, которые прошли обучение по профильным курсам. Это были люди широких социальных слоев, в гендерном отношении большинство продолжало оставаться за мужчинами. В связи с политическими событиями и репрессивными нападениями на этнографов в советское время (в т.ч. был репрессирован Б. Ф. Адлер), многие имена и события еще только предстоит «воскресить» для научной общественности.

Литература

1. Фукс А. А. *О чувашах и черемисах Казанской губернии: записки Александры Фукс*. Казань, 1840.
2. Алиев И. А. *Александра Андреевна Фукс (Апехтина): жизнь и деятельность* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2010/05/26/a-a-fuks-apexchina-chast-ii> (дата обращения: 10.06.2016).
3. Нелидова Р. А. *О наглядных пособиях для преподавания русской истории*//Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 3. С. 3–4.
4. *Отдел редких рукописей и книг Научной Библиотеки им Н. И. Лобачевского*. Ф.22. Д.90. Л. 2–3.

О. А. Валькова

г. Москва, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Астроном-наблюдатель Сормовского Пролеткульта или революционные годы Нины Михайловны Субботиной

В 1918 г. одна из первых в России женщин-астрономов, Нина Михайловна Субботина (1877–1961), потеряв свою конфискованную большевиками обсерваторию, располагавшуюся в подмосковном имении ее матери недалеко от Можайска, единственный, так же конфискованный дом, лишившись всех средств к существованию, переехала жить в Сормово, где когда-то ее отец, Михаил Глебович Субботин (1850–1909) был техническим директором Сормовских заводов и где в тот момент работали ее братья Алексей и Сергей Субботины. Нину Михайловну знали, уважали и любили в Сормово. Любопытно сохранившееся, еще довоенное письмо ее младшего брата Игоря Субботина другу семьи, известному ботанику Борису Алексеевичу Федченко, в котором Игорь Михайлович сообщал: «Третьего дня я только вернулся из Сормова...

[...] Нина с [Валентиной] в Саратове, заезжали к нам в Сормово, встречали их весьма польщенно и так, что они чувствуют себя на верху блаженства и гордости» [1, л. 121 об.].

В час нужды администрация Сормовских заводов поддержала Нину Михайловну, предложив ей официальную должность (правда вначале не оплачиваемую), создав ее, как нам кажется, специально для нее — астроном-наблюдатель Сормовского Пролеткульта. 2 апреля 1919 г. Субботина писала своему старому другу, известному революционеру-народнику и такому же известному ученому Н.А. Морозову: «Сердечное Вам спасибо за Ваше милое, дружеское письмо! Не отвечала Вам так долго, занятая всякими делами и переездом в Сормово (Заводы). Теперь мы с мамой здесь водворились и немножко устроились, в перспективе предстоит организационная работа для Обсерватории Сормовского Пролеткульта...» [2, л. 10, 10 об.]. Примерно через месяц, 1 (14) мая 1919 г. Н.М. Субботина писала о своих новых делах и проектах Н.А. Морозову более подробно. Как выяснилось из этого письма, представителя Пролеткульта, пригласившего Субботину на работу, «взяли на войну», и к моменту написания письма «дело с Пролетк [ультом] не выяснилось» [3, л. 13]. Тем не менее, эти обстоятельства не помешали Нине Михайловне развить бурную деятельность: «... мы в контакте с преподавателями физики и космографии местного б [ывшего] Реального уч [или]ща и некоторыми инженерами и студентами Сормовского университета, — писала она, и поясняла. — (Здесь есть ун [иверсите]т — отделение Нижегородского); образовали Астрономический кружок с 3 секциями: культурно-просвет [ительской] (с пролет [культом]), популярно-научный (с ун [иверсите]том) и секцией Обсерватории — научно-теоретический». И продолжала, перечисляя уже сделанное: «У нас было I заседание с представителями пролеткульта и университета, с докладом Организационного бюро; избрана Комиссия по выработке устава; сделано обращение в ун [иверсите]т о предоставлении Кружку помещения для собраний и наблюдений. Предполагается устроить площадку на крыше, а пока наблюдать на балконах. Сейчас мы уже показываем небо учащимся с террасы нашей квартиры, сразу из 2-х телескопов, во избежание длинной очереди, при этом даем пояснения, готовим нечто вроде краткой популярной лекции о н [екото]рых небесных телах, которые предполагаем показывать, о планетах, Луне, двойных звездах» [3, л. 13 об.]. И добавляла с некоторой долей надежды: «Если будет ассигновка на Обсерваторию, можно будет привезти 3-й большой телескоп, который стоял в башенке Соболевской обсерватории» (конфискованной обсерватории Н.М. Субботиной. — О.В.) [3, л. 13 об., 14].

С 23 по 27 августа 1920 г. в Петрограде проходил второй съезд Всероссийского астрономического союза, членом которого состояла Субботина. К ее большому сожалению, она получила приглашение на съезд слишком поздно и не успела оформить необходимые тогда для поездки документы. Тем не менее она направила в адрес съезда письмо, с подробным описанием работы Сормовской обсерватории, не без надежды на получение помощи и содействия коллег. Нина Михайловна не экономила силы на новой работе. Масштаб развернутой ею в Сормове деятельности и, главное, скорость, с которой ей удалось все организовать, поражают воображение. «Предполагаем, что наша обсерватория будет готова к весне, — сообщала она в отчете съезду. — Первый кредит в 300000, отпущен, приступлено к работам, материал отпущен Сормовскими заводами, заключено условие с 2 подрядчиками. Проект составлен инж [енером] Михеевым, тов [арищем] предс [едателя] нашего Астр [ономического] кружка». И продолжала далее: «Обсерватория будет стоять над самым высоким здесь домом “Каменной школой”, где сосредоточены почти все просветительные учреждения Сор-

мова. По штату полагается мне 2 помощника, т [ак] ч [то] рассчитываю вести научную работу параллельно учебной. Деятельное участие в работе принимает наш Астр [ономический] кружок, недавно праздновавший первую годовщину своего существования. Можно надеяться, что это дело пойдет надлежащим ходом...», — вполне оптимистично завершала Субботина эту часть своего доклада [4, л. 112].

Н.М. Субботина родилась и выросла в Москве, училась, работала, прожила большую часть жизни в Петербурге/Ленинграде, но годы, проведенные ею в Сормове, всегда оставались особенными в ее памяти. Через много лет, в 1958 г. Она вспоминала о своих сормовских занятиях в письме к коллеге-астроному А.Н. Дейчу. Рассказывая ему об отношениях со своим наставником, астрономом С.К. Костинским, она написала: «... я вместо Пулкова и С [ергея] К [онстантиновича] попала в самую кипень жизни, но всегда помнила своего учителя. <...> советы его я сохраняла д [о] с [их] п [ор], особенно на работе в провинции, на Сормовском заводе (1917–1926 г.), в качестве астронома-наблюдателя [Политпросвета] С [ормовского] завода. Должность эта считалась тогда как нечто универсальное: астроном должен был знать и уметь все! Разыскивали мы беспризорных, устраивали интернаты и школьные колонии, собирали для завода лекарственные травы — аптеки были пусты, а больных насчитывалось до 12000 в год — тиф, малярия, туб [еркулез], но рабочие хотя падали у станков, а героически трудились! Приходилось работать “ин экстензо” (In extenso (лат.) — полностью, без сокращений. — О.В), и ездить в разные командировки (Ленинград и Москву), даже на съезды по эксперим [ентальной] психологии и Бот [анический] сад за семенами для нашего огорода аптеки». «Горжусь, что мне доверяли, зная моих покойных отца и брата-металлурга <...>, — продолжала Н.М. Субботина. — Горжусь теми удивительными годами!» [5, л. 3, 3 об.].

Литература

1. Субботин И. М. Письмо Б. А. Федченко. Не позднее 1914 г. //С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1036. Л. 121 об.
2. Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 2 апреля 1919 г. //Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 10, 10 об.
3. Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 1 (14) мая 1919 г. //АРАН. Ф. 543. Оп.Д. 1811. Л. 13.
4. Субботина Н. М. Письмо С. К. Костинскому. 20 августа 1920 г. //СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 112.
5. Субботина Н. М. Письмо А. Н. Дейчу. 3 июля 1958 г. //Архив ГАО РАН. Ф. 10. Д. 370. Л. 3, 3 об.

А. Н. Еремеева

г. Краснодар, Южный филиал Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

Студентки — «медички» в пространстве Ростова-на-Дону периода Первой мировой и гражданской войн

Ростов-на-Дону — крупный торгово-промышленный центр Юга Российской империи — стал вузовским городом достаточно поздно и то, в связи с трагическим обстоятельствами, — эвакуацией из Варшавы университета и Высших женских курсов

в годы Первой мировой войны. В университете был полный «комплект» факультетов (историко-филологический, юридический, физико-математический, медицинский); Высшие женские курсы имели те же факультеты, кроме медицинского.

Продолжавшаяся война, мобилизация врачей в действующую армию, превращение Ростова-на-Дону в одну из госпитальных баз, стимулировали постановку и решение вопроса о высшем женском медицинском образовании. 27 апреля 1916 г. на заседании Ростовской городской думы было решено открыть женские медицинские курсы за счет городского бюджета. На основании указаний Думы главный врач городской Николаевской больницы, опытный ортопед Н. В. Парийский (одним из главных инициаторов открытия нового учебного заведения) составил проект устава Ростовского-на-Дону женского медицинского института (ЖМИ); цель нового учреждения была сформулирована следующим образом: «доставлять лицам женского пола высшее медицинское образование в объеме университетской программы» [1. Д. 2. Л. 52 об-53].

Все лето и начало осени в прессе шли дискуссии о том, что правильней — открывать городской женский институт или медицинский факультет Высших женских курсов, сколько человек в состоянии принять новый вуз. Параллельно девушки буквально «атаковали» приемную комиссию. Значительная их часть с отличием окончила семь или восемь классов гимназии. Поступать сразу на второй курс могли не только те, кто ранее окончил первый курс медицинского факультета, но и слушательницы Высших женских курсов Варшавского университета (естественного отделения физико-математического факультета) при условии сдачи дополнительных экзаменов [1. Д. 3. Л. 9–10]. При приеме на первый курс предпочтение при прочих равных отдавалось девушкам, имеющим аттестат об окончании восьми классов гимназии или акушерско-фельдшерской школы, тем, кто прожил в Ростове-на-Дону не менее двух лет (ведь Институт частично существовал за счет города). Дочерей профессоров Варшавского университета набирали сверх «установленного комплекта»; плату за обучение с них не брали.

В начале сентября 1916 г. количество поданных заявлений уже перевалило за 800, а принять планировалось не более 400: 200 — на первый курс, 200 — на второй. Претенденток даже не испугало повышение платы за обучение со 150 до 200 рублей в год [3. 1916. 11 сентября. С. 2]. Среди обладательниц отличного аттестата восьмью классов гимназии, изначально не принятых в ЖМИ по причине проживания вне Ростова-на-Дону, — были две девушки, донские казачки (одна окончила новочеркасскую Маринскую гимназию, другая — ростово-нахичеванскую Екатерининскую), впоследствии хорошо известные не только в советском, но и в мировом медицинском сообществе. Это создательница отечественного пенициллина Зинаида Ермольева (прообраз героини романа В. А. Каверина «Открытая книга») и соавтор «круцина» — препарата для лечения онкологических заболеваний Антонина (Нина) Ключева (обвиненная после печально известного «Дела КР» в космополитизме [см. 2.]). Их зачислили на первый курс после того как Министерство народного просвещения удовлетворило ходатайство Совета института «о разрешении принять на первый курс сверх комплекта 30 слушательниц из жителей Ростова-на-Дону и достойнейших иногородних» [1, Д. 3. Л. 25]. Институт торжественно открылся 21 ноября 1916 г.; церемония проходила в зале заседаний городской Думы [4. 1916. 21 ноября. С. 3]. Городской голова подчеркнул, что ЖМИ — это первое высшее учебное заведение Ростова-на-Дону [3, 1916. 23 ноября. С. 4] (эвакуированные вузы были еще в статусе Варшавских).

Годы обучения в ЖМИ совпали с драматическими событиями: революция, немецкая оккупация города по условиям Брестского мира, Гражданская война, окончатель-

ное установление власти Советов. В начале 1920 г. ЖМИ был упразднен; все «курсисти-ки» (так их называли в прессе) стали студентками Донского (бывшего Варшавского) университета. Диплом первокурсницы 1916 г. они получили досрочно — в январе 1921 г, не доучившись практически целый год.

В таких условиях наладить учебный процесс было нелегко. Студентки нередко обращались напрямую к руководству города с просьбой об освобождении помещений для практических занятий, дополнительных субсидиях и проч. В институте была создана студенческая касса взаимопомощи. Для ее пополнения регулярно организовывались вечера.

Студентки-«медички», которых из года в год становилось больше (по данным на декабрь 1918 г. — 2100 [3, 1918. 13 (26) декабря. С. 2]), наряду с преподавателями включались в практическую медицинскую деятельность буквально с первых дней обучения. Тем более, что поле этой деятельности было практически необъятно. Помимо раненых на фронте, значительную часть нуждавшихся в медицинской помощи составляли больные инфекционными болезнями. Их распространению способствовала скученность населения. Ведь Ростов-на-Дону стал одним из главных центров концентрации столичных беженцев. Бушевали сыпной тиф, «испанка», возвратный тиф, холера, скарлатина, жертвами которых становились, в том числе, профессора и студентки ЖМИ. Администрация Института даже ходатайствовала об отведении для больных сыпным тифом слушательниц «специальных коек» в клинике А.И. Игнатовского [1. Д. 3. Л. 25].

Студентки ЖМИ входили в состав «Научно-трудового общества студентов медиков и медичек при Донском университете». Помимо культурно просветительской работы, организации досуга, издания учебной медицинской литературы, члены Общества, организовав санитарный отряд, распределяли по лечебным учреждениям раненых, прибывавших с фронта на железнодорожный вокзал Ростова-на-Дону, оказывали им помощь.

Неудивительно, что многие девушки, среди которых были упомянутые выше З. Ермольева и А. Ключева, в качестве специализации выбрали бактериологию. Их главным наставником стал заведующий кафедрой бактериологии и одновременно директор Бактериологического института В.А. Барыкин. Студентки, овладевая профессией, приобщались к научной работе. З. Ермольева и А. Ключева сразу после окончания вуза стали штатными сотрудниками и Бактериологического института, и кафедры бактериологии Донского университета. После отъезда в Москву В.А. Барыкина (1921 г.) именно на их плечи легло научное обеспечение борьбы с инфекционными заболеваниями, в частности с эпидемией холеры в Ростове-на-Дону в начале 1920-х гг. Тогда же появились их первые публикации в медицинских журналах Кубани и Дона. Вчерашние выпускницы вуза достойно представляли донскую бактериологию на всесоюзных съездах, а вскоре, переехав в столицу, заняли видное место в научном сообществе страны Советов.

Литература

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 503. Оп. 1.
2. Кременцов Н.Л. В поисках лекарства против рака: Дело «КР». СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. акад., 2004.
3. Приазовский край. Ежедневная газета политическая, экономическая и литературная (Ростов-на-Дону)

Доклад подготовлен в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме 2.27 «Разработка концепции и словника энциклопедического издания «Культурное наследие Юга России».

М. А. Помелова, К. О. Россиянов

г. Москва, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

«Освоение» сельской территории учеными в начале XX в. и проблема гендерного равенства в науке: женщины–генетики на опытных станциях в Подмоскovie

Среди научных организаций XX в. выделяются загородные биологические станции — учреждения нового типа, впервые возникшие в конце XIX в. Их появление стало закономерным развитием методик экспериментального исследования и натурального (полевого) наблюдения. Находясь за пределами города, в сельской местности, станции способствовали появлению особого социального пространства, определившего в значительной степени «неформальный» стиль общения их обитателей и нивелировавшего традиционные академические иерархии, в том числе неотделимые от них гендерные предпочтения. Непосредственным толчком к возникновению станций послужила Октябрьская революция, оставившая без хозяев многие сельские имения, которые были национализированы местными Советами. В некоторых из них были организованы совхозы, в других — опытные станции и музеи [2, 6, 8].

Первая генетическая станция Института экспериментальной биологии (ИЭБ), начавшая свою деятельность под руководством директора института Н. К. Кольцова, была создана в 1917 г. в Аникове, бывшем имении И. Я. Коншиной в Звенигородском уезде Московской губернии. В связи с увеличением объема исследований в 1925 г. Аниковскую генетическую станцию перевели в бывшее имение Михаиловых Назарьево Звенигородского уезда, после чего она получила название Центральной генетической станции (ЦГС) по генетике сельскохозяйственных животных. В 1919 г. ИЭБ получил в свое распоряжение Звенигородскую биологическую (гидрофизиологическую) станцию, расположенную неподалеку от Аникова и основанную учеником Н. К. Кольцова С. Н. Скадовским еще в 1910 г. на его собственной даче «Воронцы». Эта станция стала также летней резиденцией генетической лаборатории ИЭБ — «дрозофильщиков» [4, 5]. В 1919–1921 гг. на двух станциях жили и находили пропитание ученые-биологи и их подопытные животные; по-видимому, даже после начала НЭПа эта их роль оставалась значительной, поскольку государственные ассигнования на проведение научных исследований систематически сокращались. Важным фактором для проведения исследований была и дополнительная площадь, имевшаяся на станциях [8].

В то же время возникновение станций рассматривается нами как фактор гендерного равенства. Историки науки неоднократно обращали внимание на феномен «невидимости» женщин в экспериментальном естествознании начала XX в. Женщины

участвовали в научной работе преимущественно в качестве лаборанток, технических сотрудниц, обеспечивавших занятия студентов, а также как жены и подруги ученых, поддерживавшие и вдохновлявшие их в творческих занятиях [1, 3]. Мы показываем, что установившиеся в городе иерархии научной жизни размывались в условиях загородных научных станций, обеспечивая женщинам возможность полноправного участия в научной деятельности. В этом смысле деятельность загородных генетических станций ИЭБ особенно интересна, поскольку с момента их организации женщины работали на них в качестве самостоятельных исследовательниц, а не помощниц мужчин. Так, в развитие направления, намеченного в 1920-е годы С.С. Четвериковым и ставшего впоследствии основой эволюционной и популяционной генетики, важный вклад внесли первые отечественные женщины-генетики: Елизавета Ивановна Балкашина (1899–1981), Елена Александровна Фидлер (1898–1973) (с 1922 г. Тимофеева-Ресовская) и Зоя Сафроньевна Никоро (1904–1984).

Важным фактором, уравнивавшим профессоров, молодых преподавателей и студентов, стала установившаяся на станциях атмосфера непринужденного, неформального общения: «Центральная генетическая станция была в своем роде уникальным научным учреждением, я больше так хорошо организованных учреждений не видела, где царил мир и дружба, горячий интерес к науке, прекрасная организация научной работы и высокая продуктивность при полном отсутствии формальной дисциплины» [7]. Колоритные эпизоды из жизни обитателей этих станций описаны также работавшим на ней генетиком Н.В. Тимофеевым-Ресовским [9].

Особое внимание мы обращаем на то, что стиль жизни научного сообщества биологических станций способствовал формированию нового статуса женщин-ученых, возникновению коллективистского этоса и прочных «горизонтальных» связей. «Заставить» обитательниц и обитателей станций, вдохновляемых ценностями совместной работы, следовать заранее выработанной руководителем-профессором программе было практически невозможно — важнейшие цели исследований определялись в ходе совместных обсуждений, ломавших как традиционную академическую субординацию, так и жесткие гендерные иерархии и перегородки.

Литература

1. Kohler R. E. *Lords of the Fly: Drosophila Genetics and the Experimental Life*. Chicago: The University Of Chicago Press, 1994.
2. Rossiianov K. *Gefährliche Beziehungen: Experimentelle Biologie und ihre Protektoren//In den Jungeln der Macht: Bildungsschichten unter totalitären Bedingungen. Ein Vergleich zwischen NS-Deutschland und der Sowjetunion unter Stalin*. 2000. С. 340–359.
3. Rossiter M. W. *The Matthew/Matilda Effect in Science//Social Studies of Science*. 1993. V. 23. P. 325–341.
4. Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф. Николай Константинович Кольцов. М.: Наука, 1971.
5. Бабков В. В. *Московская школа эволюционной генетики*. М.: Наука, 1985.
6. Елина О. Ю. *От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII — 20-е годы XX века*. В 2 т. М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т. 1. 479 с.; т. 2.
7. Никоро З. С. *Из жизни Центральной генетической станции//Природа*. 2005. № 3. С. 67–73.
8. Россиянов К. О. *Институт экспериментальной биологии Н. К. Кольцова и возникновение генетики в Советском Союзе, 1917–1925/Научное наследие Л. Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения (сборник статей)*. М., 2001. С. 141–157.
9. Тимофеев-Ресовский Н. В. *Очерки. Воспоминания. Материалы*. М.: Наука, 1993.

Евгения Моисеевна Ганфман (1905–1973): русская женщина в истории мировой психологии

В настоящее время возрастает внимание к женщинам-психологам в истории психологии, в частности, к отечественным психологам и русским психологам за рубежом, внесших значимый вклад в развитие мировой психологии. Последняя область исследования стала формироваться недавно и обозначается как российское психологическое зарубежье [2]. Среди женщин-психологов, эмигрировавших из России в различные страны для продолжения своей жизни и научной деятельности, можно назвать Е. В. Антипову, Е. М. Ганфман, Т. В. Дембо, М. А. Рикерс-Овсянкину, А. Г. Саломе, С. Н. Шпильрейн и др.

В данной работе мы кратко рассмотрим научное творчество Евгении Моисеевны Ганфман (1905–1973) через призму ее личной биографии. Она училась у многих выдающихся психологов XX в., разрабатывала широкий круг психологических вопросов и имела очень насыщенную жизнь [3; 4].

Ганфман родилась в 1905 г. в Санкт-Петербурге, но после революции в 1920 г. вместе с семьей переезжает в Ковно в Литве, затем в 1922 г. — в Германию, где поступает в Йенский университет им. Ф. Шиллера. Здесь она учится у Вильгельма Петерса (1880–1963) и защищает диссертацию на тему «Формирование зрительных ассоциаций» (1927). В 1930–1932 гг. занимается исследованиями восприятия, мышления, памяти, воображения, опираясь на методологию гештальтпсихологии, в лаборатории Курта Коффки в Колледже Смит (Нортгемптон, США) вместе с другими русскими эмигрантами Тамарой Дембо (1902–1993) и Марией Рикерс-Овсянкиной (1898–1993). Результатом данного научного периода стали следующие исследования: изучение пространственного восприятия у детей (выявлено, что пространственные направления и расположение геометрических фигур влияют на их восприятие и воспроизведение при рисовании), изучение восприятия фигур и их сравнения у взрослых (выявлено, что при задаче нахождения фигуры в два раза больше и меньше стандартной испытуемые имеют тенденцию выбирать гораздо большие и гораздо меньшие фигуры; это связывается с тем, что испытуемый сравнивает не по площади фигур, а по граням).

В 1932–1935 гг. работает психологом в Ворчестерской государственной больнице (США) под руководством Дэвида Шакова (1901–1981) и знакомится с различными патопсихологическими феноменами: изучает социально-психологические вопросы лечения и взаимодействия пациентов и врачей в клинике, овладевает психодиагностическим инструментарием, работает с когнитивными нарушениями пациентов. В частности, ею совместно с Дембо проводится исследование особенностей приспособления пациентов при попадании в психиатрическую больницу. Учеными разрабатывается специальное информационное письмо для того, чтобы пациент мог ознакомиться с общей информацией о больнице, о правилах проживания и лечения, о собственном положении и статусе в больнице. Данное письмо состоит из личного краткого обращения главного врача отделения и формальной части, включающей в себя часто задаваемые вопросы и ответы.

В 1936 г. Ганфман переходит работать в Больницу Майкла Риза (Чикаго, США) совместно с Якобом (Джейкобом) Казаниным (1897–1946). Вместе они разрабатывают клиничко-психологические и патопсихологические проблемы, развивают некоторые

идеи А.С. Выготского относительно развития понятийного мышления и когнитивных процессов у больных шизофренией [5]. Они модифицируют методику формирования искусственных понятий Выготского-Сахарова (The Hanfmann-Kasanin Concept Formation Test). Изменив постановку задачи в методике, по их мнению, создается более определенная для испытуемого ситуации, при которой у него возникает установка на категоризацию и на инсайт, что позволяет четко увидеть процесс функционирования понятийного мышления. Далее Ганфман изучает у психически здоровых личностные паттерны функционирования интеллекта. Она разделяет данные паттерны на перцептивные понятийные по доминантности одного когнитивного процесса над другим. Продолжая деятельность по распространению идей Выготского, Ганфман совместно с Гертрудой Вакар (1904–1973) переводит книгу Выготского «Мышление и речь» (Thought and language) в 1962 г.

В 1944–1946 гг. работает в научном коллективе при Управлении стратегических служб США (Фэрфакс) под руководством Генри Мюррея (1893–1988). Здесь они исследуют личностные и психические особенности военных и сотрудников спецслужб.

В 1946–1952 гг. она работает преподавателем клинической психологии на Отделении социальных отношений в Гарвардском университете и сотрудничает с Русским исследовательским центром. Последнее отражается в ее работах, посвященных изучению психологических особенностей личности выходцев из СССР [1]. Среди исследовательских вопросов этого периода можно отметить: личностные особенности русских эмигрантов в ситуациях межличностного взаимодействия, решения групповых задач, конфликта; советские психологические установки, сформированные под влиянием советских условий жизнедеятельности и тоталитарного режима. Выявлено, что у выходцев из Советского Союза в ситуации субординационного конфликта доминирует модель поведения «дисциплинирование» и симпатия к рабочему, нежели чем к начальнику; уважение к начальнику базируется на его компетентности; присутствует боязнь доносительства, страх о том, что будут применены репрессивные меры и др.

С 1952 г. и до конца своей жизни Ганфман работает профессором психологии и директором Центра психологического консультирования при Университете Брандайза (США). На эту должность ее рекомендовал Абрахам Маслоу (1908–1970). В это время Ганфман касается нового для себя направления: психологическое консультирование и психологическая коррекция личности и поведения студентов.

Евгения Моисеевна Гафнман относится к той уникальной группе русских ученых-психологов, которым удалось в XX в. совместить в своем творчестве и широкий спектр зарубежных психологических концепций, и отечественные традиции. В этом смысле мы безусловно относим научное наследие Ганфман к российскому психологическому зарубежью, в котором остается та неразрывная связь человека с его родиной даже после разлуки с ней.

Литература

1. Ганфман Е., Гетцельс Дж. Межличностные установки выходцев из Советского Союза: исследование с помощью полупроективной методики//История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 5. С. 12–73.

2. Костригин А. А. Педагогическая деятельность психологов-эмигрантов в Русском народном университете в Праге в первый год его работы (1923–1924)//История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 227–240.

Люк Х., Волкова М. В. Тамара Дембо: научный портрет на фоне XX века//Методология и история психологии. 2011. Т. 6. № 2. С. 40–73

3. Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю. *История российского научного зарубежья и психологическое сообщество//Методология и история психологии.* 2011. Т. 6. № 2. С. 92–109.

4. Hanfmann E., Kasanin J. *A method for the study of concept formation//The Journal of Psychology.* 1937. Vol. 3. №. 2. P. 521–540.

С. Н. Филимончик

г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет

Университетская корпорация глазами профессора Ирины Петровны Лупановой (по книге воспоминаний «Минувшее проходит предо мною...»)

Воспоминания Ирины Петровны Лупановой (1921–2003), фольклориста, литературоведа, доктора филологических наук, профессора Петрозаводского университета написаны в последние годы жизни автора. Текст воспоминаний состоит из двух частей. В первой, охватывающей события от середины 1920-х гг. до осени 1950 г., автор описывает детство, военную юность, учебу в 1940–1947 гг. на филологическом факультете Ленинградского университета (а в 1941–1943 гг. в Карело-Финском университете), аспирантуру и защиту кандидатской диссертации. Во второй части использованы письма дорогих автору людей — ученых В. Я. Проппа и Г. А. Бялого. В тексте приводятся выдержки из этих писем и авторский комментарий к ним. Поскольку И. П. Лупанова сама подбирала фрагменты писем для цитирования, такой метод позволил ей сконцентрировать внимание на главном, но изложение приобрело некоторую фрагментарность, т. к. круг рассматриваемых сюжетов заранее определялся тематикой писем.

Студенческие годы автора пришлось на военное время. Летом 1943 г. студенты Карело-Финского университета, находившегося в эвакуации в Сыктывкаре, работали на лесозаводе: по 12 часов в сутки худющие от недоедания девчонки расталкивали баграми в воде, таскали по земле бревна. На самую тяжелую работу их отправили после того, как «осмелились» задать неудобные вопросы на встрече с секретарем обкома. Работу по державному капризу мемуарист назовет самым тяжелым, но вместе с тем самым необязательным испытанием по природе [1, с. 124]. В других случаях трудная работа воспринималась как должное, порой когда, казалось бы, неминуемо должно подступить отчаяние, автор описывает мгновения счастья. В 1942 г., возвращаясь с фольклорной практики, пришлось переправляться на карбасе через штормящую Печору, и молоденькая студентка смогла взять ответственность на себя, организовала слаженную работу растерявшихся спутников, возрастом значительно старше. Поскольку справилась, но растерялась «было весело, и я смеялась, совсем не думая об опасности» [1, 122].

Чрезвычайные условия организации учебного процесса в военное время в ряде случаев ослабили идеологический контроль и вернули в интеллектуальную среду прежде гонимые книги. Так, работа аспирантского семинара В. Я. Проппа в Саратове строилась на изучении его книги «Морфология русской волшебной сказки», в 1930-е гг. объявленной антинаучной и вредной. Поскольку книга была в библиотеке в единственном экземпляре, студенты переписали её от руки, выучили почти наизусть [1, 135].

И. П. Лупанова подчеркивает взаимовыручку, товарищество в студенческой среде, однако не скрывает, что, не имея жизненного опыта, порой наивно оценивала окружающих. Только спустя много лет выяснилось, что одна из девушек, с которой Ирина Лу-

панова жила в комнате, была сестрой генерала НКВД и сама являлась информатором органов, однако представлялась однокурсницам дочерью репрессированных, чтобы иметь полное доверие «инакомыслящих» [1, с. 201].

В воспоминаниях ярко описано, как студенты Ленинградского университета встретили весть о Победе: ночью, услышав по радио торжественное сообщение Левитана, все побежали в главное здание университета, где их уже ждали профессор, ректор. После стихийного митинга началось ликующее шествие по Университетской набережной, Невскому проспекту. Автор с болью замечает, что всего через несколько лет многие из студенческих кумиров, шагающих в этой колонне, будут с позором изгнаны из университета, умрут за тюремной решеткой [1, с. 152].

Используя иерархичность, дисциплину, процедуры конкурсов, выборов, экзаменов, зашит, власти осуществляли контроль за научной интеллигенцией и даже расправы с ней через само профессиональное сообщество. В 1949 г. в разгар «борьбы с космополитизмом» в Ленинградском университете ученики и коллеги подвергли травле известных ученых. В 1970-е гг. в Петрозаводске на подобном собрании за сессидентами одни поливали грязью коллегу — преподавателя, а другие молчали, скованные неистребимым страхом. Когда незаслуженной критике со стороны влиятельного журнала подверглась книга И.П. Лупановой о детской литературе «Полвека», больше всего ее потрясло, что молчали те, кто еще недавно хвалили и восторгался книгой. В 1979 г., не желая играть по номенклатурным правилам, стремясь защитить свою ученицу и своих друзей, автор вступает в «смертельную схватку с университетским начальством». Вскоре в расцвете творческих сил профессор Лупанова уходит из университета.

Яркие страницы воспоминаний посвящены профессорам Ленинградского университета М.К. Азадовскому, В.Я. Проппу, Г.А. Бялому. Они владели важнейшим для педагога качеством — умением пробуждать в душе воспитанника лучшие чувства и помыслы. Невозможность обмануть доверие учителей являлась главным стимулом досконально выучить предмет, раскрыть себя в научном творчестве. При безупречной воспитанности и приветливости это были очень требовательные люди, не терпящие в своей профессии поверхностность и халятуру. Показательно начало речи В.Я. Проппа, выступившего оппонентом на защите дипломного сочинения И.П. Лупановой: «Работа превосходная. Но ни с одним ее положением я не согласен» [1, с. 171].

Так сложилось, что впервые чувство любви, всепоглощающей и бескорыстной, автору книги выпало испытать к университетскому профессору. Все вышло в духе пушкинского романа: и искреннее письмо, и «ответь», после которой надолго был утрачен вкус к жизни. Потом будут годы дружбы, совместный летний отдых семьями и понимание, что все главные события жизни связаны с этим человеком: «Даже докторскую диссертацию я писала не только потому, что была увлечена процессом работы, но и потому, что где-то в подсознании ютилась потребность доказать пренебрегшему мной идолу, что и я чего-то стою» [1, с. 307].

Ирина Петровна Лупанова обладала незаурядным педагогическим даром. После вынужденного выхода на пенсию в 58 лет педагогическое общение, стимулирующее исследовательскую работу, неизбежно сократилось. Тяжелым испытанием стала смерть безмерно любимой матери. С ней надолго ушел интерес к жизни, в том числе и к профессии. «Непреодолимой сожалением», что из-за увлеченности наукой недостаточно уделяла времени общению с самым дорогим человеком, автор объясняет неожиданное прекращение научных занятий.

В воспоминаниях И.П. Лупановой идеалом университетской корпорации предстает сообщество профессионалов, сочетающих подвижнический труд и человеческую порядочность. Автор понимает, что воплощение идеала всегда частично, не это не означает отказа от самого идеала и активной работы по его воплощению.

Литература

1. Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...»: Книга о пережитом/И. П. Лупанова. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007.

Н. Г. Краснодембская, Е. С. Соболева

г. Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Супруги Маретины как сотрудники Музея антропологии и этнографии

Супруги Софья Александровна и Юрий Васильевич Маретины как ученые, востоковеды—этнографы оставили весьма заметный след в научной и собственно музейной деятельности Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Почти ровесники (она 1929, а он 1931 г. р.), они одинаково многое пережили из того, что выпало на долю их поколения, чем была отмечена историческая пора их детского, юношеского и взрослого существования. А оно в основном пришлось на советский период истории России. В анкетах оба обозначали свое происхождение из семей служащих, но это была довольно широкая категория, а реально их отцы и матери относились к совершенно разным сословиям (его родители, видимо — к мещанам или разночинцам, а ее — к дворянскому разряду, по крайней мере, по линии отца). Однако установка советского общества на всеобщее равенство, действительно, давала им с детства много общих возможностей (а также, как известно, и ограничений), предопределила реальность их социального и культурного сближения, которое в иную историческую эпоху вряд ли могло бы состояться.

Отец С. А. Маретиной Александр Васильевич Болдырев — ученый-классик, автор учебника по латинскому языку, переводов Платона и Адельберта фон Шамиссо, — занимал должность доцента кафедры античной литературы ЛГУ. Как представитель своего сословия он не избежал репрессий: в 1929 г. был арестован и выслан на север России, в 1934 г. смог вернуться к преподаванию на прежней кафедре, в 1937 г. вновь был арестован и опять освобожден. Здоровье его сильно пострадало, и, когда началась война, он не смог сопротивляться возникшим трудностям и умер в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде. Мать — Марианна Федоровна Граменецкая-Болдырева — была пианисткой, концертмейстером в Театре оперы и балета им. С. М. Кирова (ранее и теперь Мариинский театр). Мать и дочь все тяжелые годы войны провели в Ленинграде, но обе выжили.

Отец Ю. В. Маретина Василий Иванович был служащим в области государственной торговли, мать работала на фабрике, потом в системе РЖУ (сначала их семья жила в Кронштадте, в 1932 г. переехала в Ленинград). Они с сыном тоже всю войну прожили в Ленинграде. В 1943—45 гг. Ю. В. Маретин служил в армии.

Юрий и София поступили в школу одновременно — в 1939 г., только он пришел в первый класс, а она в четвертый (до этого занималась дома). Несмотря на военные

обстоятельства, завершили они школьное обучение почти в положенный срок: в 1947 (она) и в 1950 (он). Оба награждены медалью «За оборону Ленинграда».

С.А. с детства интересовалась иностранными языками, литературой, историей. Отец учил ее немецкому и французскому, и гораздо позднее в анкете она писала, что французским и английским владеет свободно, а немецким и хинди — со словарем. После войны у нее осталась некоторая нелюбовь ко всему немецкому. В блокадное время она посещала различные кружки во Дворце пионеров — этими занятиями старшие старались отвлечь детей от ужасов окружавшей их жизни и придать веру им в будущее.

Ю.В. рано полюбил чтение, а в зрелом возрасте сделался заядлым книголюбом. Тогда же его увлечением стало коллекционирование книг: он старался приобрести книги, которые все-таки издавались в блокадном городе. Он сам позже писал об этом как об «открытии книги»: «Уже не один месяц сижу я в дневное время у окна перед простым письменным столом. Я представляю собой подобие капустного кочана, вместо листьев у которого многочисленные одежки, включая и женский шерстяной платок на голове и плечах, а главное — уютнейший меховой мамин жакет. А на столе — книги. Они лежат стопками. Когда мы все поняли, что война затянула нас в свой омут всерьез и надолго, когда мое жизненное пространство свелось к кровати да месту за столом у окна, когда прекратились какие бы то ни было занятия в школе, — тогда отец сказал: «Ну, сынок, времени у тебя теперь много. Читай...». Это я и сделал. За одной книжкой перетаскивал на стол целую гряду. Книги заменяли мне приятелей, игрушки, бетонку, школу — все, все...» [1]. Осенью 1942 г. занятия в школе были возобновлены, и Юра увидел, что и для других ленинградских детей книга была спасением: «Когда те, кто остался жив, — вновь собрались в школах, я не без удивления узнал, что не только я был погружен в чтение как в некую спасительную среду. Многие блокадные дети, оказываются, прошли через те же радости общения с книгой» [1].

Будущие супруги с той же разницей в три года поступили на Восточный факультет ЛГУ: она — на индийско-тибетское отделение (с уклоном в филологию), он — на кафедру истории стран Дальнего Востока (история Китая). Оба получили дипломы с отличием в 1952 (она) в 1955 (он) и были рекомендованы в аспирантуру. С.А. первый аспирантский год провела в Москве в Институте востоковедения АН СССР, но, хотя это и было престижно (столица!), выхлопотала себе возвращение в Ленинград в аспирантуру Института этнографии АН СССР и здесь дисциплинированно (в 1955 г.) защитила диссертацию кандидата исторических наук «Социальная организация группы бодо (Ассам)». В 1957 (она) и 1958 (он) зачислены в Институт этнографии на должности м.н.с. Ю.В. увлекся изучением истории Индонезии [2], защитил кандидатскую диссертацию по теме «Община минанкабау и ее разложение (первая треть XX в.)» (в 1962 г.).

Так Институт этнографии соединил наших героев. Очевидно, что их сблизила общность тематики: теория общества, социальной организации на ранних ступенях человеческого развития, а также генетическое родство этнических групп, которые они изучали. Теоретизирование было главным делом тех лет в востоковедной этнографии, поскольку сотрудники, изучавшие народы Востока, преимущественно занимались своими исследованиями на основе собранных в МАЭ коллекций и научной литературы. Контакты с представителями региональной культуры были ограничены: поездки в изучаемые страны не практиковались, и очень редким случаем было присутствие носителей экзотических культур на берегах Невы. Супруги были искренне увлечены общими институтскими дискуссиями и, судя по всему, продолжали их дома. К началу 1960-х гг. они были уже женаты, в 1963 г. у них родился сын Александр, в 1966 — Егор.

Маретиных отличали взаимопомощь и сотрудничество в научной и научно-музейной работе. Возможно, роль супруги была более самоотверженной. Она помогала супругу восстановить экспозицию «Народы Индонезии», писала разделы в тома «Народы мира» [7; 8]. Оба сделали яркую карьеру в ИЭ/МАЭ, сотрудничали как преподаватели с другими научными учреждениями города. Но у Ю.В. ярче проявлялась его амбициозность. С.А. достигла всех ступеней и званий — д.и.н. (1986), гл.н.с. (1994), профессор (2002), несколько лет возглавляла индологическую группу — словно бы походя, не афишируя своих усилий; Ю.В. явно боролся за них. Отчасти поэтому он сменил место работы (1980): ушел заведовать восточным отделом Публичной (ныне Национальной) библиотеки. Но к этому склонила его и страсть к КНИГЕ.

Оба были яркие и талантливые люди, авторы многих и серьезных публикаций (в пределах 150–200), в том числе ряда книг [3; 4; 5; 6]. К сожалению, Ю.В. рано ушел из жизни (1990), не дожив до 60 лет. С.А. скончалась в августе 2013 г. Наследство этой пары велико и достойно: кроме научного, значение которого еще будет сохраняться долгие годы, они оставили двух сыновей и трех внучек, одна из которых тоже стала востоковедом. Несомненно, что ради всего этого стоило отдавать все силы и эмоции, хотя это в первую очередь приходится делать женщине.

Литература

1. Маретин Ю.В. *Открытие книги* [Электронный ресурс.] URL://<http://docplayer.ru/34278306-Yu-v-maretin-otkrytie-knigi.html>
2. Маретин Ю.В. *Индонезия. Избранные работы*. СПб.: Алетей, 2002.
3. Маретина С.А. *Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии*. М.: Наука, 1980.
4. Маретина С.А. *Андаманцы*. СПб.: МАЭ РАН, 1995.
5. Маретина С.А. *Змея в индуистской мифологии (на материалах МАЭ)*. СПб.: МАЭ РАН, 2005.
6. Маретина С.А., Котин И.Ю. *Племена в Индии*. СПб.: Наука, 2011.
7. *Народы Южной Азии*. М.: Наука, 1963.
8. *Народы Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, 1966.

А.Г. Аллахвердян

г. Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Динамика численности исследователей в российской науке: гендерное исследование

Последнюю декаду XX в. в истории отечественной науки нельзя оценить однозначно. С одной стороны — это период резкого сокращения финансирования науки, массовый отток кадров из науки в другие более оплачиваемые сферы деятельности, утечка умов за границу и как следствие ослабление некогда сильных позиций российской науки по многим направлениям естественных и технических наук, дезинтеграция и даже упадок ряда ведущих научных школ. По данным статистики науки, общая численность российских исследователей сократилась с 993 тыс. в 1990 г. до 370 в 2016 г., т.е. в 2,7 раза [1, 2]. Но, с другой стороны, именно в эти годы происходило освобождение российской науки от многих идеологических и догматических оков, что привело к возникновению и развитию новых для России исследовательских направлений, научных

школ, дисциплин таких как политология, культурология, социальная антропология, гендерные исследования.

Гендерная проблематика стала частью историко-научных и науковедческих исследований, в особенности, в контексте исследований гендерной структуры научных кадров. В докладе, на материале статистических исследований, проводится гендерный анализ развития кадрового состава российской науки в 1994–2016 гг.

Литература

1. *Индикаторы науки. М., НИУ-ВШЭ, 2018. С. 51.*
2. *Наука в Российской Федерации. М., ГУ-ВШЭ. С. 103.*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (17-03-00885)

А.П. Соловей

г. Минск (Республика Беларусь), Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

Гендерные стереотипы как фактор, детерминирующий научную деятельность женщин-исследователей

Гендерные стереотипы являются одним из социальных факторов, который может оказывать влияние на научную деятельность женщины-исследователя. Гендерные стереотипы (стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское») могут порождать скрытую дискриминацию женщин, которая проявляется в искусственном замедлении профессионального продвижения, отказе в научном признании и соответствующем поощрении. Начиная с 60-х годов популярность приобретают исследования стереотипных представлений о способностях мужчин и женщин, их компетентности в различных сферах деятельности и причинах их профессиональных успехов. Так, П. Годдберг обнаружила долю предубежденности женщин против самих себя в сфере научной деятельности (студентки колледжей более высоко оценивают статьи, написанные мужчинами, чем женщинами) [1, с. 152]. В соответствии с гендерными стереотипами хорошее выполнение задачи, высокий результат в чем-либо, достигнутый мужчиной, чаще всего объясняются его способностями. В то время, как точно такой же результат, достигнутый женщиной, объясняется ее усилиями, случайной удачей или другими нестабильными причинами. Стоит отметить, что сама типология стабильных и нестабильных причин оказывается неодинаковой в отношении объяснения поведения мужчин и женщин. К примеру, при объяснении успеха женщины фактор усилий рассматривается как нестабильный, а применительно к профессиональным успехам мужчины этот же фактор интерпретируется как стабильный, как необходимое условие «естественной мужской потребности в достижении», как средство преодоления барьеров и трудностей, которые возникают на пути к цели [1, с. 153].

Стереотипное убеждение в том, что женщины менее компетентны и не способны заниматься наукой, порождает представление о науке как мужской сфере деятельности, что в свою очередь порождает превалирование мужчин в руководстве наукой. Стереотипное представление о «мужских» и «женских» психологических характеристиках и типах поведения является одним из препятствий в научной деятельно-

сти женщины. «Женская» модель поведения приводит к заниженности притязаний на успех в научной сфере. Влияние оказывает и распространенный стереотип о том, что женщины склонны только к гуманитарным и социальным наукам, интеллектуальные качества женщин не позволяют заниматься точными и техническими науками.

Рассмотрим мнение женщин-ученых относительно гендерных стереотипов в науке по результатам социологического исследования «Социальное самочувствие женщин — научных работников Национальной академии наук Беларуси», проведенного впервые в 2017 году. В ходе исследования по репрезентативной выборке ($= \pm 4,2$, при $= 0,05$) было опрошено 450 женщин — научных работников. Среди опрошенных 2,9% — доктора наук, 26,8% — кандидаты наук, 70,3% — без ученой степени.

Гендерные стереотипы в науке как фактор, в той или иной степени влияющий на эффективность научно-исследовательской деятельности женщины-ученого, отметили 42,4% женщин (в т.ч. среди них, 16,7% — влияет, 25,7% — скорее влияет). Не согласны с тем, что данный фактор оказывает влияние на научную эффективность женщины-ученого 46,4% женщин (в т.ч. среди них, 18,4% — не влияет, 28% — скорее не влияет). Затруднилась ответить на поставленный вопрос каждая девятая женщина (11,1%).

Влияние на профессиональный выбор женщины в науке может оказывать и сконструированное убеждение по поводу предрасположенности женщин к занятию только в определенных областях научного знания. Существует мнение, что науки условно делятся на «мужские» (например, технические науки) и «женские» (например, гуманитарные науки). С данным делением наук не согласны 74% женщин. Более того, при выборе профессии и области науки, 54% женщин не задумывались вообще над таким делением наук, а 40,1% женщин не учитывали данное деление при выборе области своей научной деятельности.

Влияние гендерных стереотипов на научную деятельность женщин-исследователей, а также уровень стереотипизированности сознания женщин, можно проследить, анализируя степень согласия/несогласия женщин с гендерными стереотипами. Большинство женщин (68,8%) не считают, что «принадлежность к женскому полу мешает реализации научной карьеры». Практически каждая четвертая (23,9%) женщина согласна с данной преградой. При этом 76,7% женщин согласны с тем, что «мужчины-ученые чаще привлекаются для работы на высоких должностях, нежели женщины-ученые». Не согласна с данным утверждением практически каждая пятая женщина (18,6%). Половина опрошенных (50,8%) не согласны с гендерным стереотипом: «женщина чаще выступает как исполнитель, а не генератор новых идей в науке». И практически половина женщин (43,1%) согласна с бытующим стереотипом. Более половины (53,4%) женщин не считают, что «женщины-ученые всегда должны делать выбор между научной карьерой и семьей». В то время как по мнению 36,6% опрошенных женщинам приходится выбирать одну из сфер. Не согласны с утверждением, что «успешная научная карьера женщины-ученого, как правило, воспринимается научным сообществом как результат благоприятного стечения обстоятельств, а не как ее личная заслуга» 49,8% женщин. При этом, выразили ту или иную степень согласия 38,3% женщин.

Таким образом, гендерные стереотипы могут служить внешним фактором, который затрудняет построение женщинами карьеры, а также препятствует профессиональному росту в науке. Бытующие гендерные стереотипы могут выступать также в качестве внутреннего демотивирующего представления о том, что, наука не является женским делом. Большинство женщин-исследователей Национальной академии наук

Беларуси не согласны со многими стереотипными убеждениями относительно роли женщины в науке. Часть женщин с некоторыми гендерными стереотипами все же согласна. Отсюда следует, что сами женщины-ученые, под влиянием гендерных стереотипов (независимо от их реального существования или наличия лишь в массовом сознании женщин-ученых) могут сознательно выбирать отказ от построения научной карьеры и активного участия в научной деятельности (т.е. не проявлять личную инициативу, придерживаться пассивной модели профессионального роста). Хотелось бы отметить, что гендерные стереотипы не являются природным образованием, а конструируются обществом. Следовательно, влияние гендерных стереотипов на научную деятельность женщин можно корректировать посредством повышения гендерной культуры в научной среде.

Литература

1. Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов//Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 152–158.

С.Е. Покровская

г. Минск (Республика Беларусь), Институт психологии УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка»

Проблема феминизации современной белорусской науки

Общественное мнение настойчиво уничижало и утрировало роль женщины в разных сферах жизнедеятельности. В частности, получение научных званий, в отличие от коллег-мужчин, давалось им с огромным трудом. Несмотря на строгое ограничение в доступе к знаниям, представительницы слабого пола продолжали работу над своими изобретениями. Женщины-ученые мира внесли свой вклад в такие отрасли, как: физика; химия; медицина; философия; литература. Так женщинам принадлежат такие открытия, как: первая комета — М. Митчелл (1847 г.); общие эволюционные корни человека с обезьяной — Дж. Гудолл (1964 г.); перископ — С. Метер (1845 г.); глушителем для автомобиля — Э.Д. Джонс (1917 г.); посудомоечная машина — Дж. Г. Кокрейн (1914 г.); корректор для печаток — Б. Грэм (1956 г.), изучение ДНК — Р. Франклин (1920–1958 г.), создание ядерного оружия — Л. Мейтнер (1878–1968 г.), основы программирования — А.А. Байрон (1815–1851 г.), химик, дважды удостоенная Нобелевской премии — М. Кюри (1867–1934 гг.), открытие перемещения генов — Б. Мак-Клинток (1902–1992 г.), создание антибиотиков — З.В. Ермольева (1898–1974 г.), вращение тяжелого несимметричного волчка — С.В. Ковалевская (1850–1891 г.) и т.д.

Отношение к женщинам-ученым в современном мире, несомненно, изменилось. Благодаря тому, что женщины-ученые раз за разом доказывали свое право заниматься наукой, современное общество, наконец, признало равенство полов в этом направлении. Сегодня в науке трудятся мужчины и женщины, продолжая работать над различными проблемами развития человечества. Так многие известные российские женщины-ученые работали в различных научных направлениях: Л.С. Штерн — биохимик и физиолог, стала первой женщиной, принятой в Академию наук СССР; единственная в мире глухонемая женщина-ученый дефектолог О.И. Скороходова. О.А. Добиаш-Рождественская — российский и советский историк и писательница, ставшая членом-корреспондентом АН СССР. Н.Н. Ладыгина-Котс — первый уче-

ный зоопсихолог в России. М.В. Павлова — первый ученый-палеонтолог. А.А. Глаголева-Аркадьева — ученый-физик. О.С. Лебедева переводчица и языковед, основатель Общества востоковедения. Ю.В. Лермонтова — первая женщина-химик, доктор наук. Т.Н. Кладо — первая женщина-аэролог в России, в мире, Ш. Гилман (1860–1935) — основатель феминистского движения в мире и многие другие.

Хотелось бы осветить место женщин-исследователей в современной белорусской науке. Под влиянием политики феминизма произошло изменение отношения к роли женщин во всех сферах жизни. Особое место занимает научно-исследовательская деятельность, так как традиционно данная сфера являлась исключительно мужской прерогативой. В условиях феминизации белорусской науки вхождение женщин в науку рассматривается как активное вовлечение их в сферу высококвалифицированного труда и научного творчества.

Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что для академической науки характерна продолжающееся количественная и качественная феминизации. Под количественной феминизацией науки понимается возрастание доли женщин в общем числе исследователей, а под качественной — возрастание доли женщин исследователей, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук. Однако, несмотря на общую феминизированность академической науки, все еще рано говорить о феминизации научной элиты (доктора, члены-корреспонденты, академики), скорее уместен тезис о присутствии женщин в данном сегменте.

Сегодня доля женщин в Республике Беларусь среди исследователей составляет 40,5% [1, с. 41]. По состоянию на 1 января 2017 г. женщины-исследователи НАН Беларуси составляют 47,7% от общего числа исследователей. Среди кандидатов наук, доля женщин составляет 42,2%, среди докторов наук — 18,8% [2, с. 225]. Среди аспирантов Национальной Академии наук количество женщин достигает 55%, в докторантуре — 29,6%; среди молодых исследователей (в возрасте до 35 лет) женщины преобладают (52,1%).

Среди Нобелевских лауреатов 17 женщин-ученых, совершивших открытия в области точных наук и медицины. 31 женщина удостоивалась этой награды в области литературы и защиты мира. Среди этих имен есть Нобелевский лауреат из Беларуси Светлана Алексеевич.

«По результатам социологических исследований, проводимых среди научных сотрудников Академии наук в последние два года, большинство женщин-ученых никогда не сталкивались с какими-либо проявлениями гендерного неравенства в научном коллективе по отношению к себе или к коллегам, — отмечает Алеся Соловей. — Они считают науку своим призванием и ориентированы больше на научную деятельность, на самореализацию как профессионала и ученого, а не на занятие высокой должности» [3].

В прошлом году Соловей впервые провела целевое исследование по изучению социального самочувствия женщин-сотрудников НАН. На основе анализа данных социологического исследования сделан вывод о том, что большинство женщин считают научную деятельность своим призванием и испытывают чувство причастности к научному сообществу, однако не ощущают свою профессиональную востребованность в обществе либо сомневаются в ней и не считают профессию научного работника престижной. Практически половина женщин оценивают состояние своей области науки как в целом стабильное, с хорошими перспективами развития. Однако большинство женщин не считают профессию научного работника престижной в своей стране,

но считают ее таковой в странах дальнего зарубежья. При общей удовлетворенности условиями труда, меньше всего женщины удовлетворены размером заработной платы. Это становится основной причиной ухода из науки. Женщины-исследователи в основной массе не имеют планов выехать за границу,

Результаты исследования показывают, что: 68,8% женщин не считают принадлежность к женскому полу преградой в реализации научной карьеры; 76,7% женщин согласны с тем, что мужчины-ученые чаще привлекаются для работы на высоких должностях, нежели представители «слабого пола»; 62,6% опрошенных уверены, что мужчины и женщины имеют равные возможности профессионального роста в академической науке. Опрос показал, что 53,4% респондентов не считают, что ученые дамы всегда должны делать выбор между своей карьерой и семьей.

74% опрошенных коллег исследователя не согласны с существующим мнением, что наука по отраслям условно делится на «мужские» (технические) и «женские» (гуманитарные). Более того, «при выборе профессии 54% женщин вообще не задумывались над подобным казусом, а 40,1% — не учитывали данное деление при выборе области своей научной деятельности». Половина опрошенных (50,8%) не согласны с гендерным стереотипом, что женщина чаще выступает как исполнитель, а не генератор новых идей в науке [3].

Три четверти опрошенных (76,2%) считают, что научные достижения женщин-ученых в той области науки, в которой они работают, не менее значимы, чем достижения мужчин-ученых. По мнению 87% респондентов, исследовательский потенциал женщины-ученого столь же высок, как и у мужчин [3].

Основным фактором, удерживающим женщин в науке, является образ жизни научного работника, желание внести личный вклад в науку. Мы согласны с мнением Алексея Соловей, что женщина в белорусской науке «выступает как равноправный и равноценный участник исследовательской деятельности, требующей высшей квалификации и особых способностей, и опровергает теории, которые принижают ее творческие возможности».

Литература

1. *Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь/Science and innovation activity in the republic of belarus: Статистический сборник/Statistical book.* Минск, 2016.
2. *Отчет о деятельности Национальной академии наук Республики Беларусь в 2017.* Минск, 2017.
3. Соловей, А. П. *Профессиональный аспект социального самочувствия женщин-исследователей Национальной академии наук Беларуси/А. П. Соловей//Sociology of Science and Technology. 2017. Volume 8. № 4. P. 116–127.*

И. П. Попова

г. Москва, Институт социологии Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук

Профессиональная карьера в сфере науки и технологий: что в ней женского?

На формирование профессиональной карьеры в сфере науки и технологий воздействуют множество факторов ее инфраструктуры, связанных в том числе с влиянием

гендерных норм. Мера научного таланта не зависит от пола, однако пол довольно существенно влияет на его использование и развитие, и это влияние с неизбежностью проявляется в исследовании особенностей научной карьеры. В докладе рассматриваются некоторые из этих особенностей на базе исследования «Профессиональная карьера как фактор воспроизводства профессиональных групп в сфере науки и технологий» (РГНФ (РФФИ), грант № 16–03–50220).

Гендерная проблематика научной карьеры — объект разнообразного, имеющего богатые традиции исследовательского направления. С точки зрения нашей работы интерес представляют исследования, показывающие важность исторических и социокультурных условий профессионального продвижения женщин в науке (см., напр.: [1, 2, 6, 7 и др.]); анализ возможностей и влияния политики, различных специальных программ на уровне государства, научного сообщества, на трансформацию или корректировку этих условий (см.: [4, 9 и др.]); исследования поведения и мотивации занятых в науке женщин на их рабочих местах в связи с влиянием принятых в научных коллективах норм, совмещением ролей в профессиональной деятельности и семье ([3, 8, 10 и др.]).

Наши исследования показывают, что в сложных условиях кризиса российской науки его преодоление, сохранение преемственности тормозилось в том числе «двойным барьером», формируемым гендерной асимметрией в организации науки [5]. В то же время специфические ее проявления, с которыми женщины практически неизбежно сталкиваются, остаются часто незамечаемыми, повседневными моментами. Мы обратимся к ним на основе анализа нарративно-биографических полуструктурированных интервью, позволившего глубже понять обстоятельства проблемных точек в карьерных траекториях женщин-ученых.

Совмещение материнства и профессиональной деятельности. Этот вопрос сложно переживается молодыми женщинами, определяющими способы адаптации материнства к условиям работы. Планируемый декретный отпуск по уходу за ребенком обсуждается с точки зрения сохранения темпа научной деятельности, необходимого для ее качества: «... есть момент, такой, женский, семейный, — уход в декрет. Как потом восстановиться. Как не потерять темп». «Этот вопрос на самом деле ... очень острый. Конечно, я об этом думаю с ужасом... в том смысле, что ... конечно, не хочется совсем отставать». В современных карьерах успешность в решении этого вопроса определяют условия контракта и график работы. Препятствием могут служить условия срочного контракта. «... если женщина в отпуске по уходу за ребенком, у нее закончился контракт, она должна выйти на конкурс из отпуска... Но требования в университете таковы к преподавателям, что если она что-то на самом деле не делает, сидя в этом отпуске... то она его не пройдет по публикациям... То есть формально все по кодексу: срочный контракт, контракт закончен — до свиданья. Не придерешься юридически. Но с точки зрения человеческой это очень жесткий способ». Содействующим обстоятельством становится сама логика профессиональной автономии, определяющая режим работы. «... тут у нас есть, опять же, плюс — в том что достаточно вольный режим ... многие работают из дома, на самом деле что ездить, когда только там компьютер нужен и голова».

Гендерные стереотипы и практики в профессиональном продвижении. Эти вопросы проявляются на разных уровнях: от уровня научной политики и социокультурных условий до стили взаимоотношений в научном коллективе. Интересное наблюдение проекта заключается в отношении специфики рефлексии относительно случаев ген-

дерной дискриминации или негативных стереотипов — эту тему поднимали и осознанно выделяли в качестве отдельной женщины, которые работают или работали за рубежом. Одно из объяснений — из интервью: семинары и школы в рамках специальных программ помогают выявить факты дискриминации по гендерному признаку, которые не осознаются или вытесняются из памяти. «После университета... в этот год в самом лучшем научно-исследовательском институте города (по физике) директор решил женщин не брать вообще. ...Вот я как-то даже такие вещи вытесняла из своего сознания, но недавно пришлось вспомнить именно потому, что здесь [в университете в Великобритании] с женщинами занимаются и активно им помогают. И тут была программа для женщин, ... они просили вспомнить случаи какой-то дискриминации, и я говорю — да нет никакой дискриминации, а потом я стала вспоминать — да, ба-тюшки святы, меня же даже на работу не взяли тогда!». «... У руководителя лаборатории... такое отношение, что женщины в основном это административный персонал... Здесь, конечно, это очень серьезный такой гендерный вопрос. В Англии этого нет». «... Сейчас у меня действительно прорезался голос, потому что я посмотрела на другую картину совершенно и поняла, что это ненормально, так не должно быть. А раньше считала, что я просто хуже...».

В «русских» интервью эта тема практически не выделяется, даже когда упоминаются события, в которых объективно подобные практики присутствуют. Это показывает, как важна артикуляция и заинтересованная критика стереотипизирующих и дискриминирующих практик в организации научной деятельности и профессионального развития. Таким образом, «женское» в научной карьере связано в основном с аспектами, которые могут быть регулируемы соответствующими инструментами научной политики.

Литература

1. Агамова Н. С., Аллаhverдян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научны и науковедческие аспекты. К 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской // Вопросы истории и естествознания. 2000. № 1. С. 17–23.
2. Богданова И. Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 103–111.
3. Грицай Л. А. Материнство и наука: к вопросу о родительских установках современных российских женщин-ученых // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 4. С. 99–104.
4. Малышева М. М. Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // Народонаселение. 2016. № 3 (73). С. 76–85.
5. Попова И. П. Воспроизводство профессиональной группы научных работников: проблемы устойчивости и неравенств // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС, 2016. С. 6486–6496.
6. Пушкарева Н. Л. Смешны ученые девицы? (Проблема стигматизации женщин-ученых и влияние социальных ожиданий на женские жизненные стратегии и стиль жизни) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 4. С. 756–770.
7. Baker M. Career confidence and gendered expectations of academic promotion // Journal of sociology. 2010. Vol. 46. Iss. 3. P. 317–334.
8. Devine F. Gender segregation in the engineering and science professions — a case of continuity and change // Work employment and society. 1992. Vol. 6. Iss. 4. P. 557–575.
9. Mann A., DiPrete T. A. Trends in gender segregation in the choice of science and engineering majors // Social science research. 2013. Vol. 42. Iss. 6. P. 1519–1541.

При поддержке гранта РФФИ (РГНФ), проект «Профессиональная карьера как фактор воспроизводства профессиональных групп в сфере науки и технологий», грант № 16-03-50220.

Т. В. Барчунова

г. Новосибирск, Новосибирский государственный университет

А. Г. Близнюк

г. Новосибирск, Интегральный музей-квартира Академгородка

Гендерные аспекты повседневной жизни наукограда (на примере Новосибирского Академгородка)

Цель настоящей работы — очертить некоторые гендерные аспекты повседневной жизни Новосибирского Академгородка в советское время, а также познакомить аудиторию с проблемами исторической реконструкции, направленной на изучение среднесоветской и позднесоветской повседневности.

Исследование основано на разнообразных методах и эмпирических данных. Мы используем рефлексию над собственным опытом советского времени (автоэтнография), историческое моделирование в духе living history, мемуары жителей Академгородка, а также документы и артефакты советской эпохи, полученные из разных источников, в том числе семейных архивов и утвари, найденных на помойках Академгородка.

История Новосибирского Академгородка — достаточно популярный объект исследования как в отечественной, так и в зарубежной социальной науке. Особое место в историографии занимают работы выпускницы Новосибирского государственного университета А. В. Леденевой, ныне профессора Школы Славянских и Восточно-Европейских исследований и Университетского Колледжа Лондона. В частности, в своей ранней монографии «Экономика неформальных связей в России» [4] она использует Новосибирский Академгородок в качестве модели для исследования отношений распределения и обмена в условиях дефицита. Однако большая часть работ об Академгородке посвящена институциональным аспектам этого проекта — государственной политике в сфере науки и развития военно-промышленного комплекса [3], а также отдельным политическим событиям, таким как знаменитый манифест ученых Академгородка, так называемое Письмо сорока шести, в котором они высказались за гласность и соблюдение правовых норм в отношении осужденных за поддержку Даниэля и Синявского Гинзбурга, Галанского, Добровольского и Лашковой и последующих процессов против самих подписантов в 1968 году [1, 2].

Научное лидерство в Советской АН было мужским. За всю Советскую историю СО РАН директорами институтов были всего три женщины, при том, что в Академгородке было достаточно много женщин-преподавателей университета и научных сотрудников. Роль женщин в повседневности и, в частности, женский опыт организации повседневной жизни в Академгородке — мало изученная область исследования. В каком-то смысле — данная ситуация — отражение сциентистских и технократических установок отцов-основателей Академгородка. Организаторы научного центра ориентировались прежде всего на создание оптимальных условий работы научных инсти-

тутов, строительство панельных жилых домов и создание минимально необходимой социальной инфраструктуры. Именно минимализм социальной инфраструктуры повышал значимость роли женщин в организации того, что называется бытом и тем самым способствовал их empowerment.

Условно можно выделить четыре категории женщин — жительниц Академгородка. Первая категория — это женщины, которые были заняты исключительно в домашней экономике. Иногда это были старшие женщины в семье, которые брали на себя заботу о семье, в редких случаях это были неработающие женщины, которые были заняты только в домашней экономике, в соответствии с патриархатными установками членов семьи. Вторая категория — это формально занятые в публичной сфере, но фактически мало интересующиеся собственной карьерой женщины. Третья категория — это женщины, которые стремились сочетать занятость в публичной сфере и семейные обязанности. И, наконец, четвертая категория — это женщины, нацеленные исключительно на карьеру, причем не обязательно в науке.

Специфика устройства быта в Академгородке была связана с двумя факторами: кампусной организацией научного центра и рационализированной сферой потребления.

Под организацией кампусного типа мы имеем в виду достаточно компактное соединение жилья и социальной инфраструктуры, с одной стороны, и университета и научных институтов — с другой. Благодаря такой организации не существовало жесткого разделения на приватное и публичное, дети могли свободно находиться вместе с родителями на их рабочем месте, что могло облегчать совмещение заботы о семье и карьере. Кроме того, отсутствие жесткого разделения на приватное и публичное было предпосылкой открытых домов, подкармливавших и обогревавших тех коллег, чьи семьи жили в других городах. Единый дух комьюнити поддерживался также развитой досуговой сферой — как формальной, так и неформальной — в которой женщины занимали особое место. Например, на протяжении многих лет директорами Дома Ученых и Дома культуры «Академия», главных официальных досуговых центров, были женщины.

Рационализация сферы потребления в условиях дефицита товаров и услуг была важнейшим инструментом оптимизации распределения. Распределение было достаточно тесно увязано со статусом в научной и производственной сфере и косвенным образом стимулировало интерес к карьере. Женщины в этой рационализированной системе были главными агентами в экономии запаса [5], то есть в обеспечении и поддержании ресурсов, жизненно важных для семьи. Но и для мужчин в экономике запаса находились способы участия. При этом зачастую для домашнего производства необходимых бытовых предметов использовались казенные ресурсы.

Необходимые ресурсы не только производились, но и обменивались. Сложнейшая система обмена ресурсами, как материальными, так и административными, не укладывалась в то, что принято называть блатом, а включала в себя и множественные сетевые отношения, способствовавшие вертикальной и горизонтальной интеграции общества.

Одним из важнейших примеров такой интеграции были дачные сообщества, которые начали организовываться в 1963 году и которые получили новый импульс развития в условиях кризиса конца 1980-х-1990-х годов. Например, наряду со старыми обществами «Восток», «Нива» и «Строитель» в 1990-е годы было организовано новое общество «Генетик», на землях экспериментальных полей Института цитологии

и генетики СО РАН. Жизнь дачных коллективов связана с обменом опытом, саженцами и семенами, а также урожаем и собственноручно сделанными заготовками. Старшие женщины в семье являются, как правило, инициаторами и лидерами этих обменов.

Историческая реконструкция гендерных аспектов повседневности затруднена тем, что социальная память сообщества ценностно нагружена и потому требует принимать во внимание настроения ностальгии, являющиеся одним из конститутивных элементов коллективной идентичности.

Литература

1. Водичев Е. Г., Куперитох Н. А. *Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы*//Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–65.
2. Кузнецов И. С. *Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести»*. Новосибирск, 2007.
3. *Материалы по истории Академгородка* // <http://www.prometeus.nsc.ru/akademgorodok/texts/> / Дата обращения 29.04.2018.
4. Ledeneva A. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge, 1998.
5. Oushakine S. A. «Against the Cult of Things»: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination//*The Russian Review* 73, 2014. P. 198–236.

Е. В. Шухно

г. Минск (Республика Беларусь), ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»

Организационная культура научного учреждения: гендерный аспект

Организационная культура научного учреждения представляет собой систему ценностей, норм и традиций, которые существуют (доминируют) в научном учреждении и определяют организационное поведение его членов. Основные компоненты организационной культуры состоят из ценностей, норм и традиций, которые выражают внутренний аспект организационной культуры, ее содержание, тогда как организационное поведение отражает, прежде всего, внешний аспект рассматриваемого социокультурного явления.

С целью изучения организационной культуры научных учреждений Институт социологии Национальной академии наук было проведено социологическое исследование. Генеральная совокупность была представлена молодыми учеными (в возрасте до 35 лет) Национальной академии наук Беларуси, выборка составила 316 респондентов.

В ходе исследования изучались отдельные аспекты организационной идентичности молодых ученых институтов Национальной академии наук. Практически каждый третий молодой ученый в той или иной степени отождествляет себя с успехами своего научно-исследовательского института (38,1%) и его неудачами/проблемами (32,4%). При этом несколько выше доля тех, кто склонен идентифицировать себя с достижениями своей научной организации. Женщины-ученые несколько в большей мере склонны отождествлять себя с успехами своей научной организации, нежели ученые-муж-

чины — 39,8% и 35,6% соответственно. В то же время женщины в большей степени идентифицируют себя с неудачами своего НИИ, в отличие от мужчин: 36,5% и 27,3% соответственно. В то же время более половины респондентов (58%) испытывают чувство гордости за свой институт, среди женщин-ученых испытывают такое чувство 62,8%, тогда как среди мужчин-ученых — 51,5%.

В рамках проведенного социологического исследования рассматривались отдельные аспекты социально-психологического климата научных организаций. Респондентам предлагалось оценить взаимоотношения в их трудовом коллективе по таким континуумам, как напряженность/ровность, скрытность/доверительность, подозрительность/доброжелательность, враждебность/дружественность, соперничество/сотрудничество. Минимальная (негативная, соответствующая отрицательной коннотации в представленных смысловых парах) возможная оценка составляет 0 баллов, максимальная (позитивная, соответствующая положительной коннотации смысловых пар) — 7 баллов.

Согласно полученным данным, профиль социально-психологического климата научных институтов характеризуется следующим образом. Средние значения всех изученных аспектов межличностных отношений находятся в пределах от 5 до 6 баллов, что позволяет говорить о благоприятном социально-психологическом климате в научных институтах РАН в целом. В то же время наиболее высокие значения характерны для таких континуумов, как враждебность/дружественность и напряженность/ровность, 5,59 и 5,57 соответственно, наименьшее для континуума скрытность/доверительность (5,04). Необходимо отметить, что значимых различий в оценке социально-психологического климата в зависимости от пола респондентов не выявлено, т.е. и женщины, и мужчины — молодые ученые практически одинаково оценивают рассматриваемый компонент организационной культуры.

Одним из индикаторов социально-психологического климата, значимой характеристикой трудовых и межличностных отношений, критически важной для молодых специалистов, молодых ученых в период адаптации, вхождения в новый трудовой коллектив и в новую организацию являются помощь и поддержка со стороны коллег, возможность обращения за такой помощью в случае необходимости. Согласно результатам опроса, более двух третей (69,9%) молодых ученых могут обратиться за помощью всегда, к любому из своих коллег; каждый четвертый (26,3%) — лишь к некоторым, с кем сложились хорошие отношения; 3,2% респондентов могут обратиться за помощью только в исключительных случаях, а 0,6% — отметили, что в их коллективах не принято обращаться к коллегам за помощью. Согласно результатам исследования, представленный адаптационный аспект характеризуется отсутствием гендерных различий, что может доказывать тезис о гендерном равенстве в науке и второстепенности, незначимости гендерных различий в научной сфере, по крайней мере относительно молодых ученых в течение адаптационного периода.

В данном контексте актуализируется восприятие молодыми учеными отношения к себе со стороны опытных коллег, которое может как способствовать скорейшей профессиональной и личной адаптации в коллективе, так и наоборот сдерживать этот процесс. Молодые ученые оценивают отношение к себе со стороны опытных коллег, как понимание (64,7%), заботу и помощь (51,9%), однако присутствуют случаи негативного отношения, а именно соперничества (8,7%), необоснованной критики (8,0%) и чрезмерной опеки (1,9%), которые составляют исключение и имеют место в той или иной степени практически в любом трудовом коллективе. Гендер-

ные различия в отношении более опытных коллег к молодым ученым выявлено только по двум позициям, так, заботу и помощь отметили 58,1% женщин — молодых ученых и 42,7% мужчин — молодых ученых, тогда как понимание отметили 60,3% женщин и 70,2% мужчин.

С целью изучения включенности молодых ученых в коммуникационные связи в ходе исследования определялась степень их осведомленности о событиях, происходящих в научно-исследовательских учреждениях, в которых они работают. Данный показатель свидетельствует как об адаптированности молодых сотрудников в новом коллективе, так и об их интегрированности в систему горизонтальной и вертикальной коммуникации своей организации. Согласно полученным данным, полностью владеют информацией о событиях, происходящих в институте, 41,1% респондентов, практически половина (52,2%) отметила, что владеет такой информацией недостаточно, лишь 6,6% указали, что вообще не владеют подобной информацией. Полученные данные позволяют говорить о достаточно высокой степени включенности молодых ученых в коммуникационные процессы своих научных учреждений, однако тот факт, что половина опрошенных владеет информацией о внутриорганизационной жизни недостаточно, а также то, что практически каждый двадцатый молодой ученый исключен из информационного поля учреждения (в силу объективных, связанных с организацией распространения информации в учреждении или личных, субъективных причин, таких, как самоустранение из организационной жизни и др.), свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов информирования сотрудников о мероприятиях, событиях, имеющих место в деятельности институтов. При этом молодые ученые — женщины несколько более обладают информацией о событиях, происходящих в институте, чем мужчины: 42,9% и 38,6% соответственно.

Таким образом, значимых различий параметров организационной культуры научных институций в гендерном разрезе не выявлено, однако необходимо отметить, что молодые ученые — женщины характеризуется большей выраженностью организационной идентичности в отличие от мужчин — молодых ученых.

РАЗДЕЛ 15. КОСТЮМ, ОДЕЖДА, УКРАШЕНИЯ, ТЕЛЕСНОСТЬ: ГОРОДСКАЯ МОДА КАК ЛОКУС САМОВЫРАЖЕНИЯ И ВЛИЯНИЯ НА ВКУСЫ И ПРИВЫЧКИ

Д. М. Корнев

г. Орёл, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

«Рукава с полустану, проймы на мышках». (Особенности кроя женской верхней одежды XVII в. и его эволюция. Опыт реконструкции.)

Работая над реконструкцией женской верхней одежды XVII в. возникла потребность в интерпретации цитаты из Кроильной книги, выведенной нами в название статьи. Поиск ответа породил гипотезу, способную стать основой для дальнейших исследований в области эволюции женской плечевой одежды в XVII — XVIII в. и особенностях её конструирования.

На первом этапе исследования необходимо было создать обобщённый «портрет» одежды пошитой с рукавами «с полустану» и с «проймой на мышках». Источником информации послужили записи из Кроильных книг, приведённые в знаменитых трудах И. Е. Забелина, посвящённых домашнему быту русских царей и цариц в XVI — XVII в. Интерес представляли только те записи, в которых имелось упоминание размеров одежды и прежде всего длина рукава, точка отсчёта этой длины — «от стана» или «с полустану» и особенности конструкции рукава. Таковых записей оказалось 70, что позволило получить следующие данные [3, с. 559, 930–934, 1086–1100; 4, с. 153–156].

1. Рукава «с полустану» имели только 16 одежд (22,9%): 4 детских и 12 на взрослого человека. Остальные 54 записи (77,1%) отмечали длину рукава «от стана»: 10 детских и 44 взрослых предметов одежды.

2. Среди детских одежд с рукавом «с полустану» нет девичьей. Среди одежд для взрослых, рукав «с полустану» встречается в мужской в 7 случаях, а в женской в 5. Однако одежды с рукавом «от стана» все мужские (44 ед.).

3. Интересно сравнить количество типов одежды с рукавом «с полустану» с общим количеством аналогичных предметов гардероба, в отношении которых есть сведения об особенностях конструкции рукава. Чаще всего рукав «с полустану» встречается у опашней и ферязей — 3 из 6 и 4 из 8 соответственно. Далее однорядки (2 из 5), охабни (1 из 3), кафтан становой (1 из 4), платно (1 из 7), шуба (1 из 10). Отдельно отметим телогреи и летник. Всего в списке 8 телогрей, из которых только у 3 упомянуты рукава, 2 длиной «с полустану» и у 1, детской, «от стана». Летник присутствует в единичном экземпляре с рукавом «с полустану».

4. Так среди одежд с рукавом «с полустану» заметна большая разница в длине спинки и переда по сравнению с аналогичными видами одежд при длине рукава «от стана». Такая разница доходила у однорядок до 2,5 вершков, ферязей и опашней до 2 вершков.

Таким образом, одежда с рукавом «с полустану» это верхняя одежда (указанные телогреи были подложены мехом и в описи значатся также как шубы) рассчитанная в большей степени на взрослого человека. Её конструкция имеет несомненные особенности, которые заключаются не только в специфике рукава, но и, вероятно в конструкции стана, которая была соподчинена форме рукава, либо наоборот — рукав производное от конструкции стана.

Выкраивание спинки и полочек разной длины — портновский приём, необходимый для выравнивания линии подола при носке, когда спинка «заваливалась» назад. Чем больше полнота заказчика, тем больше «завал» спинки. У женщин также необходимо учитывать объём груди и состояние беременности. Однако надо отметить, что описанные телогреи с рукавом «с полустану» не имеют большой разницы длины деталей спины и переда (1 вершок).

Исходя из полученных данных круг поиска вещественных источников, с помощью которых можно представить себе конструкцию и рукава «с полустану», и всей одежды в целом замкнулся на двух образцах одежды, имеющих необычный крой рукава и способ его вшивания в стан. Первый образец одежды — находка 1935 г., сделанная Н.М. Коробковым во время сноса части стены Китай-города и известная в научной среде как телогрея из Китайгородской стены [2, с. 16,18]. Второй образец представлен в книге Ф.М. Пармона. Он обозначен автором как кафтан [5, рис. 158, ф.2].

Конструкция Китайгородской телогреи интересна способом соединения деталей рукава и стана, а также самой конструкцией рукава. Он соединяется со станом не по прямой пройме, а по овальной траектории. Рукав ложный, однако, в отличие от ложных рукавов фезязей XVIII в., он имеет прореху по продольной оси в верхней части. Аналогичный рукав мы видим на одежде принадлежавшей племяннице Петра I, Марии Иоанновне [7].

Способ вшивания рукава в Китайгородской телогрее и телогреи Марии Ивановны вполне подходит под запись Кроильной книги: «... Рукавам длина с полустану... Проймы от ворота...» [4, с. 155]. Как вариант проймы делались «на мышках от передов», т. е., вероятно, смещаясь с продольной оси рукава на его внутреннюю часть. Обращает внимание, что при описании фезязей, шуб отсутствует указание портному, где делать прореху, которая, судя по изобразительным источникам, была отличительной деталью этих одежд. Возможно, что при их раскрое и пошиве специальных расчётов не требовалось в отличие от пошива телогрей с её особым кроем проймы и рукава.

Можно предложить и иную версию — отсутствие рукава у телогрей как специфическая черта этой одежды и потребность их пошить вызвало необходимость конкретизировать параметры рукава. На данную мысль наводит описание 4 телогрей у которых указаны ширина подола, плеч, длина, но не указаны рукава [4, с. 82, 91, 92]. В одном случае отмечается пройма, но также нет упоминания рукава [4, с. 155]. Вероятно в такую одежду одеты девушка изображённая на гравюре нач. XVIII в. из альбома К. де Брюйна и супруга русского посла А. А. Матвеева во Франции, изображённая на портрете нач. XVIII в. [8]. Интересно отметить, что запись в Кроильной книге, которая фиксирует наличие у телогреи проймы, но отсутствие рукава датирована 1680 г., временем трансформации русского придворного костюма.

Предлагаемый метод реконструкции должен опираться на приёмы раскроя и пошива одежды синхронных иным источникам. В нашем случае возникла необходимость обратиться к одежде более позднего времени. Форма рукава «с полустана» всё ещё оставалась неопределённой по отношению к фезязям и опашням. Из подлинных

предметов одежды фезязь и опашень известны. Первая приписывается царю Ивану IV и не имеет ничего примечательного в контексте наших поисков. Опашень по легенде принадлежит царице Евдокии Лукьяновне Стрешнёвой. По непонятным причинам в литературе он именуется охабнем, хотя на основании анализа описи тех же Кроильных и Расходных книг, гравюрам можно отметить видовой признак охабня — большой воротник-ожереалье особой конструкции. Однако нас заинтересовал естественно рукав. Его особенность — треугольная вставка в окончании рукава. На основе анализа конструкции, приведённого в статье А. А. Рогова и К. Н. Хацко, предлагается иная версия происхождения вставки [6, с. 449]. Она есть не что иное, как попытка сэкономить ткань при раскрое рукава, вероятно, из треугольного куска. Этот кусок в свою очередь мог быть остатком при крое косого клина в подол.

Моделирование такой техники заставило обратить внимание на схему конструкции кафтана, приведённую в книге Ф. М. Пармона. Здесь интересен не только рукав, но и соподчинённая ему конструкция спинки, которая близка к конструкциям сарафанов-фезязей XVIII—XIX вв. Она позволяла создать должный объём и сэкономить ткань. Особенности ткани (её ширина, фактура) могла не позволить раскроить два клина из одной тачи, но могла позволить скроить клин и рукав. Заготовка на него получалась треугольной. Требовалось либо дополнительным клином довести её до трапеции, либо придать треугольнику форму трапеции и вшивать рукав по особой траектории проймы. Не исключено, что именно такая конструкция рукава и именовалась «рукавом с полустану», а также являлась отличительной чертой встречающихся в описях XVI—XVII в. фезязей и однорядок женских.

Таким образом, можно не без оснований предположить, что рукав как деталь телогрей и фезязей (как минимум женских) формировался не только под влиянием моды (Польша, Турция), функциональным причинам (широкие рукава женских сорочек затрудняли одевание одежды в рукава), но и под влиянием технологических факторов (параметры ткани, определявшие методику кроя). Однако фактор моды был решающим. Если до 80-х годов XVII женские и мужские одежды могли кроиться с рукавом «с полустану», то события посл. четв. XVII в. изменили мужской костюм, а вместе с ним и технику кроя. Женская одежда меняется с нач. XVIII в. Телогрей и фезязи сохраняются в купеческой, мещанской и крестьянской среде трансформируются, но не исчезают. Мы видим все выявленные приёмы формирования проймы [1, с. 80–87, 158–161, 170–171; 9, с. 603,606]. Однако функционального смысла в этом уже не было, поскольку сами рукава исчезли совсем.

Литература

1. Горожанина С. В., Демкина В. А. *Русский сарафан: белый, синий, красный*. М.: ООО «Бослен», 2015.
2. Ефимова Л. В., Алёшина Т. С., Самонин С. Ю. *Костюм в России. XV — начало XX века: Из собр. гос. ист. музея/Под ред. Е. Р. Беспаловой*. М.: Арт-Родник, 2000.
3. Забелин И. Е. *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005.
4. Забелин И. Е. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях*. В 2-х т. Т. II: *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях*. М.: Тип. Грачева и К, 1872.
5. Пармон Ф. М. *Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества: Моногр.* — М.: Легпромбытиздат, 1994.
6. Рогов А. А., Хацко К. Н. *Опыт реконструкции женского охабня XVII в. из собрания Государственного исторического музея [Электронный ресурс]//История военного дела: исследования*

и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 435–463. URL: http://www.milhist.info/2014/03/11/rogov_xacko (дата обращения: 11.03.2014).

7. Синицына Н. П. Опыт исследования, реставрации и реконструкции предметов археологического текстиля из некрополя Вознесенского монастыря. URL: <http://art-fenomen.ru/2010-09-04-19-17-47/58-2010-12-29-13-42-38> (дата обращения: 25.04.2018).

8. См.: Костюм русской боярышни конца XVII — начала XVIII в. К. де Бруин. Гравюра. 1700-е гг. //Российский общеобразовательный портал. — Исторические документы. URL: <http://edu.demonpointid.ru/collections/collectionitem/11850> (дата обращения: 06.01.2018); Жена русского посла во Францию. Лувер, начало XVIII в. //Русский традиционный костюм. — Портреты конца XVII — 1-й половины XIX вв. URL: https://vk.com/photo-4367359_145496565 (дата обращения: 31.01.2018).

9. Шангина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. — СПб.: Азбука-классика, 2003.

Н. А. Мицюк

г. Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Младенческая одежда как предмет историко-антропологического изучения

Подушевое «открытие детства» для исторической науки не сделало младенца полноценным предметом исследования. Культура младенчества, помимо особой предметной самостоятельности, вносит вклад в изучение истории повседневности, женской истории, истории материнства и истории детства [4, 5, 6]. Изменения в детской одежде отражают многие социальные процессы в обществе — формирование нового типа родительства (материнства), визуализацию сословно-классовых различий, демонстративное поведение элиты, трансформацию ухода за ребенком, коммерциализацию младенческой моды, влияние новых агентов (представителей медицинского сообщества, редакторов модных журналов) на повседневность горожан, представления о гендерных различиях.

В фокусе исследования — трансформация младенческой одежды с конца XVIII — начала XX в., периода, когда формировалась особая культура детства, которая была связана с возникновением детоцентристской ориентации семейной жизни, идеологией «сознательного материнства», а также процессами буржуазного развития общества, урбанизации, разрушением сословных рамок, проникновением медицины в частную жизнь.

Исследование основано на различных группах источников: этнографические исследования крестьянского быта в различных регионах Российской империи, фотоматериалы (семейные и детские фотографии), женские журналы и журналы мод, источники личного происхождения (женская автодокументалистика), научная и научно-популярная медицинская литература (по уходу за новорожденными и акушерству), музейные артефакты (коллекция Государственного Исторического музея, г. Москва, представленная на выставке «Детский костюм XVIII—нач. XX в.», февраль–март 2013 г.; коллекция музея-заповедника г. Гатчина, выставка «Детство во дворце», 28.10.2016–02.04.2017 г.). Помимо подходов историко-антропологических, гендерной истории при анализе тенденций в детской моде мы использовали классические теории, озвученные в конце XIX — начале XX в. Г. Зиммелем и Т. Вебленом, и относительно современные теории социологии моды (П. Бурдьё, Р. Барта) [2, 3].

В допетровской Руси одежда (в том числе и детская) не отличалась сословностью. С вестернизаций российского общества в XVIII в. высшие слои населения стали копировать европейский стиль одежды и моду. В семьях привилегированных сословий дети с раннего возраста стали облачаться в уменьшенные копии одежды для взрослых. Детская одежда становилась неудобной, непрacticной, стесняющей движения, но она выполняла важную функцию — демонстрировала социальное происхождение и статус семьи.

Со второй половины XIX в. в гардеробе детей стали происходить существенные изменения, иллюстрирующие сдвиги в развитии самого общества. Процессы урбанизации, буржуазного развития приводили к стиранию сословных рамок, усложнению социальной дифференциации общества. И если одежда детей в крестьянской среде оставалась традиционной, то в детском гардеробе горожан стали появляться новые тенденции. Развитие педиатрии и педагогики, особое внимание врачей к уходу за ребенком, а педагогов к процессу воспитания, привели к возникновению идеологии «детоцентризма» и новой концепции «сознательного материнства». Эти идеи и практики были обращены преимущественно к средним и высшим слоям общества, образованной прослойке, проживавшей в городской среде. Наметившаяся тенденция сокращения детей в городских семьях приводила к тому, что рождение ребенка превращалось из рядового в уникальное событие. Внешний вид ребенка становился символом материнской заботы. Гардероб новорожденного всё больше приобретал демонстрационную функцию, но теперь не столько статусности родителей, их сословных отличий, сколько образованности, «сознательности» матерей.

Детская мода на протяжении XIX в. превращалась в особый социальный институт. Она генерировалась рядом агентов (П. Бурдые), среди которых важную роль играли модные журналы, владельцы ателье и медицинское сообщество. Нередко они противоречили и даже противостояли друг другу, но привели к существенной модернизации детского гардероба. Появилось огромное число книг по уходу за детьми раннего возраста, адресованные не столько специалистам, сколько матерям. Формировалась своеобразная мода в уходе за младенцем, которую диктовало экспертное сообщество. Популярностью стал пользоваться английский подход к уходу за ребенком, в том числе требования к его одежде.

Значительную роль в модернизации детского гардероба стали играть модные журналы, которые, по мнению Р. Барта, выступают «машинами для производства моды», формируя системы знаков и смысловых различий [1, с. 85]. С 1870-х гг. стали появляться популярные модные издания («Вестник моды», «Модный свет», «Модный магазин», «Модный курьер», «Новый русский базар», «Дамский мир», «Моды и рукоделья», «Журнал для хозяек», «Парижские моды», с начала XX века стал издаваться специализированный журнал «Детские моды»), на страницах которых особое внимание уделялось детской моде и младенческой одежде. Мода входила в противоречие с врачебными рекомендациями. И если прежде фасон детской одежды ничем не отличался от фасона одежды взрослых, то с последней трети XIX в. детская одежда стала особой, ориентированной исключительно на детей.

Несмотря на устойчивость практики пеленания в крестьянской среде, в среде горожан младенческая одежда становилась более разнообразной, что отражало существенные сдвиги в уходе за детьми и признание значимости самого периода младенчества. Формирующаяся идея особой материнской заботы, «сознательного материнства», а также в целом детоцентристская направленность семейной жизни превращали под-

готовку гардероба младенца в своеобразный ритуал. Гардероб новорожденного стал формироваться заблаговременно, до рождения ребенка. В источниках младенческую одежду, приготовленную накануне его появления на свет, называли «приданным».

В повседневную жизнь проникали «конверты», «тюфячки», «матрасики», распашонки. Однако, в отличие от Западной Европы, в России сохранялось и пеленание, и свивание даже в городских семьях. Сохранению традиции в городских слоях зажиточных семей способствовало то, что нанятые кормилицы и няни зачастую были из крестьянок, а те воспринимали традиционные способы ухода за новорожденным. Младенческий гардероб был предметом острых дискуссий во врачебном сообществе.

Усложнение гардероба маленьких детей символизировало процесс институционализации младенчества в качестве важного периода в развитии ребенка. Среди гардероба детей раннего возраста присутствовали распашонки, кофточки, прообразы подгузников, платьица, «салопчики», «капоттики», «шлемизетки», длинные юбки, панталонны, кальсоны, костюмчики. Спорным атрибутом гардероба детей оставались лифики и корсеты.

Вплоть до 1890-х годов детская одежда, несмотря на упрощения, повторяла черты одежды взрослой (прежде всего женской). Существенные изменения в детском гардеробе наблюдались в 1900–1910-е годы. Исчезли тугие корсеты и лифы, одежда становилась всё более функциональной и практичной, ориентированной на детей, росло гендерной разделение, исчезали бесполое платья. Прежде всего это касалось одежды для мальчиков, которых всё реже облачали в платьица, предпочитая им шорты и штаны.

К началу XX в. происходило размывание между детской одеждой в аристократических семьях и семьях среднего городского класса. Фактически сосуществовала традиционная одежда крестьянских детей, не подверженная модным тенденциям и модификациям, и одежда городских слоев. Наблюдался процесс стирания сословных рамок в городской детской одежде, формировалось поле «массового производства» детской одежды. Детская одежда продолжала играть демонстрационную функцию, но уже не статусности родителей, а их «сознательности», следования одновременно модным тенденциям и рекомендациям гигиенистов.

Существенные изменения в детском одеянии наблюдались в 1910-е годы, с началом Первой Мировой войны. Одежда становилась более свободной, ее крой — демократичный и упрощенный; окончательно исчезли тугие лифы, всё реже встречалось свивание (особенно в городской среде); усилился гендерные отличия в одежде для маленьких детей.

Литература

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд. им. Сабашиниковых, 2003.
2. Гурова О. Ю. Современные концепции (производства) моды в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3. С. 136–147.
3. Гурова О. Ю. Социология моды: обзор классических концепций // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 72–82.
4. Мицюк Н. Соня опять беременна, а Маня завидует // Родина. 2013. № 7. С. 136–138.
5. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX–начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 30–39.

3.3. Мухина, С. В. Канныкин

г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

Мода как фактор влияния городской жизни на деревенский быт и психологию жительниц сельской России в пореформенную эпоху (вторая половина XIX — начало XX века)

С вехнями модернизации в деревню стало проникать относительно новое для нее явление — мода, связанная с подчеркиванием индивидуальности, предполагающая определенную степень свободы. Экономической основой широкого распространения моды в крестьянской среде стало то, что фабричные ткани были дешевле и намного разнообразнее тканей домашнего производства. В связи с этим произошло значительное сокращение домашнего производства одежды [7].

Женская одежда во многом ориентирована на внешнего наблюдателя и связана с тем, какой носительница этой одежды хотела казаться этому наблюдателю [1, с. 77, 82]. Стремление выйти замуж было главной целью крестьянской девушки, которая, конечно же, мечтала стать женой непременно желанного и богатого. Надо еще учесть, что из-за массового развития в пореформенное время отхожих промыслов в деревне имелся избыток невест, между которыми разгоралась нешуточная борьба за сердца и кошельки женихов [2, с. 66].

Простые наряды ранее обычно шили сами женщины. Теперь же большую часть женской одежды шили портнихи, в том числе и городские, по картинкам из журналов. Среди получивших распространение покровов были: гладкий лиф (нижняя часть лифа вправлялась в юбку и соединялась с ним пришитым кушаком; такие платья появились в самом конце XIX в. и считались самым модным костюмом); «казак» — полы лифа лежали поверх верхней части юбки, в соответствии с изменениями моды шились то длиннее, то короче; «полонез» — тот же «казак», но длинный, по крайней мере до колен, передняя его часть от ворота до самого подола застегивалась пуговицами; «матроска» — это кофта, сшитая наподобие матросской блузы — вошла в моду в конце XIX в.; блуза — кофта, сшитая наподобие мужской рубахи, застегивалась пуговицами до подола, затем подпоясывалась кушаком или ремнем. Поверх платья надевали драповые или трикотажные пальто, также сшитые по моде. В зимнее время верхняя праздничная одежда включала широкополую шубу, часто с куньим воротником, а также серую или черную шаль [5].

Волосы старались причесать гладко. С этой целью молодые девушки намазывали волосы размоченным сахаром, отчего они слипались и так плотно прилепали к голове, что их с трудом можно было расчесать. Для поддержки завитых волос использовали также шпильки и гребенки [4]. В помещении на голове был платок с рисунками. Платки были из кашемира, атласа или шелка, только на самых бедных можно было увидеть ситцевый платок. Как роскошь на голове девушек и женщин из зажиточных

семей была наколка — шелковый колпачок, закрывавший волосы, платок тогда был не нужен. Стали носить еще один головной убор — шляпки, соломенные или поярковые, которые можно было видеть на головах крестьянских девушек и зимой. Чем пестрее была шляпка, чем больше было цветов и алых лент, тем элегантнее она считалась. Шляпку обычно покупали один раз, ее получали в наследство, приобретали у аристократов и переделывали согласно крестьянским вкусам [3].

На ногах у девушек и у женщин можно было видеть ботинки из прочной ткани или легкой кожи, у богатых даже из шагрени, опойки, башмаки со шнурками, легкие полусапожки. В грязь и зимой поверх надевали калоши, которые были у каждой девушки.

Важное место в обиходе девушек и молодых женщин занимала косметика. Белила и румяна, сурьма для бровей были известны еще в Древней Руси. В качестве этих «косметических средств» использовали свеклу, свежие ягоды, сухой корень ландыша, жир, уголь. В пореформенное время применяемая косметика была уже намного разнообразнее, её составляли не только различные подручные средства (растертые стеариновые свечи, мука, цветные конфетные бумажки или лоскутки линючей материи, травы, вороньи ягоды, капен в качестве румян), но и изделия профессиональных парфюмеров. Также в обиход входили духи, пудра, помада, покупные румяна и белила. На гулянии на руках девушек были перчатки и непременно зонтик.

Изменения в женской одежде и во внешнем виде крестьянских женщин на первый взгляд могут свидетельствовать о возросшем благосостоянии крестьянского сословия. Однако в пореформенное время экономическое состояние крестьянства, напротив, ухудшилось. Малоземелье, чересполосица, увеличение необрабатываемых помещичьих земель значительно сократили продукцию сельского хозяйства, полуголодное существование было не такой уж редкостью в русской деревне. И вместе с тем наблюдается такое новое для деревни явление, как следование городской моде. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева сообщали, что в самых глухих местах нередко можно было встретить женщин и девушек в модных шерстяных или шелковых платьях, в перчатках и шляпках. Конечно, носили и наряды, долго лежавшие в сундуках, помятые. Но наряду с этим, как, например, в луговое заговенье через неделю после Троицы, на иных девушках можно было видеть со вкусом сшитые модные платья.

Следование модным нововведениям иногда вводило крестьянскую семью в долги. Девушки уходили на посторонние заработки, все ими заработанное шло на наряды. Их заработков было явно недостаточно, поэтому на девушку-невесту нередко работала вся семья. Говорили «брюхо добра не помнит», когда в семье большая часть доходов шла не на пищу, а на одежду. Женщины ходили в церковь в шерстяных и шелковых платьях, а питались зачастую лишь картофелем и хлебом, пили чай, «на брюхе-то шелк, а в брюхе-то шелк». Такие семьи встречались все чаще и чаще.

Модные заимствования, накладываясь на жестко регламентированные традиционные представления, причудливым образом трансформировались. Стремление выделиться в сочетании с крестьянским тщеславием порой приобретало гротескный характер. Вот один из примеров. По свидетельству корреспондентов Этнографического бюро «зависти в деревне столько, что хоть отбавляй», на Масленицу богатые девушки-крестьянки катались с загнутыми назад шубами, чтобы показать дорогой мех; бедные выставляли напоказ коленкорную нижнюю юбку, даже до черноты грязную; руки оставались без перчаток, чтобы были видны кольца [6].

На рубеже XIX—XX в. модная одежда приобрела значение маркера, указывающего место ее обладателя на социальной лестнице. Главная цель крестьянской девушки — стремление удачно выйти замуж — обуславливала амбивалентность модной одежды. С одной стороны, она являлась знаком принадлежности к группе девушек-невест, с другой — модная одежда служила одним из средств выделиться из общего ряда и привлечь внимание потенциальных женихов. Стремление если не «быть», т. е. стоять на более высокой ступени социальной лестницы, то хотя бы «казаться стоящей» порождало значительные экономические трудности в крестьянском хозяйстве. Однако следование изменчивой городской моде стало каналом проникновения в традиционный крестьянский социум новых ценностей, связанных с индивидуализмом и стремлением к новациям, что в определенной степени подрывало консервативные установки общинного образа жизни.

Литература

1. Лотман Ю. М. *Непредсказуемые механизмы культуры*. Таллинн, 2010.
2. Мухина З. З. «Девка на поре, не удержишь во дворе» // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3 (56).
3. *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы*. (Далее РКЖБН). *Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева*. Т. 1. С. 247; Т. 2. Ч. 1. С. 377; Т. 2. Ч. 2. С. 123; Т. 5. Ч. 1. С. 265; Т. 5. Ч. 2. С. 52, 175.
4. РКЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 125; Т. 5. Ч. 1. С. 138.
5. РКЖБН. Т. 1. С. 247, 339; Т. 3. С. 301, 452; Т. 5. Ч. 1. С. 266, 509; Т. 5. Ч. 3. С. 610–612; Т. 5. Ч. 2. С. 52.
6. РКЖБН. Т. 5. Ч. 1. С. 257.
7. *Русские. М., 2005*. С. 333–334; *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы*. (Далее РКЖБН). *Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева*. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 2.: Даниловский, Любимский, Романо-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб., 2006. С. 352; Т. 3. Калужская губ. СПб., 2005. С. 231; Т. 5: Вологодская губ. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. С. 296. РКЖБН. Т. 6. С. 73.

О. П. Илюха

*г. Петрозаводск, Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр РАН»,
Институт языка, литературы и истории*

Городская мода и деревенский вкус: статусные маркеры во внешнем облике сельских учителей и учительниц России конца XIX — начала XX вв.

Развитие народного образования в России в конце XIX — начале XX вв. сделало учительскую профессию массовой. Параллельно шел процесс быстрой феминизации этого вида деятельности и «окрестьянивания» сельского учителя. Известный школьный деятель того времени С. А. Рачинский объяснял это смутным желанием крестьян вывести своих детей в «господа» (в крестьянском смысле этого слова) [3, с. 31–32].

Выходя из села за годы учебы успевали усвоить элементы городской культуры. По сведениям инспектора Петербургского учебного округа, деревенские девушки, вернувшись в дни каникул в родительский дом, привлекали внимание односельчан

и своими городскими нарядами, и осведомленностью в самых разных вопросах [7, с. 52]. В годы учебы будущим учителям внушалось, что их внешний вид, одежда и прическа должны быть отражением нравственного идеала, скромности и воздержанности, поскольку призвание народного учителя — служить «живым примером» для учеников и их родителей. Закончив учебу, они редко возвращались работать в родные села, где, по выражению современника, их помнили как «Танек» и «Гришек» [6, с. 9]. Как известно, в традиционной культуре сила, влияние связаны с «чужестыю», со статусом чужака, пришельца [8, с. 72]. Это обстоятельство, надо полагать, питало, поддерживало психологические основы высокого авторитета учителя в крестьянской среде.

В 1896 г. в специальном руководстве для начинающего педагога были опубликованы предписания, касавшиеся одежды сельского учителя: «учитель может придти в класс в высоких сапогах и во фланелевой рубашке-косоворотке, темного цвета. Такое платье вполне подходит к нашему народному, домашнему. Для посещения знакомых учитель может обзавестись платьем в виде короткого пальто <...> При таком платье нет надобности в белой накрахмаленной рубашке. Да кто в селе накрахмалит и выгладит ее? Достаточно надеть под воротничок галстук военного покроя. Учителю нет надобности и в покупке шубы. Нагольный полушубок, самого обычного цвета, — очень удобное платье, так как хорошо защищает грудь и живот от холода» [4, с. 9].

Чтобы «вписаться» в жизнь деревни, добиться признания местного сообщества, школьным учителям приходилось учитывать особенности менталитета крестьян. Ничто не ускользало от взгляда селян, включая внешний вид учителя. Крестьянское сообщество повсеместно не принимало «эмансипированных учительниц», поведение и внешний вид которых не соответствовали традиционным представлениям. Как отмечалось в одном из писем в редакцию педагогического журнала, «учительницы сами отталкивают от себя простой народ тем, что стригут волосы, курят папиросы и носят очки» [2, с.530].

Определенное представление о том, как одевались сельские учителя и учительницы, дают фотографии, хрестоматийные полотна бытописателя российской школы Н.П. Богданова-Бельского, а также зарисовки путешественников. Учителя-мужчины на рубеже веков носили пиджаки, рубашки-косоворотки, сапоги. Костюмы и белые рубашки мог позволить себе в будни лишь учитель образцового министерского училища. В холодную погоду надевали суконный однобортный кафтан, валяную войлочную шляпу. В целом одежда сельского учителя мало отличалась от костюма других должностных лиц, будь то волостной писарь, лесной объездчик или фельдшер. Мужчины из числа сельской интеллигенции носили летом фетровые шляпы с полями и лентой вокруг тульи. В жаркую погоду и учителя, и учительницы нередко дополняли свой скромный костюм соломенной шляпой [5, с. 127–128, 139].

Учительницы надевали в школу платья-двойки, вошедшие к этому времени и в праздничный гардероб крестьянской женщины. «В гости», в поездки учительницы старались одеться в соответствии с городской модой. Носили, как правило, платья из однотонных тканей (одежда из набивных, «цветастых» тканей была характерна для крестьянок, мещанок и провинциальных купчих). Темные платья шили из шерсти, кашемира, тонкого сукна, светлые — из шелка, поплина, или, как его тогда называли, папеллина или авиньона, блузы — из ситца и кисеи. Популярны были светлые блузы в сочетании с темной юбкой. Дорожный костюм состоял из темной, более узкой, чем обычно, юбки и темного жакета с легкой блузой, что давало большую свободу движе-

ния и удобство. Появляются пальто и пыльники, которые назывались «сак» (мешок). В качестве повседневной обуви зафиксированы сапожки и коты — низкие туфли с резиновой вставкой сбоку. В дороге поверх этой обуви при необходимости натягивали галоши.

Сохранилось немало персональных и групповых фотопортретов учителей, которые часто фотографировались, бывая в городах. На групповых, обычно любительских фотографиях, можно заметить, что одежды шиты без особых затей, часто из грубоватых тканей, но «модели» выглядят неизменно аккуратной [1, 9, 10]. Белый кружевной воротничок — редкая деталь, он остался на гимназическом платье. Среди повседневных аксессуаров, также выделявших учительницу среди деревенских женщин, — часы, предмет первой необходимости для работающих по звонку. Это часы-кулон или изящные ручные часики. Волосы учительниц обыкновенно длинные, собраны в аккуратный низкий узел, заколотый шпильками или гребнем. Молодые девушки заплетали косу, дополняя ее легкими локонами на лбу или висках. Короткая стрижка, ставшая модной в годы первой мировой войны, завоевывает популярность среди сельских учительниц в предреволюционное время. Наряд школьной учительницы вызывал восхищение молодежи и враждебность женщин старшего поколения. «Шаг в сторону» от общепринятой нормы привлекал внимание и образованных современников.

Широко распространенная в России начала XX в. торговля по почте, которой с удовольствием пользовались жительницы провинциальных городов, почти не коснулась российской деревни. Лишь отдельные молодые учительницы, имевшие состоятельных родителей, получали почтой зонтики, шляпки или недорогие украшения. Одежду для себя они часто шили сами, освоив это умение еще в годы учебы. Бывая в городах, учительницы покупали журналы мод, где содержались описания моделей одежды, выкройки, рисунки вышивок. Более доступными были выкройки в календарях.

Костюм учителя или учительницы нередко носили городские черты. Престижность «городского» в деревне, несомненно, укрепляла социальный статус учителя. Если учителя-мужчины мало отличались по своему внешнему облику от других сельских должностных лиц, то учительницы, в силу крайне тонкой прослойки женского «образованного круга», были более заметны на фоне других жительниц деревни. Для деревенских девушек учительская стезя давала реальную возможность избавиться от тяжелого крестьянского труда, приобрести экономическую самостоятельность, изменить свой быт, образ жизни, и, наконец, быть не похожей на других, получив право ежедневно носить хоть и скромный, но престижный в деревне городской костюм.

Литература

1. Илюха О. П. *Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX — начале XX века. Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск, 2010.*
2. *Письмо учительницы//Русский начальный учитель. 1883. № 8–9. С. 529–532.*
3. Рачинский С. А. *Сельская школа. СПб., 1902.*
4. Тарновский А. *Об обязанностях учителя начального народного училища. Опыт краткого руководства. Для воспитанников учительских семинарий и учителей начальных училищ. М., 1896.*
5. Трифонова Л. В. *Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии по материалам «Этнографической экскурсии М. А. Круковского»//Кижский вестник № 8. Сборник статей. Петрозаводск, 2003. С. 126–140.*
6. Успенский М. И. *По учебным заведениям Вологодской губернии (Из записок окружного инспектора). Пг., 1915. С. 9.*

7. Успенский М. И. По учебным заведениям Олонецкой губернии (Из заметок окружного инспектора)//Известия по народному образованию. 1917. Часть 52, январь. С. 40–71.

8. Щепанская Т. Б. Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии)//Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 71–94.

9. Национальный архив Республики Карелия, фотофонд.

10. Национальный музей Республики Карелия, коллекция фотоматериалов.

Публикация подготовлена в рамках проекта HAR2015–68348-R.

Т. И. Трошина

г. Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

«Девка в платочке», «Барышня в шляпке»...: Региональная специфика женской географической мобильности (на примере северных территорий Европейской России)

Женский «отход» на городские заработки с конца XIX века увеличивался повсеместно, и причиной этому признавалось увеличение численности населения, а также половозрастной дисбаланс, связанный с отливом мужского населения — на заработки, в армию, для продолжения обучения. При этом женский «отход» был неоднородным в различных регионах страны, что объясняется исторической традицией и современным экономическим положением.

Социокультурное объяснение усилившейся с развитием капитализма в России женской миграции из деревни в город опровергает распространенную среди ряда западных исследователей гендерной истории объяснительную модель этого процесса как первые признаки «женского протеста» и «женской эмансипации» (см.: В. А. Engel и др.) Рассмотрим северорусский материал, подтверждающий на статистических данных зависимость женского «отхода» от наличия в деревне женских видов работы.

В промысловых северных районах небольшой объем сельских работ, что было связано как с климатическими условиями, так и с товарностью мужских и женских неземледельческих занятий, что позволяло закупать недостающее продовольствие, делал женщину малонужной в сельской жизни. Развитие мужских отхожих городских занятий, которые пришли на смену морским промыслам, расшатывало и семейные устои: все чаще случалось, что отходник заводил в городе другую семью, нередко разрывая всякие связи с «венчаной» женой. Сокращение «брачного рынка» для девушек, за счет расширения его для молодых мужчин, активно подвергавшихся социальной и географической мобильности, так же заставляло женскую часть деревни искать иные способы организации своей жизни.

Традиционный «поход за сарафанами» в города (то есть, самостоятельно зарабатывать средства на покупку нарядов, а также на приданое) приобретал все больший размах. В поморских селах редкая девушка не уходила в город «в услужение», откуда возвращалась не только с «обновками», но и с новыми знаниями и умениями, приобретенными в городской среде. «Городской» образ жизни распространялся в деревне не только мужчинами-отходниками, но и женщинами. Те, кто отваживался уходить на заработки дальше Архангельска, именовались «питерками». Они уже редко возвра-

щались домой, выходя замуж в городах. Да и в Архангельске, отработав пару лет «в услужении», девушки, которые побойчее, одевали вместо платочка шляпку и пытались устроиться на более самостоятельную работу: приказчицей в магазин, а в годы Первой мировой войны и на заводы. Стремление остаться в городе было как правило связано с тем, что из «деревенских» никто не посватался, а на заводах можно было найти себе мужа.

Возвращение таких «новых горожанок» в деревни происходило одновременно с другими отходниками, в голодные 1918–1919 гг. Некоторые привозили с собой городских мужей. А взятые из городской жизни знания уже не ограничивались умением стирать и гладить тонкое белье, вышивать и вязать, готовить и украшать на городской манер дом, — «питерки» нередко были активными сторонниками советской власти, что выражалось в участии проведения всевозможных «учетов» продовольствия у зажиточных односельчан. Как правило, такое поведение было связано с отсутствием собственного надела и необходимостью прокормить себя, детей, нередко и городского мужа, поскольку на него как на «пришлого» не полагалось ни земли, ни хлебного пайка.

В советское время в колхозах женской работой были обеспечены все жительницы деревни. Даже в промысловых селах создавались женские рабочие места — не только в школе, магазине, фельдшерском пункте или на почте (там обычно работали «приезжие»; некоторые выходили замуж за местных, и становились уже «своими»). Организовывались полеводческие бригады, предоставлялась работа на фермах, в крупных селах создавались фабрики по переработке продукции промыслов. В отличие от близких к промышленным центрам центрально-русских областей, северные деревни не стали «бабьей стороной». Женихов хватало всем.

Только наиболее активные девушки, кому удалось окончить среднюю школу, стремились уехать для продолжения образования в город.

В 1970-е годы, с переходом к обязательному среднему образованию, молодежь уже начали буквально «выталкивать» для обучения. Сельские школы обычно были 8-летними. Дальнейшее образование можно было получить либо в полной средней школе, либо в профессионально-техническом училище, для чего приходилось уезжать в райцентр или в областной город. Не имеющим полного среднего образования работы в деревне не предоставляли. По словам женщины-информатора, «тогда в городах не хватало штукатуров да каменщиков, вот, детей по разнарядке и забирали» (Полевые материалы автора: с. Лопшеньга, Приморский район Архангельской области; 1998).

Обучающиеся в ПТУ были на полном государственном обеспечении: бесплатное питание, общежитие, стандартная одежда. И множество искушений для неокрепших душ и умов. После окончания училища и отработки можно было возвращаться в деревню. Многие молодые мужчины, отслужив армию, так и делали. Девушки же, у которых, как известно, «век короткий», не решались ехать в деревню, где шансов выйти замуж было немного. В городе же, даже в общежитии жизнь для женщины в бытовом отношении была более комфортной.

Так, на протяжении XX века, даже без учета катаклизмов различного происхождения (раскулачивание, плановая «вербовка» рабочей силы, войны), произошел переход от деревни как «бабьего царства» к преимущественно мужским деревням, в которых стареющие мужчины доживали бобылями рядом со старухами-матерями и престарелыми одинокими сестрами.

Мода в повседневной жизни российской горожанки в послевоенные годы

Послевоенная повседневность — это не только восстановление разрушенной страны, но и восстановление мирного уклада жизни, что прослеживается в возвращении многих аспектов культурного досуга, развлечений, а также знаменуется развитием женской моды. Хотя многие девушки и женщины Советского Союза — фронтовики и после войны еще долгое время ходили в военных шинелях, гимнастерках и в стоптанных солдатских сапогах. Как писала фронтовой поэт Юлия Друнина: «Возвратившись с фронта в сорок пятом, / Я стеснялась стоптанных сапог / И своей шинели переметой, / Пропыленной пылью всех дорог» [2, с. 271].

Именно мода стала одним из первых художественно-эстетических аспектов, возвращающих население к мирной жизни. На фоне разрушенных городов образ женщины в красивой одежде внушал людям надежду на светлое будущее. Сами же женщины находили в хлопотах о новых нарядах эмоциональную разгрузку, тем самым быстрее входя в русло мирной жизни.

Уже на исходе войны в 1944 г. по содействию советского правительства в Москве был открыт Дом моделей, где разработкой новой одежды занимались талантливые художники-модельеры. По новым модным моделям фабрики по пошиву одежды должны были шить наряды для всех граждан страны. Но в послевоенные годы в условиях начавшейся «холодной войны» государство основное внимание уделяло восстановлению и развитию ведущих отраслей тяжелой промышленности, которые работали на укрепление обороноспособности страны, поэтому легкая промышленность находилась в состоянии стагнации и застоя. Страну охватил дефицит одежды. Спрос среди населения был на недорогую, но добротную продукцию, но даже одежды самых простых фасонов из простых тканей было катастрофически мало, не говоря уже о модной одежде. В условиях нехватки средств модельные дома переводятся на принцип самокупаемости. Планировалось, что Дома моделей будут конструировать модную одежду и продавать эти проекты швейным фабрикам. Но фабрики, в условиях нехватки средств, продолжали выпуск моделей собственного изготовления. Поэтому на прилавки магазинов поступала одежда старых самых примитивных образцов и зачастую не самого лучшего качества.

Но выглядеть красиво и женственно в послевоенное время хотелось не только привилегированным женщинам, но и простым горожанкам СССР. Но достать новую красивую одежду было очень сложно, поэтому многие женщины довольствовались еще довоенными вещами. Старые вещи перешивались, иногда, из двух-трех платьев делали одно платье или костюм. Основная масса женщин не могла позволить себе дорогие ткани и шелковые чулки, поэтому их наряды оставались простыми и функциональными. Можно было приобрести модные вещи и отрезки тканей (крепдешин, ратин и габардин) в комиссионных магазинах и на «толкучке», но стоили они недешево, и не каждая женщина могла это себе позволить.

Платья в послевоенную эпоху пользуются большей популярностью, чем костюмы, так как на них уходит меньше ткани и шить их значительно легче. Нежность и женственность — главные черты послевоенных нарядов. Это вызвано конкуренцией среди женщин, огромные военные потери мужчин оказали свое влияние, невест было много,

а женихов мало. В феврале 1946 г. в ходе выборов в Верховный Совет СССР выяснилось, что среди избирателей-горожан (в возрасте 18 лет и старше) мужское население в целом не превышало 37%. Особенно резкие диспропорции сложились среди поколения 1919–1924 г.р. В этих группах населения на каждые 10 мужчин приходилось 30 женщин [6, с. 45]. В этих условиях каждая молодая женщина или девушка пыталась подчеркнуть свою молодость и красоту с помощью одежды, чтобы устроить свою личную жизнь. «... В сапожищах худых/На гулянках форсить./Да и не с кем гулять/В сорок пятом году... (Нашим детям понять/Трудно эту беду), — так писала об этой проблеме Юлия Друнина [3, с. 155].

Украшением женских платьев, чаще из материалов с цветочным рисунком, были маленькие воротнички, бантики, манжеттики, разнообразные отстрочки, кокетки, оборки и рельефные выточки. Такое платье чаще всего сопровождал жакет, который не отличался особым изяществом и напоминал массивный мужской пиджак, или вязаная кофта на пуговицах. В комплекте все это создавало некое подобие ансамбля.

Но уже к 1950–м годам под влиянием французского кино и моды выходят массивные плечи, они заменяются женственными рукавами — фонариками, кимоно и регланами. В советскую моду также проникают черты нового стиля «Нью Лук», созданного Диором в 1947 г. Этот стиль предусматривал подчеркивание талии и широкую юбку. Поэтому в послевоенных условиях самым выгодным материалом для создания этих моделей становится ситец. С появлением в гардеробе советских женщин платьев такого фасона связан своеобразный термин «ситецвый бал», так стали называть танцевальные вечера в Домах культуры [1, с. 3].

Для платьев с пышными юбками нужны были либо туфли на шпильках, либо туфли практически без каблука «балетки». В СССР производство массовой обуви было слабо развито, поэтому самыми популярными стали чехословацкие туфли и сапожки знаменитой фабрики «Батя», но и их достать было очень сложно.

С зарубежным трофейным кинематографом связана возникшая в СССР мода на летние женские перчатки. В продаже имелись перчатки фабричного производства, сделанные из капрона или так называемой «сеточки». Но, естественно, они были редкостью, и к вязанию модных аксессуаров приступают сами женщины. В журнале «Работница» было дано разъяснение, что даже в летнее время ношение перчаток при оголенных ногах недопустимо. После этой статьи еще больше возрос спрос на чулки. Цена фильдеперсовых чулок в городских универмагах даже после снижения цен 1947 года представляла сумму в 50 рублей. На «толкучке» такие чулки можно было достать проще, но уже по цене 90 рублей, притом, что средняя зарплата на тот момент составляла 530 рублей. В этих условиях женские чулки становятся своеобразной ценностью. Существовали даже специальные мастерские по их ремонту [5].

В моде послевоенного времени шляпки являются предпочтительным убором женщин буквально всех возрастов. И это был, пожалуй, один из немногих предметов гардероба, на который не было дефицита. Но широкая распространенность шляпок ознаменовалась однотипностью изделий. Поэтому, чтобы разнообразить образы, многие женщины обращались к шляпницам.

Но образ женщины — это не только одежда, но и аромат ее духов. В послевоенные годы самым популярным женским ароматом остаются духи «Красная Москва», «Красный мак», «Пиковая дама».

Трофейная мода по праву считается особым явлением послевоенного времени. С фронта привозились немецкие, венгерские, и чешские вещи. Самыми модными ак-

сессуарами становятся трофейные наручные часы и украшения. Для доцента Саратовского государственного университета Веры Моисеевны Гохлернер, которая добровольцем ушла на фронт в 19-летнем возрасте, «самой дорогой памятью о войне являлись её трофейные наручные часы» [4].

Зачастую трофейные наряды, снятые с чужого плеча, не могли идеально подойти новой обладательнице. Это также связано и с разницей в фигурах европейских и советских женщин. Поэтому, чаще всего, привезенные вещи перешивались в домашних условиях, либо подгонялись по фигуре при помощи все тех же модисток.

Трофейное кино также оказало огромное влияние на стиль советских женщин. Героиням Дины Дурбин, Джоан Кроуфорд, Марики Рёкк и т.д. подражали в манере одеваться, краситься и причёсываться. В моду входят ярко-красные губы, брови выщипываются изогнутой дугой и подводятся карандашом.

Таким образом, развитие женской моды в послевоенные годы являлось одним из ярких свидетельств о возвращении страны к мирной жизни.

Литература

1. Ананьева Л. *Счастье быть гражданкой СССР//Советская женщина*. 1952. № 2.
2. Друнина Ю. В. *Есть время любить: Стихотворения*. М.: Эксмо, 2008.
3. Друнина Ю. В. *За минуту до боя*. М.: АСТ: Астрель, 2012.
4. *Интервью взято автором в ноябре 1988 г. в Саратове*.
5. *Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы*. М., 2000.
6. *Хисамутдинова Р. Р. СССР в период позднего сталинизма: учебное пособие к лекционному курсу*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2015.

Р. Ш. Кузнецова

г. Краснодар, Кубанский государственный университет

Тенденции развития модной городской одежды у абхазок

Модой в одежде занималось несколько поколений исследователей. П. Г. Богатырев (1971 [1937]) показал ее специфический характер в сравнении с т.н. народным костюмом, который «подлежит цензуре коллектива», а не отдельных портных. А. Крёбер и Дж. Ричардсон (1940) продемонстрировали особенности развития модной одежды, его циклический характер и связь с масштабными социальными изменениями. Наконец, основу современной семиотической теории моды составила работа Р. Барта (2003 [1967]).

Традиционный женский костюм представлял в Абхазии сложное переплетение древних и более поздних видов одежды. Абхазское общество, безусловно, патриархатное, отличалось выраженностью ролей мужчин и женщин, однако гендерные различия в костюме выглядели не такими четкими, как в Европе или России: абхазки носили шаровары, которые шились по тому же принципу, что и мужские; крой женской обуви был идентичен мужской обуви (Маляя, Акаба, 1982). Затягивание бюста тугим корсетом, уплощение груди представляло собой еще одну попытку завуалировать отличия пола. С развитием урбанизма и капитализма в кон. XIX в., с ввозом фабричных тканей и готовых изделий, начался процесс сближения женского абхазского костюма с обще-европейской модой: рубаха-платье перестала быть верхней одеждой, превратившись в белье; шаровары также стали нательным видом одежды — женщины прикрывали их

юбкой. К 1920–1930-х годах безрукавки начали использовать в качестве лифов. Платье типа черкески, приспособившаяся к европейской моде, было воспринято как легкое сезонное пальто.

Говоря о соотношении бартовских «настоящей», «используемой» и «представляемой» одежды, уже к кон. 1960-х годов становится престижным не шить, а покупать готовые вещи. Мои старшие сестры, которым в это время было по 18–20 лет, одевались у спекулянтов, и старались следовать современным тенденциям из журналов мод. Лакмодные, как мне казалось, из настоящей змеиной кожи, сапоги моей сестры на высоком каблуке и платье-пальто с меховым воротником были предметом зависти не только для меня, но и многих моих сверстниц. Изысканное импортное нижнее белье сменило более простое и грубое белье советского производства. В 1980-е гг., когда уже я ходила в джинсах, к моей маме приходили соседки и говорили ей, что девушка не должна носить брюки: «Она же не мужчина» — никто уже не помнил о традиционных шароварах. Их не устраивали ни мои короткие юбки, ни затем длинные т.к. все это были модные вещи. Нельзя было мне ходить и с распущенными волосами, потому что абхазки распускают волосы, когда оплакивают близких покойников. Тем не менее, наша свобода заключалась в основном в одежде. Многие обычаи, например, избегание или умыкание невесты, сохранялись, но внешний вид женщины изменился существенно. Постепенно стирались различия в городской и сельской одежде. В дальнейшем пожилые женщины стали придерживаться стиля, выработанного в 1960–1970-е гг., тогда как молодежь продолжала следить за современными модными направлениями. Особенно это стало заметно в 1990-е гг.

Как и по материалам П.Г. Богатырева у моравских словаков, в старой Абхазии отсутствовал специальный свадебный наряд невесты. Исключительной особенностью его являлся большой свадебный шарф или платок, который невеста получала от своих родителей и покрывалась им, когда отправлялась вместе со свадебной свитой в дом жениха. В остальном костюмы свадебных персонажей не отличались от обычных праздничных. Но к 1950–1960-м гг. это было уже пышное европейское платье, и лишь вместо фаты невесту по-прежнему накрывали свадебным платком. Свадебные платья в основном шили у портных, т.к. специализированных магазинов не было. Лишь самые богатые могли позволить себе заказать платье в Москве или другом крупном городе. В современной Абхазии ситуация обратная: портных почти не осталось, свадебное платье покупают в России, а более состоятельные — за рубежом.

Не меньше изменений произошло в траурном костюме. Прежде это было обязательно черное платье, которое шивалось в плечах из двух полотнищ ткани с круглым вырезом на шее и небольшим разрезом на груди, завязывающимися на 2–3 пары тесемок, пришитых к его краям. Такое платье было цельнокроеным. Рукав длинный, прямой разрывался, либо разрезался у запястья в бахрому. Подол платья, как и траурная налобная лента, не зашивались и тоже разрывались в бахрому. Наряду с траурным платьем, пожилые женщины надевали и сейчас надевают прямую юбку и кофту. Голову покрывали черным платком, на ноги надевали черные чулки. Траурную одежду носили 40 дней, после чего сжигали. Теперь можно было носить обычные вещи, но непременно черные. В наши дни траурная одежда стала больше похожа на маленькое черное коктейльное платье. Девушки и молодые женщины оставили неизменным единственный элемент траурной одежды — черный цвет. Ее дополняют стильная обувь и аксессуары. Обычно самый глубокий траур носят близкие родственники, когда умирают молодые, мать покойного может носить траур всю оставшуюся жизнь. Но сегодня

даже пожилые женщины могут отказаться от длительного ношения траурных одежд, объясняя это тем, что если долго носишь черное, то это «будет нехорошо для семьи», что траурные черные вещи плохо влияют на их самочувствие.

Изменения в поведении современной абхазской молодежи наблюдаются повсеместно. Если до 1990-х годов только городские девушки позволяли себе надеть брюки, то теперь это нормально для любой деревни. Девушки носят короткие юбки, шорты (раньше в Абхазии их носили, разве что дети), открытые майки, прозрачные платья. Нарушен еще один запрет, который был настолько обязательным, что о нем даже и не говорилось: современные девушки уже не стесняются ходить в общественных местах без бюстгалтеров. Однако по-прежнему свобода в одежде не означает свободу в сексуальном поведении. Секс без брака до сих пор не принимается большинством девушек, несмотря на их раскрепощенный внешний вид.

Интересным является также и то, что в отличие от соседних регионов, в Абхазии не прослеживается тенденция «этнокультурного» возрождения, использования национальных мотивов в костюме. В Адыгее и Грузии молодежены все чаще заказывают на свадьбу «национальные костюмы» в адаптированных формах, например, платье невесты, расшитое традиционным узором, иногда с газырями, как мужская черкесска, с характерным высоким головным убором. Это очень дорого, модно и пользуется спросом среди столичного населения — в Тбилиси и Майкопе. В Абхазии ничего подобного не замечено, и элементы традиционного костюма можно встретить лишь на официальных парадах, проводимых властями в городе Сухуми. Несмотря на трагические события, связанные с Грузино-абхазским конфликтом и последующей блокадой в 1990-е гг., во время которой делались попытки мужского абхазского общества ужесточить «традиционные» формы жизни, в женской моде не прослеживается никакого отката назад. Можно наоборот отметить, что вестернизация и эмансипация в одежде даже усилилась.

Литература

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры/Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашиниковых, 2003.
2. Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии//его же. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 297–366.
3. Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. Тбилиси, 1982.
4. Kroeber A. L., Richardson J. Three Centuries of Women's Dress Fashions: a Quantitative Analysis. Berkeley, 1940. (Anthropological Records. Vol. 5. № 2).

Л. В. Голубева

г. Санкт-Петербург, АНО Пропповский центр: гуманитарные исследования традиционной культуры

Тканевые коллекции в женских устных нарративах и практиках: городская версия

На протяжении десяти лет я описывала женскую практику собирания текстиля, существующую на Русском Севере. Мои исследования показали, что деревенские женщины и в прошлом, и в наше время всю свою жизнь копиют и передают в наследство по женской линии текстильное имущество, состоящее из платков, шалей, одежды или

тканевых отрезков. Имущество собирается самостоятельно, также достается в наследство от старшей женщины или в качестве дара за ритуальные услуги (помощь на похоронах, свадьбе и т.д.). Женщины не только собирают ткани, но и говорят о них. Чаще всего это биографические истории наследования, хранения и передачи старинных и современных платков, шалей и одежды, за которыми стоял эмоциональный опыт отношений долга, благодарности, щедрости, справедливости, или, напротив, обиды, обесценивания и забвения.

Нельзя сказать, что данная традиция существует только в деревенском сообществе. В определенный момент времени я начала расспрашивать городских женщин о собирании тканей и текстильных коллекций, и оказалось, что эта традиция в несколько иной форме существует и в городе. Интервью с женщинами, рожденными в советское время, показали, что женщины хранят тканевые отрезки, старинные скатерти и постельное белье, крестильные рубашки детей и мужей и подобное. При этом перебирание вещей и воспоминание о приобретении той или иной связаны между собой. В разговорах женщины объясняли мне, от кого досталась та или иная вещь, или, как и где она была приобретена.

Большинство хранимых вещей обладало символической ценностью. Моя гипотеза заключается в том, что их ценность — это память о своем и чужом прошлом, а также связь, которая образуется между дарителем и получателем, и при этом эта связь не только между живыми, но и между живыми и мертвыми. Как и деревенские женщины, в городе информантки также были готовы говорить о своих тканевых «коллекциях», и вместе с текстильной продукцией передавали следующему поколению рассказы о приобретении или утрате той или иной вещи.

Анализ интервью показал, что в городе, как и в деревне, через ткань и нарративы о тканевых практиках женское сообщество сохраняет память. Через символический дарообмен и собирания тканей женщины поддерживают и регулируют социальные отношения внутри сообщества, организуя прочные связи по родству и свойству, хранящиеся в поколениях.

Материалом для исследования послужили интервью, сделанные автором в городах России, а также статьи из современных журналов и социальных сетей.

В. В. Петренко

г. Томск, НИУ Томский государственный университет

Женская версия дендизма: повседневность и новая антиконсюмеристская установка

Современная городская культура требует гибкой методологии анализа. Она учитывает гендерные аспекты и связанные с ними социокультурные практики, артикулирующие радости и достижения урбанизма. Для философии это — одно из направлений в исследовании феномена повседневности, прочно вошедшего в горизонт актуальной философской мысли, направляемой со стороны социально ангажированной проблематики.

Структура и логика повседневности задействуют категорию «субъективного». Типологическое описание агента повседневности выступает условием представления онтически разнородного горизонта единого жизненного мира эпохи, в дискурсивном

смысле работая на выявление структурного каркаса исторически изменчивых форм культуры и социальности вообще. Поэтому понятие субъективности трактуется подчеркнуто инструменталистски, что справедливо в отношении современной философии субъекта — его сознания, языка, его общественно значимых атрибуций. Понятно, сколь важна типология субъективного опыта, отсылающая к гендерным оппозициям. Субъективность (женская, в том числе) выступает сферой «конечной области значений» (А. Шюц), конститутивных по адресу реальности всех уровней представления. Согласно Э. Гуссерлю, мы имеем дело с областью «предельных значений жизненного мира».

Разумеется, повседневность носит характер долгосрочного предприятия. Фундированная со стороны интенциональной взаимосогласованности, она являет собой исключительно консервативный продукт. Но подвижки в структурах опыта происходят с неизбежностью. Сбой в рутинной системе простейших социальных связей, изменение в социальной прагматике дает эффект новой конфигурации интресубъективного поля значений как единого интенционального горизонта. Это всегда выводит на авансцену нового игрока. Он выступает проводником какого-то непривычного способа действия. Новый персонаж иначе демонстрирует общность практик видения и интерпретации, которые проходят по ведомству профанного субъекта. Принудительность техник и схем повседневного, насильственность повтора дают эффект специфической «надежности» форм обыденного опыта, к которым субъект прибегает неосознанно. Принцип историзма позволяет фиксировать сдвиг в онтике и обесценивающих ее схемах самопрезентации субъекта. Это касается отдельных значений (например, тех, что обеспечены игрой мужского/женского). Подобных практик — великое множество (от семейных, досуговых, образовательных до профессиональных и конфессиональных). Так, дендистская поза и сопутствующий ей образ мысли — яркий пример своеобразия в рамках допустимого и, одновременно, пробный шар в деле расшатывания этих рамок, испытания повседневности на прочность и незыблемость негласных социальных конвенций.

На старте (конец XVIII — начало XIX в.) дендизм был абсолютно мужской историей сопротивления пошлости жизни и способом ее посильной героизации. Все, кто так или иначе касается темы европейского дендизма, едины в том мнении, что: 1) это история именно городского жителя (в будущем — жителя мегаполиса); 2) пропагандист дендистского образа жизни — молодой белый европеец: он образован, разбирается в искусстве и науках и, главное, обладает необходимой «эстетической компетентностью», чтобы утвердить свой способ существования как отличный от прочих и их превосходящий.

«Женская» субъективность габитуально и экзистенциально наследует стадиям становления субъективности вообще, совпадающим с «мужской» версией субъекта — носителя самосознания и повседневного предрассудка. С точки зрения габитуального «гендерного режима» (как способа институциональной встроенности гендерных диспозиций в формы социально значимого праксиса) — женская разновидность дендизма структурно повторяет путь, пройденный европейским Денди, что отражено в конфигурациях исторически меняющейся «гендерной композиции» как выражения мужской/женской стратегии «презентации себя» (внешний вид, одежда, развлечения — вплоть до мировоззренческого самопозиционирования).

Новейшие ипостаси активиста дендистского образа жизни — стилиага, хиппи, «гламурный интеллектуал» — имеют женский аналог. Не стал исключением и метросекс-

суализм: с ним связана отдельная — интригующая — история дендистских трансформаций, где женская ипостась дендизма впервые сыграла «на опережение». Персонаж, которого, с легкой руки М. Симпсона, мы знаем как метросексуала, явился на пике успеха урбанистической культуры Запада и победы института потребления.

Консюмеризм не просто занял нишу в структуре социальности, хотя институализация потребительской активности способствовала переконфигурации поля социальных значений: он оформил новую логику социальных взаимодействий. Все, что происходило в сфере гендерной дифференциации, встроено в эту логику. Оприметливо числить за «метросексуалом» лишь его мужскую разновидность. Метросексуализм немислим без собственно «женского» участия в «принудительном означивании» (Дж. Батлер), что выступает следствием товарного перепроизводства позднего капитализма. Подчиняясь логике рынка, формируется особая политэкономия пола (признаки пола циркулируют как товар: они производятся, обмениваются, потребляются). Требования половой идентичности (немаловажные в мифологии «традиционного» дендизма) стираются: именно в этом направлении движется мужская версия современного Денди, выраженный мотив разного рода «самообъективаций» настиг его уже давно. Сама «сексуальность» (казалось, неотчуждаемое качество мужской идентичности) претерпевает изменения и подвергается чувствительным атакам со стороны соблазнов и искушений рынка. Метросексуал потребляет, но на этом его «рыночная история» не заканчивается. Общество потребления производит не только «объект желания», но — само желание и, что еще более существенно, — оптику такого желания. Буквально все — включая фигуру денди — втянуто в орбиту «желающего» и «потребляющего» взгляда. «Мужское» перестало отделять себя от «женского» в том смысле, в каком ранее последнее выступало привилегированным объектом разглядывания и символического потребления.

Ирония в том, что освобождение от всепроникающей рыночной логики «товарного взаимодействия» стало делом именно женского освободительного движения. Левый дискурс затронул просвещенный слой женского сословия, с неодобрением наблюдающий откровенно эротизированное пространство современной консюмеристски оформленной социальности, где «сексуальность» настойчиво утверждается в качестве привилегированного и свободно конвертируемого социального знака. (Примером служит недавняя история harassment, давшая повод общественной дискуссии на Западе). Таким образом, дендистская жизнемирная установка, храня верность индивидуалистскому кодексу чести как историческому выбору дендизма, и сейчас идет вразрез с требованиями момента. Но женская разновидность дендизма оказывается симпатичнее своего мужского аналога, поскольку она лишена привкуса цинического и нарциссического квиетизма. Напротив, она демонстрирует черты пассионарного и по-настоящему независимого мышления.

РАЗДЕЛ 16. ПРАВА И СТАТУС ГОРОЖАНОК В ГОРОДАХ МИРА: ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Л. П. Заболотная

г. Кишинев (Республика Молдова), Национальный музей истории Молдовы

Мужчины и женщины в городской среде Молдовы глазами иностранцев (XVII–XVIII вв.)

Имагинология является одной из дисциплин исторической науки, которая охватывает целый спектр исследований — восприятие другого, «чужого» представителями разных культур (стран, народов, культур), национальные образы и этнические стереотипы, создание имиджа того или иного народа на определенном историческом этапе и др. [7, с. 122]. В качестве исходной методологической предпосылки нашего исследования в рамках имагинологии стал образ мужчины и женщины на основе уникального источника изучаемой эпохи — письменные свидетельства католических миссионеров, дипломатов и путешественников, посетивших Молдову в XVI–XVIII вв. Взгляд иностранцев, католического вероисповедания, представляет особый исследовательский интерес, так как в изучаемый отрезок времени, католическое население было довольно многочисленным в городской среде. В некоторых городах (Бая, Хырлэу, Котнар, Сучава и др.) оно достигало 40–60%.

Отдельное внимание в данном контексте, вызывает то, что в многочисленных воспоминаниях и записках иностранцев, встречаем самые разнообразные, иногда довольно противоречивые, отзывы о молдавских женщинах и мужчинах. Но, единственное, что их объединяет, так это то, что в большинстве случаев, о женщинах пишется с позитивной точки зрения и с восхищением, а о мужчинах сдержано и далеко от положительного образа.

Первое, на что обращали свое внимание иностранцы, это на необыкновенную женскую красоту молдаванок. В частности, один анонимный турецкий автор, в начале XVII в., описывая румынские княжества, отмечал в своих записках: «Женщины у них необыкновенно красивые и относятся к ним с особым уважением, так как они многое умеют и дом полностью находится в их руках» [5, с. 264].

О том, что женщины являлись полноправными хозяйками дома и имели относительную самостоятельность в управлении семьей, пишет венецианский купец Томмасо Алберти (Tommaso Albertio), побывавший в Молдове в 1612 г. В своих заметках он писал: «Женщины в этой стране делают все по дому и управляют им, они свободно и без ограничений могут общаться с людьми как в обществе, так и в доме. Когда подается еда и выпивка к столу им не запрещено попробовать, иногда они могут первыми это сделать» [3, с. 361].

Аналогичное описание находим и у Роберта Барграва (Robert Bargrave), побывавшего в Молдове в 1652 году, который был поражен положением женщин Молдовы в обществе. Он писал по этому поводу: «... был поражен необыкновенной

свободой, которой владеют женщины во всей стране, как замужние, так и девушки» [4, с. 487].

Польский посол Красинский, посетивший столицу Молдовы Яссы в 1636 году с дипломатической миссией, отмечал в своих записях: «Женщины горожанки, да и все молдаванки являются необыкновенно красивыми» [4, с. 116].

Спустя почти более века, венецианец Маркос Антониос Катсайтис (Markos Antonios Katsaitis), не только отмечал красоту молдаванок, но и попытался дать объяснение: «Все женщины молдаванки очень красивы, в отличии от женщин из Валахии. Особенно в городах можно увидеть красивую женскую расу, чему, возможно способствует климат и вода страны, которые намного качественнее чем в Валахии. Молдаванки могут свободно посещать общество и являются непринужденными как итальянки» [5, с. 281].

Особый интерес, в компаративном плане, представляет видение образа женщины глазами молдаванина, очевидца эпохи. Выдающийся политический деятель начала XVIII века, молдавский господарь (1710–1711), ученный с европейским именем, Дмитрий Кантемир в своем знаменитом труде «Описание Молдовы», в главе XVII «О обычаях молдован» также описывает молдаванок как красавиц и относительно независимых в семье и обществе: «Женщины не прячутся от мужчин, как это принято у турок. Если они благородного происхождения, то могут иногда выходить самостоятельно в общество. При том, что жупынеасы (боярыни) хорошо одеты и ухожены, в плане красоты значительно уступают простым женщинам. Обладая красотой, они в то же время, довольно непристойно себя ведут, могут много пить» [6, с. 126]. Как видно из этого эпизода, Д. Кантемир подтверждает мнение иностранцев относительно красоты женщин, но относительную свободу женщин он считает недостатком и «распущенностью» [6, с. 126]. Возможно, такой взгляд объясняется тем, что он остался без матери будучи еще совсем ребенком, а вырос и воспитывался в османской среде, где женщин имела совершенно другой статус в обществе и семье, чем молдаванки.

Что касается мужского образа в описаниях иностранцев, то здесь мы сталкиваемся с совершенно другим восприятием. В частности, Антон Веранксис (Anton Verancsics), в 1549 году посетил ряд городов Молдове, оставил следующее описание мужчин: «Мужчины выглядят безлико, как в плане роста, так и облика, темнолицые, с длинными волосами, обросшие бородой и имеют взгляд очень суровый. Очень трудоспособные и терпеливы ко всем трудностям» [1, с. 406].

Представляет внимание описание католического миссионера Марко Бандини (Marco Bandini): «Будучи храбрыми, сильными, мужественными, они склоны к воровству. Известны как хорошие воины и очень терпеливые, могут не есть и не пить три дня» [4, с. 331–332]. Упомянутый выше Маркос Антониос Катсайтис, который с восхищением писал о женщинах, о мужчинах оставил положительный образ: «Мужчины также довольно хорошо сложены, здоровы, очень гостеприимны и хорошо относятся к иностранцам» [5, с. 287].

Особое внимание в описании традиций и обычаев в средневековой Молдове уделялось семейному аспекту, отношениям между мужчиной и женщиной, воспитание детей. Роберт Барграв описывает молдавскую семью в сравнительном плане и обращает внимание, что «близость и дружба, которая существует между мужем и женой, обычай свободного общения, непринужденное отношение к женщинам за столом, во многом схоже с элементами христианской жизни в других странах до такой степени, что иногда казались слабым отражением обычаев Англии» [4, с. 486].

Далее автор в своем описании подчеркивает особое гостеприимство, которое глубоко удивило его, так как, предложив ему остаться на ночлег хозяева «... положили его спать рядом со своей постелью» [4, с. 487]. Томмасо Алберти (Tommaso Alberti) также подчеркивал, «любой человек, который попросится на ночлег, будет принят в любом доме, так как общепринято у них (молдаван — Л.З.) открыть дверь дома путнику» [3, с. 346].

Одной из позитивных черт молдаванок, которая привлекала внимание иностранцев, это аккуратность и хозяйственность. Конрад Якоб Хултенбрад (Conrad Jacob Hulthenbrad), описывая молдавских женщин отменял: «Им очень нравится порядок. При том, что дома их построены довольно плохо, они всегда выглядят чисто. Хозяйки дома тщательно следят за чистотой, если на доме появляются грязные пятна, то и у них всегда под рукой различные средства и они сразу же лудят и белят дом. Домашняя утварь также всегда почищена, вымыта и красиво уложена» [2, с. 126].

Помимо гостеприимства, иностранцев поражали некоторые не характерные по тем временам для Европы обычаи и традиции молдаван. В частности, большое удивление вызывала смешанность браков, легкость расторжения брака в и, особенно, право женщин на инициирование развода. Известно, что у католиков и у протестантов развод практически был невозможен и допускался в исключительных случаях.

Johann Sommer в своей знаменитой работе “Жизнь Якоба Деспота, господаря Молдовы” (1563) посвятил целую главу данной проблеме «О разводах», в которой писал: «Деспот был строг и невозмутим в наказаниях, особенно по отношению к тем, кто не соблюдал законы и обычаи брака и семьи. Он был возмущен, что народ (молдаване — Л.З.) неуважительно относится к семейным законам и это уже укоренилось у них. Семьи распадались без особых причин, поводом могли быть — незначительная ссора между супругами, если муж поднимал голос на жену или слегка бил супругу. И это считалось у них серьезным обвинением, супругов разводили и они тут же вступали в другой брак, как мужчины, так и женщины. Женщины достаточно было заплатить мужу треть золотого, что бы освободиться таким образом от его власти» [2, с. 262].

Но более всего автора возмущало, что этот обычай стали имитировать католики, «его переняли венгры и сасы, которые живут в огромном количестве в этой стране, у многих из них было по три и даже четыре жены, которые были живы и здоровы и имели от них детей. Женщины не уступали мужчинам и так же неоднократно выходили замуж, после того, как уходили от мужей» [2, с. 261–262].

Антонио Мария Грзиани (Antonio Maria Graziani) (1537–1567) в своей работе „Описание Молдовы” так подчеркивал факт легкости развода в стране: «мужчины часто разводятся по пустякам, просто из-за незначительного скандала. Для этого достаточно послать жене разводную (Premisso uxori nuncio — repudiind so ia) и заплатить 12 денариев в казну» [2, с. 382–383].

Об особых отношениях между мужчиной и женщиной в браке и легкости развода написал итальянский монах Никкола Барси (Niccola Barsi) (?-1640) из города Lucca, который посетил страну два в промежутке времени с 1632 по 1639 [4, с. 79], Петр Богдан Бакшич (Petr Bogdan Bak i) (?1601–1674) [4, с. 244].

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что письменные свидетельства иностранцев, хоть и носят субъективный характер, но все же позволяют показать не только образ женщины и мужчины, их отношений, но и некоторые штрихи повседневности в городской среде в исследуемую эпоху. Помимо этого, служат подтверждением того, что социально-правовое положение женщин Молдовы в указанный период, носило исключительный характер и практически, не имело аналогов в других европей-

ских странах. На небольшом примере, глазами иностранцев, мы попытались в определенной мере увидеть свой народ «взглядом со стороны», который наполняет историю неповторимой национальной и этнической колоритностью.

Литература

1. *Călători străini despre Țările Române. Vol. I. Под редакцией Maria Holban, M. M. Alexandrescu — Dersca — Bulgaru, Paul Cernovodeanu. București, 1968.*
2. *Călători străini despre Țările Române. Vol. II. Под редакцией Maria Holban și Paul Cernovodeanu. București, 1970.*
3. *Călători străini despre Țările Române. Vol. IV. Под редакцией de Maria Holban, M. M. Alexandrescu — Dersca — Bulgaru, Paul Cernovodeanu/București, 1972.*
4. *Călători străini despre Țările Române. Vol. V. Под редакцией de Maria Holban, M. M. Alexandrescu — Dersca — Bulgaru, Paul Cernovodeanu. București, 1973.*
5. *Călători străini despre Țările Române. Vol. IX. volumul îngrijit de Maria Holban, M. M. Alexandrescu — Dersca — Bulgaru, Paul Cernovodeanu. București, 2000.*
6. *Cantemir Dimitrie. Descrierea Moldovei (Описание Молдовы). Chișinău, 1992. С. 126.*
7. *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Ответственный редактор ак. А. О. Чубарьян. Москва. «Аквилон», 2014.*

Л. С. Московчук

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Русские туристки в городах Европы в конце XVIII — начале XX вв.

Туристические практики относительно недавнее изобретение человечества: туризм, как специфическая досуговая деятельность, отличительной чертой которой выступает отсутствие первичных коммерческих, деловых, дипломатических, религиозных или иных целей, кроме путешествия как такового, институализируется в середине 19 века: появляются первые туристические бюро, развивается инфраструктура, печатаются путеводители, путешествия становятся доступными все большему числу людей.

Поездки в Европу для русской аристократии стали вполне обыденной практикой, начиная с указа Петра III «О вольности дворянства» в 1762 г. [6, с. 11], и сделались даже обязательными для людей высшего света [7, с. 5]. Такие поездки, которые часто носили характер не только туристических, но и оздоровительных, были доступны и женщинам. Особенно популярны были поездки на курорты, где русские женщины не только отдыхали и поправляли здоровье, но и организовывали литературные салоны, как А. О. Россет-Смирнова, и даже вели дела, как графиня Софья Киселева. Тем не менее, можно говорить о различиях в женских и мужских туристических стратегиях: мужчины чаще путешествовали в одиночку, а женщины — в сопровождении родных и близких, мужские цели более возвышенны, например, знакомство с лучшими образцами европейской культуры, а женские — более прагматичные: образовать детей, повидаться с родными, живущими за границей и др. [8].

Путеводители XIX в. также отражают гендерную специфику, например, в путеводителях по Парижу отдельно указывается, куда можно ходить с дамами, а куда не следует ни в коем случае: в список запрещенных мест попали многочисленные кафе-шантаны и кабаре, привлекающие мужчин возможностью провести вечер и ночь «среди более

или менее цинических развлечений» [2, с. 62], известный ресторан «Maxim's», а также многочисленные кафе Монмартра и итальянского бульвара по причине неблагонадежности публки, а посещать «бульонки» — дешевые кафе с порционной едой — дамы могут даже в полном одиночестве. Поездка за границу с дамой накладывает определенные ограничения не только в связи с благонадежностью или неблагонадежностью мест посещения, но и в связи с дополнительными расходами. В путеводителях по курортам часто даются советы о том, где и как сэкономить отдыхающим с семьей на проживании и на питании. А русскоязычный вариант путеводителя Бедекера по Франции заостряет внимание на том, что «если путешествуют дамы, то все обходится дороже», и прямо советует брать с собой больше денег на непредвиденные расходы. Так же в путеводителях встречаются специальные разделы, посвященные дамским нарядам: что, в какое время и куда уместнее носить — но в то же время авторы путеводителей рекомендуют женщинам сократить багаж до минимума, так как они едут «для того, чтобы смотреть, а не для того, чтобы себя показывать» [1, с. 9]. Интересно, что в специальных медицинских пособиях по гигиене и жизни женщин можно встретить рекомендации о удобной для туристических прогулок одежде и обуви, например, Анна Фишер-Дюкельман отмечает, что злые шутки относительно выносливости женщин в прогулках связаны исключительно с неудобной и нелепой женской одеждой [9, с. 109].

Образ туристки оказался востребованным в художественной литературе, потому что в зависимости от взглядов писателя позволял выражать либеральные и эмансипированные взгляды, либо напротив проповедовать патриотизм и патриархальные установки. Так М.Н. Загоскин в своей комедии «Поездка за границу» [4] пишет об особой болезни, от которой страдает большинство всех русских дам — «тоска по чужой родине», которая заставляет их ехать «лечиться» за границу и вести там легкий и свободный образ жизни. В сатирическом произведении Н.А. Лейкина «Наши за границей» [5] создаются равные по своей ограниченности, необразованности и мещанству образы супругов, путешествующих по Европе, с тем лишь отличием, что Глафира Ивановна хоть и плохо, но так или иначе может изъясняться на иностранных языках, а также стремится осмотреть достопримечательности в отличие от супруга ее, купца Николая Ивановича. Общая болезнь русского туриста за границей, по мнению Лейкина, выступает невежливость по отношению к обслуживающему персоналу (стоит упомянуть, что большинство русскоязычных путеводителей обозначенной эпохи содержали напоминания для выезжающих за границу о том, что необходимо здороваться и вежливо обращаться с официантами, портье, стюардами, продавцами и др.) и привычка все проблемы улаживать при помощи «чаевых». Высоко ценила путешествия дочь русского классика Л.Ф. Достоевская, которая много времени проводила за границей и которая через женские образы в своем романе «Адвокатка» [3] осуждает и разоблачает патриархальные установки. В частности, русские дамы предпочитают не только путешествовать, но и посещать публичные мероприятия в компании со спутником, в отличие от главной героини, которая подобно «крашенным англичанкам» наслаждается путешествием в одиночку, осматривает достопримечательности и размышляет над увиденным. Так же Достоевская выделяет путешественниц трех типов: патристически настроенных и равнодушных к искусству, культуре и всему новому, которых ничем не удивить, потому что «у нас в Летнем саду не хуже», восторженных барышень, которые с равным воодушевлением умиляются Рафаэлем и витринами кондитерских, и туристок, ведущих бухгалтерский учет посещенным достопримечательностям, упомянутым в путеводителе. Во всех трех случаях, по мнению главной героини, женщины

не понимают сути путешествия и упускают возможности для своего интеллектуального развития. Однако с такой негативной оценкой русских путешественниц спорят современные исследователи, выделяя особые характеристики немногочисленных женских путевых заметок: наряду с акцентом на описание светской жизни они часто более эмоционально окрашены и содержат психологический анализ произведений искусства.

Традиционная патриархальная культура отводит женщине внутреннее пространство дома, в то время как мужчина наделяется статусом первооткрывателя новых земель и исследователя далеких границ, поэтому неудивительно, что женщин-путешественниц нам известно гораздо меньше, чем мужчин. Однако приведенные материалы демонстрируют, что в повседневных практиках находят свое отражение существующие в обществе стереотипы, а также, что повседневные стратегии могут служить эмансипации женщин.

Литература

1. Бедкер Путеводитель по Франции//Поездки за границу: Двухнед. журн. 1907 № 1. С. 1–16 [Прил.].
2. Горлов К. Париж в 14 дней. СПб.: изд. Н. С. Аскарханова, 1906.
3. Достоевская Л. Ф. Адвокатка. СПб.: тип. П. П. Сайкина, 1914.
4. Загоскин М. Н. Поездка за границу. М.: Университетская тип., 1850.
5. Лейкин Н. А. Наши за границей. СПб.: тип. С. Н. Худекова, 1894.
6. Мазин К. А. Русский бомонд на европейских курортах. XVIII–перв. пол. XIX в.//Современные проблемы сервиса и туризма. 2009. № 3. С. 8–24.
7. Путешествия русских людей за границу в XVIII в./Сост. К. В. Сивков. СПб.: кн-во тип.-лит. «Энергия», 1914.
8. Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры к. XVIII — перв. четв. XIX веков: автореф. дис. ... к. и. н.: 07.00.02. М., 2010.
9. Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. СПб.: изд-во Аскарханова, 1903.

А. Грилли

г. Акюрейри (Исландия), Университет Акюрейри

Феминизм как теория, теоретически обслуживающая женское движение. История женского движения в XIX–XXI вв.

В начале XXI века решение женского вопроса существенно продвинулось вперед даже в развивающихся странах, не говоря уже о старых демократических и экономически развитых государствах. Краткий исторический обзор распоряжений многоликой власти, которые были особенно действенны в городах, где (разрыв в оплате труда полов, стеклянный потолок, т. п.) сможет быть полезным для лучшего понимания того, как феминизм нашел свои алгоритмы действия и ускорил улучшение социального положения женщин во многих областях гражданской жизни. В выступлении будут рассмотрены такие вопросы, как происхождение и сохранение гендерного неравенства, современный статус-кво, вопросы политического представительства в парламентах.

Будет также рассмотрен как образец Парламент, чувствительный к гендерному фактору в управлении, показанна роль Международного парламентского союза в измении эффективной власти женщин. Предполагаю коснуться также темы гендер-

ных асимметрий в академиях скандинавских стран и темы улучшения и расширения прав и возможностей женщин через квоты.

Н. Э. Ваикау

г. Липецк, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

«Там девы простотой счастливы...». Женский мир Сарепты

Знаменитые строки из стихотворения Василия Жуковского (1814 г.) посвящены впечатлению, которое на него оказало путешествие в колонию Сарепта. Колония, основанная в 1765 г. гернгутерами в Нижнем Поволжье в 27 км. от Царицына (сегодня Красноармейский район г. Волгограда), является своеобразным культурно-историческим феноменом. Сарепта отличалась по своему хозяйственному строю и от немецких колоний, и, особенно, от русских. К началу XIX века это был вполне немецкий по архитектуре и внешнему виду городок, который носил на себе отпечаток полной благоустроенности во внешней и внутренней экономической жизни. Немецкие колонисты перенесли вместе с религиозными основами моравских братьев, и внутренний строй общины. Быт Сарепты отличался монотонностью и господством общественного режима над личным. Как гласил п. 5 Устава Евангелической братской общины от 1821 г. «Мы хотим стараться сохранить в питании, одежде и жилье умеренность, степенность, скромность, бережливость. Напротив, отстранять от себя всякое имущество, тщеславие и злоупотребление временными благами». В понимании гернгутеров, община считалась семьей «детей господних», только среди представителей одного пола могли позволить себе обратиться на «ты». В остальных случаях — на «Вы».

Число жителей росло очень медленно, так как браки заключались внутри общины при условии, что мужчины были уже самостоятельными хозяевами. Причем, совершились они длительное время по жребию. Незамужние женщины и холостые мужчины жили в отдельных домах для сестер и братьев. Так, на 1874 г. в колонии проживало 227 мужчин и 251 женщин.

Тем не менее, мы не можем говорить, что женщина Сарепты была угнетена и занимала подчиненное положение в доме. Колонисты не были крепостными. Общественно-экономические отношения развивались в соответствии с данными правительством привилегиями и условиями, в которые колонисты были поселены. Уже через несколько десятилетий колония приобрела вид среднего немецкого городка по благоустройству и архитектуре, что отмечали все путешественники.

Вот как описывает внешний вид колонии А. Ф. Леопольдов в 1839 г.: «Сарепта прекрасно устроена. Она необширна; жителей только 397 душ; 45 домов, из коих каменных 32 и 13 деревянных» [6, 64–72]. Автор перечислил по крайней мере 30 промыслов с годовыми оборотами в 6–11 тыс. рублей, не считая торговых домов в губернских городах и столице, особенно подчеркивая высокий уровень нравственности (не было отмечено ни одного самоубийства, ни одного незаконнорожденного). В 1889 г. в «Саратовских губернских ведомостях» подробно описано состояние жилища: «Все комнаты, как в каменных, так и в деревянных домах оштукатурены. Вместительность такова, что на каждого обывателя приходится от 2 до 6 кубов сажени воздуха. Число окон в каждой комнате, смотря на ее величину, от 1 до 4, причем вышина каждого окна от 1,5 до 2,5 аршин, а ширина от 1 до 1,5 аршин. Окна имеют зимние рамы и снабже-

ны форточками или другими вентиляционными приспособлениями, которыми обыватели и пользуются... Полы во всех домах сделаны из досок, и во многих домах окрашены масляной краской. Они содержатся в надлежащей чистоте. Для поддержания чистоты тела почти во всех домах имеются ванны. А где их нет, особенно для рабочих, имеются бани. Дворы, равно как улицы и базарная площадь, содержатся в надлежащей чистоте; они находятся под присмотром сельской полиции» [1]. Таким образом, санитарно-гигиенические требования к жителям прививались и контролировались на протяжении всей жизни колонии совместно с врачами и администрацией. Эти свидетельства — прямое указание и характеристика и обязанностей, и нормы жизни, и понимание роли женщины в семье и хозяйстве.

На высоком уровне была медицина. Известный ученый Самуил Готтлиб Гмелин, посетив в 1771 г. колонию, оставил такую запись: «Теперь в Сарпинском селении медиком господин Вир, муж в своем знании искусный и в обхождении очень приятный, что его не только в Сарпинском селении, но и по всей Астраханской губернии весьма почитают. Он приготавливает и раздаёт лекарства сам, в чем ему двое хороших помощников пособляют» [4]. Доктора А. Зайдель, К. Ян проводили сложные хирургические операции, боролись с эпидемиями, содержали в образцовом порядке аптеку, где продавался знаменитый сарептский бальзам. Использовался как лекарство от различных заболеваний, как профилактическое и успокаивающее средство. Ни в 30-х, ни в 40-х годах между сарептским братством не было даже холерного случая», писал А. Клаус [5]. Он специально подчеркнул, что «особенным доверием и известностью среди населения пользовались врачи и аптека в Сарепте».

Сарептяне занимались производством горчицы для местных горчичных заводов Глича, Кноблоха, Гольдбаха. Здесь имелись свечной, кирпичный, горшечный, кожевенный заводы — всего более 20 различных ремесел. Сарепта активно торговала с близлежащими колониями, имела торговые дома в Москве и Петербурге, некоторые товары вывозились за границу. Особое место в торговле колонии занимало производство сарпинки — хлопчатобумажной ткани. Сохранившийся в музее каталог за 1913 г. демонстрирует более 100 видов расцветки этой ткани.

Все это позволяло семье иметь вполне приличный доход, а внутреннюю хозяйственную жизнь значительно облегчали такие нововведения, как использование целебных вод, водопровод, доставлявший минеральную воду до каждого дома. Трудовой день женщины был расписан до мелочей. Сарептянки никогда не сидели без дела. Путешественники описывают их круг повседневных забот, особенно отмечая приверженность устоявшемуся распорядку дня. Описывая хлебосольство хозяйки, обязательно упоминали сарептские арбузы, которые поставались и на царский стол, а производившийся на месте арбузный мёд (нардек) шёл для выпечки знаменитых медовых пряников. Женщины бережно относились к одежде и обуви. Нарядная и новая одежда надевалась только по великим праздникам — в Пасху, Рождество и на Троицу. В остальное время носили аккуратно заштопанную и тщательно выглаженную повседневную одежду. Женщины были искусными рукодельницами и при штопке одежды подбирали нитки так, чтобы штопаное место было трудно определить [2, 150]. Сарептянки общины гернгутеров выделяли социальный статус чепцом с лентой соответствующего цвета: молодые незамужние женщины — розовые, замужние — голубые, вдовы — белые.

Сарепта имела большое культурное значение для немецких колоний и русских сел. На собственные средства она содержала 4 училища — одно подготовительное,

одно начальное, два училища для мальчиков и девочек, открытые соответственно в 1772 и 1773 г. Важность воспитания детей также была отмечена в уставе общины, причем, наряду с изучением религиозных понятий, «дети должны быть научены познаниям и наукам, необходимым в человеческой жизни». Обучение было поставлено основательно. Как писал Александр Глич в контору опекунов в Санкт-Петербург в 1867 г. «Об училище посторонние хорошо отзываются, так как они посещаются детьми инородных жителей евангелическо-лютеранского вероисповедания и еще больше были бы посещаемы дальними жителями, если бы правительство дозволяло принять детей другого вероисповедания» [3]. Дело в том, что русские богатые купцы, промышленники своих детей посылали для обучения в Сарепту, но поскольку они принимались с условием, что будут участвовать в религиозных занятиях, то это нарушало обязанности сарептян не посягать на православные устои населения и было запрещено. Многие зажиточные колонисты из соседних колоний посылали детей учиться именно в Сарепту, для чего был открыт специальный пансион. Дети сарептян проходили в школах весь гимназический курс кроме изучения греческого языка. Изучали латынь, французский и английский; изучались химия, физика, русский язык, история, география, естествознание. Наглядными пособиями и мастерскими для учеников школ служили аптечная лаборатория, гербарий, библиотека и местные промышленные производства. Учителя были частью из Германии, частью сарептяне, закончившие университет или гимназию. Уровень образования, получаемый в них, позволял юношам после окончания сразу поступать в высшие учебные заведения. Девушки охотно приглашали гувернантками и воспитательницами в дома русских купцов для обучения языкам, рукоделию, ведению домашнего хозяйства.

Постепенно развитие экономических связей, проведение железной дороги в непосредственной близости от колонии, общий общественный подъем конца XIX в. привел к ломке строгих религиозных догм, прервалась связь колонии с Гернгуттом.

По инициативе церковного совета общины с 1894 г. Сарепта прервала связи с Гернгуттом и перешла под крыло евангелическо-лютеранской церкви России.

В начале XX в. численность населения Сарепты составляла около 2300 чел. Революционные события 1917 г. и последовавшая гражданская война сопровождались голодом, ростом заболеваний, высокой смертностью, открытием детских домов, чего никогда не было в немецких колониях. Образ женщины-матери, ее обязанности и роль в семье сарептяне пронесли в своей памяти все годы депортации (в августе-сентябре 1941 г.), дети и внуки сохранили и передают многие семейные традиции, привитые им в детстве [2].

Литература

1. Буховцев И. *Медико-топографическое описание колонии Сарепта//Саратовские губернские ведомости. 1889. № 7.*
2. Вашкау Н. Э. *Сарепта. Страницы истории российских немцев. Волгоград, 2006.*
3. Глич А. *История братской общины Сарепты в восточной России в течение ее столетнего существования. Сарепта. 1865*
4. Гмелин С. Г. *Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1774. С. 24, 37.*
5. Клаус А. А. *Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 96.*
6. Леопольдов А. Ф. *Статистическое описание Саратовской губернии. Ч. 2. СПб., 1839. С. 64-72.*

Проблема женского равноправия в трудах Садри Максуди и ее реализация в законодательстве эпохи Ататюрка

В 1923 г., в новообразованной Турецкой Республике, во всех сферах общественной жизни были осуществлены принципиальные изменения. Одной из важных задач Ататюрка была реализация законов, направленных на обеспечение равноправия между мужчинами и женщинами. С объявления Турции республикой, на каждом своем выступлении его лидер подчеркивал важную роль женщины в истории человечества. «Признание прав женщин — это одно из самых важных достижений Ататюрка» [1, р. 559], делает вывод видный турецкий ученый Х. Тунджер. Для претворения в жизнь своих преобразований Ататюрк пригласил европейски образованных иностранных специалистов, среди них был известный татарский деятель Садри Максуди (1878—1957). В отношении «женского вопроса» С. Максуди обращался к древнетюркской истории. В своих выступлениях он отмечал высокий статус женщины у древних тюрков, приводил в пример Орхонские надписи, где женщин называли «королевами, знающими государство», а такое выражение как «с приказом хана и его жены» показывало равенство женщин.

Несмотря на то, что одной из целей политических реформ было достижение равноправия женщин, для осуществления данной задачи понадобился гораздо более долгий срок. С. Максуди к этому делу подходил со всей серьезностью; обращался к вопросу прав женщин, считая необходимым признать равные политические права всех граждан, а также считая, что только в свободной стране не бывает разделения на социальные классы. Татарский деятель рассматривал равноправие женщин как важную сторону политической жизни уже в начале XX века во время своей деятельности в России. Вместе с представителями татарского национального движения, он поднимал женский вопрос на Первом Всероссийском мусульманском съезде в 1917 году, где была принята резолюция, наделявшая женщин всеми политическими и гражданскими правами, отменявшую многоженство. В поддержку этой резолюции выступили, как татарские политические деятели, так и духовенство (Г. Баруди, М. Бигиев). Поэтому, С. Максуди, считавший вопрос эмансипации женщин важным фактором независимого государства, выдвигал данную проблему в своих трудах, опубликованных в периодической печати Турецкой республики.

Литература

1. *Tuncer H. Atatürk ve kadın hakları//Uluslararası ikinci Atatürk sempozyumu. 9–11 Eylül, 1991. CİLT: I. Ankara, 1996.*

Л. А. Фалалеева

г. Волгоград, Волгоградский государственный университет

Повседневность немецкой женщины-крестьянки в период урбанизации 1920–1930-х годов (на материалах Поволжья)

Массовое переселение немцев в Россию началось в период правления Екатерины II (1764–1774 гг.). В это время было основано более ста колоний в Поволжье. Пересе-

ленцы жили обособленно. Их бытовой уклад, традиции, язык, техника возделывания земли, орудия труда не изменялись в течение десятков лет. Земледелие, скотоводство и кустарный промысел являлись главными занятиями поволжских немцев.

Хозяйство и быт немецкого крестьянства отличались от проживавших в соседстве народов. На основании этнографического материала отчетливо прослеживается уклад поволжских немцев, в котором от поколения к поколению ценили и культивировали порядок, трудолюбие, добротность, организованность, достаток, практичность, эстетичность [1, 4]. Такое поведение было столь привычно, что воспринималось властью и обществом как некая безусловная норма. По уровню образования, организации досуга, культуре одежды и питания их образ жизни был приближен к городскому типу. Более того, именно успешные немецкие ремесленники и торговцы во многом способствовали развитию крупных городов в регионе — Саратову, Самаре, Царицыну.

С приходом к власти большевиков, 19 октября 1918 г. была образована Трудовая коммуна Области немцев Поволжья — автономное национальное образование в составе РСФСР. В 1924 г. она получила статус Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (далее — АССРНП, Немреспублика), как федеративная часть РСФСР.

В 1920–1930 гг. советское правительство начало активное развитие городского типа культуры, как неотъемлемой составляющей общей политики индустриализации и коллективизации в стране. Урбанизация, то есть переход от сельского к городскому образу жизни, являлась ресурсом для идеологического просвещения советского населения в изучаемый период. Инфраструктура советского города стимулировала ломку традиционных социальных структур, старых элементов городской жизни и городской культуры, перестраивала образ жизни всего общества на новый лад. Основой коммунистического преобразования страны являлась система общественной заботы о матерях и детях. В каждом городе появлялись учреждения социального воспитания ребенка, а также охраны материнства и детства: дома пионеров; роддома, дома матери и ребенка, дома ребенка, детские дома, ясли, юридические консультации для женщин и подобное.

Однако, исторически, на протяжении более чем полутора столетия, ситуация складывалась так, что вплоть до ликвидации Немреспублики в 1941 г. преобладающей формой расселения немцев в Поволжье стало групповое деревенское расселение. За исключением 3 городов (Энгельс, Марксштадт, Бальцер) и 5 рабочих поселков все остальные населенные пункты (свыше 440) относились к сельскому типу: деревни, в том числе бывшие колонии, поселки совхозов и МТС, хуторские поселения [2]. Малая численность городов и городского населения в АССРНП являлась одним из факторов, замедлявших советизацию немецкого населения.

Консерватизм и религиозность немецких женщин-крестьянок способствовали сохранению традиционного жизненного уклада. Поэтому именно женщина-мать стала оплотом сохранения национальной немецкой культуры в советский период, в идеологической основе которого лежали коммунистический интернационализм и атеизм. Но прочное утверждение власти большевиков не позволило поволжским немцам дистанцироваться от происходивших событий. На традиционном образе жизни немецких женщин отразились последствия экономической и социальной политики большевиков.

Документы архивов свидетельствуют о том, что новый социально-политический порядок противоречил устоявшемуся образу жизни немецких семей, численно

преобладавших в автономии. Социальный конфликт, вызванный переоценкой общественной роли женщины, заключался в отсутствии для нее возможности выбора в самореализации. Женская активность поощрялась исключительно в русле политического просвещения, социалистического труда, коммунистического воспитания детей [3].

К женщинам «новых нравов», то есть эмансипированным, в обществе относились грубо, жестко. Это проявлялось со стороны мужчин-руководителей разного уровня. Вышедшая из-под опеки мужа или отца женщина воспринималась в обществе мужчиной равной по ответственности, но не возможностям. С нее спрашивали столько, сколько и с мужчины, она как-бы теряла свою гендерную принадлежность, становилась «товарищем». Но потеря гендерного статуса не означала моральной готовности отказаться от женственности. Поэтому, переживая процесс модернизации вместе со страной, женщины оказывались в наиболее уязвимом положении по сравнению с мужской частью населения.

Несмотря на политический курс партийного руководства страны в немецкой автономии не удалось реализовать большевистскую концепцию равноправия женщин. Этому мешал традиционализм немецкого общества. С одной стороны мужчины препятствовали политизации женщин, с другой — женщины сами не стремились оказаться в авангарде социалистического движения [5]. Тем не менее, в период 1920–1930-х гг. произошла ломка традиционных взаимоотношений немецких мужчин и женщин. Если раньше жизнью женщины распоряжался муж, то теперь через специальные учреждения ее повседневность определяло государство.

Постепенно, административным путем были сформированы практики, направленные на разрушение традиционного образа жизни поволжских немцев. Одной из ключевых стало внедрение и развитие сети учреждений охраны материнства и младенчества. Особенно болезненным для немецких женщин являлся вопрос детского воспитания в условиях инонационального окружения. Матери считали своим долгом и стремились любыми средствами воспитать продолжателей семейных традиций. Поэтому значение в повседневной жизни приобрели национальные практики, определявшие жизнедеятельность женщин в новых социально-политических условиях. К ним относятся легальное и теневое использование административных ресурсов в национальных интересах и реализации потребностей женщин. Здесь понимается под теневым способом — использование должностного положения для обеспечения участия женщин в духовно-религиозной сфере. Под легальным способом — использование официально разрешенных мер, таких как перевыборы, заявления, ходатайства для продвижения национальных, а не социалистических потребностей. Не менее важной практикой являлось сохранение мужского главенства над женщиной внутри семьи, что не позволяло ей предать семейные ценности в угоду карьере. Сохранение традиционной практики многодетности семей поволжских немцев также влияло на круг женских интересов, естественным образом отстраняло их от общественной и политической жизни.

Литература

1. Воспоминания П. К. Галлера: *(Быт немец-колонистов в 60-х годах XIX ст.)*. Саратов: Н.-Волжское обл. науч. об-во краеведения, 1927.
2. Герман А., Герман Е. Республика Немцев Поволжья//*Geschichte der Wolgadeutschen*. URL: <http://lexikon.wolgadeutsche.net/article/263> (дата обращения: 29.04.2018).

3. Закрепление яслей на зиму 1933–1934 г. //Государственный исторический архив немцев Поволжья. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 233. Л. 41.

4. Смирнова Т.Б. *Этнография российских немцев*/Т.Б. Смирнова. — Москва: МСНК-пресс, 2012.

5. *Участие женщин в кампании по перевыборам сельсоветов. Б/д*//Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 10487. Оп. 1. Д. 82. Л. 19–21 об.

А.П. Фернадес

г. Москва, Российский государственный архив фонодокументов

Советская городская повседневность глазами испанской коммунистки Леонор Эстевес

Испанская эмиграция в СССР в конце 30-х годов прошлого века стала результатом Гражданской войны в Испании. В Страну Советов эмигрировали бывшие бойцы Республиканской армии, преимущественно мужчины, в то время как женщины составляли наименьшую часть. Выделим три основных группы испанок, волею судеб оказавшихся в СССР. Это женщины, принадлежавшие к Компартии Испании и активно занимавшиеся партийной работой в годы Гражданской войны, жены и вдовы бойцов Республиканской армии, и, наконец, учительницы и воспитательницы детских домов для испанских детей.

Несмотря на свержение монархии, к периоду Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) в стране еще не произошло масштабного включения женщин в общественную и политическую жизнь. Выйдя замуж, женщины, как правило, становились домохозяйками и не были экономически самостоятельными. В Испании существовало разделение труда по половому признаку, женщин фактически не задействовали на предприятиях тяжелой промышленности. В СССР же, наоборот, женщины не бросали работу, и, выйдя замуж, и работали на фабриках и заводах наравне с мужчинами.

Леонор Эстевес — автор мемуаров «Жизнь — борьба», довольно подробно запечатлела свою жизнь в СССР, сумев при этом передать бытовые подробности повседневной жизни иностранцев в советском обществе. Она пишет о том, что, приехав в СССР в мае 1939 г., группа испанских политэмигрантов фактически сразу столкнулась с этногендерными вызовами. Так, испанцы были поражены, что советские женщины, наравне с мужчинами, оказались задействованы на работах, требующих физической силы и выносливости: «Хотелось бы отметить, что в течение всего пути из Ленинграда в Москву мы видели множество женщин, больше чем мужчин, работающих на железнодорожных путях, в легких пальто, хотя в мае в Ленинграде было достаточно прохладно... Эти работницы были одеты в длинные жилетки, войлочные сапоги, которые доходили им до колен шапки-ушанки, с рукавицами на руках. Было трудно определить, являются ли они красивыми или уродливыми, в этих одеяниях, держа в руках лопы и лопаты. В вагонах и тамбурах мы бурно обсуждали увиденное, мы были шокированы, и если одни более менее приняли увиденное, то на других это произвело неизгладимое впечатление..... ». Отдавая должное процессам эмансипации женщин, испанцы не считали, что представительницы прекрасного пола должна стремиться к такому рода равноправию с мужчинами. Это зрелище стало для многих культурным шоком.

Оставим за рамками данной статьи период жизни Леонор Эстевес, относящийся к годам Гражданской войны в Испании (1936—1939 г.) Отметим лишь, что в Москву она приехала уже опытным борцом. Как следует из материалов ее личного дела, трудовую жизнь она начала на бумажной фабрике в Мадриде. Вступила в Компартию Испании в 1934 году, в период, когда по Испании прокатилась волна забастовок. В этому забастовочному движению присоединилась юная Леонор, за что в 1935 году была арестована и провела в тюрьме два месяца. В период Гражданской войны в Испании молодая женщина проявляет активность — участвует в обороне Мадрида, направляется ЦК партии в Эстремадуру сотрудником разведки. Войну она закончила, будучи членом женкомиссии ЦК партии в Каталонии, где одновременно работала в комиссии Министерства обороны по мобилизации женщин для всех отраслей военной промышленности

Из мемуаров Леонор Эстевес мы видим, что ее жизнь было тесно связано именно с городским пространством столиц. Безусловно, на ее формирование как личности оказал ее родной город Мадрид — место, где сформировались ее политические убеждения и который она героически обороняла в годы противостояния с фашизмом. В СССР ей тоже удалось достаточно легко встроиться в урбанистическую среду Москвы, что отчасти облегчило процесс социальной адаптации, хотя сама эмиграция после насильственной разлуки с родиной и гибели мужа переживалась молодой женщиной крайне болезненно.

Приехав в СССР, испанские политэмигранты старались сохранить свою национальную идентичность, в надежде вернуться на родину. Испанские колонии, или, как их тогда называли — «коллективы» — образовывались на заводах и фабриках. Испанская группа была и в партийной школе ИККИ в Москве.

Описывая период жизни в партийной школе, Леонор рисует вполне идиллическую картину. Партийная школа располагалась на базе Дома отдыха, в живописном месте, рядом протекала река Сходня. В распоряжении учащихся были просторные учебные классы, столовая, библиотека, общежитие с комнатами на 4—6 человек. Партишкола со всех сторон была окружена зелеными насаждениями, так что студенты могли спокойно прогуливаться по парку и даже заниматься спортом (в распоряжении учащихся был спортивный инвентарь, включая лыжи, которые зимой многие испанцы осваивали с удовольствием). В этот период бытовые проблемы обходят Леонор стороной. Правда, она жалуется на трудности с учебой, в частности, с иностранными языками, из-за необходимости постоянно заботиться о маленькой дочке. Трудности с учебой испытывали многие политэмигранты, Леонор Эстевес признает, что они были связаны с общим недостатком культуры некоторых членов испанской группы, так как многие почти до этого не посещали среднюю школу.

Об этом периоде жизни Леонор Эстевес находим скупые данные в ее личном деле, хранящимся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Так, согласно характеристике руководства партишколы, мы узнаем, что Леонор Эстевес: «Политически выдержанная и преданная партии. Училась не ровно. В конце года лучше. Результаты учебы: слабые по языкам, посредственные — по истории ВКП (б). Получила оценки:

по истории ВКП (б) — «посредственно»

По французскому языку — «плохо»

По русскому языку — «плохо»

По географии — посредственно».

Еще одним шоком для испанцев оказался русский климат. По воспоминаниям Леонор Эстевес, в 1940 году зимой температура в Москве была минус сорок градусов. В такой мороз не помогали ни теплые пальто, ни валенки. По улице Горького редкие прохожие передвигались перебежками. Для того, чтобы пройти от Охотного ряда до гостиницы для иностранцев «Люкс», приходилось по пути несколько раз заходить по пути в помещения, растирать лицо, щеки, чтобы хоть как-то согреться.

Любимым местом испанцев было кафе «Мадрид» рядом со МХАТом. В этом театре они посмотрели ряд спектаклей на русском языке, в том числе «Три сестры» и «Анну Каренину». В кафе учащиеся Партийной школы ИККИ могли встретиться и пообщаться со своими земляками, так как пригласить к себе в гости не могли из-за секретности этого учебного заведения. В партшколе испанцы получали строгие инструкции: не ходить по улицам, где находится у посольства Германии и других представительств иностранных государств, возвращаться домой группами, а не парами и поодиночке, во избежание грабежей и разбойных нападений.

В начале Великой Отечественной войны Леонор Эстевес была распределена в качестве воспитательницы в детский дом для испанских детей № 1, который вскоре эвакуировался в Саратовскую область, на территорию села Привольного, расположенного в бывшей Республике Немцев Поволжья. Она пишет, что даже в тяжелое военное время испанки прилагали огромные усилия, чтобы выглядеть опрятно в то время, когда не хватало элементарных вещей: воды, мыла, чистой смены белья, обуви. Несмотря на тяжелые бытовые условия, детям необходимо было учиться. Учителями в детдоме в основном работали испанцы, которые преподавали почти все предметы за исключением русского, литературы и истории. Женщины преимущественно были учительницами младших классов и воспитательницами.

Леонор Эстевес вспоминала, что были такие моменты, когда детям на ужин выдавали кипяток и сто граммов хлеба. «Мы, педагоги, не имели даже этого. Некоторые дети тайно приносили кусочки хлеба в карманах, но этот подарок мы не могли принять...».

Страдания приносили не только холод, голод и болезни. Некоторые взрослые испанцы стали жертвами паразитов: «Кончу Беллу, которая была редкостной аккуратисткой, постигло невезение — у нее завелись платяные вши. Несмотря на то, что она постоянно стирала и прожаривала белье — от них никак не удавалось избавиться. Она очень страдала из-за этого».

В конце войны Леонор вернулась в Москву. Устроившись работать на кондитерскую фабрику «Большевик», она была разочарована аполитичностью советских рабочих. Никто не интересовался политикой, рабочим движением. Как коммунистка и член Компартии Испании, Леонор Эстевес решила перевыполнить норму в два раза. Это решение вызвало недоумение у коллег. На фабрике процветало воровство, никто не носил из дома обед, пользуясь продуктами шоколадной фабрики — яйцами, маслом, какао.

О том, что многих русских, воевавших в Гражданской войне в Испании, арестовали, Леонор узнала, когда пыталась их найти уже в Москве. Она была уверена в честности и невиновности этих людей, поэтому ей тяжело было осознавать, что у тебя на родине они были морально уничтожены после нескольких лет героической борьбы на Пиренеях.

Леонор Эстевес вернулась в Испанию в 1971 году. Ее книга мемуаров является ценным историческим источником для изучения проблемы сохранения этногендерной идентичности.

Литература

1. *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 495. Оп. 220. Д. 96
2. Estevez L. *La vida es lucha*. Madrid, 1993.

Н. Л. Крылова

г. Москва, Институт Африки РАН

Российская горожанка в африканском городе

В социальной психологии различаются два уровня включения личности в ту или иную социальную ценность, в том числе семейно-брачные отношения — адаптация и интеграция. Последняя заключается не столько в принятии отдельных элементов, сколько в социальном и психологическом освоении меняющегося типа ценностной системы общественных отношений, а также в социально-психологической способности индивида (в данном случае нашей соотечественницы, вышедшей замуж за африканского мужчину и оказавшейся в Африке) пережить чрезвычайную ситуацию перехода от одних общественных порядков к другим. Отрыв от традиционного семейно-бытового окружения, длительное пребывание в отличных от российских центрах хозяйственно-культурной и общественной жизни сопряжены у русской женщины-жены африканца с постоянным чувством психологической неопределенности своего положения, с неуверенностью, а зачастую и непредсказуемостью в действиях и поведении. Живя в чужой стране, она сталкивается с непоставимостью (подчас принципиальной) многих ценностей в культуре своего мужа, множественностью социокультурных сред, в которых она пребывает и вынуждена действовать. Все это делает ее поведение «ситуационным», т. е. обусловленным действующими в данной среде законами и формами социального существования. Это в полной мере относится к понятию «жизнь в городе».

Исследованная нами группа афро-русских смешанных семей в основном (свыше 80%) живет в столицах или крупных городах африканских стран, как правило, самостоятельной семьей малого типа, состоящей из родителей и экономически зависящих от них детей. Иначе говоря, русские женщины по преимуществу становятся в африканском контексте горожанками, имеющими собственную семью, состоящую из мужа и их общих, зависящих от них материально детей. В то же время соотечественницы в личных беседах признавали субъективный характер такого определения, называли его «формальным», «идеализированным», «несовершенным». Они отмечали, что нередко система представлений о, казалось бы, общепринятых понятиях оказывалась неадекватной, а нормы, правила и практические действия, принятые в африканском обществе, не соответствовали их евразийским стереотипам.

Так, в сознании средней современной женщины из России (включая преобладающие в этой группе провинциальные контингенты соотечественниц) с категорией «город» обычно ассоциируется крупный или более или менее крупный культурно-административный, промышленный многонаселенный центр с определенной инфраструктурой, архитектурой, коммуникациями, культурными и образовательными учреждениями, социальными службами — словом, вся совокупность представлений о современном городе европейского типа. К тому же практически все женщины, выходящие замуж за африканцев, к моменту знакомства с ними по прежнему по тем

или иным причинам оказываются (временно или постоянно проживают, работают или учатся) в городах России, где расположены центры по подготовке будущих специалистов. А это обычно крупные административно-культурные или промышленные города страны. Казалось бы, у прошедших городской «отбор» обязательно должны наличествовать необходимые данные для более или менее безболезненной адаптации к условиям новой среды. В определенном смысле это необходимо для их социального выживания.

Тем не менее, неравноценность данных об урбанизационных процессах, используемых в документах международных организаций и национальной статистике, весьма отлична. Так, согласно критериям ООН, городом может быть назван населенный пункт с численностью населения 20 тысяч человек. Но если, например, Нигерия использует именно этот критерий, то в ряде стран Африканского континента (Танзания, Уганда, Габон и др.) к понятию «город» местные статистико-демографические службы относят населенные пункты с 5 или даже 2 тысячами жителей. В результате информированная будущим мужем о предстоящей «жизни в городе», женщина зачастую может оказаться в населенном пункте, скорее, известном ей как поселок городского типа или большая деревня. В этом случае ее планы на трудоустройство, в целом на образ жизни, ориентированный на городской, нарушаются, создавая дополнительное ощущение социально-психологической напряженности и дискомфорта.

Или ситуация, связанная с иным — социокультурным — восприятием города в сознании российской женщины. Особенно тех контингентов соотечественниц, которые вступили с брак со студентами из стран Северной Африки прибыли на учебу из крупных и средних городов Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). Казалось бы, духовное формирование и социализация этих людей проходили в такой же городской среде, как и у многих из их русских избранниц. Вместе с тем североафриканский город отличается социокультурным многообразием, множественностью его образцов и моделей, среди которых преобладают такие, как заметное влияние традиционной культуры на городской образ жизни (причем устойчивее всего сохраняет в городе черты традиционных отношений именно семейный быт), доминирующая роль ислама. Иными словами, речь идет об элементах городской культуры, скорее всего, малознакомых современной российской горожанке. Тем не менее, именно эти две упомянутые особенности оказывают значительное воздействие как на формирование личности самого студента, так и, соответственно, неизбежно скажутся на социально-психологическом климате его расово-смешанной семьи, которую он вознамерился сформировать.

Бесспорно, урбанизация и индустриализация, другие, осваиваемые странами независимой Африки общественно-экономические условия, неизбежно вводят в эту веками формировавшуюся социально-производственную ячейку новые культурные ценности; многие из них противоречат ценностям изначальным, традиционным. Логично в таком случае было бы предположить, что живущие в условиях современного города образованные молодые люди ориентированы в своих установках на модернизацию семейно-родственных отношений, отказ от повседневного существования в большой африканской семье, на малую семью как универсальный тип семьи в современном мировом сообществе. Тем не менее, именно в среднем классе, к которому относятся дипломированные специалисты-мужья наших соотечественниц, зачастую происходит реставрация традиционных стереотипов поведения, в том числе внутрисемейного.

Однако, несмотря на то, что многие из них продолжают ассоциировать себя с членами традиционного общества, сохраняя в своем сознании представления о незыбле-

мости семейных и родственных отношений, большинство все более чувствуют себя жителями современного города.

О. И. Курто

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Политика однодетной семьи и её последствия (на примере КНР)

В конце 1960-х годов руководство КНР взяло курс на снижение темпов роста населения. В сообщениях агентства Синьхуа можно было прочесть следующее: «плановое деторождение, проводимое по предложению правительства и на добровольных началах, имеет в Китае широкую массовую основу». «Планирование семьи» стало официальной государственной политикой, а здравоохранительные органы взяли на себя ответственность по контролю над рождаемостью, руководя деятельностью соответствующих организаций, созданных при Госсовете КНР и во всех провинциях, городах центрального подчинения, округах, уездах и «народных коммунах». Активисты каждой социальной ячейки начали осуществлять наблюдение и сбор информации о количестве детей в семьях, проводить беседы, распространять противозачаточные средства. Рождаемость перестала быть внутрисемейным делом. Отныне время вступления в брак и рождения детей стало планироваться обществом: «Между отдельными улицами, предприятиями, «коммунами» проводится соревнование по снижению рождаемости. Так, жителями одной из пекинских улиц было принято коллективное обязательство снизить коэффициент рождаемости за год на 7,5%» [3, с. 19].

Государство не только брало на себя расходы, связанные с ограничением рождаемости (в том числе расходы на осмотр, госпитализацию и хирургические операции), но и в обязательном порядке стало ежемесячно выдавать различные средства контрацепции. «В городских центрах заведены индивидуальные карточки на всех женщин репродуктивного возраста и отчетность об использовании различных средств. Женщинам, имеющим двух-трех детей, рекомендуются операции по стерилизации и прерыванию беременности» [3]. По статистике около 90% горожан репродуктивного возраста находились под контролем организаций по «планированию семьи».

В 1980 г. был принят закон о повышении брачного возраста: для мужчин — до 22 лет, для женщин — до 20 лет. «Плановое деторождение» стало охраняться «Законом КНР о браке». Любопытны произошедшие изменения в брачном возрасте, а также возрасте первых родов в Китае. До революции крестьянские девушки вступали в брак в возрасте 18 лет или раньше. Социологические исследования, проведенные в провинции Хубэй среди 15 крупных бригад, показали, что до 1949 г. средний брачный возраст для женщины составлял 18 лет [6, с. 52]. В 1960-е годы брачный возраст составлял приблизительно 20 лет, а вот в 1970-е — уже 23 года и выше [5, с. 13]. Позднее стали происходить и первые роды. Если до революции женщины обычно рожали на следующий после замужества год, то в 1950-е годы возраст женщин, рожавших в первый раз, составлял в деревне 21 год или чуть больше, в конце 1970-х годов — 25 лет и больше [5].

В марте 1981 г. руководством КНР был создан Государственный комитет по планированию рождаемости. В рамках проводимой политики «одна семья — один ребёнок» различные льготы стали предоставляться малодетным семьям. Число де-

тей в семье начало уменьшаться. Так, например, в провинции Хубэй, до 1949 г. на одну женщину в среднем приходилось 5,5 детей (из них выживало 3,7); в период с 1952 по 1971 г. — 4,8 (против 3,6) [5]; исследования за 1981 г. показали, что на одну женщину в возрасте от 20 до 29 лет приходится 2 ребёнка (из которых выживших — 1,8) [6, с. 52].

Надо заметить, что в 1980-х годах политика в отношении ограничения рождаемости была очень жёсткой. Активная пропаганда сделала единственно приемлемой нормой поздние браки и одного ребёнка в семье. Показателем в этом отношении видеоролик шанхайского кинематографа: счастливая мать в одной руке держит улыбающегося малыша (единственного малыша!), а в другой — диплом, дающий многочисленные льготы, которые могут быть утрачены, если мать решит подарить своему ребёнку братика или сестричку. В частности в случае рождения второго ребёнка на супругов налагался штраф, им отказывали в медицинском обслуживании и в выдаче продовольственной карточки. Не менее известен плакат с восьмью иероглифами: «Женитесь поздно. Рожайте поздно. Рожайте мало. Рожайте хорошо» [2, с. 53].

Во многих сельских районах солдаты и бригады, ответственные за уровень рождаемости в данной местности, проводили насильственные аборты и стерилизации. Только за два квартала 1983 г. было произведено 1,33 млн. операций по стерилизации, что равно количеству соответствующих операций, произведённых в период с 1970 по 1978 г. [2] Однако довольно часто вслед за бригадами, распространявшими среди населения средства контрацепции, приходили люди, которые за довольно большую сумму «извлекали» противозачаточные средства у женщин фертильного возраста, желающих иметь много детей.

В настоящее время государство продолжает реализовывать политику контроля над рождаемостью. В целом суть политики остаётся прежней, корректируются лишь методы её реализации. Однако последние годы назрела необходимость перемен. Во-первых, китайское общество стало стремительно стареть. Численное соотношение молодёжи и стариков говорит о том, что государство в ближайшее время столкнётся с острой нехваткой рабочих рук. Во-вторых, китайской спецификой демографической проблемы остаётся половой дисбаланс: на 51,5 мужчин приходится 48,5 женщин [1, с. 39]. Китайцы по-прежнему отдают предпочтение мальчикам, а не девочкам. Выработанное веками, феодальное мировоззрение заставляет видеть в девочке нечто временное, ненадёжное, то, что исчезнет, как только девочка станет девушкой и найдёт себе жениха. Мальчик же — залог обеспеченной старости. Всё это, помноженное на возможность родить только одного ребёнка, приводит к жутким и жестоким последствиям. Родители всячески пытаются узнать пол будущего ребёнка. Если должна родиться девочка, женщина чаще всего делает аборт. Родившихся девочек подбрасывают в общественных местах, продают и даже убивают (чаще всего топят). Такие случаи особенно распространены в сельских районах. Соотношение между родившимися мальчиками и девочками порой достигает 5:1. Вот интересная цитата, прекрасно иллюстрирующая сложившуюся ситуацию: «В уезде Хуайюань имеется производственная бригада, в которой за 1980 и 1981 г. было утоплено 40 новорождённых женского пола» [2, с. 180]. Итогом стал запрет властей на ультразвуковое обследование плода, если к тому нет медицинских показаний.

Однако избранный курс имеет некоторые исключения. В частности, крестьянским семьям разрешено иметь второго ребёнка, если в семье недостаточно рабочих рук. Однако между рождением первого ребёнка и рождением второго должен существо-

вать определённый интервал. Существуют послабления и для представителей национальных меньшинств Китая: они вполне законно могут растить двух, трёх или больше детей. Исключением также являются представители высших эшелонов власти и бизнесмены, легко выплачивающие установленные за ребёнка «сверх нормы» штрафы, что вызывает недовольство у простых граждан. А потому для разрешения конфликта предполагается повысить размер денежных выплат.

Наметились изменения и в области идеологии. В частности государство занялось исправлением некорректных пропагандистских лозунгов, призванных создавать психологическую неготовность граждан к рождению второго ребёнка, поскольку такие действия подрывают авторитет и доверие к властям. Среди особенно не удачных называются такие лозунги: «Растите поменьше детей и побольше свиней», «Ещё один ребёнок — значит ещё одна могила», «Откажешься делать аборт — снесут твой дом и конфискуют коров» и пр. Изданный комитетом циркуляр содержит 190 новых лозунгов, среди которых такие: «Мать-Земля слишком устала, чтобы прокормить много детей», «Родительским сердцам одинаково дороги и мальчики, и девочки» [4].

Так или иначе, осуществляемая государством политика и её результаты привели к изменению принципов семейной организации и ломке её традиционных ценностей.

Литература

1. Ганишин Г. А., Ушаков И. В. *Китай: Экономико-географический очерк*. М.: Мысль, 2004. С. 39.
2. Доменак Ж.-Л., Хуа Шанмин. *Семейные отношения в Китае*//Пер. с франц. и авт. предисл. Зубков Н. Б. М.: «Наука». Главн. ред. вост. лит.-ры, 1991.
3. *Китайская Народная Республика в 1974 г. Политика, экономика, идеология*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
4. Меринов С. *Китай избавляется от грубости в планировании семьи*//«Российская газета». 06.08.2007.
5. Сюй Тяньци. *Нуцунь шиэньюйлюй вэньти сюэшу таолуньхуэй*//Синьхуа вэньчжай. Пекин, 1982. № 4. С. 13
6. Чэн Ду. *Нуцунь жэнькоу дэ цайшиэньчань*//Цзинци яньцзю. Пекин, 1982. № 6.

О. И. Курто

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Невеста и жених в городской свадебной китайской церемонии в XX–XXI вв.

На протяжении тысячелетий свадьба остаётся одним из важнейших событий в жизни китайца. Однако перемены, происходящие в китайском обществе на протяжении XX–XXI вв., провоцировали неизбежную трансформацию свадебной церемонии. Новые веяния и модные тенденции инициировались в крупных китайских городах, а затем распространялись на остальной территории страны. Горожане были и остаются законодателями китайской моды. На них равняются, их примеру подражают. В рамках данной работы мы попытаемся ответить на следующие вопросы: как изменялось отношение китайцев к свадьбе на протяжении XX–XXI вв.? Какие сценарии свадебной церемонии реализовывались в крупных и мелких китайских городах? Что было принято дарить? В каком возрасте вступали в брак?

В древнем Китае свадебная церемония была одной из наиболее пышных и торжественных. Из-за её сложности в ней даже выделяли несколько этапов: «нацай» — «обряд получения невестой подарков, присланных со стороны жениха»; «вэньмин» — обряд, во время которого сват узнавал у родителей невесты её имя и дату рождения; «нацзи» — «выбор счастливого дня проведения церемонии помолвки, на которой молодые люди официально объявлялись женихом и невестой»; «начжэнь» — обряд передачи свадебных подарков жениха невесте; «цинъци» — «выбор счастливого дня, когда жених готовится приехать за невестой»; «инъци» — собственно сама свадьба.

Каждая эпоха привносила в свадебную церемонию свои особенности, будь то инсценировка тоски по родительскому дому или традиция поклонов, совершаемых новобрачными друг перед другом, перед родителями и перед гостями. Новое время принесло новые изменения.

В пятидесятые годы XX в. церемония бракосочетания была чрезвычайно проста и отвечала запросам той непростой поры в жизни Китая. «Новый» Китай, отказавшись от религиозных пережитков и традиций, спешил утвердить новые принципы социальной и семейной жизни. На смену длительной свадебной церемонии пришла официальная регистрация. Молодожёны приходили с работы после смены, приглашали друзей, накрывали на стол и разговаривали. Непременным атрибутом скромного праздничного угощения были сладости. На стенах и окнах вывешивался вырезанный из красной бумаги двойной иероглиф «радость». После ужина гости расходились, а свадебная церемония считалась завершённой. Некоторые из молодожёнов делали дорогостоящую по тем временам чёрно-белую фотографию на память.

В 1960–1970-е годы, в период культурной революции на свадьбе нередко присутствовали люди в поношенной военной форме и со значком с изображением Мао Цзэдуна. К концу семидесятых за невестой могли отправиться на велосипеде или на тракторе, но иногда и на легковом автомобиле марки «Красное знамя». Атрибутами семейного благополучия стали велосипед, наручные часы, швейная машинка и радиоприёмник, которые в народе назывались «трое вертятся, а один звенит». Их в свою очередь дополняли «тридцать шесть ножек»: двуспальная кровать, плательный шкаф, комод, прикроватная тумбочка, обеденный стол и четыре табуретки. Любопытным элементом свадебного облика невесты была завивка волос, её в семидесятые годы делали только замужние дамы.

В 1980-е годы, с началом реформы открытости во взаимоотношениях с другими странами материальное благосостояние простых китайцев стало понемногу улучшаться. Если раньше предметами роскоши были цветной телевизор, холодильник, стиральная машина, современный телефон, модный магнитофон, компьютер, то теперь люди стали задумываться о приобретении загородного дома и автомобиля.

В последние годы стало модным приезжать за невестой на дорогом импортном автомобиле («Мерседес», «Кадиллак», «Тойота» и др.), капот которого украшают цветы и куклы. Молодые китайки полюбили белое европейское свадебное платье. Свадебная церемония всё чаще проводится уже не дома, а в ресторане, где гостей развлекает нанятый тамада. Обязательными становятся сделанные профессионалами свадебные фотографии. Многие молодожёны (главным образом в городах) помимо гражданской процедуры регистрации проводят обряд венчания.

Стремительное развитие экономики и рост уровня доходов привели к кардинальному изменению не только процесса бракосочетания, но и структуры семьи. Проводимые реформы дали свои ощутимые плоды: нуклеарная однодетная семья, ребёнок как

«маленький император», вестернизация образа жизни, изменение семейной морали и общественных ценностей. Стремительно растут расходы на свадьбу. Свадьбы становятся всё более зрелищными и разнообразными. Китайская молодёжь, беря пример с молодожёнов Запада, придумывает самые диковинные сценарии бракосочетания.

Молодые китайцы нередко организуют коллективные свадьбы. Так, например, 8 августа 2008 г., в день открытия Олимпиады в Пекине в Китае поженились около 314 тыс. пар, а в самом Пекине 15,6 тыс. пар. Многие молодожёны заключили брачный союз на пороге нового тысячелетия, давая клятву верности на берегу океана, прыгая с парашютом, плавая с аквалангом, путешествуя по далёким странам. В 1990-е гг. было очень модно делать фотографии чёрно-белыми, в стиле 1970-х. С началом нового века популярными стали романтические фото, с видом гор, океана или тропических цветов. Профессиональные фотографы — непременные спутники молодожёнов. В день свадьбы молодые объезжают весь город в поисках удачного фона для фотографий. Поскольку день зачастую выпадает весьма утомительный, нередко можно увидеть картину, когда невеста бодро вышагивает в кроссовках, выглядывающих из-под белых кружев платья. Найдя подходящий пейзаж, молодые полчаса растягивают рот в улыбке, в то время как фотограф выбирает нужный ракурс, а ассистент создаёт огромным шитом, обклеенным фольгой, необходимые блики.

Подарки к свадьбе молодые чаще всего выбирают сами. Для этого они рассылают приглашённым каталог с перечнем вещей, которые они хотели бы получить в дар, данный перечень сопровождается прейскурантом, и каждый гость может выбрать тот подарок, который ему по карману. Нередко гости сообща покупают дорогостоящие вещи. Любопытной традицией остаётся преподнесение в дар молодым набора из фиников, арахиса и каштанов, китайские названия которых созвучны фразе «раньше родить ребёнка», что, естественно, имеет весьма приятное для новобрачных значение.

Спрос на свадебные услуги породил в Китае необычное явление — «выставку свадебных услуг». Китайские бизнесмены решили оказывать молодёжи помощь в организации свадебного торжества, своего рода услуга «одного окна», когда в одно и то же время, в одном и том же месте можно купить квартиру, постельное бельё, бытовую технику, одежду, автомобиль, путёвку для свадебного путешествия и арендовать помещение для свадебных гуляний. Молодые китайцы называют такую услугу — «свадебный супермаркет». Компании, занимающиеся такого рода бизнесом, постоянно проводят рекламные акции, выставляя на оживлённых улицах города своеобразные шатры-палатки, на стенах которых развешиваются профессиональные фотографии счастливых молодожёнов. Согласно последним исследованиям молодёжь готова потратить от 30 до 35% своих сбережений на проведение свадьбы.

Фирмы, занимающиеся организацией свадьбы, составляют детальный план предстоящих торжеств, продумывая всю церемонию от начала до конца. Так, например, за два месяца до свадьбы жениху могут предложить купить невесте первый большой подарок, а также определить место и время церемонии; за месяц до свадьбы — молодые должны составить список приглашённых, а невеста должна подобрать себе платье и определить место для переодевания. Кроме того, фирма составляет полную смету предстоящих расходов, выбирает наиболее благоприятный с точки зрения астрологии день для свадьбы. На любом сайте, посвящённом бракосочетанию, можно найти календарь благоприятных дней. Не менее интересен расчёт дня овуляции как эффективный способ предохранения от нежелательной беременности, а также график совместимости по знаку зодиака. Всё это продумывает, предлагает заказчикам и организует фирма.

Говоря о тенденциях последних лет, нельзя не сказать, что всё больше китайнок впервые вступает в брак в возрасте от 28 лет и выше. Дело в том, что они считают невозможным связывать себя семейными узами прежде, чем твёрдо встанут на ноги, обзаведутся хорошей работой и квартирой. Часто, достигнув определённого возраста, одинокие китайцы встают перед дилеммой: где искать спутника жизни? Здесь им на помощь приходят либо профессиональные свахи, либо родители. Например, в центре Шанхая, на Народной площади каждое воскресенье можно увидеть занятую картину: кусты и ветви деревьев увешены анкетами и фотографиями молодых китайцев и китайнок, а между ними бродят пожилые китайцы, тщательно изучающие предложенную информацию. Таким образом, родители молодых неженатых китайцев подбирают пару для своих детей исходя из их физических параметров и финансового положения.

Изменилось и отношение к детям. Раньше ребёнок был интересен во многом как часть «традиции»: он (конечно же, сын) будет заботиться о престарелых родителях, принести жертвы перед алтарём с именами предков. Теперь, ввиду того, что имеется только единственная возможность стать родителем (политика однодетной семьи), ребёнок стал восприниматься как радость и удовольствие. Молодые китайцы хотят не упустить ни одной минуты материнства и отцовства, и этому не должны мешать финансовые вопросы. Именно поэтому ребёнок — это та роскошь, которую могут позволить себе только те китайцы, которые уже сделали успешную карьеру.

Помимо соединения двух любящих сердец свадьбы нередко соединяют страны. В последнее время растёт число брачных союзов, заключаемых между русскими и китайцами. Надо отметить, что чаще всего именно русские девушки связывают свою жизнь с китайскими мужчинами, русские мужчины женятся на китайках значительно реже. Такое положение дел уже приобретает оттенок традиции. Во время эмиграции, спровоцированной революцией в России, русские мужчины, оказавшись вдали от Родины, предпочитали оставаться в одиночестве, нежели связывать свою жизнь с китайками, а вот русские женщины придерживались иных принципов, хотя обычно стремились скрыть свой брак с китайцем от чужих глаз.

Подводя итог, можно сказать, что свадьба, несмотря на все многовековые изменения, остаётся важнейшим событием в жизни человека. Люди связывают с ней надежды на радость и личное счастье, надеются обрести душевный покой. Впрочем, как и любой другой поступок, который нами совершается, он требует не только чувства и желания, но и взвешенного подхода.

С. К. Бийбосунова

г. Бишкек (Киргизская Республика), Международный университет Кыргызской Республики

Балансовая модель анализа женской занятости в Кыргызской Республике

Рассматривая рынок труда Кыргызстана как отдельную экономическую систему, можно применить известную теорию МОБ и построить балансовые модели, которые описывают состояние в сфере занятости. Приведем сначала принципиальную схему межотраслевого баланса применительно к рынку труда, в частности к его женскому сегменту.

Во-первых, определить количество трудоспособного или экономически активного женского населения при заданных уровнях женской занятости по отраслям и женской безработицы по регионам за исключением внешней миграции женской рабочей силы.

Во-вторых, можно проанализировать процессы трудовой миграции из страны, в частности, женской. В-третьих, проводить проверку данных по численности трудоспособного женского населения, внешней трудовой миграции, численности занятых женщин во всех отраслях и зарегистрированных безработных женщин. В-четвертых, путем численных расчетов и методом сравнения оценить и определить величину скрытой женской безработицы, которая, как известно, определяется с большими погрешностями.

А.В. Моцук

г. Брест (Республика Беларусь), Брестский государственный технический университет

Женщины в социально-экономической жизни Брестского региона

Мониторинг социально-экономической активности женского населения Брестского района проводился в рамках научного проекта «Спадарыня Прибужзя».

Целью мониторинга являлось определение степени готовности женского населения брестского региона к проявлению активной социально-экономической позиции.

При проведении исследования было опрошено 159 респондентов женского пола. Опросный лист состоял из 13 вопросов, метод мониторинга — анкетирование. На отдельные вопросы было предусмотрено несколько вариантов ответа. Обработка данных осуществлена в программах MS Excel и методом линейной статистики.

Социальный паспорт респондентов. Первый блок анкеты был нацелен на создание так называемого социального паспорта респондентов и позволял, в определённой степени, выяснить ценностную шкалу анкетироваемых.

Среди опрошенных респондентов подавляющее большинство составили женщины, закончившие высшие учебные заведения: 78 человек или 49% от общей совокупности опрошенных и выпускницы средних специальных учебных заведений — 56 человек и 35% соответственно. Остальные категории респондентов представлены меньшим количеством опрошенных.

По возрастным категориям наиболее массовой группой респондентов оказались женщины в возрастном коридоре от 31 года до 44 лет, которые составили 43% от общего числа опрошенных или 68 человек. Также массово были представлены возрастные категории от 23 до 30 лет — 22% или 35 человек и от 45 лет и старше — 32% или 51 человек соответственно.

По своему социальному положению 82% опрошенных являлись рабочими (37%) и служащими (45%). От 1% до 6% респондентов представляют такие социальные категории как инженерно-технические работники, предприниматели, студенты, безработные, пенсионеры и др.

119 человек или 76% опрошенных женщин на момент мониторинга находились замужем, 23 женщины или 15% не были связаны узами брака, 14 респондентов или 9% находились в состоянии развода. При этом 83% опрошенных или 131 человек имели одного и более детей. Многодетные мамы, имеющие трёх и более детей, составляли только 18% от общего числа респондентов.

Не удивительно, что в данных условиях в шкале ценностных жизненных приоритетов семья и здоровье занимают лидирующие позиции — 86% и 87% респондентов соответственно выбрали их в качестве первого или второго доминанта. Работа, деньги, карьера и самореализация значительно уступают первым двум ценностным ориентирам. Выборность их респондентами колеблется в коридоре от 62% до 56%. Такая категория как развлечения отмечена в шкале ценностей только 33% опрошенных, причём в шкале приоритетов она поставлена на первое место только у трёх респондентов.

Второй блок вопросов анкеты касался проблем занятости и трудоустройства. На учёте в Центре занятости Брестского района состоит только 8 респондентов, что составляет 5% от их общего числа. При этом ни один из них не ответил на вопрос о сроках нахождения на учёте. Интересен и тот факт, что только один, из состоящих на учёте в Центре, официально является безработным, один — представитель рабочей профессии и 6 — служащих.

В образовательном плане 7 респондентов, состоящих на учёте, имеют высшее образование, 1 — среднее специальное. В возрастном плане по 2 респондента относятся к категориям от 23 до 30 лет и от 45 лет и выше, и 4 — к категории от 31 года до 44 лет. Примечателен тот факт, что только один из респондентов заявил о желании трудоустроится, либо сменить место работы. Только три из опрошенных женщин готовы пройти переобучение (2 в IT-сфере и 1 в области социальной работы и образования).

Из всей генерации респондентов желание сменить место работы высказали 59 человек, что составило 38% от общего числа опрошенных. При этом 58 опрошенных женщин на учёте в Центре занятости не состоят, а 25 человек или 42%, выбравших данный ответ, не изъявили желания пройти переобучение на другую специальность.

Можно отметить, что 27 респондентов или 46% от числа изъявивших желание сменить место работы относится к наиболее дееспособному возрасту от 31 года до 44 лет. В социальном плане 46%, ответивших положительно на данный вопрос, рабочие, 43% — служащие. Показательно, что радикально менять место работы готовы только 35% респондентов, настроенных на поиск новой работы, которые готовы открыть собственное дело. В тоже время 25 человек или 58% респондентов данной категории не готовы пройти переобучение, необходимые для смены места работы.

Основная масса респондентов, готовых пройти переподготовку для смены места работы, свои устремления связывают с приобретением специальности в сфере экономики.

В общей совокупности пройти процесс переподготовки готовы 60 человек, что составляет только 38% респондентов. При этом настораживает тот факт, что промышленность и строительство, т.е. реальный сектор экономики, готовы рассматривать как приоритетную сферу переподготовки только 5 респондентов или 3% от общей совокупности.

Следует обратить внимание, что в качестве основных сложностей при смене места работы отмечаются сложная ситуация на рынке труда — 54 человека или 29%, отсутствие соответствующей квалификации — 50 человек или 27%, неудовлетворительная заработная плата — 33 респондента или 17% опрошенных. При этом гендерные ограничения при приёме на работу как основной фактор, препятствующий в смене работы выбрали только 14 женщин, что составило 7% опрошенных.

Третий блок вопросов направлен на определение готовности женского населения Среднего Прибужья к занятию предпринимательством. На момент мониторинга как предпринимателя себя определили 2 респондента. Обращает на себя внимание, что

в качестве главной предпосылки к ведению своего дела материальное благополучие (или его обеспечение) выбрало 93 женщины, что составило 48% от общего числа респондентов.

Второй по значимости мотив к занятию предпринимательством респондентами определён как возможность реализации своей идеи: 42 опрошенные или 22% соответственно. Интересен тот факт, что чисто альтруистический мотив — приносить пользу обществу — выбрали 18 человек или 9% респондентов. Следует обратить внимание и на низкую оценку социального статуса предпринимателя. Его как побудительный мотив рассматривают только 10 женщин, что составляет 5% респондентов. При этом 60% от их числа имеют возраст до 30 лет и относятся к категории молодёжь.

В качестве основного препятствия, к подобного рода деятельности, подавляющим большинством респондентов выбрано отсутствие финансовых возможностей для старта: 103 опрошенные или 67% от общего числа. Второй по значимости категорией определен страх нестабильной экономической ситуации: 48 и 31% соответственно.

Выводы.

Таким образом, на основании анализа социологических данных, мы можем констатировать, что основные ценностные ориентации женского населения брестского региона лежат в сфере традиционных семейных ценностей. Основная масса респондентов ориентируется в своей жизненной позиции на семью, здоровье её членов и благополучие.

В тоже время это не мешает им заявлять о своей заинтересованности в ведении активной деятельности в социально-экономической сфере, о чём свидетельствует готовность около половины респондентов к смене места работы. Однако при этом отмечается ряд сложностей.

Во-первых, отсутствие понимания или желания прилагать усилия для прохождения образовательной переподготовки в сферах, востребованных на рынке на сегодняшний день. По-прежнему, основная масса респондентов связывает ведение бизнеса исключительно с необходимостью наличия знаний или квалификации в экономической сфере. В тоже время реальный сектор экономики в качестве приоритета переподготовки и дальнейшей деятельности не рассматривается.

IT-сфера, как достаточно специфическая область деятельности, требующая определённых навыков, выбирается, на наш взгляд, исключительно интуитивно, либо на основании информации о достаточно высоком материальном вознаграждении, характерном для данной сферы. Косвенно, побудительным мотив к выбору IT-специальностей, может выступать желание к увеличению свободного времени респондентов, т. к. данной деятельностью можно заниматься на дому.

Во-вторых, большинство женского населения региона не готовы радикально менять сферу приложения профессиональных навыков. Их готовность к переменам распространяется исключительно в рамках своей сферы деятельности. Причём главным мотивационным фактором при этом выступает размер заработной платы. Это косвенно подтверждается низкой заинтересованностью к переучиванию и выбором материального благосостояния как высокого побудительного мотива к переменам. При этом наибольшей мобильностью и готовностью к радикальной смене профессиональной сферы обладает молодёжь.

В-третьих, серьёзным тормозящим фактором развития женской активности, на наш взгляд, являются тревожные ожидания в вопросах экономической динамики в стране в целом и в регионе в частности. Это нашло своё отражение и в оценке

нестабильной ситуации, как на рынке труда, так и в экономике, а также и в отсутствии стартового капитала для начала ведения бизнеса.

Необходимо акцентировать внимание и на то, что значительная доля респондентов дистанцируется от государственной поддержки при решении вопросов трудоустройства, ярким примером чего может служить нежелание регистрироваться в Центре занятости, или проходить переподготовку в рамках иных государственных образовательных структур.

Т. И. Зайцева

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Женщина и город в современной медиевистике (по материалам заголовков научных публикаций)

Урбанистические исследования являются одним из наиболее популярных направлений в медиевистике, особенно в рамках таких инновационных школ, как «новая социальная история» и историческая антропология. История женщин или гендерная история, оказавшаяся весьма чувствительной к разрабатываемым медиевистами подходам и направлениям, наряду с другими научными темами восприняла также интерес к «новой» истории города.

Цель доклада — обозначить основные проблемы гендерных исследований городской истории Германии и Франции эпохи Средневековья. Материалом для анализа стали заголовки публикаций российских, немецких и французских ученых второй половины 1980-х — 2000-х годов, посвященные средним векам и рубежу раннего Нового времени (X — первая половина XVI в.)

Выбор материала обусловлен тем, что заголовки научных публикаций, раскрывая основное содержание текста и углубляя понимание содержащихся в нем идей, содержат важную информацию о системе ценностей и подходах ученых. Критерием отбора стало наличие в заголовках слов или словосочетаний, указывающих, во-первых, на эпоху; во-вторых, на городское пространство или связанные с городом социальные феномены; наконец, в-третьих, на женщин, гендер, специфическую проблематику гендерных исследований, институт семьи.

В большей мере в докладе представлена отечественная историография. Так, средневековые горожанки и женщины в средневековом городе фигурируют в заголовках статей Н. А. Пушкаревой [9] и Л. П. Репиной [10]. Т. Б. Рябова в названии одного из разделов своей монографии «Женщина в истории европейского средневековья» пишет о природе женщины в бюргерской традиции [12].

О. И. Тогоева в числе многочисленных публикаций о Жанне Д'Арк по крайней мере дважды обращается к городскому пространству: в первом случае в заголовке фигурируют блудница и город, во втором — девственница на защите города [13–14]. В названии статьи Е. Ю. Акимовой обозначена официальная церемония въезда французской королевы в столицу глазами парижан [1].

К проблематике женской истории отсылают приводимые в заголовках названия источников — «О Граде Женском» Кристины Пизанской и «Le M nagier de Paris» («Парижский домострой») анонимного автора. В частности, Е. Ю. Елизарова пишет о феминистских идеях и образе героической вдовы в сочинении Кристины Пизанской

[2, 4] и о религиозно-нравственном просвещении женщины в представлении автора «Парижского домостроя» [3, 20].

Ю.Ю. Изотова и В.А. Филимонов на основе трактата «Le Managier de Paris» анализируют роль библейских образов в формировании гендерных стереотипов французской литературы и общества Средневековья [5]; М.В. Кузьмина — гендерные представления его автора [7].

По мнению исследователей, книга Кристины Пизанской о мифическом городе женщин содержит раннефеминистские идеи; «Парижский домострой» отсылает к проблемам семейных взаимоотношений в средневековом городе. Обращение авторов к институту городской семьи является косвенным индикатором интереса к гендерной проблематике. Не случайно, в отечественной историографии средних веков именно с изучением истории семьи, исторической демографии в целом связаны первые шаги «истории женщин».

Название статьи А.Л. Ястребицкой непосредственно касается семьи в средневековом городе [18]. В заголовках посвященных трактату «Le Managier de Paris» публикаций М.В. Кузьминой идет речь о модели «добротного мира» в семье [6] и образе короля в формировании идеала семейных отношений [8]. В заголовке статьи Н.В. Хребтовой затрагивается проблема насилия в бюргерской семье начала XVI века [15].

Косвенными индикаторами также могут служить указания на специфически городскую деятельность, как в названии раздела монографии Т.Б. Рябовой — «Женское ремесло и средневековый цех» [11]. Другим вариантом является упоминание в заголовках традиционных источников по истории города — в частности шванков нюрнбергского поэта XVI века Ганса Сакса. В качестве примера можно назвать написанные на их материалах статьи Н.Н. Шевляковой о философии супружеской жизни [17] или Н.В. Хребтовой о роли женщины в экономической жизни общества эпохи раннего капитализма [16].

В известной монографии немецкой ученой Э. Эннен «Женщины в средние века» городу посвящены параграфы «Значение городских жизненных форм и развитие семейного и наследственного права для женщин» и «Женщина в средневековом городском обществе» [21–22]. Значительную роль для гендерных исследований урбанистической проблематики сыграла приобретающая широкую популярность в России монография Е. Уитц под общим заголовком «Женщина в средневековом городе» [34]. Еще одна крупная немецкая ученая, Х. Вундер в названиях своих статей поставила вопрос о генезисе городской женственности в свете анализа набожности, характерной для XV–XVII вв.; а также о благочестии и возможностях жительниц Франкфурта в поздние средние века и раннее Новое время [35–36].

Рассмотрение гендерных сюжетов на границе двух эпох, в свете перехода от средневековой цивилизации к последующему этапу исторического развития вообще характерно для историографии Германии. Так, в данном курсе сформулировано название сборника о женщинах в сословном обществе, их жизни и работе в городе в период с позднего Средневековья до Нового времени [23]. Д. Хаке в заголовке своей статьи сопоставляет пространства города и двора на основе «воинственного диалога полов» в европейской публицистике XV–XVIII вв. [24]

Дискурсы о женщинах в имеющихся городское происхождение текстах XVI в. стали объектами заголовков статей Е.В. Нивре «Женщина в тексте: проекция желания или опасное существо. Два страсбургских печатных издания XVI в.» [31] и Б. Ступлих ««Беспорядочная любовь» в творчестве Ганса Сакса» [33].

Начало XVI столетия нередко рассматривается в рамках изучения раннего Нового времени — как в заголовке статьи Л. М. Колдау «“Когда слушаешь песни молодой Meidle” — бюргерские женщины в немецкой музыкальной жизни раннего Нового времени» из сборника «Женщины и музыка в Европе XVI века» [25]. Название одного из городов Германии фигурирует в имени известной составительницы песен рубежа XVI в. в заголовках статей Колдау «Женские культурные пространства — женская духовность? Песни *Devotio moderna* и песенники Анны Кельнской» и «Анна Кельнская» [26–27].

Косвенным образом (по названию источников) об обращении к городской проблематике свидетельствуют заголовки статей французских историков Ж. Дюфурне «Отношения мужчин и женщин в фабрико: двойной дискурс» [19] и Ж.-М. Пастр «Матримониальное право и естественный закон в немецких фабрико» [32]. Наконец, в монографии М. Лазар «Улицы женщин. Женщины и Ренессанс» выделены параграфы «Горожанки в просвещенных кругах», «Женщина — оплачиваемая ремесленница» и «Женщина — независимая ремесленница» [28–30].

Подведем итоги. Судя по материалам привлеченных заголовков, в круг проблем гендерных исследований городской истории Германии и Франции эпохи Средневековья входят дискурсы о женщинах. Предметом анализа нередко становятся посвященные взаимоотношениям полов литературные источники городского происхождения, по мнению ученых содержащие проекцию мужских желаний, представления о природе женщины и исходящей от нее опасности, «воинственный диалог» полов.

В социальном плане сопоставляются гендерная ситуация в городском пространстве и при дворе, отмечается роль образа короля для формирования взаимоотношений полов в городе; место в жизни горожан церемоний, связанных с фигурой королевы. Объектами исследования становятся средневековые горожанки, женщины в средневековом городе, в городском сословном обществе, значение для женщин городских жизненных форм. Рассматривается институт городской семьи, философия супружеской жизни, идеал добрых семейных отношений, «домострой»; отношение женщины-горожанки к семейной собственности и ее передаче.

Достаточно важной темой является женщина и ее трудовая деятельность — в рамках ремесла и цеха, экономической жизни средневекового города в целом. Кроме того, можно назвать в качестве сюжетов проблему сохранения моральных норм и устоев — противостояние блудницы и города, охранительная роль девственницы, беспорядочная любовь; набожность и благочестие жительниц города, городские женские монастыри; наконец, участие бюргерской женщины в музыкальной жизни эпохи Средневековья.

Литература

1. Акимова Е. Ю. *Восприятие горожанами королевской власти: торжественный въезд Изабеллы Баварской в Париж (по хронике Фруассара)*. // *Средневековый город. Вып. 18. Саратов, 2007. С. 71–85.*

2. Елизарова Е. Ю. *Образ героической вдовы в «Книге о Граде Женском» Кристины Пизанской*. // *Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 40–41.*

3. Елизарова Е. Ю. *Религиозно-нравственное просвещение женщины в представлении анонимного автора «Парижского домостроя» (1394)*. // *Россия и Франция. Тема Города в литературе, истории и культуре. СПб., 2002. С. 24–25.*

4. Елизарова Е. Ю. *Феминистские идеи Кристины Пизанской в «Книге о Граде Женском»*. // *Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8. Вып. 2. Сыктывкар, 1997. С. 11–21.*

5. Изотова Ю. Ю., Филимонов В. А. Роль библейских образов в формировании гендерных стереотипов во французской средневековой литературе и обществе (по трактату «Парижский домострой»). // *Гендерная теория и историческое знание*. Сыктывкар, 2005. С. 206–208.

6. Кузьмина М. В. «Добрый мир» в семейных отношениях во Франции по трактату конца XIV в. «*Le Ménagier de Paris*». // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 23. М., 2008. С. 59–67.

7. Кузьмина М. В. Гендерные представления автора «*Le Ménagier de Paris*» (Франция, XIV в.). // *Материалы VII и VIII всероссийских научных конференций «Чтения памяти профессора В. Ф. Семенова» («Семеновские чтения»)*. М., 2012. С. 112–115.

8. Кузьмина М. В. Образ короля в формировании идеала семейных отношений автора «*Le Ménagier de Paris*» (Франция, XIV в.). // *Многоликость целого: Из истории цивилизаций Нового и Старого Света*. М., 2011. С. 449–460.

9. Пушкарева Н. Л. Какими они были, средневековые горожанки? // *Средние века*. Вып. 51. М., 1988. С. 243–245.

10. Репина Л. П. Женщины в средневековом городе. // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1. М., 1999. С. 207–213.

11. Рябова Т. Б. Женское ремесло и средневековый цех. // *Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья*. Иваново, 1999. С. 93–107.

12. Рябова Т. Б. Природа женщины в бюргерской традиции. // *Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья*. Иваново, 1999. С. 23–25.

13. Тогоева О. И. Блудница и город. Казус Жанны д'Арк. // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. Вып. 6. М., 2005. С. 237–271.

14. Тогоева О. И. Жанна д'Арк, Афина Паллада и Дева Мария: Девственница на защите города. // *Именослов. История языка, история культуры*. М., 2010. С. 110–139.

15. Хребтова Н. В. Насилие в бюргерской семье XVI века (на основе анализа иванков Ганса Сакса). // *Медиевистика XXI в. Вып. IV: Власть, социальные связи, насилие в период перехода от Средневековья к Новому времени*. Кемерово, 2009. С. 53–59.

16. Хребтова Н. В. Роль женщины в экономической жизни общества эпохи раннего капитализма на материале «Декамерона» Боккаччо и иванков Ганса Сакса. // *Третьи исторические чтения ТГПУ*. Томск, 2011. С. 332–335.

17. Шевлякова Н. Н. Философия супружеской жизни по Гансу Саксу (На материале иванкового творчества поэта). // *Художественно-историческая интеграция литературного процесса*. Майкоп, 2003. С. 90–93.

18. Ястребицкая А. Л. Семья в средневековом городе. // *Вопросы истории*. 1985. № 8. С. 68–81.

19. Dufournet J. Les relations de l'homme et de la femme dans les fabliaux: un double discours. // *Femmes. Mariages — lignages, XII-e — XIV-e siècles. Melanges offerts a Georges Duby* — 1992. Bruxelles; P., 1992. P. 103–123.

20. Élizarova É. You. L'éducation religieuse et morale de la femme dans Le Mesnagier de Paris. // *Le Porche: Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc — Charles Péguy*. (France, Russie, Pologne, Finlande). 2003. № 12. P. 84–85.

21. Ennen E. Die Bedeutung der städtischen Lebensform und der Entwicklung des Familien- und Erbrechts für die Frau. // *Ennen E. Frauen im Mittelalter*. München, 1985. S. 92–112.

22. Ennen E. Die Frau in der mittelalterlichen Stadtgesellschaft. // *Ennen E. Frauen im Mittelalter...* S. 143–195.

23. *Frauen in der Ständegesellschaft: Leben und Arbeiten in der Stadt vom späten Mittelalter bis zur Neuzeit*. Hamburg, 1991.

24. Hacke D. Stadt, Hof und Schrift: Vom «streitbaren Dialog» der Geschlechter im Europa des 15.-18. Jahrhunderts. // *Frauen in Europa. Mythos und Realität*. Munster, 2005. S. 398–423.

25. Koldau L. M. «Als hört man junge Meidle singen» — Bürgerliche Frauen im deutschen Musikleben

der Frühen Neuzeit.//*Frauen und Musik im Europa des 16. Jahrhunderts: Infrastrukturen — Aktivitäten — Motivationen*. Kassel, 2005. S. 155–170.

26. Koldau L. M. *Anna von Köln*.//*Lexikon Musik und Gender*. Kassel, 2010. S. 54.

27. Koldau L. M. *Weibliche Kulturräume — «weibliche Spiritualität»? Das Liedgut der Devotio moderna und das Liederbuch der Anna von Köln*.//*Das Erzbistum Köln in der Musikgeschichte des 15. und 16. Jahrhunderts*. Kassel, 2009. S. 171–189.

28. Lazard M. *Bourgeoises dans les milieux lettrés*.//Lazard M. *Les avenues de Femynie ...*P. 129–133.

29. Lazard M. *La femme, artisane indépendante*.//Lazard M. *Les avenues de Femynie ...*P. 125–127.

30. Lazard M. *La femme, artisane payée*.//Lazard M. *Les avenues de Femynie. Les femmes et la Renaissance*. P., 2001. P. 123–125.

31. Nivre E. W. *Die Frau im Text. Wunschprojektion oder gefährliche Kreatur? Zwei Straßburger Drucke aus dem 16. Jahrhundert*.//*Frauen in Europa. Mythos und Realität*. Munster, 2005. S. 76–94.

32. Pastre J.-M. *Droit matrimonial et loi naturelle dans les fabliaux allemands*.//*Le droit et sa perception dans la littérature et les mentalités médiévales*. Goppingen, 1993. P. 145–153.

33. Stuplich B. *Die «unordentlich lieb» im Werk des Hans Sachs*.//«... wir wollen der Liebe Raum geben». *Konkubinate geistlicher und weltlicher Fürsten um 1500*. Göttingen, 2006. S. 111–126.

34. Uitz E. *Die Frau in der mittelalterlichen Stadt*. Stuttgart, 1988.

35. Wunder H. *Von der «frümkeit» zur «Frömmigkeit». Ein Beitrag zur Genese bürgerlicher Weiblichkeit (15.–17. Jahrhundert)*.//*Weiblichkeit in geschichtlicher Perspektive*. F/M., 1988. S. 174–188.

36. Wunder H. *Von Vermögen und Frömmigkeit Frankfurter Bürgerinnen im Spätmittelalter und in der Frühen Neuzeit*.//*Hessische Landeszentrale für Politische Bildung*. F/M., 1995. S. 57–76.

РАЗДЕЛ 17. МИГРАНТЫ И МИГРАНТКИ. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ АККУЛЬТУРАЦИИ И АДАПТАЦИИ «ПРИШЛЫХ» В ГОРОДЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

В. И. Колесов

г. Краснодар, независимый исследователь

Метрические книги как источник изучения истории женщин полиэтничного позднеимперского города (на примере Екатеринодара)

Женские истории или истории женщин позднеимперского российского города, особенно города провинциального, весьма сложны для исследовательской перспективы, что обусловлено ограниченной источниковой базой, раскрывающей «голоса» женщин. Официальная документация акцентируется на сторонах городской жизни, оказывающихся локусами мужской доминантности: муниципальное самоуправление, деятельность ремесленников, купцов, позднее — рабочего класса, врачей, учителей и т. д. Исследователь оказывается в затруднении, зачастую опираясь только на эго-документы (мемуары, воспоминания, дневники, письма), более характерные для жителей столичных (или крупных) городов. Провинциальные города, даже центры административных единиц империи, редко дают такую возможность историку женских тем. Например, неизвестны досоветские женские мемуары (дневники, воспоминания) жительниц Екатеринодара (ныне — Краснодар). Большинство женского населения провинциального города находилось в частной (семейной) сфере, редко попадающей на страницы документов. В этой связи чрезвычайно актуальными представляются метрические книги, оформлявшиеся в религиозных общинах.

Нами анализируется совокупность метрических книг церквей (общин) Екатеринодара, основанного в 1793 г., и бывшего центром территории Черноморского казачьего войска вплоть до 1860 г., когда он стал столицей новообразованной Кубанской области. Специфика развития городского поселения из войскового града в гражданский (с 1867 г.) обусловила трансформацию состава населения. Лица войскового (казачьего) сословия покинули город или перешли в мещане. Новое городское положение открыло путь миграционным потокам, существенно изменившим количественный и качественный состав населения Екатеринодара, ставшего полиэтничным центром Северо-Западного Кавказа. Ситуация отразилась в создании метрических книг различных конфессий: помимо православных церквей (в т. ч., Благовещенской Греческой Эллинского благотворительного общества) — Успенской армянской церкви, Александровской немецкой (лютеранской), римско-католической, баптистской и еврейской синагоги.

Анализ метрических книг [ГАКК.Ф. 801. 411 дел] позволяет приоткрыть «белые пятна» различных аспектов жизни женщин Екатеринодара. Записи родившихся, брачующихся и умерших — источники о этнодемографической ситуации, семейно-брачных отношениях, миграционных процессах, религиозных конверсиях и т. д. Фиксации в записях статуса индивидуума (подданство, возраст, конфессия, сословие, этничность) — фокус исследовательского анализа. В рубрике «О родившихся» мате-

ри обозначались через их мужей, только в случае иной религиозной принадлежности женщины проявлялась специфика: например, отец ребенка — пятигорский мещанин Димитрий Хрисанфович Иловайский (прав.), мать — Ефросиния Христофоровна (арм.-григ). Маркировался статус женщины-восприемницы (крестной) — дочь купца Мария Павловна Серебрякова, греческо-подданная Александра Павловна Хейимова. В эту рубрику попадали менявшие конфессию, «просвещенные крещением» или «миропомазанием» и тогда женщину описывали подробнее: «дочь Екатеринославского мещанина Гинда Вульфова Смынова». При вступлении в брак девушка, выступала равным партнером мужчины и описывалась полно: «Полтавской губ., Роменского уезда, Вера Евстафиевна Злая, прав., девица, 23 лет». В разделе «О умерших» наблюдалось маскулинное доминирование — описание через мужа или отца: «Екатеринодарского купца Иосифа Ивановича Дицмана жена Екатерина Ивановна» или «Тифлисского личного почетного гражданина Кириака Авраамовича Кириакова дочь Екатерина».

Откуда приезжали женщины? Заселяемый гражданский город, привлекал широкие массы переселенцев, как из Российской империи, так и из-за ее пределов. Внутророссийская миграция очерчивалась границами губерний: Киевской, Полтавской, Екатеринославской, Виленской, Минской, Курской, Орловской, Харьковской, Эстляндской, Рязанской, Таврической и др.

Из заграницы приезжали турецко-подданные, реже греческо-подданные и жительницы Центр. и Вост. Европы. Напр., крестной матерью стала «дочь Греческо-подданного Ефросиния Николаевна Серафиди»; «дочь Турецко-подданного Афина Димитриевна Феофраниди, прав., 21 год» венчалась с «Турецко-подданным Леонидом Георгиевичем Кандили, прав., холост, 30 лет»; «Прусско-подданная Клара Густовна Вихман, лютеранского исповедания, 27 лет» вышла замуж за майкопского мещанина Константина Никитича Чертенко, православного, холостого», а «дочь Австрийско-подданного Роза Иосифовна Матющко, католичка, девица, 15 лет и 8,5 мес.» за «Курской губернии и уезда Старооскола мещанина Матфея Михайловича Сергеева, прав., холост., 26 лет».

Какова религиозная принадлежность горожанок? Как уже указывалось регистрируемые в актах крещения, венчания и отпевания женщины принадлежали к различным направлениям христианства — православию, католицизму, армянской церкви, протестантизму (лютеранству, баптизму, евангелизму), а также иудаизму. По законам империи, если один из брачующихся (или родителей) православный, то церемония должна быть в православном храме, а ребенок — крещен по православному обряду. Поэтому источником выявления иноконфессиональной принадлежности женщин могут быть метрические записи православных церквей. Примером таких фактов могут служить книги главного храма Екатеринодара — собора Александра Невского. Приведем лишь несколько случаев. 3.04. 1890 г. крещена София, дочь отставного унтер-офицера Станислава Казимировича Лесневского, католика и его законной жены Марии Стефановны, православной. В ноябре 1894 г. бракосочетались екатеринодарский купец Василий Ильич Яновский, православный вдовец, 40 лет и прусско-подданная девица Бронислава Вильгельмовна Лир, католичка, 25 лет.

Чем занимались женщины или какого они были сословия? В своем большинстве новые горожанки были мещанками, главным слоем муниципального сообщества. Причем, не только Екатеринодара, но и приписавшимися к городу (или проживающими) мещанками других городов империи: Пятигорска, Нахичевани-на-Дону, Ставрополя, Бахмута, Подольска, Карасубазара; и т.д. Встречались предстательницы женского пола дворянского, купеческого, крестьянского сословий, ремесленничества, «разно-

чинцы», опять не только екатеринодарские, но и других населенных пунктов России. Особой городской категорией были потомственные почетные граждане. Интересные случаи нарушения сословных границ, отразились в церковных обрядах. Так, дочь Екатеринодарского купца Мария Поликарповна Губкина, прав. девица, 17 лет 26.06. 1890 г. венчалась с датско-подданным Францем Йозефом Карловичем Нейгаузом, холостым лютеранином, 33 лет. Из наиболее интересных профессий и должностей екатеринодарских спутников прекрасной половины человечества можно упомянуть: отставной канонир, частный землемер, придворный артист, кандидат прав.

Когда выходили замуж? Брачный возраст девиц, судя по метрическим книгам, варьировался от 15 до 30 лет. Если же женщина, чаще всего, вдова выходила второй раз замуж, то ее возраст был выше. Определение женщины через статус вдовы обязывало указывать положение покойного мужа, что позволяет выявить интересные случаи жизненных коллизий. Так, 17.01. 1890 г. бракосочеталась вдова полковника, бывшего начальника Кутаисского жандармского управления, Вильгельмина Ивановна Белоцерковская, лютеранка, 32 лет с холостым подпоручиком 4-го Кавказского резервного кадрового батальона Александром Андреевичем Зайцевым, 26 лет

Нами продемонстрированы лишь несколько аспектов городской жизни женщин, которые можно было бы продолжить анализом продолжительности жизни, причин смертности, сетевых отношений между городскими слоями населения, специфики этнических общин города и т.д. Подытоживая, хотелось отметить важность метрических книг как источника по гендерной структуре как урбанизированного, так и любого сельского общества.

Ерохина О.В.

г. Москва, Московский педагогический государственный университет

Вклад «пришлого населения» в формирование городской культуры станицы Урюпинской Донской области во второй половине XIX — начале XX в.

К началу XX в. Войско Донское состояло из 9 округов: 1-го Донского, 2-го Донского, Донецкого, Усть-Медведицкого, Хопёрского, Черкасского, Ростовского, Сальского и Таганрогского. Станица Урюпинская была центром Хопёрского округа. Это было провинциальное захудалое место, как и многие станицы Донской области.

Культурная жизнь станицы оживилась с переводом сюда в 1858 г. окружных органов власти, в которых работали образованные люди — чиновники, офицеры, преподаватели. В здании гостиницы на ярмарочной площади стали ставить любительские спектакли представители местной интеллигенции, посвященные Ермаку, Булавину, Разину. В результате в конце 1870 г. будет создано Общество любителей сценического искусства [5, с. 85]. Примечательно то, что впервые, вопреки традициям женские роли играли женщины [12, с. 153].

В начале XX в. по инициативе супружеской пары Гайдуковых И.Е. и В.Г. была сформирована постоянная труппа любительского театра, в которую вошли мужчины и женщины, не имевшие специального образования. Следует отметить, что этот театр со временем превратился в профессиональный и в 1960-е гг. был переведен из г. Урюпинска в г. Камышин. Цена билета варьировалась от 4 руб. до 25 руб. 20 коп. [11, л. 11—11 об]

В 1861 г. в станице появится первая публичная библиотека. Желающие могли воспользоваться книгами окружного училища за плату от 3 до 5 руб. в год [5, с. 85].

В конце 1860-х годов в станицах Дона стали открывать фотографические салоны [4, с. 134]. В станице Урюпинской первое фотоателье в 1868 г. открыл отставной рядовой А. М. Эрефман. Его ателье обслуживало весь Хоперский округ «во время Уроженских ярмарок», а в последствие он получил разрешение заниматься фотографией и в Усть-Медведицком округе [3, л. 2]. Позже крестьянин-собственник П. Волков открывает фотоателье на постоянной основе, а также будут открыты фотостудии А. Эрмана, В. П. Артемьева, Л. Э. Непперга [4, с. 134].

В 1879 г. П. Т. Волков откроет типографию и попытается получить разрешение на издание газеты «Фонарь». Однако власти на это не согласятся, и он будет заниматься печатанием документов, объявлением, афиш и т. д.

В июне 1883 г. жена губернского секретаря Е. М. Ефаева откроет в станице Урюпинской первую книжную лавку. Ассортимент книг был разнообразным: от дешевой народной до серьезной литературы, включая иностранные издания. При магазине имелся платный кабинет для чтения [5, с. 85]. Позже доступным для населения станет книжный склад Хоперского отделения Донского епархиального училищного совета [8, с. 351].

Спрос на книги был довольно высоким и поэтому в 1893 г. при Христорожественской церковно-приходской школе откроется библиотека с читальней. В определенные дни недели библиотека была открыта для всех желающих. Книги выдавались бесплатно. К 1911 г. она будет располагать хорошим подбором богословских и исторических книг, сочинений русских писателей в количестве 650 изданий. Кроме того, имелась отличная школьная библиотека из книг специальной детской литературы и разнообразных учебно-воспитательных пособий в количестве 1120 наименований [3, л. 48].

При церковно-приходской школе организовали чтения для народа, которые охотно посещались в осеннее и зимнее время. Чтения по истории православной церкви организовывал священник И. Макаровский, а на элементарно-научную тематику по географии и истории учителя местного окружного училища М. А. Печковский и А. А. Подшивалов [6, с. 261]. Чтения проводились 1–2 раза в месяц и обычно сопровождалась световыми картинами, воспроизводимых при помощи светового фонаря, и пением хора [10, с. 342].

Урюпинские предприниматели принимали деятельное участие в развитии образования. В 1886 г. купец В. И. Серпуховитин истратил 5263 руб. на строительство Христорожественской церковно-приходской школы. В реальном училище сотником Дятловым будет учреждена одна стипендия для бедного ученика в размере 38 руб. Женская гимназия получит пожертвования в размере 4638 руб. 31 коп., собранные казаками 42 Донского полка, и в ней же будет учреждено 5 стипендий от разных жертвователей. В июне 1898 г. на строительство Вознесенской церковно-приходской школы купец И. И. Зазулин пожертвовал 15000 кирпичей, вдова статского советника К. Н. Житенева 1000 руб., сотник С. И. Хомаев — 300 руб. [2, л. 23 об]

К 1914 г. усилиями духовенства и зажиточного казачества в станице действовали учебные заведения для мальчиков и девочек: мужская и женская гимназия, реальное училище, городское начальное училище, женские двухклассное и четырехклассное училища, военно-ремесленная школа, три церковно-приходские школы.

В начале XX в. был разбит городской сквер с дорожками и скамейками. Вечера стали проводить не только в Дворянском собрании, но и Коммерческом, а также в клубе

приказчиков. Для не очень состоятельной публики излюбленным местом отдыха стал клуб пожарной дружины, где имелись буфет и бильярд.

В начале 1910-х гг. в станице Урюпинской было открыто два кинотеатра — «Мираж» и «Художественный театр». Сеансы состояли из 3–4 отделений. Начинался показ видовой картиной или хроникой, продолжался драмой и заканчивался комедией. В антрактах публика гуляла по фойе, работал буфет и играл оркестр. Цена билета колебалась от 15 до 25 копеек. Ученический и детский стоили 7–10 копеек [5, с. 86].

Новые виды развлечения вызывали озабоченность со стороны православного духовенства: «усиливается пристрастие к зрелищам кинематографа... святой храм и молитва остаются в забвении» [1, л. 33–33 об]. Но именно появление многочисленных культурных и образовательных учреждений приведет к росту численности населения в станице в 5 раз. Если в 1868 г. насчитывалось 2287 человек (1131 мужчин и 1156 женщин) [7, с. 63], то к 1897 г. уже будет 11286 (5750 мужчин и 5536 женщин) [9, с. 1].

Литература

1. ГАВО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 33.
2. ГАВО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 34.
3. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1386.
4. Деркач А. Фотография в селах и станицах Дона в последней четверти XIX в. // *Известия Ростовского областного музея краеведения*. Вып. 5. 1988.
5. *История и природа Урюпинского края: Учебное пособие для средней школы*. Волгоград, 1998.
6. *Отчет Донского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Донской епархии за 1892–93 учебный год (продолжение)* // *Донские епархиальные ведомости*. 1894. № 13.
7. *Памятная книжка области войска Донского на 1868 год*. Новочеркасск, 1868.
8. *Памятная книжка области войска Донского на 1892-й год*. Новочеркасск, 1892.
9. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII*. Новочеркасск, 1905.
10. Протопопов П. свящ. 25-летний юбилей Урюпинской Христорожественской церковно-приходской школы (продолжение) // *Донские епархиальные ведомости*. 1911. № 11–12.
11. РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3088.
12. Тимофеев П. Т. *Хопер: история, быт, культура*. Калининград, 1998.

О. Р. Демидова

г. Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Русские женщины об эмигрантской повседневности

Любое сообщество, стремящееся сформировать и сохранить себя как некое культурно-антропологическое единство, осуществляет это стремление в рамках определенной аксиологической парадигмы, значимой для всего сообщества и в силу этого выступающей, во-первых, как необходимое основание единения, во-вторых, как способ разграничивания своих и чужих. В условиях эмиграции, представляющей собой жизнь среди чужих, значимость привычных ценностных установок существенно возрастает, поскольку утрата родины чревата как для сообщества, так и для составляющих его индивидов утратой себя прежних, а новое пространство и новые экзистенциальные обстоятельства настоятельно требуют обретения и утверждения, то есть, сбирания себя заново вокруг значимых ценностей: прежних, новых или, что более вероятно, их

взаимосочетания при ведущей роли тех или других в зависимости от стоящих перед диаспорой целей.

Для русской эмиграции первой волны, ощущавшей эмиграцию не только как способ спасти жизнь и/или возможность начать ее заново на новом месте, но и как культурную и духовную миссию, определяющими являлись унесенные с собой в изгнание ценности первого рода, оформившие/задавшие аксиологическое основание для диаспоры, державшееся на ряде ценностных инвариантов, основными из которых были «Россия», «свобода» и «память». Память об ушедшей в прошлое России хранилась в пространстве эмиграции, расцениваемом как пространство свободного духа, и передавалась последующим поколениям вместе с надеждой на возможное в будущем возвращение на освобожденную от зла большевизма родину. При этом Россия и свобода оказывались временно разделенными, и эвентуальная задача состояла в том, чтобы со временем их объединить, вернув России свободу и память, сохраненные и приумноженные в эмиграции.

Подобная установка обусловила, среди прочего, появление огромного пласта мемуарных текстов, ретроспективно воссоздающих атмосферу и мельчайшие детали доэмигрантской российской жизни и дореволюционной культуры, то есть, быта и бытия до катастрофы. Авторами значительного числа мемуаров были женщины, в своих текстах любовно описывавшие мельчайшие детали российской провинциальной, усадебной, столичной жизни с ее буднями, праздниками, традиционными развлечениями, многочисленными правилами и обязанностями, родственными, свойственными, дружескими и профессиональными связями и всем тем, что ассоциировалось в сознании с жизнью в России и закрепилось в памяти как ее неотъемлемые черты, метонимически складывавшиеся в «идею» России как страны неограниченных возможностей, невероятных контрастов, божественной красоты и чудовищного безобразия, рая и ада.

Очевидно, что Россия жила в сознании эмиграции и находила воплощение в мемуарном творчестве как идеальный образ, на индивидуальном уровне ассоциировавшийся с самым широким спектром явлений, однако общим для всех было представление об уникальности русской культуры и русского трагического опыта, приведшего к Исходу, обусловившее представление о неспоставимости русской эмиграции и русских эмигрантов с известными истории примерами подобного рода и о значимости русского опыта и русской «культурной прививки» для стран рассеяния.

Неудивительно, что наряду с образом России довольно скоро начал складываться образ эмиграции, формировавшийся в дополнявших друг друга публицистических, журналистских, художественных и мемуарных текстах, немалая часть которых также принадлежала женскому перу. Иными словами, авторы текстов выступали, как минимум, в трех ролях: хранителей, трансляторов и творителей совокупной памяти сообщества и — в немалой степени — создателей двуединого культурного мифа: о России и о русской эмиграции. Миф о России исходно формировался как действительность второго порядка, т.е., отраженная: материалом для него послужили вывезенные из России — сохраненные сознанием воспоминания о прежней жизни, в эмиграции буквально выплеснувшиеся на страницы многочисленных газет, журналов, книг.

Второй, эмигрантский, миф вырос из летописи эмиграции: он постепенно складывался в реальное время на уровне жизненной практики, получая отражение сначала в многочисленных очерках и художественных зарисовках эмигрантской жизни в периодической печати, затем, по прошествии времени, — в мемуарном творчестве об эмиграции.

Оба мифа основывались на определенных аскиологических установках, общих практически для всех авторов независимо от возраста, сословия, этнической и профессиональной принадлежности, профессии, при условии, что они причисляют себя к представительницам русской культуры, русского типа сознания и склада личности. Неизменно подчеркивается «русскость» как центральный системообразующий концепт, при этом «русскость» понимается не в этническом, а в культурно-антропологическом смысле. В самом общем виде эти установки сводятся к следующему:

1. русские эмигранты неизменно с любовью и благодарностью помнят о России, живут этой памятью и тоскуют по родине, переживая разлуку с Россией как неизживаемую травму насильственного разрыва;

2. русские неотделимы от России;

3. Россия не кончилась с завершением гражданской войны, и русские не теряют связи с родиной, физической или метафизической;

4. русские остаются русскими, даже те, кому удастся получить гражданство приютившей их страны, причем это относится как к самим русским, так и к коренному населению этой страны;

5. Европа не знает России и равнодушна/безразлична/враждебна к ней;

6. у русских особый двуединый тип сознания: прошлое и настоящее сосуществуют в нем на равных, эксплицируясь в зависимости от внешних обстоятельств;

7. русские эмигранты встречают посланные им испытания с неизменным достоинством и выходят из них с честью, не поступаясь ею ни при каких обстоятельствах; среди прочего, понятие чести и гордость становятся надежной защитой от искушений любого рода;

8. стойкость, терпение, готовность служить ближнему, верность, вера, надежда почитаются как высшие и при этом типично русские и типично эмигрантские добродетели.

Творя летопись эмиграции, перерастающую в миф, авторы, тем не менее, не идеализируют ни жизни диаспоры, ни своих персонажей. В очерках и рассказах Бакуниной, Берберовой, Городецкой, Одоевцевой, в воспоминаниях Даманской, Дон, Кугушевой, Рив, Шаховской, в многочисленных дневниках эмигрантский быт воссоздается во всей его неприглядности, необустроенности, депрессивности, во многих случаях — безнадежности, приводящей героев и героинь к нарушению общепринятых правил, нравственных норм и запретов, к потере себя, нередко — к самоубийству, ставшему одной из самых актуальных и «больных» тем эмигрантской публицистики, художественной прозы и мемуаристики. Однако от внимания авторов не ускользают ни сохраняющие отзывчивость сердца, ни способность «быть полезным», ни стремление во что бы то ни стало сохранить человеческий облик и «душу живую», ни надежда.

М. Г. Шендерюк

г. Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта

«О, эта Ницца!..» (мужской взгляд на повседневную жизнь русских эмигрантов на юге Франции)

Среди обширного комплекса опубликованных в последние два десятилетия источников по истории Русского зарубежья особый интерес вызывают источники, харак-

теризующие повседневную жизнь русских эмигрантов в межвоенное двадцатилетие. К числу последних принадлежат очерки К.К. Парчевского «По русским углам» [1].

Русский эмигрант, юрист и журналист Константин Константинович Парчевский (1891–1945) являлся корреспондентом одного из ведущих русских зарубежных изданий — газеты «Последние новости», на страницах которой регулярно публиковал статьи и очерки о жизни русских на чужбине. Цикл очерков «По русским углам», печатавшихся в «Последних новостях» с 9 августа 1936 г. по 4 июня 1937 г., благодаря стараниям родных и близких К.К. Парчевского вышел отдельной книгой в России в 2002 г. В 35 очерках автор рассказывает о жизни русских, более или менее компактно проживавших в различных уголках Франции. При этом повествование основывается не только на собственных наблюдениях Парчевского, но и на рассказах самих русских беженцев об их умонастроениях, тяготах изгнаничества, условиях жизни и работы. В талантливо написанных очерках К.К. Парчевского явно выражена его мужская гендерная идентичность. Это проявляется в лаконичности и предметности его сюжетно и композиционно организованных текстов, интересе к серьезным проблемам политической и общественной жизни русских эмигрантов, рационалистичности оценок. Автора не занимают подробности повседневного быта, его задача — представить наиболее полную картину жизни различных социальных групп русских эмигрантов.

Среди крупных русских колоний во Франции Парчевский особенно выделяет «Русскую Ниццу» в силу ее неповторимости. История русской Ниццы (также, как и превращение малоизвестного городка в знаменитый средиземноморский курорт) началась с приезда на французскую ривьеру жены Николая I, императрицы Александры Федоровны, с большой свитой придворных зимой 1856 года. С этого времени проводить зиму в Ницце считалось в России «хорошим тоном».

От некогда роскошной жизни русских в блистательной Ницце в 1930-е годы уже мало, что осталось, однако кому-то удалось сохранить виллы и фешенебельные пансионы, открыть рестораны и магазины. Парчевскому удается показать, что ни в какой другой русской колонии социальные контрасты не были столь очевидны. Салонно-аристократическая жизнь одних русских эмигрантов мало пересекалась с жизнью тех, у кого не было ни денег, ни постоянной работы, ни прав на работу. «Русских узнаешь ... не только по разговору, но и без слов: по потрепанному костюму, стоптанным башмакам, полинявшей шляпе, а главное — по нескрываемой печали во всем: в глазах, жестах, походке» [1, с. 176].

Никакой общеэмигрантской организации в Ницце не было, но, как и во многих других местах русского рассеяния, центром общественной и духовной жизни стала Русская православная церковь. Великолепный Свято-Николаевский собор, построенный по образцу московских пятиглавых церквей в начале XX века, и сегодня является одной из архитектурных достопримечательностей Ниццы и одним из самых больших в Западной Европе православных храмов. В 1930-е годы в большие праздники у церкви собиралась практически вся русская Ницца. Церковный сад становился «местом встреч, обмена мнений, осведомления и соприкосновения всех эмигрантских слоев и толков» [1, с. 175].

В отличие от Парижа, Марселя и других крупных городов, где русские эмигранты могли работать на заводах и фабриках и шоферами такси, в Ницце ни заводов, ни фабрик не было, а извозный промысел иностранцам был запрещен. Возможная работа была связана только со сферой обслуживания. Парчевский скрупулезно перечисляет профессии, которые освоили русские на чужбине. Они работали в Ницце сторожами,

дворниками, садовниками богатых вилл, столярами, плотниками, малярами, домашней и отдельной прислугой, поварами, посудомойками, горничными, лакеями, служащими гаражей, монтерами, посыльными и т. п.

Однако, несмотря на то, что значительная часть русских беженцев пополняла пролетаризированные и люмпенизированные слои общества, малому и среднему русскому бизнесу удалось добиться некоторого коммерческого успеха. В Ницце были открыты русские кондитерские, кафе и рестораны, процветало кустарное производство. Еще в 1920-х годах появляется спрос на подушки, салфетки, абажуры, бижутерию, расписные шали, сумки, куклы и другую кустарную продукцию в стиле «à la russe», изготавливаемую русскими белошвейками, вязальщицами, вышивальщицами. Одна дама изобрела очень хорошо пошедшие в Монте-Карло конусообразные дамские шляпки, напоминающие кики балерин из «Половецких плясок». Обученные в юности традиционному рукоделию, русские барышни оказались способны в зарубежье прокормить себя и свою семью.

Необычными, но доходными предприятиями в Ницце стали русские бриджевые салоны. Скусающие богатые иностранцы предпочитали уютную обстановку и строгий отбор партнеров в этих салонах крупным клубам и казино. Многие русские эмигранты выступали статистами на кинематографических съемках, изображая самых настоящих светских дам и вельможных особ. К более экзотическим профессиям относились взыскание безнадежных долгов и продажа за скромную плату места у стола с рулеткой в казино.

Хотя к 1930-м годам вера в скорое возвращение на родину в среде русских эмигрантов практически угасла, активной деятельностью в Ницце занималось «Общество помощи русским учащимся и учащим», председателем которого являлся бывший министр земледелия российского правительства А. Н. Наумов. Общество организовало преподавание русского языка и литературы во французских лицеях города. По свидетельству Парчевского, А. Н. Наумов, как и многие другие известные общественные деятели Русского зарубежья, считал работу по сохранению и развитию в изгнании русских национально-культурных традиций своей миссионерской задачей: «На долю живых сил эмиграции выпала ответственная задача — приобщить к русской культуре эмигрантское подрастающее поколение. В этом главный смысл и оправдание нашего существования за рубежом. Оторванные от родной земли, дети могут потерять связь с нею. Наша важнейшая задача — воспитать в них чувство этой связи с тем, чтобы они научились чтить ее великое прошлое, гордиться ее историей и верить в ее светлое будущее» [1, с. 189].

Литература

1. Парчевский К. К. *По русским углам*. М., 2002.

Т. А. Титова, Е. В. Фролова
г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Гендерные роли и репродуктивные практики мигрантов глазами принимающего населения (на примере г. Казань РТ)

Интенсификация миграционных процессов в полиэтничных регионах Российской Федерации, к каковым относится и Республика Татарстан, вызывает необходимость

изучения процессов социокультурного взаимодействия между принимающим населением и группами мигрантов.

Исследователи обращают внимание не на неравномерность расселения мигрантов в городской среде. Для существования компактного поселения необходимо совпадение ряда факторов: наличие дешевого жилищного фонда (нередко это бывшие заводские общежития, кварталы ветхого жилья, неблагополучные районы, окраины); близость к местам трудовой деятельности; наличие «точек притяжения», в качестве которой могут выступать рынки — как площадки циркуляции разнообразных ресурсов, мечети (для сообществ с высоким запросом на религию).

В ходе проведенного исследования изучалось восприятие мигрантов представителями местного населения, проживающими в местах компактного проживания мигрантов: в г. Казани (ул. Ипподромная, район Колхозного рынка, жилой комплекс Радужный).

Цель исследования — анализ гендерных ролей и репродуктивных практик мигрантов с точки зрения представителей принимающего населения. Основным методом исследования — полуструктурированное интервью с представителями принимающего населения.

Говоря о поло-возрастном составе мигрантов, респонденты сходятся во мнении, что это в основном молодые люди и люди среднего возраста (до 45 лет), имеющие детей.

Респонденты отмечают следующие социокультурные особенности мигрантов: четкое распределение мужских и женских обязанностей в семье; ориентация мужчин на активную трудовую деятельность, а женщин — на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми. Респонденты также отмечают иные репродуктивные стратегии мигрантов (рождение детей в раннем возрасте, большое количество детей в семьях).

Из интервью: «Ну, они рано рожают. Поэтому у них здесь родители сорокалетние, дети двадцатилетние и внуки пятилетние. А так на улице видно больше мужчин. Не знаю почему может потому что женщины дома сидят» (муж., 22 года, русский, ул. Татарстан).

«В основном это молодежь, примерно до 40. Я тоже на первый взгляд только говорю, я же точно сказать не могу. Детишек много у них. Ну вообще восточная культура поощряет большое количество детей, это сказывается и здесь. Может они и живут небогато, но детей обеспечивают, в этом они молодцы. А по поводу пола даже не знаю. Многие женщины дома сидят, поэтому и сказать тяжело. На улицах мужчин больше однозначно, но мне кажется, что они приезжают целыми семьями. Может и родители с собой берут». (жен., 54 г., русская, ул. Ипподромная)

«Ну пенсионеров точно здесь нет. Или очень мало. Ну семьи здесь, наверное, в среднем от 30 до 40 лет, основной костяк. Потому что у всех маленькие дети, именно маленькие. Пенсионеров я что-то не видел. Приезжают прямо с семьями, я имею в виду без родителей. Только муж, жена и дети, много детей. У них женщины дома сидят, поэтому по 6, по 7, по 8 детей рожают, так и живут. Мужики только на улицу выходят, женщины дома». (муж., 43 г., татарин, ул. Нариманова).

Респонденты подчеркивают такие черты мигрантов как высокая внутригрупповая сплоченность, трудолюбие:

Из интервью: «От миграции определенных национальностей всегда есть положительные и отрицательные стороны, как и у всего. К положительным моментам я отношу их внутреннюю организацию. Они конечно очень дружно обитают. Помогают друг другу постоянно. Такого у других национальностей не ощущается. Они трудолюбивые очень, не чураются любой работы. У меня соседи с нижнего этажа дома узбеки. Так

вот они самые первые кто уходят на работу с утра, и последние кто возвращаются уже поздно ночью». (жен., 54 г., русская. Ул. Ипподромная).

Респонденты отмечают, что высокая внутригрупповая сплоченность является причиной этнической замкнутости мигрантов:

Из интервью: «У них очень развиты родственные связи, очень сильные. Они друг друга очень поддерживают. Но от нас они живут изолированно, у них свой закрытый мирок. Они и на общение не идут, и не хотят этого общения. Сами по себе. Обычно мамочки у них выходят на улицу все вместе, бывает и человек 10, и больше, общаются, семечки грызут. У одной мамочки по 2–3 ребёнка. Дети ходят и в детский сад, и в школу». (жен., татарка, 31 год, Радужный)

В г. Казани групповая дистанция проявляется как в нежелании принимать мигрантов в качестве соседей, так и в нежелании отдавать детей в образовательные учреждения, в которых учатся дети мигрантов:

Из интервью: «Ну вот детский садик 273, там в основном они. И школа 51 тоже, их там много. Мы поэтому своего ребенка в другой детский сад отдали» (муж., 22 года, русский, ул. Татарстан)

«Скажем так, в целом по республике меня это не задевает, а что касается района, ну мне не приятно. Если опять же брать в пример школу, то мигрантские дети тянут класс вниз. И я, например, ребенка перевела в другую школу, и там все совершенно по-другому. И образованность другая и дети более интеллигентные, хотя дети самые простые, не сказать, что из богатых семей, но в этом плане культура конечно совсем другая. (жен. 38 лет, татарка, ул. Нариманова).

«... Дети у них очень невоспитанные. Не воспитывают они своих детей. Мы не разрешаем детям в песочнице чужие игрушки брать, одергиваем, а для них это в порядке вещей. Даже детям старшего возраста, которые всё понимают, им они не объясняют. Берут, ломают, выкидывают — для них это нормально» (жен., 31 год, татарка, ЖК Радужный).

Полученные данные позволяют сделать вывод, что на интуитивном и эмоциональном уровне респонденты мыслят достаточно стереотипно и рассматривают мигрантов как «других», «чужих».

Вопросом, требующим отдельного рассмотрения, на наш взгляд, являются проблемы, связанные с обучением детей трудовых мигрантов в школах и дошкольных образовательных учреждениях республики, которые включают как социокультурную интеграцию и языковую адаптацию детей мигрантов, так и взаимодействие трудовых мигрантов-родителей и их детей с представителями принимающего населения в сфере образования. В этой связи целесообразным представляется создание специальных классов для детей мигрантов, плохо владеющих русским языком, в образовательных учреждениях, расположенных в местах компактного расселения мигрантов.

О. И. Урсан

г. Кишинёв (Республика Молдова), Институт Истории

Гендерное исследование досуга и свободного времени у женщин-мигранток в Португалии

В современных гендерных исследованиях, свободное время и досуг представляют особый интерес и большой ареал новых умозаключений. На наш взгляд, открытым во-

просом остаётся — обеденный перерыв. По трудовому кодексу всех демократических государств, обеденный перерыв — это личное время каждого работника, с правом распоряжаться им по собственному желанию. На первый взгляд, это время, когда все рабочие, не зависимо от пола, освобождаются на определённое время (30–60 мин.) от трудовой деятельности, но это прописано только в законе. В реальности, сотрудницы — женщины в обеденный перерыв озадачены решением многих семейных проблем.

Исследование проводилось в Португалии в городах Портумау, Албуфейра, Месинеш, Силвеш, Фару, Лагош, в периоде январь-апрель 2018 г. Было опрошено 241 женщин-мигранток из России (24 чел.), Украины (90 чел.), Румынии (72) и Молдовы (55 чел.). В результате опроса о свободном времени, обеденном перерыве, выходных, отпуске, практически все женщины, в унисон, сказали: «Мой рабочий день никогда не заканчивался в 17.00. Даже перед сном, я пересматриваю рабочий план на неделю, включительно на выходные».

В результате интервьюирования, мы пришли к выводу, что жизнь за границей стала для всех женщин в двойне загруженной, а обеденный перерыв, «благоприятным» временем для решения домашних проблем, для общения с членами семьи, особенно с теми, которые остались на Родине. В результате исследования было установлено:

1) 100% опрошенных женщин, в обеденный перерыв, звонят своим детям, мужу и родителям.

2) 42% женщин-мигранток, заказывают детям, мужу, еду с доставкой на дом. В эту категорию вошли женщины, работающие почасово (4–7 евро в час, не нормированный рабочий день), не имеющие практически времени на приготовление пищи на обед.

3) 92% женщин, во время обеда, решают вопрос оплаты коммунальных услуг (оплата онлайн, банковский аппарат), аренды квартиры, машины, проблемы связанные со школой, детским садом.

4) 76% интервьюируемых часто составляют список покупок на ужин или неделю.

5) 19% из опрошенных, делают покупки во время своего обеденного перерыва. Это касается женщин, работающих в сфере торговли и уборки гостиниц, кафе, офисов. Более 70% женщин-мигранток делают покупки после рабочего дня, самостоятельно. Лишь только 8% мужчин помогают своим женщинам в покупках продуктов.

6) После 8 часового рабочего дня, около 90% женщин готовят ужин, 6% дети, 4% муж.

7) После ужина (21.00), более 80% женщин наводят порядок в доме, стирают, занимаются выпечкой. Лишь 9% читают книгу, рисуют, проводят время в социальных сетях.

В основном, большинство опрошенных женщин предпочитают домашние формы проведения свободного времени: чтение книг, просмотр сериалов, игры с детьми, социальные сети. В субботу вечером и в воскресенье утром, около половины опрошенных женщин посещают церковь. Православная церковь, есть практически во всех больших городах Португалии. Литургия проводится на русском, украинском и румынском языках. Проблема состоит в том, что на активный досуг, практически времени не хватает, что вызывает социальную тревогу, снижает культурный уровень женщин-мигранток в Португалии.

Исследователи гендерных проблем, пришли к выводу, что недостаток активного досуга, приводит к радикальному изменению стиля жизни женщин, к социальному напряжению и недовольству (И.С. Карабедова). Если в субботу, женщины заняты генеральной уборкой в доме, поход в продуктовые магазины, то воскресенье является единственным днём для отдыха в парке или на пляже. Всего лишь 10% интервьюируемых женщин посещают музей, театр, концерты; более 50% опрошенных, мотиви-

ровали своё непосещение культурно-оздоровительных центров, экономией семейного бюджета; 36% ссылались на недостаток времени.

Важно заметить, что исследования досуга и свободного времени женщин на Родине и за границей, радикально отличаются. В стране временного пребывания, женщины более скрупулёзно распоряжаются своей зарплатой, в основном экономя на своём здоровье и качественное питание. Особенно касается тех женщин, дети которых остались на Родине. Это категория женщин практически не посещает культурные и оздоровительные центры, работая по 12–14 часов в день (домработница, горничная, сиделка, няня, посудомойщица).

Стоит отметить, что у себя на Родине, 49% интервьюируемых женщин (в основном горожанки), 2 раза в месяц посещали театр, концерты, историко-этнографические выставки, пользовались услугами оздоровительных центров; 32% из числа опрошенных женщин, один раз в месяц ходили в кино, музей, библиотеку; 19% женщин у себя на Родине, также практиковали примитивные формы досуговой деятельности, тем самым, всегда были лишёнными полноценной социальной жизни.

Вызывает тревожность, отношения женщин к своему отпуску. Большинство опрошенных женщин, в период своего отпуска возвращаются на Родину. Помимо встречи с родными и близкими, более 70% занимаются ремонтом, строительством или генеральной уборкой в родном доме. Так, заслуженный отпуск, превращается в источник новой тяжелой работы. В результате интервьюирования, возвращающиеся женщины с отпуска в Португалию, сказали, что их отпуск длится несколько часов в самолёте и в автобусе; 19% опрошенных, едут на Родину с целью отдохнуть, поведать своих родных; 9% проводят свой отпуск здесь, в Португалии, оставаясь в режиме «постоянной работы».

Гендерный подход в изучении свободного времени, отпуска, и даже обеденного перерыва, показывает, насколько мобильными, и вдвойне загруженными являются женщины-мигрантки в Португалии. Мы не преследовали цель показать «крепостное» положение женщин-мигранток. Бурный процесс глобализации, мобильный стиль жизни, индивидуальный подход к распределению семейного бюджета, личные приоритеты, старый образ жизни, стали в комплексе, общей причиной лишения женщин-мигранток активного, полноценного проведения свободного времени, досуга и отпуска. Рост качества жизни и гендерно-ориентированная политика Португалии, создаёт постепенно приоритеты и мотивационный пласт для женщин-мигранток, уделять всё больше внимания своему как физическому, так и культурному усовершенствованию.

Н. В. Шалыгина

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Жены русскоязычных программистов в городах современной Калифорнии (об адаптивности женщин и особенностях их повседневности в среде мигрантов)

«Ко всему привыкает человек, привык и Герасим к городской жизни...»

И. С. Тургенев. «Му-му»

Спуглерами в иммигрантской среде США называют жен программистов, работающих в крупных IT-компаниях (от английской аббревиатуры «жена сотрудника

Google»). В Калифорнии впервые проблемы спуглеров обозначились уже в начале 1990-х годов, когда стала набирать обороты 4-ая волна русскоязычной эмиграции из России и бывших республик СССР.

По данным отчета хорошо известной в компьютерном мире инициативной группы «Next Silicon Valley: на волнах инновации», отслеживающей благосостояние и развитие одного из крупнейших научно-технологических центров современного мира, к началу 1990-х годов на территории между г. Сан-Хосе и г. Сан-Франциско в Калифорнии, т.е. там, где располагалось наибольшее количество предприятий микро-процессорной индустрии, начался кризис перепроизводства, обрушивший надежды наших соотечественников на высокопрофессиональное трудоустройство в США. Большинство жен IT-специалистов сразу же столкнулись с проблемой выживания семьи на время вынужденного бездействия своих мужей и закономерностями “нисходящего социального лифта” в иммиграции

Однако вызовы так называемого негативного кризиса, когда приходится преодолевать трудности выживания, оказываются далеко не единственными в жизни иммигрантов. В научной литературе гораздо менее освещены проблемы позитивного кризиса иммигрантов, при котором на первый план выходят не поиски высокооплачиваемой работы для IT-специалистов, а, если можно так выразиться, адаптация к их успешной карьере. Это совершенно новый опыт не только для российских мужчин, но и для их жен, привыкших к постоянной борьбе за выживание, но внезапно оказавшихся один на один со сбывшейся “американской мечтой”.

На сегодняшний день спуглеры — это женщины в среднем около 30–32 лет, обычно имеющие либо высшее, либо востребованное в России средне-специальное образование, и в той или иной мере реализовавшие себя на родине. По данным моего включенного наблюдения, проводившегося в начале 2000-х гг. в нескольких калифорнийских городах, эти женщины, сделав ставку на высокооплачиваемую работу мужа и обеспеченную жизнь в США, оставляли в России и творческую работу, отказываясь от собственной самореализации в сфере науки, литературы, журналистики и искусства. Мейн-стрим их мотивации — обеспечить будущее детей.

Однако, после переезда вслед за мужем в США, мир спуглеров неожиданно «схлопывается» до размеров повседневных хозяйственных забот и, по словам моих респондентов, «превращается в бесконечную скуку»: «Город вокруг кажется красивым, но недоступным. Его идеальные жители ездят на велосипедах, одеваются в шерстяные костюмы и модные дизайнерские шмотки, часто развлекаются легкими наркотиками, красиво пьют кофе в кофейнях. Рядом с ними чувствуешь себя гадким лебедем: ты мигрант, который не знает языка, не умеет правильно есть устриц и последний раз был в клубе в школе, в 2000-е годы, в Ростове. Люди вокруг объединены каким-то беззаботным счастьем, а ты второй месяц не можешь снять постоянную квартиру, у тебя болеет кот и муж сидит на работе с десяти до десяти. На самом деле, рабочий день у него заканчивается в шесть, но по вечерам всегда — курсы английского, барбекю и крафтовые дегустации. Адаптация, можно понять...”

Проблемы спуглеров можно объединить в несколько групп:

1. Отсутствие необходимости в повседневной работе;
2. Отсутствие возможности эффективно осваивать язык принимающей страны;
3. Отсутствие общих интересов с мужем, погруженным в профессиональную среду;
4. Смена ежедневных занятий (тема “ССС” — садик, стоматолог, сметана”);

5. Смена круга общения (сообщество жен айтишников, домашние вечеринки и т.п.);

6. Сужение сферы самореализации (без языка пределом мечтаний становится работа няни в русскоязычном детском садике);

7. Потеря общего языка с собственными детьми, в силу быстрой социализации последних и качественно иного уровня освоения ими английского языка (школа, колледж);

8. Погружение в общение с психотерапевтами;

9. Отсутствие перспектив развития и обретения новых смыслов существования (ежедневный пылесос, зарядка девайсов, лужайка и т.п.).

Один из способов борьбы со спуглерством, по словам моих респондентов, — интенсификация общения с соотечественниками, но не в США, а в России. “Без скучно-тепличных условий айтишной заграницы люди дышат легче, с ними проще найти общий язык, без окукливания в детях и хозяйственных проблемах, без обсуждений стоматологов и цен за горячую воду”. Иными словами, испытание благополучной жизнью в США нередко становится еще большей проблемой, чем неудачи и бедность. Но эту проблему спуглеры обсуждать не особенно стремятся, скорее, наоборот, стараются ее скрыть. Повседневность американского образа жизни имеет собственную инерцию развития, которая с годами только усугубляется.

А.К. Эшиев

г. Бишкек (Кыргызстан), Международный университет Кыргызской Республики

Повседневная жизнь и трансформации семьи в условиях современных реалий кыргызского общества

Повседневная жизнь в условиях современных реалий показывает, что население Кыргызстана находится под влиянием огромного количества проблем. Социокультурные изменения в кыргызской семье носят глобальный, всеобщий и закономерный характер. При этом изменения канонов феминности и маскулинности сложны, противоречивы и неравномерны в различных социально-экономических слоях. «Семейные» роли в формах социального взаимодействия жестко закреплены в нормативах и отстраняют их от сложных конфигураций современных реалий. Смена социально-культурной роли находится под прямым влиянием требований, предъявляемых со стороны общества.

Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Русская городская молодежь Киргизии: удовлетворенность различными сторонами жизни (гендерный аспект)

Важнейшим условием социально-психологической адаптации к новым изменяющимся условиям и одновременно показателем (критерием) ее успешности/неуспеш-

ности является степень удовлетворенности индивида/группы различными сторонами своей жизнедеятельности.

Принципиальное значение этот вопрос приобретает при рассмотрении его в половозрастном аспекте. Особую роль играет изучение уровня удовлетворенности средой представителей молодого поколения, которому принадлежит будущее, в том числе выяснение общего и особенного в восприятии жизни юношами и девушками.

В данной статье предлагаются некоторые итоги социологического опроса русской городской молодежи Киргизии, проведенного в 2014 г. среди людей в возрасте от 16 до 30 лет. Общий объем выборки составил 300 человек.

Прежде всего, следует отметить, что итоговый индекс социальной удовлетворенности молодых русских горожан оказался довольно высоким, что является показателем восприятия ими окружающих условий, как относительно комфортных, отражением позитивного эмоционального самочувствия, индикатором довольно успешной адаптации к изменившейся этнополитической и социально-экономической среде в республике после ее суверенизации. И это принципиально важно с точки зрения перспектив дальнейшего существования и развития здесь всей русской диаспоры.

Наиболее высокий уровень удовлетворенности и у мужчин, и у женщин фиксировался по шкалам «Взаимоотношения в семье» и «Взаимоотношения с людьми». Последнее в данном случае можно назвать принципиально важным, т.к. этот пункт касался отношений с соседями, друзьями, коллегами, сокурсниками, среди которых было немало киргизов. Общим для юношей и девушек было и то, что особенно негативно они воспринимали деятельность органов власти, особенно городских и республиканских.

Хотя в целом различия в индексах удовлетворенности жизнью между молодыми женщинами и мужчинами выглядели сравнительно незначительными (+0,52 и +0,66 соответственно), все же девушки были настроены менее оптимистично, чем юноши, что прослеживалось практически по всем шкалам. Если среди юношей перевес негативных оценок над позитивными приходился только на шкалу «Удовлетворенность деятельностью властей разного уровня», то девушки, помимо этого, высказывали недовольство культурно-бытовыми условиями, материальным положением, а также своей работой и учебой.

Так, в той или иной мере были удовлетворены своим материальным положением лишь около 40% девушек против более чем половины юношей. Подобные ответы полностью коррелировали с оценками молодых людей разного пола возможностей своего семейного бюджета. Имели возможность ни в чем себе не отказывать или совершать любые приобретения, кроме наиболее затратных (квартира, машина-иномарка) около 50% девушек и почти 80% юношей.

Известно, что во многих странах, в том числе и в России, женщины зарабатывают в той или иной мере меньше мужчин, и в данном случае подобная дифференциация явно имела место. Не удивительно, что в составе женщин фиксировалось заметно больше людей, не довольных своей работой или учебой (34% против 18% среди мужчин).

Анализируя эти данные, следует учитывать, что местные русские девушки имели более высокий уровень образования, чем юноши. В немалой мере именно этим обстоятельством можно объяснить слабую удовлетворенность женской части респондентов культурно-бытовыми условиями.

По данным нашего исследования русская городская молодежь Киргизии отмечала определенные улучшения в своей жизни. Свыше трети респондентов, и женщин,

и мужчин (36–39%), заявили, что «жизнь становится лучше», еще более половины опрошенных (52–56%) упомянули как позитивные, так и негативные перемены в своей жизни. Но женщины все же заметно чаще мужчин (12% и 4% соответственно) не смогли назвать никаких положительных перемен.

Менее позитивное восприятие девушками окружающей среды не могло не сказываться на их самочувствии и, что вполне естественно, на внутрисемейном климате, атмосфере межличностного общения и т.п. Хотя отношения в семье, с друзьями, коллегами, соседями оценивались и юношами, и девушками наиболее положительно, все же девушки были ими полностью удовлетворены несколько реже.

Тем не менее, женская часть русской городской молодежи Киргизии не выказала особого стремления изменить свою жизнь, напротив, проявляла готовность к терпению, ориентацию на пассивные жизненные стратегии. В адаптивном поведении русских мужчин активный компонент встречался в 1,3 раза чаще, чем у женщин (85% против 66%), а пассивный — вдвое реже.

Весьма рельефно гендерные различия проявились в миграционных стратегиях молодых русских горожан: несмотря на большую неудовлетворенность женщинами многими сторонами жизни в Киргизии, доля не ориентированных на переезд из страны была у них значительно выше, чем у мужчин — 29% и 18% соответственно.

Все это говорит о важности учета гендерного аспекта при выработке молодежной политики, при разработке мер, принимаемых российской стороной по отношению к соотечественникам, живущим за рубежом, в том числе в бывших союзных республиках.

Е. И. Якушкина

г. Воронеж, Воронежский государственный университет

Демографические и гендерные аспекты иммиграции в российские провинциальные города (на примере Воронежа)

В настоящее время процессы миграции приобретают глобальные масштабы, затрагивая большинство стран мира, огромные пласты населения. В российских регионах наблюдается активизация миграционных потоков, в частности зоной активных миграционных передвижений является город Воронеж.

Уже в 1990-е годы двадцатого века Черноземье впервые за сто лет стало зоной миграционного притока, что замедлило сокращение численности населения. Коэффициент миграционного прироста был максимальным в 1993–1994 гг. (около 12%), он покрыл естественную убыль населения. Воронежская область стала одним из регионов массового расселения возвратных мигрантов из стран бывшего СССР [9]. Последующие 20 лет миграционные процессы в г. Воронеже и Воронежской области нарастали и в 2015 г. миграционный оборот в Воронежской области достиг максимального значения за последние 10 лет, количество приезжающих в регион и уезжающих из него превысило 150 тыс. человек*. На протяжении ряда последних лет наблюдается миграционный прирост в регионе и его областном центре. По данным Воронежстата в 2015 году прирост за счет мигрантов составил 12213 человек в Воронежской области, из них 8447 осели в самом г. Воронеже, тем самым была увеличена численность населения региона на 2330 человек. В 2016 году миграционный прирост несколько

увеличился и составил 12546 человек в области и 7935 человек в областном центре. В 2017 г. миграционный прирост в городе Воронеже составил рекордные за последние годы 9100 человек, что прежнему является единственным источником, компенсирующим естественную убыль населения.

По гражданству мигранты распределялись следующим образом: 56,6% составляют иностранные граждане (2017 г.), 97% из которых являются выходцами из стран СНГ (Украина, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Армения, Кыргызстан, Беларусь, Азербайджан, Молдавия, Туркменистан).

В последние годы исследователи отмечают тенденцию феминизации миграции. Все большее количество женщин мигрирует самостоятельно как основные кормильцы своих семей. Феминизация миграции объясняется как общей эмансипацией женщин, повышением их уровня образования и профессиональной квалификации, так и расширением предложений на рынке труда. Ускоренное развитие индустрии услуг, обеспечивающей в настоящее время до 2/3 мировых рабочих мест, формирует постоянно возрастающую потребность в женщинах-мигрантах, которые заняты, как правило, неквалифицированным трудом в сфере обслуживания. Известный социолог О. Исупова выделяет следующие основные виды женского переселенческого поведения: брачная миграция (воссоединение мужчины-мигранта с семьей или миграция женщины с целью создания семьи с представителем из другой страны); миграция в результате незаконной торговли живым товаром для «сексуальной работы» и самостоятельная трудовая миграция женщин [2].

В Воронежской области, в г. Воронеже в соответствии с общими тенденциями в последние годы наблюдается увеличение доли женщин-иммигранток. Так, в 2015 г. они составили 50,8% всех прибывших мигрантов, в 2016 г. на долю женщин пришлось 51,7% общего объема миграции, в 2017 г. миграционный прирост женщин-мигрантов составил 51,35%.

Сферами занятости женщин-мигранток, являются области, которые пользуются небольшим спросом у коренных жителей. Это, прежде всего, уход за пожилыми людьми на дому, работа в домах-интернатах для пожилых, неквалифицированный труд по дому, работа в гостиницах и ресторанах, розничная торговля.

С увеличением доли женщин в мировом мигрантском потоке, был выявлен целый ряд проблем, связанных именно с положением женщин. На всех этапах миграционного процесса женщины могут сталкиваться с дополнительными сложностями и дискриминацией. Мигранты-женщины более уязвимы перед криминальными элементами, в процессе легальной или нелегальной миграции. Они часто соглашались на более низкую оплату, чем местные жительницы, и работают нелегально, т.е. без какой-либо социальной гарантии.

Также остро стоит проблема материнства и детства в иммигрантской среде, поскольку женщины-иммигрантки не имеют возможности получить квалифицированную медицинскую помощь во время беременности, родов и первые годы развития ребёнка, что приводит к увеличению смертности роженицы и ребенка, а также малолетних детей. Образование для детей мигрантов также доступно лишь отчасти, поскольку не знающие языка дети, не имеют доступа к получению качественного образования, что ведет к увеличению детской преступности.

В попытке преодолеть существующую гендерную дискриминацию многие страны взяли на себя ряд обязательств, закрепленных в соответствующих международных правовых актах, гарантирующих права мигрантов. Это Конвенция о защите прав

человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) [1], Конвенция Международной организации мигрантов (МОТ) о трудящихся-мигрантах [4], Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (МКПТМ) [6], Общая рекомендация Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин № 26 [7], Конвенция Международной организации труда (№ 189) о достойном труде домашних работников [3], Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) [5].

В Воронеже и Воронежской области создана система органов, которые призваны урегулировать возникающие проблемы мигрантов, в том числе, касающиеся женщин-мигрантов. По сведениям Центра изучения национальных конфликтов, (ЦИНК) и федерального информационного агентства «Клуб Регионов», на апрель 2014 года Воронеж оказался в зоне средней межэтнической напряженности. В связи с этим, Воронежская область стала «пилотной» по созданию региональной системы мониторинга межнациональных отношений. В рамках данного проекта в 2015 г. при Правительстве Воронежской области создан Центр мониторинга ситуации в сфере межнациональных отношений.

Ключевыми общественными площадками для решения вопросов, связанных с положением мигрантов в Воронеже и области являются:

— Национальная палата при губернаторе Воронежской области, Межконфессиональный совет при Воронежской областной Думе;

— Областная общественная палата и Общественная палата городского округа город Воронеж;

— Координационный совет по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, созданный в городском округе город Воронеж [8].

В контексте современной глобализации миграция является сферой, в которой гендерная проблематика наиболее актуальна. Выполнение вышеуказанных обязательств, взятых на себя государствами, которые ратифицировали международные документы, гарантирующие права мигрантов, может и должно способствовать преодолению гендерной дискриминации и криминализации процессов миграции, усилить социальную защиту мигрантов-женщин и их детей, способствовать более эффективной адаптации мигрантов в принимающее общество. Применение комплексного гендерного подхода в планировании миграционной политики в регионах миграции позволит разработать ориентированные на женщин меры, призванные содействовать их личной безопасности, соблюдению прав человека, их трудового права, разработки стратегий по борьбе с дискриминацией, эксплуатацией и жестоким обращением, которым они подвергаются.

*Все статистические данные, не вошедшие в сноски, цитируются по изданию Численность и миграция населения Воронежской области в 2017 году. Статистический бюллетень./Под ред. И. В. Соловьевой. — Воронеж, 2018. — 76 с.

Литература

1. Европейская конвенция по правам человека https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

2. Исупова О. Виды женской миграции: возможности и опасности/О. Исупова. — Демоскоп Weekly. — № 423–424. — 24 мая — 6 июня 2010.

3. Конвенция Международной организации труда (№ 189) о достойном труде домашних работников http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c189_ru.htm

4. Конвенция Международной организации мигрантов (МОТ) о трудящихся-мигрантах http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_norm/—normes/documents/normativeinstrument/wcms_c097_ru.htm

5. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

6. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (МКПТМ) http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml

7. Общая рекомендация Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин № 26 <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rgeneral26.html>

8. Официальный портал органов власти [Электронный ресурс] URL <http://www.govvrn.ru/> (дата обращения 22.04.2018).

9. Социальное положение и уровень жизни населения Воронежской области. Стат.сб./Воронежстат. — Воронеж, 2010. — 340 с.

И. Л. Бабич

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Адаптация северокавказских эмигранток к современной парижской городской жизни во Франции

1990-е годы вызвали сильный поток народов Кавказа в Европу, что было обусловлено как политическими (война в Чечне), так и социально — экономическими причинами (кризис в России и в государствах Закавказья). В настоящее время северокавказская диаспора проживает во многих европейских странах: Франции, Германии, Польши и других европейских стран.

В целом, последние 30–40 лет во Франции существует тенденция увеличения городского и уменьшения сельского населения. И северокавказские эмигранты, как правило, обосновываются в городах, и в первую очередь, в крупных городах, таких как Париж, Лион и др. Как показывают проведенные нами полевые этнографические исследования во Франции, высока роль женщин в адаптации северокавказской диаспоры в современной Франции.

В предлагаемом докладе мы планируем проанализировать городской (сельский) фактор в процессе адаптации северокавказской диаспоры и сформулировать его основные тенденции, среди которых можно выделить следующие:

- Поскольку многие северокавказские эмигранты на Родине, на Северном Кавказе проживали в сельских населенных пунктах, то и в эмиграции у них обнаруживается тяга к сельской жизни, к наличию участка земли, где можно развивать садоводство. Проживание чеченских женщин на социальные пособия в городах и при отсутствии работы во Франции объясняется тем, что большинство чеченок на Родине тоже не работают, но там они занимаются своими подсобными хозяйствами. И при отсутствии таковых во Франции возникает состояние бессодержательности жизни в эмиграции. Поэтому во Франции, если появляется возможность, женщины-горянки начинают охотно сельхоз работы на земле. Тяга к земле — отличительная особенность женщин с Северного Кавказа.

- С другой стороны, проживание в городах Франции, безусловно, способствует более активной адаптации женщин-горянок, поскольку, как правило, северокавказская женщина приезжает в эмиграцию с маленькими детьми, она вынуждена активнее

включаться в новую жизнь. Они подчас быстрее, чем мужчины могут найти работу. Если эмигрировала вдова с детьми, то ее роль в процессе адаптации к новым условиям жизни повышается вдвойне.

• Поскольку жизнь во Франции отличается от жизни на Северном Кавказе практически всем: инфраструктурой, местом семьи в системе ценностей, осознанием собственной роли и места в жизни общины, страны, то, с одной стороны, северокавказские эмигрантки, видя существенную разницу между своей культурой, образом жизни, основами морали и французскими ценностями, северокавказские женщины твердо стоят на сохранение традиций Кавказа, например, родственных и семейных ценностей. С другой стороны, отсутствие в крупном городе общинного мнения, влиявшего на поведение, женщины-горянки начинают чувствовать себя свободными от общественного влияния и не делают то, что они вынуждены делать в условиях общественной несвободы, например, резать барана на мусульманские праздники и т.д. Многие женщины признавались, что на Родине благодаря общественному мнению они, не задумываясь, точно соблюдали бы исламские традиции и обязательно бы резали барашка, поскольку «там так делают все. Если какая-либо семья это не сделает, окружающие ее осудят. На Северном Кавказе все должны все делать одинаково». Во Франции, по сути, отсутствует «северокавказское общественное мнение», нет исламского влияния северокавказского общества на жизнь отдельной семьи мигранта: в этой стране мигрант-северокавказец может не резать барашка и «никто ему ничего не скажет».

• В современной Франции постепенно меняются традиционные статусы женщин — горянок в семье и обществе. В силу ряда обстоятельств повышается статус женщины в ходе данного адаптивного процесса: женщины становятся самостоятельнее, оказываются более гибкими и мобильными, легче приспосабливаются к новым условиям жизни.

Е. А. Сорокина

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Молодые «новые шведы», горожане — некоторые вопросы интеграции

Современное шведское общество, принимая в свой состав новых членов, которые хотят жить в этой стране (учиться, участвовать в разнообразных социально-общественных процессах, создавать семьи и воспитывать детей и прочее) сталкивается с некоторыми новыми задачами и проблемами. Как известно, Швеция принимала и продолжает принимать довольно значительное число мигрантов (по сравнению с некоторыми другими европейскими странами) из различных регионов — Сирия, Ирак, Эритрея и Афганистан и другие страны, а прежде — Балканы. По прогнозу Государственного миграционного ведомства в этом году могут попросить убежища около 23 тыс. человек. На первый план для того, что мигранты могли стать полноценными членами шведского общества выходят практические задачи — создание материальных и социальных возможностей и обеспечения (что практически решается на общегосударственном или муниципальном уровне — в зависимости от типа задач) и задачи гуманитарного и культурного плана. Решение последних задач

во многом зависит от самих мигрантов — их желания и готовности обучаться языку, узнавать и принимать культуру, образ жизни, традиции и прочее, участвовать в общественной жизни и различных социальных мероприятиях, и, наконец, выходить на рынок труда и работать.

В таком контексте одной из важных задач становится практическое обучение молодежи (детей, подростков, школьников) шведскому языку. Это касается в первую очередь детей, для которых шведский язык не является родным. Отметим также, что речь идет как о тех детях, у кого один из родителей швед, а второй — вновь прибывший, *invandrade*, так и о тех, кто в качестве иммигрантов не так давно приехал. Дети имеют право как на обучение родному языку (язык, на котором говорят родители дома в семье с детьми), так и шведскому языку [2, с. 470]. В Швеции более 150 000 детей-школьников изучают родные языки (большая часть изучает арабский и дари) [3]. Школьные учителя должны иметь высшее образование, полученное именно в Швеции для преподавания какого-либо языка.

Потребности повседневной шведской жизни заставляют все активнее решать задачи обучения вновь прибывших шведскому языку. Отметим и неожиданный аспект того, что иммигранты имеют законодательное право на бесплатного лицензированного переводчика со своего родного языка на шведский язык. Очевидно, что для иммигрантов такого рода беспрепятственная возможность получить бесплатного переводчика совсем не способствует интенсивному изучению иммигрантами шведского языка. Переводчики на шведский язык в наши дни довольно востребованы в шведском обществе, что связано с немалым числом иммигрантов — новых шведов. Это касается целого ряда различных ситуаций и в том числе, касающихся, к примеру, преступлений против личности. В последнее время специалисты все чаще заявляют, что предоставление бесплатных переводчиков на шведский язык бесспорно обоснованно только для тех иммигрантов, которые относительно недавно прибыли в страну и еще не успели (не смогли) выучить шведский язык хотя бы в минимальных объемах.

В то же самое время, очевидно, что для тех иммигрантов, которые уже живут в стране длительное время и собираются проживать здесь и дальше и до сих пор не знают языка — нет возможности бесконечно предоставлять бесплатных переводчиков, т.к. это довольно дорогое удовольствие и усиливает нагрузку на бюджет. Специалисты считают, что решением такого рода коллизии должно стать овладение молодыми «новыми шведами» шведским языком в необходимом и достаточном объеме. Конечно, молодым людям проще изучить язык, чем представителем старших поколений. В таких случаях такая молодежь, достаточно хорошо интегрированная в социум, становится помощниками и переводчиками для старших родственников [1, с. 211].

Обращает внимание то, что попытки расширить и углубить обучение вновь прибывших шведскому языку воспринимаются далеко неоднозначно. Об этом свидетельствует опыт одного из муниципальных центров досуга (*fritidsgränd* в городе Гнеста (Gnеста) Сермланд), где дети и подростки проводят свободное от школы время. Там руководство, мотивируя тем, что данное правило поможет всем (и персоналу и детям) — понимать полностью друг друга — решило сделать шведский язык единственным языком общения в этом пространстве досуга. Кроме того, по мнению руководства центром, это может помочь молодым людям быстрее и лучше научиться шведскому языку, а значит и быстрее интегрироваться в общество. Однако высказывались мнения

и об «ущемлении» языковых прав вновь прибывших. Очевидно, что проблема языка всегда остается востребованной и острой, что связано с тем, что язык воспринимается как важнейший маркер самоидентификации.

Внимание привлекают и другие серьезные проблемы, связанные со шведской молодежью и молодыми иммигрантами. Среди такого рода проблем отметим, что по данным разного рода исследований (в первую очередь журналистских), определенное количество детей прямо или косвенно являются жертвами преступников в Швеции. Детей используют для сексуальных целей и попрошайничества. В основном эти дети прибыли главным образом, из Афганистана, Болгарии, Марокко, Нигерии, Румынии или уже находились в Швеции. Расследования таких ситуаций демонстрировали, что дети считались «под опекой» взрослого человека, который выдавал себя за родственника или «опекуна» данного ребенка. Как только социальные службы начинают проверять такого «опекуна» (*v tdnadshavare*), такие дети «исчезали».

Важным элементом для того, чтобы вновь прибывшие могли лучше «прижиться» в новом обществе стало введение заочного дистанционного обучения для медсестер, получивших образование в странах, не входящих в Евросоюз. Такая форма заочного обучения начинает действовать в этом году при Политехническом университете северного шведского города Лулео/*Lule tekniska universitet*. Эти медсестры смогут быстрее получить диплом/*legitimation* в Швеции. Несколько раз в семестр студенты приезжают в Лулео, а остальное время занимаются самостоятельно.

Одной из серьезных проблем, касающихся молодежи, является участие на рынке труда. По некоторым сведениям, лишь через пять лет жизни в Швеции находят только первую работу около 70% родившихся за пределами страны. Однако менее чем половине из них удастся закрепиться на шведском рынке труда. Шведские власти ищут разного рода варианты для вовлечения вновь прибывших на рынок труда. Для них шведские муниципалитеты готовят новые виды работ по так называемой «зеленой программе». Это включает такие работы как расчистка буреломов, лесных завалов, очистка прибрежных полос. Такого рода простые физические работы, помогут выйти официально зарегистрированным мигрантам на рынок труда, получить необходимый практический опыт работы. Проект финансируется шведским бюджетом, т.е. налогами, рассчитан на 3 года и на участие до 5 000 человек. Участники будут работать и одновременно учиться обращаться с различными инструментами и уходу за природой/*naturv rd*. Отработав год в проекте, участники проекта («новые шведы») получат документы на право пользования электропилами, цепными пилами, высоторезами и т.д. и их можно будет брать на работу в этих отраслях. (В Швеции необходимо иметь специальные удостоверения для обращения с такого рода инструментами).

Различные новые и уже действующие программы по интеграции вновь прибывших (и, конечно, молодежи) и привлечению на рынок труда помогут решить и социальные проблемы. Вместе с тем надо отметить, что процесс вовлечения на рынок труда идет чрезвычайно медленно, женщинам традиционно сложнее чем мужчинам найти работу. Также требует решения и такая давно обозначенная, но нерешенная проблема как низкий уровень зарплаты вновь прибывших. Зачастую люди находят работу в маленьких фирмах сектора обслуживания с низкими зарплатами, а не в промышленности, как это было раньше.

Литература

1. Плевако Н. С., Чернышева О. В. *Можно ли стать шведом. М., 2011.*

2. Сорокина Е. А. Школьное образование в Швеции в современных условиях//Сб. Очерки о европейской идентичности и многокультурности/под ред М. Ю. Мартыновой. М., 2013.

3. Nationella minoriteterna-Stockholm, 2011.

В. В. Галиндабаева

г. Санкт-Петербург, Социологический институт филиал ФНИСЦ РАН

Стратегии выстраивания этнической идентичности в городе: феномен метисов Улан-Удэ

Слова «метис» и «креол» стали использовать в отношении смешанного населения в разных частях мира во времена колониальной экспансии [2, с. 19]. В Бурятии слово «метис» стало использоваться широко только со второй половины XX века. Понятие «метис» было привнесено в городскую среду Улан-Удэ в ходе советской модернизации.

До революции на уровне повседневного языка использовались слова «карымыватый» или «брацковатый». Однако научный дискурс конца XIX века широко использовал термин «метис» для описания населения Восточной Сибири. Именно во второй половине XIX в. раса и расовая теория прочно вошли в язык российской антропологии и этнографии [4]. С точки зрения ученых того времени русское население Забайкалья, как и других частей Восточной Сибири, метисировалось с инородческим и этот процесс происходил постоянно. «Брацковатый» тип населения чисто русских сел и деревень подтверждал их выводы [7, с. 175]. Дело в том, что правительство, желая решить проблему недостатка «жонок» для служилых людей в Сибири, выпустило несколько особых постановлений, которые регулировали церковные браки русских служилых людей с крещеными инородческими женщинами [6, с. 425–428].

Таким образом, с точки зрения физической антропологии большая часть русского населения Забайкалья была подвергнута «обынородчиванию» или ассимиляции со стороны инородцев, что проявлялось в его фенотипе, манере и образе жизни. Метисации были подвергнуты представители всех сословий, особенно казачье, однако, только группа карымыв была маркирована как смешанная на уровне локальном.

В советский период слово «метис» переходит из научного дискурса в повседневный дискурс населения города Улан-Удэ. Метисами стали называть потомков от русско-бурятских браков независимо от их религиозной и классовой принадлежности. Актуализация данного понятия в повседневности тесно связана с национальной политикой Советского Союза.

В рамках национальной политики советское государство отстаивало права не только пролетариата, но и больших этнических групп, институционализации которых способствовала все та же советская политика выделения национальных территорий и коренизации бюрократического аппарата и интеллигенции республик. СССР было первым государством, которое институционализировало этнотерриториальный федерализм, классифицировало всех своих граждан по биологическому происхождению и официально предписывало привилегированный режим для определенных этнических групп [5, с. 329–330]. Так, соблюдая принцип «национальное по форме, социали-

стическое по содержанию», бурятская социалистическая нация получила собственное государственное образование (Бурятскую АССР), систему квот, бурятскую политическую и интеллектуальную элиту, литературный язык (который половина бурятского населения не понимает).

Население республики стало делиться на «коренное» — бурят, эвенков, и «пришлое» — русских, украинцев, татар и других. Как замечает Ю. Слезкин, определение национальной группы в каждом конкретном случае требовало от этнографов определение главного индикатора, в роли которого могли выступать религия, культура, быт и т. п. Однако в Сибири вспомогательным критерием к выше указанным иногда относили и физический «расовый» или «соматический» тип [5, с. 343].

Наше исследование показывает, что в ходе советской модернизации, которая во многом способствовала унификации стили жизни населения в Бурятии, расовые признаки становятся важными индикаторами этнической принадлежности в регионе и организующим принципом границ между двумя самыми большим этническим группами республики — русскими и бурятами. Формирование группы метисов служит ярким доказательством этого.

По данным переписи 2010 г. 313 жителей Бурятии в качестве национальной принадлежности указали, что они метисы [1]. Однако, также как и «карымы», «метисы» не видимы для государства, а категория эта приобретает значение в первую очередь в ситуации социального взаимодействия.

Актуализация идентичности «метисов» проходит в процессе взаимодействия с «чистыми» представителями «этносов», по мнению которых они являются «смешанными»: «Где-то с пяти лет меня стали спрашивать, почему я не похожа на маму: сама черненькая, глаза темные. Говорил, глаза лучше с мылом мой и т. п. Я говорю, у меня папа бурят. Говорят, нет, ты что-то совсем на бурятку не похожа, ты похожа на узбечку, или на татарку, или там еще на кого...» (Женщина, 32 г.). Кроме интервью, такие же высказывания можно встретить в обсуждениях группы «Мы-Метисы!», которую основал уроженец Улан-Удэ, и в которой из 2000 человек 200 человек проживает в Бурятии и Иркутске: «а меня везде за «несвою» принимают! в Монголии, пока училась — за русскую. в Москве, Новосибе, Иркутске — за буряточку, в Бурятии — метиской считают!» [3]. Таким образом, фенотип стал важным культурным признаком принадлежности к этнической группе, так как в первую очередь, категоризация происходит по расовым признакам, а потом уже по религиозному или иному другому.

В условиях, когда идентичность постоянно становится под сомнение со стороны окружающих, те, кого называют «метисами» выбирают различные стратегии выстраивания своей этничности: 1. выбирают одну этническую идентичность; 2. идентичность выбирают по ситуации; 3. переходят к общегражданской идентичности «русский» — «россиянин».

Литература

1. Басаев С. Бурят меньше, чем якутов, но больше, чем сибиряков (16.01.2012)//Сайт газеты «Новая Бурятия» <http://www.newbur.ru/articles/5911> (сайт посещен 12.08.2013)

2. Вахтин Н. Головкин Е. Швайтцер П. Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.

3. Группа «Мы — Метисы!» на сайте «ВКонтакте», обсуждение «Ты кто по национальности?»//http://vk.com/topic-313734_344554 (сайт посещен 10.08.2013)

4. Могильнер М. Ното Imperii: История физической антропологии в России (конец 19 — начало 20 века). М.: НЛО, 2008.

5. Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность//Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: Антология/Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 329–374.

6. Шапов П. А. Этнографическая организация русского населения//Сочинения А. П. Шапова в 3 т. Т. 2. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова.

7. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: Изд. Н. М. Сибирякова, 1891.

Тезисы доклада подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Метисные сообщества как культурные посредники в межэтнических отношениях (на примере карымов и метисов Бурятии)» № 17–33–01151

Научное издание

**Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных
процессах российской урбанизации XIV—XXI веков**

Материалы Одиннадцатой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории и Института
этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

4–7 октября 2018 года, Нижний Новгород

Том 2

Тексты статей печатаются в авторской редакции

Утверждено к печати

*Ученым Советом Института этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Ответственные редакторы

Н. А. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина.

Дизайн обложки

Е. В. Орлова

Подписано в печать 9.08.2018. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 35,0. Тираж 200 экз. Заказ

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32а